

СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 1(73), 2026

*Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал
включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, Т.Г. Попова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Молнар Ангелика. Параллели видов охот в романе «Анна Каренина»</i>	5
<i>Прохоров Г.С., Капырина Т.А. Воспоминание в полемическом мемуарном повествовании: диегезис vs. ситуация рассказывания</i>	14
<i>Усанова И.А. Семантические доминанты поэзии Р.П. Ругина (опыт квантитативного анализа)</i>	27
<i>Владимиров О.Н. Повесть К. Сергиенко «Бородинское пробуждение» в контексте творчества писателя</i>	47
<i>Скоропанова И.С. Новые жанровые образования в русской модернистской поэзии</i>	58
<i>Сяобай Ли. Сопоставительный анализ русских и китайских неологизмов в экономической сфере</i>	76
<i>Сибирцева В.Г. Влияние «Потерянного рая» Дж. Мильтона на творчество И.Я. Бодмера и Ф.Г. Клопштока</i>	90
<i>Рябенков И.В. По лезвию сатиры: коммуникативные провалы с немецким акцентом (на примере жанра <i>Büttenrede</i> во время «пятого времени года»)</i> .	100
<i>Шерина Д.О. Коммуникативная аттракция как прагматический базис позитивного речевого общения (на материале немецкого языка)</i>	110
<i>Растарасова Е.К. Конверсивные рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте</i>	124
<i>Лучкина Е.В. Категория эмотивности в романах Д.Г. Лоуренса: сопоставительный аспект</i>	140
<i>Чихачева Д.В. «Драгоценные» метафоры Уоллеса Стивенса: стилеметрический анализ</i>	153

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ивонина Л.И. Война и мир в сочинениях Вольтера</i>	164
<i>Калашиников А.В. Кровавый 1868-й: террор кланистского движения в южных штатах США в канун президентских выборов</i>	177
<i>Цветков Д.В. Дипломатические отношения между Австро-Венгрией и Болгарией в 1908–1918 годах</i>	196
<i>Кривуть В.И. Прометеистская публицистика В. Вакара на страницах журнала «Союз»</i>	209
<i>Бабич И.Л., Бабич Т.Л., Кузьмин В.В. Дореволюционное купечество в период новой экономической политики в 1920-е годы (на примере семьи Карасевых)</i>	222

<i>Крошкин А.В.</i> Бежецкое духовное училище Тверской епархии в условиях реформы 1808–1814 годов	234
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Ивонина Л.И.</i> Для мира и процветания	248
--	-----

Сведения об авторах	253
----------------------------------	-----

Ангелика Молнар

Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-5-14

ПАРАЛЛЕЛИ ВИДОВ ОХОТ В РОМАНЕ «АННА КАРЕНИНА»

Ключевые слова: *Лев Толстой; «Анна Каренина»; параллелизмы; охота; скачки.*

В статье кратко рассматриваются виды охот во второй части романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Анализ осуществляется путем выявления соответствующих мотивов. Проведенное на основе такого подхода исследование опирается, в частности, на методику дискурсивной поэтики. В ходе сопоставления ключевых сцен романа, которые имеют явные внутритекстовые переключки (как, например, «преследование» Анны, скачки Вронского и охота Левина на вальдишнепов), с одной стороны, выясняется, что они связаны как с метафорическим соотношением различных образов птиц и животных, так и со словом; с другой – раскрываются в этом плане и прочие сходные черты. Полученные выводы составляют ряд новых смыслов в поэтическом тексте, не выявленных раньше в таком контексте в критической литературе. Следовательно, цель представления обших компонентов толстовского романа состоит в том, чтобы дополнить интерпретацию произведения, предлагая новые наблюдения и сближения, а также собственное истолкование широко известных моментов. А результаты исследования, представленные в настоящей статье, могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности, связанной с изучением творчества Л.Н. Толстого, а также применимы в любом анализе, направленном на раскрытие параллелей.

Ясно, что в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» композиция строится на постоянном чередовании линий Анны и Левина, а эпизоды охоты и скачек становятся не только центральными сюжетными узлами, но и местом концентрации смыслов, раскрывающих как психологию героев, так и глубинную поэтическую структуру произведения в целом.

В критической литературе, посвященной роману, в основном уделяется внимание общественным, философским и нравственным аспектам произведения, однако в последние десятилетия все сильнее делается акцент и на поэтических средствах, с помощью которых раскрываются его ключевые темы. Несмотря на то, что сцены охоты и скачек не всегда становятся предметом отдельного анализа, они оказываются значимыми в контексте целого ряда исследований, посвященных поэтическим вопросам.

К примеру, С. В. Аксенов показывает, как «Анна Каренина» трансформировалась в культурный миф, переосмысляемый в литературе, театре и кино XX–XXI веков, и в этом важную роль играли такие сцены, как избивание Вронским загнанной им лошади [Аксенов, 2010]. В. Г. Андреева обращается к образной системе символов романа, которые, по ее мнению, выполняют эмблематическую функцию, и именно в этом плане она уделяет внимание животным и охотничьим мотивам [Андреева, 2010]. Останавливаясь, в частности, на этих моментах, Э. Г. Бабаев определяет произведение как нравственно-философский роман, который в то же время составлен из поэтических сцен [Бабаев, 1978]. Исследуя исторический и культурный контекст красносельских скачек, П. В. Басинский по-новому интерпретирует сцену: как предвестие катастрофы не только для главной героини и ее любовника, но и для ее мужа [Басинский, 2022].

Согласно В.Е. Ветловской, через повторяющиеся мотивы и внутренние зеркальные структуры романа выстраивается сложная система перекрестных смыслов, особенно на стыке сюжетных линий [Ветловская, 1979]. Исследовательница замечает внутреннюю переключку и между скачками и охотой, однако ее наблюдения можно дополнить. А.В. Десятникова обращается не к мотивной, а к нарративной композиции и сюжетным циклам романа, показывая, как отдельные сцены образуют эпизоды и играют важную роль в организации повествования, даже могут стать маркерами трансформаций и внутренних переходов героев [Десятникова, 2015]. Это положение особенно верно в отношении фрагментов о животном преследовании и перегоне.

В связи с французским именем лошади Фру-Фру стоит отметить, что Е.А. Завершинская раскрывает «французское пространство» романа, в контексте которого образ животного, страдающего из-за ошибки всадника, можно воспринимать как отражение судьбы главной героини [Завершинская 2009]. Аналогичный анализу образной мотивики подход демонстрирует Б. Леннkvист, которая акцентирует внимание также на французской речи, символизирующей отрыв от русской почвы, отчуждение, искусственность и моральную разобщенность персонажей, но скачки и охота в строгом смысле не входят в фокус ее внимания [Леннkvист, 2010]. Выделяемые исследовательницей моменты, с нашей точки зрения, важны потому, что в них действие и аффект разрушительно вторгаются в живую жизнь.

Рассматривая роман в своих лекциях, В.В. Набоков указывает на функцию деталей и метафоричности прозы Л.Н. Толстого [Набоков, 1999]. Мы выделяем сцены с животными как выдающиеся примеры передачи писателем в деталях психологического состояния персонажей и создания новых поэтических соотношений. Сходную с нашей точку зрения развивает К.А. Нагина, которая в статье о зооморфных двойниках героев рассматривает лошадь Фру-Фру как символический аналог Анны: красивая, гордая, но сломленная из-за ошибки «всадника», олицетворяет телесную крепкость, вместе уязвимость и обреченность [Нагина, 2018]. Также подчеркивается, что и другие животные образы (например, птицы) используются в сравнениях у Л.Н. Толстого. Мы со своей стороны можем добавить еще несколько подобных сближений, которые не только усиливают стилистическую экспрессивность, но и создают необычные поэтические связи в тексте, в частности со «словом».

Наконец, с точки зрения передачи напряженности следует упомянуть вид анализа В.Б. Шкловского, применяемый им в исследовании сюжетного построения и смещения фокуса в романе [Шкловский, 1966], а также подход к роману Б. М. Эйхенбаума, который видит в нем развитие новой реалистической и психологической прозы [Эйхенбаум, 2009]. Мы же придерживаемся предложенного Арпадом Ковачем дискурсивного метода исследования текста и образов героев. Он демонстрирует через призму харизмы, что физическое напряжение и телесные жесты в романе Л.Н. Толстого выражают личный и общий кризис жизни [Kovács, 2020].

Итак, разные сцены (и эпизоды) в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» были рассмотрены в толстоведении многократно и каждый раз под новым углом зрения. На наш взгляд, следует обратиться к ним как в плане их общего сопоставления, так и в отношении их сопоставления с другими фрагментами романа, которые явно содержат внутритекстовые параллели с ними.

Рассмотрим сначала связь мотивов со «словом». Она раскрывается в «преследовании» заглавной героини. После поездки Анны Карениной в Москву светский разговор в петербургском салоне Бетси Тверской «приятен» для присутствующих, поскольку есть кого «осуждать», то есть злословить, судить, не имея на то никакого права. Даже друзья и приятели предают своих, в данном случае – супругов Карениных. Анна и в этом кругу определяется как «странная» («В ней есть что-то странное» [Толстой, 1934, 143]), которую «тень» Вронского повсюду преследует. Эти названия прочно присваиваются их носителям, несмотря на то что по правилам лицемерного светского общества женщина может иметь любовника («тень»). Вместе с тем предвещается и «дурная кончина» такой женщины в смысле сломиения ее жизни. Только княгиня Мягкая встает на защиту Анны, утверждая, что она не виновата в том, что «славная, милая» и «все влюблены в нее и как тени ходят за ней» [Толстой, 1934, 144]. Эти слова-определения созвучны с именем заглавной героини и, следовательно, с ее амбивалентным образом

(она и охотница / хищница – жестокая, непреклонная, странная, и жертва / добыча – милая, прекрасная, славная). В речи собеседников о «двойнике» Анны обозначение акта действия Вронского также заимствовано из охотничьего словаря: преследование, которое теперь направлено на Анну и означает для нее весь смысл, «интерес ее жизни» – любовь [Толстой, 1934, 135].

Бетси выступает в развитии отношений любовников как медиатор, что также принято в ее светском мире. Она выполняет функцию сводницы и находит «особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти» [Толстой, 1934, 136]. Однако эта роль понимается здесь как дьявольская, о чем свидетельствуют нарраторские уточнения: в глазах героини «бегали огоньки» [Толстой, 1934, 136]. Кроме того, употребление слова «следование» относится и к охоте. Соответственно, героиня так же является «охотницей» за страстью, как и Вронский, которого она считает «пойманным» Анной. Раньше же он казался подвластным, «покорным» Анне, напоминал даже легавую собаку, в чем она находила доказательство его искренней любви. Добавим в этой связи, что статусы главных героев как охотника и добычи постоянно меняются. Так, например, во время их первого телесного сближения подчеркивается властный, зверский характер мужчины: он словно убивает и терзает тело женщины. Постоянно подчеркивается, что зубы героя являются «сплошными», то есть полными, без дыр в ряду, и непременно крепкими, как у животных. На охотничью фигуру героя намекают и повествовательные замечания, связанные, в частности, с указаниями на оглядывание им обнаженного женского тела либо просто взгляд через него (см. через «обнаженное плечо» Бетси [Толстой, 1934, 136]). В конце их любовных отношений Вронского уже возмущает даже частичное оголение тела Анны перед светской публикой. Это может свидетельствовать о его ревности, однако Анна, которая теперь желает отомстить ему за холодность и снова возбудить его страстные чувства, видит в нем лишь досаду за ее поведение.

Если рассмотреть более тщательно изображение как охоты, так и скачек, то бросается в глаза параллелизм между подобными актами действий и образами героев. Это подтверждается и тем, что Л.Н. Толстой метафоризирует разрушение жизни заглавной героини (и ее мужских пар) посредством убийства животных и птиц. О Левине пойдет речь ниже, а пока обратимся к Вронскому. Он любит лошадей, как женщин, и называется «страстным охотником» именно в этом ключе: он «страстно... увлечен... скачками» [Толстой, 1934, 184]. Его английская кровная кобыла Фру-Фру олицетворяет его галло- и англоманство. Не только посредством ее имени, но даже во французском водевиле, по которому она названа, а также в том, который смотрел Вронский, и в «скверной» любовной истории, рассказываемой им Бетси, встречается слово «преследование», что может указать на то, что в них не только сильно сниженно воспроизводится история героя, но и обесценивается трагедия и лошади, и Анны.

Образ птицы традиционно связан с лошадей в силу особой скорости («крылатости») последней. По части тела птицы называются и крылья седла. В романе Л.Н. Толстого, согласно повествовательным сравнениям, Фру-Фру летает, как птица (см. она «наддала», «взвилась», «перенесла» [Толстой, 1934, 209]). Нежные чувства героя к лошади представляются такими же, как к Анне, особенно тогда, когда кобыла канаву «перелетела», «как птица» [Толстой, 1934, 210], однако потом Вронский не поддается гармонично ее движению и слишком рано садится обратно на седло, сломав ей спину. В тексте романа этот момент обозначается выражениями «ужаса» точно так же, как в случае первого овладения героя Анной. Напомним, в тот раз, несмотря на нежность к ней, он на самом деле делает подобное же «скверное, непростительное движение», как с Фру-Фру, однако именно женщина просит в ответ у него прощения. При буквальном падении Вронского с лошади всех также охватывает ужас, однако только потерянности Анны кажется ее мужу совсем «неприличной» [Толстой, 1934, 223]. Ее рыдание передает подобное лошади содрогание, а Каренин, загородив собой, поспешно скрывает ее, чтобы другие люди не видели ее расстройство. Так признаки пернатых и копытных животных переносятся на акт действия героини: она бьется, как «пойманная птица» [Толстой, 1934, 221] (ср. теперь именно она «поймана», добыча), и так же пытается встать, как падшая лошадь.

Фру-Фру же «затрепыхалась... как подстреленная птица» [Толстой, 1934, 210] (добавим: на охоте), ее движение, биение сравнивается и с «рыбкой». Вронский тянет лошадь за повод и даже ударяет ее в живот. В тексте романа здесь вновь приводится слово «страсть», причем как уродующее чувство: «с изуродованным страстью лицом» [Толстой, 1934, 210]. О дикости героя свидетельствует и его крепкая «трясущаяся нижняя челюсть», которая и в других случаях указывает на злость героя. Вронский только позже осознает, что натворил: и свою лошадь погубил, и себя сделал несчастным. За свой постыдный поступок он испытывает угрызения совести: это надолго было «самым тяжелым и мучительным воспоминанием в его жизни» [Толстой, 1934, 211]. Отметим, что то же самое происходит в нем и в связи с его подобным поступком – овладением Анной, затем охлаждением к ней. Это подтверждают не только авторские замечания, но и представления слов и мыслей героя. Фонограмматические повторы сегментов следующих слов можно отнести к имени и образу Анны: «проигранная скачка! И своя вина, постыдная, непростительная! И эта несчастная, милая, погубленная лошадь!» [Толстой, 1934, 211]. Более того, можно провести параллели между героиней и животным и по другим признакам: у Фру-Фру такой же «преlestный глаз» и «говорящий взгляд» [Толстой, 1934, 211], как у Анны, особенно когда они не понимают агрессию Вронского.

Итак, преследование Анны Вронским напоминает охоту, а скачки становятся выражением как сломя, так и убийства женских существ. Рассмотрим теперь, в каком плане сопоставляются любовные отношения и тяга в романе. Эти эпизоды следуют друг за другом по порядку, и наблюдается некое сходство альтер-эго Л.Н. Толстого Левина с другими главными героями романа наряду с их действиями. Кроме того, природа и животные соотносятся с человеческим миром в многочисленных параллелях и метафорах.

Левин захочет выстрелить в вальдшнепов, вспугнув двух уток при проверке роста посеянного клевера. Место тяги в мелком осиннике так же представлено и по виду, и по звуку, как и скачки: «Слышно и видно, как трава растет!» Осина трясется (словно лошадь), а березки почти расцветают: «рисовались своими висющими ветвями с надутыми, готовыми лопнуть почками» [Толстой, 1934, 172], подобно тому как душа Левина постепенно оправляется от потрясения или как во чреве Анны зарождается новая жизнь. Несмотря на закат солнца, ястреб «пролетел высоко», птицы все оживленнее поют, «все громче и хлопотливее щебетали», однако кукушка теряет свой голос («запуталась»), а конек ржет «как будто тонким голосом, шалая» [Толстой, 1934, 172]. В описании тяги опять приводятся аудиовизуальные мотивы: «близкие звуки хорканья, похожие на равномерное наддирание тугой ткани, раздались над самым ухом; уже виден был длинный нос и шея птицы» [Толстой, 1934, 173]. Мысли и чувства собаки Левина также озвучиваются, будто нарратор умеет передавать их. Ласке нравится охота, доставляя ей удовольствие, и она, «как бы улыбаясь, подносила убитую птицу к хозяину» [Толстой, 1934, 173]. Так и само убийство пернатых называется «прекрасным» делом и передается в женском роде: «Тяга была прекрасная» [Толстой, 1934, 173] – слова, которые в другом контексте переносятся и на образ Анны. А в таких утверждениях наблюдается сближение ужасного и красоты, жизни и смерти – концепты, которые обобщаются образом главной героини.

Презентация убийств во время охоты имеет существенное сходство также с детализацией побегов, поскольку акт действия охотника и добычи явно повторяет то же действие всадника и лошади на скачках. Например, охота соотносится с самим образом птиц и метафоризируется разными видами и значениями огня: «блеснула красная молния; птица, как стрела, спустилась и взмыла опять кверху. Опять блеснула молния, и послышался удар; и, трепля крыльями, как бы стараясь удержаться на воздухе, птица остановилась, постояла мгновение и тяжело шлепнулась о топкую землю» [Толстой, 1934, 173]. Фру-Фру буквально так же падает с ног (см. выше), причиной удара же является Вронский, которым движет желание показаться победителем и перед царской семьей, и перед Карениными. Его же подспудно смущает беременность Анны.

Более того, охота в переносном смысле выражает и старания Левина быть удачливым в отношении Кити. Это в первый раз не получается, но во

второй раз увенчается успехом. Охота на вальдшнепов проводится в контексте беседы однолюбца Левина и любвеобильного Стивы о любовных отношениях – так снова связывается слово и дело. Облонский успешно стреляет в птиц, а Левин завидует ему до того момента, пока сам не начнет попадать в них. Потом он будто охотится и на созвездие Медведицы, как на птиц (см. параллели, создаваемые посредством общих мотивов акта действия и огня: «ловил и терял звезды Медведицы», Венера низко сияла, высоко «переливался своими красными огнями мрачный Арктурус» [Толстой, 1934, 173]), и, будто невзначай, спрашивает Стиву, как развиваются отношения Кити и Вронского.

Беседу героев перебивает как взлет еще одной птицы, так и приведенные вновь мысли собаки Ласки о необходимости людям концентрироваться скорее на охоте, а не на личных вопросах. Охотники вместе подстреливают птицу, после того как звучат слова Стивы о болезни Кити: «оба вдруг услышали пронзительный свист», и «вальдшнеп мгновенно сложил крылья и упал в чашу, пригибая тонкие побеги» [Толстой, 1934, 173]. Таким образом, даже дословно можно связать события тяги и скачек, а если включить и разговоры, то получается, что охотятся как раз не те мужчины, которые ответственны за «большое», словно «подстреленное», состояние Кити, а на скачках – за смерть лошади, затем Анны. Вместе с тем все наши наблюдения относятся и к ним. К примеру, услышав новость, Левин злорадствует, будто он сам является вальдшнепом, которого Кити глубоко ранила, а он в качестве охотника наносит ей ответный удар, рану, причиняет ей боль. Отметим, что Левин так же чувствует «хмель» [Толстой, 1934, 179], опьянение от известия о все еще девичьем положении Кити, как Анна от первого бального танца с Вронским, во время которого она чувствует успех в любви, а надежда Кити на свою удачу не оправдывается. Левин уверен в том, что свадьба не состоялась и его возлюбленная заболела лишь из-за отказа Вронского. И удачливый охотник с «полным почти ягдташом» только позже выясняет, что и в этом деле не стоит завидовать другому мужчине, так как у него самого остались шансы на победу, на счастливую концовку дела.

Не забегая, однако, вперед, мы остановимся пока на финале данного эпизода. После охоты Стива такой же свежий и нежный, как и мыло, «произведение искусства», которым он моется. Теперь со звездами сравниваются светящиеся, «масляные... глаза» этого героя. Почистив себя от охотничьей грязи, он утверждает, что Левин испугался высокого общественного статуса соперника. Однако на самом деле тот испытывает боль из-за «оскорбления» от отказа Кити, то есть обиды, которая снова «свежую, только что полученную раной» жжет его «в сердце», словно огонь [Толстой, 1934, 181]. Так в переносном смысле свежесть переносится и на рану Левина. Чтобы замять волнение, он оскорбляет родителей Вронского, высказывая правду о том, что его отец нажил свое богатство нечестно, а мать имела множество любовных связей. Такое «сердитое» оживление Левина

нравится Стиве, видимо, потому, что при этом он ощущает в своем друге все еще непогасшее чувство (огонь) (см. «сердце» – «сердитое»). Правда, повествователь дальше не детализует настоящие мысли героя, уезжающего с тяги на железнодорожную станцию.

А мы напоследок выделим еще один метафорический смысл охоты, которым она обогащается в романе Л.Н. Толстого. Стива любит употреблять необычные слова, несвойственные литературному языку света. Сказав деревенское слово «не обидной лес» [Толстой, 1934, 175], Стива объясняет им неумелую, неудачную, ниже реальной стоимости, продажу леса его жены. В тексте романа здесь можно заметить переносную связь с «обидой» Левина. При этом Левин мысленно разоблачает привычку своего друга, показывая неуместность употребления слова в несоответствующем контексте либо в неправильном значении. Когда он вмешивается в дело торга, образ покупателя Рябинина наделяется признаками хищной птицы («ястребиное, хищное и жесткое выражение» на лице, быстрые костлявые пальцы [Толстой, 1934, 178]), а испугавшийся Стива ссылается на данное им слово. Фамилия «Облонский» здесь фонограмматически рифмуется с фразой «ска- зал... я слово дал» [Толстой, 1934, 178].

Так, рассмотрев вкратце параллели видов охот во второй части романа «Анна Каренина», можно прийти к выводу, что они содержат ряд нераскрытых до сих пор новых смыслов, среди которых главный: охота как слово, тесно связанное с преследованием, побегом и убийством.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов С.В. Анна Каренина. После Толстого // Знамя. 2010. № 2. С. 200–208.
- Андреева В.Г. Символика в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник КГУ. 2010. № 4. С. 88–92.
- Бабаев Э.Г. Анна Каренина Л.Н. Толстого. М.: Худож. лит., 1978. 160 с.
- Басинский П.В. Подлинная история Анны Карениной. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2022. 384 с.
- Ветловская В.Е. Поэтика «Анны Карениной» (система неоднозначных мотивов) // Русская литература. 1979. № 4. С. 17–37.
- Десятникова А.В. Композиция повествования и сюжетно-повествовательные циклы в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого // Русская словесность. 2015. № 5. С. 41–52.
- Завершинская Е.А. Французское пространство в романе Л. Толстого «Анна Каренина» // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4. С. 46–49.
- Леннkvист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 128 с.
- Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1999. 440 с.
- Нагина К.А. Зооморфные двойники героев Л.Н. Толстого // Вестник Воронежского государственного университета. 2018. № 1. С. 32–36.
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 18. М.: Худож. лит., 1934. 571 с.
- Шкловский В.Б. Повести о прозе. Т. 1–2. М.: Худож. лит., 1966. 335 с.
- Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. СПб.: СПбГУ, 2009. 952 с.
- Kovács Á. Test és karizma az «Anna Karenina» című regényben // Szenvedély, Formák, Vallomások. Pozsony: Kalligram, 2020. P. 160–176.

Angelika Molnar

*PhD in Philology, Doctor, Associate professor,
Institute of Slavistics,
University of Debrecen
Debrecen, Hungary*

Parallels of Types of Hunting in the Novel «Anna Karenina»

The article briefly discusses the types of hunting in the second chapter of Leo Tolstoy's novel «Anna Karenina». The analysis is carried out by identifying the relevant motifs. The research carried out on the basis of this approach is based, in particular, on the methodology of discursive poetics. In the course of comparing the key scenes of the novel, which clearly have intra-textual echoes (such as Anna's «pursuit», Vronsky's horse races and Levin's craving for woodcocks), on the one hand, it turns out that hunting is connected both with the metaphorical correlation of various images of birds and animals with and the word; and on the other hand, other poetic similarities are revealed in this regard. The conclusions obtained constitute a number of revealed new meanings in the poetic text, previously unnoticed in this context in critical literature. Thus, the purpose of presenting the general components of Tolstoy's novel is to complement the interpretation of the work by offering new observations and connections, as well as one's own interpretation of widely known moments. And the results of the study conducted in this article can be used in research activities related to the study of Leo Tolstoy's work, and can also be applied in any analysis aimed at revealing parallels.

Keywords: Leo Tolstoy; «Anna Karenina»; parallelisms; hunting; horse racing.

REFERENCES

- Aksyonov S.V. Anna Karenina. After Tolstoy. [Posle Tolstogo]. *Znamya*, 2010. No. 2. Pp. 200–208 (in Russian).
- Andreeva V.G. Symbolism in Leo Tolstoy's Novel «Anna Karenina». [Simvolika v romane L.N. Tolstogo «Anna Karenina»]. *Issues of KGU*, 2010. No. 4. Pp. 88–92 (in Russian).
- Babaev E.G. L.N. Tolstoy's Anna Karenina [Anna Karenina L.N. Tolstogo]. Moscow: Hudozh. lit., 1978. 160 p. (in Russian).
- Basinsky P.V. Genuine History of Anna Karenina. [Podlinnaya istoriya Anni Kareninoy]. Moscow: AST, editor Elena Shubina, 2022. 384 p. (in Russian).
- Desyatnikova A.V. Composition of Narration and Plot and Narrative Cycles in the Novel «Anna Karenina» by L.N. Tolstoy [Kompozitsiya povestvovaniya i sjuzhetno-povestvovatel'nie cikly v romane «Anna Karenina» L. N. Tolstogo]. *Russian Literature*, 2015. No. 5. Pp. 41–52 (in Russian).
- Eichenbaum B.M. Works about Leo Tolstoy [Raboty o L've Tolstom]. Saint-Petersburg: SpbGU, 2009. 952 p. (in Russian).
- Kovacs Arpad. Body and charisma in the novel «Anna Karenina» [Test és karizma az «Anna Karenina» című regényben]. *Passion, Forms, Confessions*. Pozsony: Kalligram, 2020. Pp. 160–176 (in Hungarian).

Lönnqvist B. Journey into the depths of the novel. Leo Tolstoy: Anna Karenina. [Puteshestvie vglub' romana. Lev Tolstoy: Anna Karenina]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2010. 128 p. (In Russian).

Nabokov V.V. Lectures on Russian Literature. [Lekcii po russkoj literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta, 1996. 128 p. (in Russian).

Nagina K.A. Zoomorphic Doubles of the Heroes of L.N. Tolstoy [Zoomorfnye dvojniki geroev L.N. Tolstogo]. *Issues of Voronezh State University*, 2018. No. 1. Pp. 32–36 (in Russian).

Shklovsky V.B. Tales of prose. Vols.1–2 [Povesti o proze. T.1–2]. Moscow: Khudozh. lit., 1966. 335 p. (in Russian).

Tolstoy L.N. Complete works of in 90 vols. Vols. 18–20 [Poln. sobr. soch. v 90 tt. T. 18]. Moscow: Khudozh. lit., 1934. 571 p. (in Russian).

Vetlovskaya V.E. Poetics of «Anna Karenina» (System of Ambiguous Motives) [Poetika «Anni Kareninoy» (Sistema neodnoznachnyh motivov)]. *Russian Literature*, 1979. No. 4. Pp. 17–37 (in Russian).

Zavershinskaya E.A. The French Space in Leo Tolstoy's Novel «Anna Karenina» [Francuzskoe prostranstvo v romane L. Tolstogo «Anna Karenina»]. *Siberian philological journal*, 2009. No. 4. pp. 46–49 (in Russian).

Г.С. Прохоров

*Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Россия*

Т.А. Капырина

*Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Россия*

УДК 82(09)+81(09)

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-14-27

ВОСПОМИНАНИЕ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ МЕМУАРНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ: ДИЕГЕЗИС VS. СИТУАЦИЯ РАССКАЗЫВАНИЯ

Ключевые слова: *воспоминание; публицистика выкрестов; диегезис; ситуация рассказывания; амбивалентность воспоминания; прагматика и эстетика; полемическая мемуаристика.*

В центре статьи – анализ жанровых и риторических особенностей воспоминаний, важной части полемической публицистики. На материале миссионерских текстов А. Алексеева и о. Нафанаила Кузнецкого (крещеных евреев Российской империи XIX века) мы показываем амбивалентную природу воспоминаний – одновременно рассказа о прошлом и средства аргументации. Мы показываем, как в воспоминаниях сочетаются элементы публицистического и эстетического завершений и исследуем напряжение между диегезисом (изображенным событием) и ситуацией рассказывания

(публицистической задачей текста). Публицистам, конечно, не свойственна внежизненно активная позиция, но авторы воспоминаний эпизодически достигают такого ракурса, чтобы изобразить и осмыслить ушедшие моменты диегезиса в их символической цельности. Возникает конфликт эстетического и прагматического слоев, что выражается несколькими типологическими моделями: а) автоцензура подчиняет диегезис публицистическому заданию (прагматике); б) наивное повествование подчиняет рассказ установкам из диегезиса; в) формируется напряженный баланс установок диегезиса и рассказа, что ведет к множественности конкурирующих эстетических завершений воспоминания. Различие стратегий нарративного построения воспоминаний – от наивного повествования до прагматической цензуры – демонстрирует сложность этого вставного жанра в полемическом публицистическом тексте, равно как и многогранность зоны контакта эстетики и прагматики.

Амбивалентная природа воспоминания: риторическое, эстетическое, фактическое. С XIX столетия воспоминания – весомая часть культуры [Савинков, 2008, 118–119], такие тексты переводят личный жизненный опыт в коллективную память. Когда исследователи обращаются к воспоминаниям, то в фокусе – рефлексия мемуаристом исторических событий, личного участия в них. Как указывает Л.Ф. Луцевич, «...разнообразные эго-материалы дают представление о личности автора, подробностях его жизни и окружения, сиюминутных и ретроспективных самооценках, свидетельствуют о ходе и обстоятельствах создания и публикации тех или иных произведений, знакомят непосредственно с творческой лабораторией писателя, с его восприятием современной политической, социальной, литературной жизни. Именно поэтому эго-документы чаще всего рассматривались и рассматриваются с историко-литературной точки зрения, и их значение, действительно, трудно переоценить как для изучения биографии и творчества писателей, так и для уяснения социально-бытовых реалий соответствующей эпохи» [Луцевич, 2007, 12].

Мемуары, однако, проистекают из «автожитий» XVII века [Савинков, 2008, 118], сочетанием «требования объективной достоверности <...> с требованием индивидуальности, субъективности» тесно связаны с литературой. Они – результат романизации литературы [Там же], предстают автобиографическими романами, повестями, мистификациями и т.п. [Хазан, 2007, 490–491]. Присущая мемуару дистанция ситуации рассказа (диегезиса [Шмид, 2003, 81]) и ситуации рассказывания сближает мемуар с эпическими произведениями [Тамарченко, 2001, 24–25, 27]. Впрочем, примечательна мысль Н.Д. Тамарченко о том, что, решая вопрос о причислении того или иного мемуара к художественной или внехудожественной литературе, следует опираться не на наличие или отсутствие вымысла, а на тип завершения: «Создатель автобиографии воспринимает и оценивает себя с позиции вневходимости, т.е. видит в себе

героя (Другого), решающего свои жизненные – познавательные и этические – задачи. Совсем иная задача у того же лица, выступающего в роли автора-творца: это создание художественной формы как воплощения эстетической оценки героя и его мира. Именно поэтому мир, окружающий героя, с его (“внутренней”) точки зрения – реальность условий его жизни, тогда как с точки зрения автора и читателя этот мир – воплощение определенной системы ценностей» [Тамарченко, 2007, 406].

Публицисты, действительно, не занимают «внежизненно активную» (М.М. Бахтин) позицию, которая является определяющей для автора-творца в художественном мире. Публицист относится к своему тексту вполне жизненно – намерен использовать воспоминание как аргумент в разговоре с читателем. В этом плане эстетическое отношение не может завершать публицистическое воспоминание как целое. Однако эпизодически публицисты придают событиям и ситуациям минувшего цельность, создают форму, в которой мир диегезиса представлен инаковым по отношению к моменту рассказа – нарративно, идеологически, в плане кругозора и ценностей. Иначе говоря, в публицистике возможны и эмоциональная рефлексия, и «...созерцание фрагмента жизни как законченной “картины”, т.е. чего-то такого, что можно, обернувшись, показать другому...» [Теория, 2004, 45]. На стыке диегезиса и рассказа развивается напряженная, взаимодополнительная система, где сопresentствуют пережитое как эстетический объект и как аргумент.

Воспоминание в полемической публицистике – территория конфликта идентичностей, точек зрения, прагматических устремлений публициста и его творческого видения и отношения как автора-творца.

Между двух огней: мир диегезиса и публицистическая прагматика. 2-я половина XIX века принесла в общественную жизнь Российской империи процессы интеграции групп, которые до того были разделены религией, культурой, территорией, участием в экономике. Одно из проявлений этого процесса – «еврейский вопрос», острая публичная дискуссия о месте евреев в империи. Один из голосов в полемике – публицистика выкрестов. Конечно, выкресты существовали в Российской империи задолго до описываемого времени [Герасимова, 2010; 2014]. Крещение, быть может, самый традиционный путь для иноверца в христианское общество. Однако прежде выкресты оставались в публичной сфере безмолвными фигурами. Во 2-й половине XIX века они заговорили. Одни – о своей множественной идентичности [Prokhorov, 2024], другие – о ее неприятии и преодолении [Прохоров, 2020, 237–240]. И те и другие широко используют воспоминания.

Александр Алексеев (урожд. Вульф Нахлас, 1826, по другим данным – 1820; Незаринец – 1895; Вел. Новгород) – учитель, миссионер, плодовитый церковный публицист. Среди его наследия – «Торжество христианского учения над учением Талмуда, или Душеполезный разговор христианина с иудеем о пришествии Мессии» (1859), «Общественная жизнь евреев, их

нравы, обычаи и предрассудки» (1868), «Бывший еврей за монастыри и монашество» (1875), «Уважение евреев к священному писанию и заботливость об изучении его» (1878), «Обращение иудейского законника в христианство, особенно замечательное по своим характеристическим чертам» (1882), «Об обетованном Мессии по поводу толков современных евреев талмудистов и маловеров из христиан, неправомудрствующих об Иисусе Христе» (1886), «Употребляют ли евреи христианскую кровь с религиозною целью?» (1886), «Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа» (1891) и т.д. Тематическая монолитность обусловила восприятие Алексева как «автора бесчисленных миссионерских агиток» [Вайскопф, 2008, 21, прим. 4]. Но обретенная идентичность Алексева не столь однозначна, как названия его брошюр, статей и книг. Вот как в полумемуарной и полумиссионерской книге «Обращение иудейского законника в христианство, особенно замечательное по своим характеристическим чертам» он вспоминает отправку в войска:

«...я пошел кочевать, подобно праотцу Аврааму, из одного места в другое, из деревни в деревню, из села в село, пока не достиг пристанища – отделения кантонистов. Конечно, в разлуке патриарха с родиной и оставлением им родительского дома и моей разлукой есть громадная разница. Первого напутствовал Бог благословением, а меня кто напутствовал? Смертный жалкий человек, – еврейский раввин. И каким словом? – речью дышащей злобою ко Христу Мессии. Он заповедал мне и всем прочим, отправляющимся со мною в кантонисты, оставаться навсегда иудеем – неверующим во Христа и всячески стараться противиться тем, которые бы вздумали наставлять нас в веру...» [Алексеев, 1882а, 12–13].

Мы видим ребенка, который вырван из дома и отправлен в незнакомый и чуждый мир. Мы ощущаем покинутость и незащищенность этого ребенка. Диегезис завершен таким образом, что частная история мальчика Вульфа предстает эпизодом библейского сюжета («...пошел кочевать, подобно праотцу Аврааму»). Агиографические нормы – вспомним о связи мемуаристики с автожитием – задают тип эстетического завершения. Обратим внимание на раввина, чей образ исключительно негативен – «смертный жалкий человек», произносящий «речь, дышащую злобою» по отношению к Иисусу и его последователям. Речь раввина характеризуется подобно любой речи еврея из традиционной (ориентированной на средневековые каноны) христианской литературы. Если оценивать в агиографической перспективе, раввин исполняет роль искуителя, который ведет в погибель, сбивает Вульфа с предназначенного Богом жизненного пути.

Вопреки завершению, непосредственно в диегезисе раввин напутствовал еврейских малолетних рекрутов (*кантонистов*) перед их отправкой в русскую армию. Ребенок, воспитанный в иудейской семье, вряд ли мог с презрением и возмущением слушать эту речь. Вряд ли у мальчика был повод негодовать от призыва не оставлять веру отцов. Вряд ли ребенок переживал

прощание с семьей в теологических и литературных тонах Библии и агиографии. Составляющие завершение элементы наложены на диегезис Алексеевым, который оформляет историю Вульфа в формат христианской агиографии.

Размежевание диегезиса и рассказа о нем обусловлено не только эстетическим видением (агиографией), но и публицистической, прагматической задачей – дать православному читателю историю своего обращения, а миссионеру – знание, с чем именно ему предстоит встретиться в практике. Вербализация нарратива и эстетическое завершение принадлежат к ситуации рассказывания, выполнены из ценностей христианского мира. Однако герой, мальчик Вульф, сопротивляется такому завершению. Разноплановость творческого видения и публицистического задания ведет к напряжению нарративных и диегетических элементов. Такое напряжение – типологическая черта воспоминаний из полемической публицистики. Но проявляется она по-разному: несоответствием изображения и воплощающей его речи, тона рассказа и авторитетности высказывания, разноплановостью возможных эстетических завершений.

В тисках автоцензуры: диегезис, переданный чужим словом. Алексеев завершает свое воспоминание об отправке в кантонисты эстетически (агиография) и прагматически (апология), но жертвует психологической правдивостью. Публицист заверяет читателя, будто отсылает к аутентичному еврейскому миру и образу жизни, но в действительности погружает читателя в свои нынешние убеждения и в христианский кругозор. Рассогласование рассказанной истории и воплощающей ее речи очень распространено.

Нафанаил Кузнецкий – миссионер, православный священник, церковный публицист и знакомый Алексеева – в середине 1860-х годов едет в родное местечко на Западной Украине. Парадокс, но его поездка спровоцирована и даже оплачена читателями «Полтавских епархиальных ведомостей». Чуть ранее Кузнецкий опубликовал в этом же журнале цикл мемуаров о переходе в христианство, учебе в семинарии, принятии сана, вхождении в мир православного духовенства. Но неожиданно читатели закидали публициста вопросами о судьбе его еврейской родни и причинах безразличия к ней. В результате давления Кузнецкий оказывается в родном еврейском местечке:

«Поспешными шагами шел я домой (в снятую квартиру. – Г. П., Т. К.) уже другою улицею, где мне хотелось еще раз в жизни моей взглянуть на Синагогу, в которой я с малых лет научился жаждать спасения Бога нашего. “Увы! – подумал я при взгляде на синагогу, – это ли дом Божий и врата небесная, как называет ее заблудший Израиль! Нет! Это то покрывало талмудизма, которое покрывает очи сердечные некогда избранного народа Божия, чтобы не дать ему видеть спасение, уготованное милосердным Господом пред лицом всех людей!”» [Кузнецкий, 1866, 91].

Синагога (с заглавной буквы) в процессе рассказывания превращается в синагогу (со строчной), что продиктовано прагматикой текста – христианское настоящее публициста должно выступать высшим достижением. Графическое решение между тем внеположно детскому миру. Еврейский мальчик Ицик, который ходил в эту Синагогу и «с малых лет научился жаждать спасения Бога», совершенно не знал, что буквы бывают заглавными и строчными, ибо ни в иврите, ни в идише нет такой дихотомии. Различие заглавной и строчной букв «с» привносит авторское завершение, изолирует мир героя-ребенка как инаковый. Одновременно маркирует катарсический момент – отделение себя в диегезисе от себя – творца травелога.

Эпизод – метавоспоминание, где сообщение о прогулке по местечку (событие недавнего прошлого) проявляет более сокрытое воспоминание о раннем детстве. Далекий момент на мгновение захватывает о. Нафанаила и заставляет проложить маршрут, чтобы пройти мимо значимого здания. Кругозор диегезиса вызывает сентиментальную прогулку – прогулку, которая «вызов» для священника, миссионера и публициста «Полтавских епархиальных ведомостей», если не прямо испытание в христианской вере. Фрагмент предстает пространством, в котором священник-миссионер о. Нафанаил убеждает себя, Ицика Броду, что прав именно он, о. Нафанаил, тогда как Ицик заблуждался и остался в прошлом. Сентиментальное путешествие как эстетическое завершение эпизода мерцает, но не реализуется. Вербализация наррации отсылает исключительно к ситуации рассказывания – «покрывало талмудизма», «некогда избранный народ», «заблудший Израиль». Показывает, как стойко о. Нафанаил прошел через испытание.

Где-то в глубине личности Кузнецкого, конечно, присутствует память о далеком диегезисе с детской Синагогой. Но из рассказа (не из сознания или эмоционального отношения!) это присутствие вытеснено как не обладающее ценностью в публицистическом плане. Вербализация отшлифована и оцензурирована необходимым образом. Но, как и в случае с воспоминанием Алексева об отправке в кантонисты, мы оказываемся перед конфликтом слоев текста и перед дилеммой правдивости – кто из субъектов заслуживает нашей веры и сопереживания?

Под властью диегезиса: наивное повествование в воспоминании. Воспоминание не обязательно отражает контраст наррации и диегезиса. Публицист может пойти за субъектами действия и вербализировать события и ситуации речью, которая была бы естественна.

В уже упоминавшейся книге Алексеев рассказывает о своем первом контакте с православным миром. «На третий день христианской Пасхи» он «выпросился у отца посмотреть на торжествующих», «получил на то позволение» и «отправился к церкви» [Алексеев, 1882а, 10]. Смешавшись с толпой православных христиан, маленький Вульф неожиданно обнаруживает нателный крестик, который хватает и уносит домой. Еврейский мальчик

Вульф знает ли слово *крестик*? – вряд ли! Вот мы и читаем: «Радостно поднял свою находку и, забыв про гуляние, пустился бежать домой. Войдя в дом, я весело сказал отцу: “погляди-ка, батюшка, какую золотую штучку я нашел! Какой красивый мальчик на ней изображен!” – Отец, посмотрев на образок, крикнул на меня: “брось! это не золотая штука, а медное изображение русского Бога. Смотри, не соблазнись о Нем. Боюсь за тебя, сын мой, – ты уже второй раз удивляешь меня, то подарками; то находками. Это чуть ли не значит, что ты вместо истинного израильянина сделаешься когда-нибудь последователем Христовым»» [Там же, 11]. Напутствие сына на православное гуляние отцом, ревностным иудеем из семьи раввинов-литваков, – причудливая и странная деталь. Время вокруг Пасхи – период, который со Средневековья связан с риском межрелигиозной эскалации и погромов [Трахтенберг, 2021, 154–158]. На протяжении столетий (см. 68 канон IV Латеранского собора) в этот календарный период евреи порой законодательно не допускались в христианские кварталы: «...Страстная неделя и неделя Песаха пересекаются <...>. Это было опасное время, когда звучали обвинения в ритуальном убийстве или осквернении гостии <...>. В Праге, как и во многих других местах, евреям запрещалось появляться среди христиан в дни между Страстным четвергом и пасхальным воскресеньем» [Ньюман, 2016]. Сообщение о напутствии отца ставит под вопрос фактическую достоверность воспоминания, и, как кажется, этот элемент продиктован сугубо эстетически – ориентацией на агиографическую традицию.

Что же касается диегезиса и наррации, в приведенном фрагменте они не конфликтуют между собой. Мальчик Вульф не может знать христианской религиозной лексики – он ее и не знает. Фрагмент пестрит эвфемизмами: «находка», «золотая штучка», «красивый мальчик», «медное изображение русского Бога»... Конфликт рассказа и диегезиса здесь преодолен наивным повествованием, оправданным психологической правдивостью. Вульф не может понимать и не понимает, что именно он нашел. Его отец не владеет христианской обиходной лексикой даже на самом базовом уровне.

За исключением отмеченных выше странностей, изображение выглядит реалистичным и выстроенным с опорой на целое героев (что свойственно постромантической парадигме XIX века, ср.: [Теория, 2004, 100]). Под ударом – авторитетность такого рассказа. Не диковато ли, когда православный публицист, обращаясь к православному же читателю, на протяжении страницы использует эвфемизмы вместо элементарных «крестика» и «Христа»? Насколько возможно доверие к публицисту, который ради сохранения точности инокультурного диегезиса сохраняет чуждые установки, причем делает это нейтрально, без ироничных комментариев – дурачится, будто не знает, что носимый христианами нательный предмет называется «крестик»?

Наивное повествование вряд ли генерализуемо на полемическую публицистическую книгу в целом. Этот способ рассказывания приемлем для

изложения занятого «казуса», что и делает Алексеев. С одной стороны, он показывает, почти анекдотом, сколь глубока отчужденность еврейской общины от христианских соседей (что, действительно, важно понимать миссионеру). С другой – наивное повествование позволяет публицисту намекнуть, что его переход в христианство – не предательство отцов, а прямое действие самого Бога; движение, которого никто из людей не мог ожидать. Алексеев, правда, любил смотреть на себя сквозь жизнь апостола Павла. Заявить же на полном серьезе о себе как о новом апостоле Павле, конечно, Алексеев не мог. На дворе стояла позитивистская 2-я половина XIX века с ее неприятием мифа и спекулятивной метафизики (ср.: [Конт, 2003, 72–84]). В светской культуре этого времени доминировал классический роман, который не ведал модальности знания и оперировал мнением, убеждением и пониманием [Тюпа, 2016, 89–94]. Алексеев вполне прагматично не утруждает сверх меры своего читателя. Наивным повествованием он актуализирует агиографический ракурс, но скорее как личное убеждение, заодно «попуская», чтобы читатель воспринял эти предложения как просто частное мнение.

Когда диегезис и рассказ равноценны: поляризация эстетических завершений. Третий типологический вариант развивается, когда ситуации диегезиса и публицистическое задание равно важны публицисту. Невозможность занять определенную точку зрения ведет к подвижности ракурса и к сосуществованию разных эстетических перспектив.

Алексеев описывает еврейскую Пасху (*Песах*). Изначально – в отчетливой информационной манере, концентрируясь на описании обрядов: «При четвертом, последнем, стакане глава семейства говорит: *натитаеши нас хлебом слезным и напоиши нас слезами в меру* (пс. 79) и в заключение держит речь, в которой внушает детям держать себя как можно приличнее, так как в этот именно момент к ним имеет прибыть небесный посетитель Илия. Мертвая тишина водворяется в доме» [Алексеев, 1882б, 71]. Вдруг за информативным сообщением начинается прорастать иной дискурс: «Один из членов семьи по приказу отца тут же отворяет дверь. Все быстро вскакивают со своих мест, а отец, настроенный мыслью, что пророк Илия уже пожаловал в его дом, взяв большой стакан с вином, назначенный для пророка, начинает петь гимн сообща с семейством: *Шефейх гамосхо эль агоем – Пролей гнев Твой на языки, не знающие Тебя, и на царства, яже имени Твоего не признаша, и истреби их* (псал. 78: 6, Плач Иер. 3: 66)» [Там же]. Откуда взялся отец? Упомянутый Алексеевым пасхальный эпизод связан с домо-владельцем, но им может быть и дедушка, и просто взрослый мужчина. (В еврейской культуре нуклеарная семья издавна воспринималась как ценность, миниатюры изображают празднующими просто пару – мужчину и женщину [Харман, 2020, 17].) Идентификация персоны из ритуала как отца отнюдь не единственный вариант, да и Песах не обязательно отмечают в семейном доме. Отец кристаллизуется в повествовании Алексеева, по мере

того как типичный «ашкеназский Песах» превращается в воспоминание – «мой Песах в моем родном доме». Вскоре Алексеев эксплицирует смену речевого жанра: «В памяти моей живо и поныне сохраняются те торжественные минуты, когда я стоял впереди отворенных дверей, откуда должен был входить пророк Илия, которому я горячо молился и пел гимн. Мне так и воображалось, что пророк входит к нам и точно будто вижу его глазами» [Алексеев, 1882б, 72].

Очевидно эстетическое отношение публициста к Песаху как к красивому празднику. Также нет эмоциональной отчужденности от описываемого момента из еврейского сакрального календаря. Алексееву нравится, как за информативным перечнем ашкеназских обычаев и обрядов на страницах книги оживают его семья, старый дом и прочие пережитки еврейской жизни непосредственно публициста. Только книга, воспоминание из которой мы анализируем, озаглавлена «Очерки домашней и общественной жизни евреев, их верования, праздники, обряды, Талмуд и КАГАЛ». Ее идейно-тематический центр – еврейские праздники суть симулякры, учрежденные Талмудом и раввинами, а не Библией и Богом.

Эстетическое отношение и публицистическая прагматика находятся в непреодолимом конфликте, при том что Алексееву важны и диегезис, и конечная книга. Конфликт порождает оппонирующую вариативность эстетических завершений. Один вариант мы только что видели – семья за праздничным столом, совершающая сакральное действие («точно будто вижу <пророка Илию> глазами»). Такое завершение не корреспондирует с прагматикой книги. Если Песах – симулякр, если публицист убежден в симулякрной природе раввинистического иудаизма, то какая сакральность может иметь место?

Появляется конкурентное эстетическое завершение, которое гармонизировано с публицистической задачей: «...раз в вечер пасхи случилась такая диковинка, что в доме сделалась тревога: отворили дверь для входа пророка и что же – слышим что-то шевелится; напрягли внимание и видим, что действительно идет; но кто бы вы, читатель, думали? – огромный козел, вместо ожидаемого пророка» [Там же]. В доме начинается переполох, во время которого «...козел начал уж шибко разгуливать по комнатам и все дергать со стола; тут-то все подняли гвалт и давай гнать его вон, а козел делал свое – бегал и прыгал по горнице. Вышла такая сцена, что мы не могли удержаться от смеха» [Там же]. И только отец «...не развлекался ничем, он был всецело погружен мысленно входом пророка, ему и дела не было до козла, он стройно продолжал петь гимн в честь святого и успокоился лишь тогда, когда пропел вышеозначенную молитву “Шефойх гамосхо” и выпил бокал с вином, приготовленный для Илии» [Там же]. Еврейское сакральное – это бурлеск, который адепты не замечают вследствие духовной слепоты.

Чтобы завершить диегезис в качестве бурлеска, остается буквально полшага – нужно довести до конца намеченное замещение пророка Илии

козлом. Козел – давняя для Европы аллегория дьявола [Трахтенберг, 2021, 50–52]. Он же существо, которое, по поверьям средневековых крестьян Центральной и Восточной Европы, евреи почитают за бога: «Когда приезжал Ицик верхом на козле, все евреи думали, что это их возлюбленный бог» [Трахтенберг, 2021, 51]. В Полесье, Западных Беларуси и Украине, Польше такие представления циркулируют вплоть до настоящего времени [Белова, Петрухин, 2008, 262, 278, 280–281].

Рассказ Алексеева содержит все необходимые компоненты для бурлеска – крестьянин, козел, ассоциация козла с пророком. Текст даже содержит намек на еврейскую слепоту, заметную всем вокруг: «Иной шутник-крестьянин, зная их обычай, что им необходимо иметь у себя в праздник пророка, и уверенный, что св. Илия не пойдет в дом жида, он, желая подтрунить над евреем, вгоняет ему, вместо чаемого пророка, козла» [Алексеев, 18826, 71–73]. Остается сделать заключение: «Вот твой Илия, оставшийся вне благодати Христа ветхий Израиль» – и в этом ключе завершить образ. Но подобного хода Алексеев не делает.

Эмоциональная связь с миром детства, семьей, отцом и ситуацией диегезиса в целом не позволяет публицисту придать эпизоду единственно лежащее в русле прагматики текста бурлескное завершение. Подобно автору-творцу, публицист чувствует, что такое завершение стало бы ложью. На стыке сакрального и низового образуется несколько ироничная (но и ностальгическая) картинка – сценка из поликультурной жизни местечка (à la Марк Шагал, если допустить анахронизм). Как православному миссионеру, Алексееву сцена с бегающим по дому козлом в кульминации литургии (*sedepa*) смешна, но равным образом он восхищен отцом – его целостностью, погруженностью в традицию, способностью не отступать, несмотря ни на что. И это эмоциональное отношение значимо для него как для автора воспоминания.

Противоречивое отношение творца к диегезису порождает двойственный, внутренне противоречивый образ, в котором соединяются разные стратегии эстетического завершения, одна из которых не находится в гармонии с публицистической задачей книги.

Воспоминания – значимый вставной жанр в полемической публицистике, который формирует яркую, эмоциональную, суггестивную картинку, выставляет публициста свидетелем и очевидцем. Однако неизбежная дистанция между диегезисом и ситуацией рассказывания провоцирует эстетическое отношение к фигурам воспоминания. Чисто эстетическое завершение в публицистическом тексте невозможно. Любой публицист обращается к реальной аудитории по поводу острых тем и развилочек, текст подчинен прагматическим задачам – убеждению, апологии и т.п. Воспоминание оживает ракурсы из прошлого, вынуждает воссоздавать фигуры минувшего в присущем им смысловом целом, будит эмоциональную рефлексию. Облечение диегезиса в форму, проведение границы с ситуацией рассказывания –

временной, идейной, культурной, религиозной, ценностной – на какие-то мгновения приближает публициста к внежизненно активной позиции, вынуждает отнестись к изображаемым фигурам подобно автору художественной литературы. При этом общая публицистическая направленность текста с присущей ей жизненной прагматикой разрушает такое завершение.

Соприсутствие разноприродных задач приводит к тому, что каждое конкретное воспоминание склоняется или в сторону диегезиса, или в сторону аргумента, или они оказываются в запутанном, шатком балансе. Варианты отношения диегезиса и ситуации рассказывания воплощаются разными моделями.

Если публицист ставит во главу угла диегезис, то воспоминанию присуще наивное повествование. Оно сохраняет точки зрения и мир диегезиса, но провоцирует вопросы компетенции публициста и искренности в заявляемых убеждениях.

Если публицист во главу угла ставит публицистическое задание, диегезис оказывается рассказан показательно чужим для него словом. Оно называет факты, но выглядит навязанным изображенному миру, наброшенным не по мерке. Жесткая автоцензура в какой-то мере дискредитирует рассказ как надежный аргумент в споре.

Если диегезис обладает высокой ценностью для публициста, несмотря на несоответствие публицистической задаче, то воспоминание предстает сочетанием разных эстетических завершений. Публицист помнит об общей прагматике текста, но эмоциональная связь с рассказываемым событием пробивает идеологический каркас и препятствует прагматически обусловленному оформлению воспоминания.

Воспоминания из полемической публицистики показывают, сколь сложно отношение к минувшему в перспективе прагматики и эстетики.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.[А.] Обращение иудейского законника в христианство, особенно замечательное по своим характеристическим чертам. Новгород: Тип. М.А. Классон, 1882а. 146 с.

Алексеев А.А. Очерки домашней и общественной жизни евреев, их верования, праздники, обряды, Талмуд и КАГАЛ. Новгород: Тип. М.А. Классон, 1882б. 184 с.

Белова О.В., Петрухин В.Я. Еврейский миф в славянской культуре. М.; Иерусалим: Гешарим, 2008. 576 с.

Вайскопф М. Покрывало Моисея: еврейская тема в эпоху романтизма. М.; Иерусалим: Гешарим, 2008. 364 с.

Герасимова В.А. Крещенные евреи в Российской империи как предмет исследования: Источники, проблемы, перспективы // Труды по еврейской истории и культуре: материалы XXI Международной ежегодной конференции по иудаике. М.: Сэфер, 2014. С. 209–220. (Академическая серия.)

Герасимова В.А. «Свои» и «чужие»: Крещенные евреи в XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15(58). С. 139–146.

Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов-н/Д: Феникс, 2003. 256 с.

Кузнецкий Н. Свидание мое с родными: (Из записок миссионера-священника, обращенного из евреев) // Полтавские епархиальные ведомости. 1866. № 3. С. 91–109.

Луцевич Л.Ф. Дневники, записные книжки, письма // *Studia Rossica XIX. Dzienniki, notatniki, listy pisarzy Rosyjskich* / под ред. А. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: WUW, 2007. С. 11–25.

Ньюман Б. «Страсти евреев Праги»: погром 1389 года и уроки средневековой пародии // Лехаим. 15 ноября 2016. [URL] <https://lechaim.ru/academy/strasti-evreev-pragi-pogrom-1389-goda-i-uroki-srednevekovoj-parodii-2/> (дата обращения: 01.10.2025).

Прохоров Г.С. «Книга Кагала» выкреста Якова Брафмана. Почему еврей боится еврейства? // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике / отв. ред. М.М. Членов. Вып. 20. М.: Сэфер, 2020. С. 231–247.

Савинков С.В. Мемуаристика // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 118–119.

Тамарченко Н.Д. Автобиографический роман (повесть): проблема инвариантной структуры // *Studia Rossica XIX. Dzienniki, notatniki, listy pisarzy Rosyjskich* / под ред. А. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: WUW, 2007. С. 399–410.

Тамарченко Н.Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь: ТвГУ, 2001. 72 с.

Теория литературы / под ред. Н.Д. Тамарченко. В 2 т. Т. 1. М.: Academia, 2004. 512 с.

Трахтенберг Дж. Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом. М.; Иерусалим: Библиотека Михаила Гринберга, 2021. 352 с.

Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. 145 с.

Хазан В. Под знаком сна и сказки, или Документ в роли антидокумента: (О литературных мистификациях писателя-эмигранта «второй волны» Ю.П. Трубецкого) // *Studia Rossica XIX. Dzienniki, notatniki, listy pisarzy Rosyjskich* / под ред. А. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: WUW, 2007. С. 489–503.

Харман Д.Д. Семья с детьми за праздничным столом: оригинальный иконографический мотив в еврейских манускриптах XIV–XV вв. // Семья и семейные ценности в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О.В. Белова. М.: Сэфер, 2020. С. 12–34. (Серия «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия».)

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Prokhorov G. A Place Once Called Home: Jewish Past in Arkadii Kovner's *From the Jew's Notes* // *Passing: Anatomies and Physiologies of Identity Transformations* / ed. by M. Mudure & A. Nanda, 2024: Presa Universitara Clujeana. P. 295–320.

G.S. Prokhorov

*PhD in Literature, Doctor, Professor,
Chair of the Russian language and literature,
State University of Social Studies and Humanities
Kolomna, Russia*

T.A. Kapryrina

*PhD in Literature, Associate Professor,
Dean of the Philological faculty,
State University of Social Studies and Humanities
Kolomna, Russia*

Remembrance within Polemical Memoir Discourse: Diegesis vs. Narrative Situation

This article examines the rhetorical and generic features central to the polemical journalism of nineteenth-century converted Jews (vykresty) in the Russian Empire. Through close readings of pamphlets by Alexander Alexeev and the

Orthodox priest Nafanail Kuznetsky, the study highlights the ambivalent nature of remembrances as both narratives of the past and eristic arguments within public life and debates. These remembrances combine journalistic and literary elements, shaped by a distancing between diegesis (the experienced event) and the narrative situation (the polemical context). Although the journalists do not consistently assume the extramundane active role—essential for the Bakhtinian «author-creator», – they intermittently embody the diegesis, favouring aesthetic rather than pragmatic ends in certain passages. Three models of interaction between aesthetic and pragmatic layers are identified: (a) strict self-censorship subordinating diegesis to pragmatic objectives; (b) naïve narration subordinated to diegesis; and (c) a tense equilibrium between diegesis and narrative situation, resulting in multiple contradictory aesthetic perspectives. These varying narrative strategies, ranging from naïve voicing to pragmatic self-censorship, illustrate the complexity of this embedded genre and the dynamic interplay between aesthetics and journalism.

Keywords: *remembrance; memoirs of converts; diegesis; narrative situation; ambivalence of remembrance; pragmatics and aesthetics; polemical memoir literature.*

REFERENCES

Comte A. The Positive philosophy of Auguste Comte (A word about positive thinking) [*Dukh pozitivnoi filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii)*]. Rostov-on-Don: Feniks Publ, 2003. 256 p. (in Russian).

Gerasimova V.A. Converted Jews in the Russian Empire as a research subject. Sources, issues, perspectives [Kreshchenye evrei v Rossiiskoi imperii kak predmet issledovaniia: istochniki, problemy, perspektivy]. *Works on Jewish history and culture. Proceedings of the 21st International Annual Conference on Jewish Studies*. Moscow: Sefer Publ., 2014. Pp. 209–220 (Academic series) (in Russian).

Gerasimova V.A. 'Own' and 'alien'. Converted Jews in Russia in the 18th century [Svoi i chuzhie: kreshchenye evrei v Rossii v XVIII veke]. *RSUH/RGGU Bulletin. «Philosophy. Sociology. Art Studies» Series*, 2010. Vol. 58. No. 15. Pp. 139–146 (in Russian).

Kharman D.D. Family with children at the festive table: an authentic iconographic motif in Jewish manuscripts of the 14–15th centuries [Sem'ia s det'mi za prazdnichnym stolom: original'nyi ikonograficheskii motiv v evreiskikh manuskriptakh XIV–XV vv]. Edited by Belova O.V. *Family and family values in Slavic and Jewish cultural tradition*. Moscow: Sefer Publ., 2020. Pp. 12–34 (Series: «Slavic Culture and Jewish Culture: Dialogue, Similarities, Differences») (in Russian).

Khazan V. Under the sign of dream and fairy tale, or Document as an antidocument: (On literary mystifications by the 'second wave' emigrant writer Yu.P. Trubetskoy [Pod znakom sna i skazki, ili Dokument v roli antidokumenta: (O literaturnykh mistifikatsiiakh pisatel'ia-emigranta "vtoroi volny" Iu.P. Trubetskogo)]. Edited by Wołodźko-Butkiewicz A., Łucewicz L. Series «Russia XIX. Diaries, Notebooks, Letters of Russian Writers». Warsaw: Warsaw State University, 2007. Pp. 489–503 (in Russian).

Łucewicz L.F. Diaries, notebooks, letters [Dnevnik, zapisnye knizhki, pis'ma]. Edited by Wołodźko-Butkiewicz A., Łucewicz L. Series «Russia XIX. Diaries, Notebooks, Letters of Russian Writers». Warsaw: Warsaw State University, 2007. Pp. 11–25 (In Russian).

Newman B. 'The Passion of the Jews of Prague': The Pogrom of 1389 and the lessons of a medieval parody ["Strasti evreev Pragi": pogrom 1389 goda i uroki srednevekovoi parodii]. *Lechaim*, 2016. Nov. 15th. Available at: <https://lechaim.ru/academy/strasti-evreev-pragi-pogrom-1389-goda-i-uroki-srednevekovoj-parodii-2/> (accessed on October 1, 2025) (in Russian).

Prokhorov G.S. Jacob Brafman's "The Book of the Kahal": The Jew who was afraid of Jewishness ["Kniga Kagala" vykresta Iakova Brafmana: Pochemu evrei boitsia evreistva?]. Edited by Chlenov M.M. *Tirosh. Works on Jewish, Slavic, and Oriental studies*. Vol. 20. Moscow: Sefer Publ., 2020. Pp. 231–247 (in Russian).

Prokhorov G.A. Place Once Called Home: Jewish Past in Arkadii Kovner's "From the Jew's Notes". Mudure M., Nanda A. (eds.). *Passing: Anatomies and Physiologies of Identity Transformations*. Cluj: Presa Universitara Clujeana Publ., 2024. Pp. 295–320 (in English).

Savinkov S.V. Memoir writing [Memuaristika]. Edited by Tamarchenko N.D. *Poetics: a lexicon of current terms*. Moscow: Izd-vo Kulaginoi; Intrada Publ., 2008. Pp. 118–119 (in Russian).

Schmid W. Narratology [Narratologiya]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003. 312 p. (in Russian).

Tamarchenko N.D. Autobiographical novel (povest'): a problem of invariant structure [Avtobiograficheskii roman (povest'): problema invariantnoi struktury]. Edited by Wołodźko-Butkiewicz A., Łuciewicz L. Series «Russia XIX. Diaries, Notebooks, Letters of Russian Writers». Warsaw: Warsaw State University, 2007. Pp. 399–410 (in Russian).

Tamarchenko N.D. (ed.) Literary theory [Teoriia literatury]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Academia Publ., 2004. 512 p. (in Russian).

Tamarchenko N.D. Theory of literary genres and types: The epic [Teoriia literaturnykh rodov i zhanrov. Epika]. Tver': Tver State University, 2001. 72 p. (in Russian).

Trachtenberg J. The Devil and the Jews: The medieval conception of the Jew and its relation to modern antisemitism [D'iavol i evrei. Srednekovyye predstavleniia o evreikh i ikh sviaz' s sovremennym antisemitizmom]. Moscow; Jerusalem: Biblioteka Mikhaila Grinberga Publ., 2021. 352 p. (in Russian).

Tiupa V.I. Introduction to comparative narratology [Vvedenie v sravnitel'nyi narratologiiu]. Moscow: Intrada Publ., 2016. 145 pp. (in Russian).

Weisskopf M. The veil of Moses: The Jewish theme in the Age of Romanticism [Pokryvalo Moiseia: Evreiskaia tema v epokhu romantizma]. Moscow, Jerusalem: Gesharim Publ., 2008. 364 p. (in Russian).

И.А. Усанова

Сургутский государственный педагогический университет

Сургут, Россия

УДК 821.511.142 «19»–1(091)Ругин Р.П.

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-27-47

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ПОЭЗИИ Р.П. РУГИНА (опыт количественного анализа)¹

Ключевые слова: Р.П. Ругин; хантыйская литература; количественный анализ; образ воды; образ волны; образ реки; образ рыбы; акватические образы; ихтиологические образы.

В статье рассматриваются семантические доминанты поэзии хантыйского автора Р.П. Ругина, выявленные при помощи количественных ме-

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта Сургутского государственного педагогического университета «Югорский текст в российском культурном пространстве» при поддержке Департамента образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (приказ № 10-П-1131 от 03.06.2025).

тодов исследования художественного текста и использования специализированного программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». Составлен и проанализирован словарь частотной лексики поэзии автора, определены и проанализированы доминантные художественные образы (воды, реки, волны, рыбы), ключевые образные парадигмы, включающие акваторический и ихтиологический компоненты. Результаты исследования дополняют характеристику художественного мира хантыйского поэта.

Творчество Романа Прокопьевича Ругина (1939–2016), хантыйского поэта и прозаика, фольклориста и публициста, представителя литературы ЯНАО, является органической составляющей так называемого «северного текста» – одной из разновидностей локальных (региональных) свертхтекстов. Как отмечает исследователь В.В. Гаврилов, «в эпоху глобализации (в том числе и духовной), унификации нравственных ценностей все большую значимость приобретает национальная, а еще уже – региональная литература, в которой, помимо общечеловеческих вопросов, находят свое отражение проблемы конкретного этноса» [Югорский текст, 2023, 8]. Мысль ученого о повышенной актуальности развития филологической регионалистики подтверждается активными научными дискуссиями о сущности и объекте данной области науки, утверждениями крупных филологов о необходимости изучать региональные тексты [Купина, Битенская, 2004; Полякова, 2015; Храпова, 2019], регулярным проведением научных конференций, посвященных различным аспектам регионалистики.

Художественные тексты Р.П. Ругина как регионального автора неоднократно привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. Назовем среди них работы Е.В. Косинцевой [Косинцева, 2012; Косинцева, 2018], Н.В. Цымбалистенко [Цымбалистенко, 2008], С. Piugrenier [Piugrenier, 2000–2001] и др. Как пишет Н.В. Цымбалистенко, произведениям Р.П. Ругина свойственно гармоничное сочетание мифов, легенд, ритуалов, обычаев хантыйского народа с собственно художественным творчеством, что составляет важную черту его поэтики [Цымбалистенко, 2001, 7]. Его художественный мир чрезвычайно широк, многообразен, многомерен. В нем нашли отражение самые разные темы и образы, проблемы, стороны жизни современного человека. Исследователи отмечают, наряду с сильным лирическим дарованием автора, его «распахнутость», открытость по отношению к окружающему миру [Цымбалистенко, 2000, 55].

Квантитативные методы изучения художественного текста предоставляют исследователю инструменты для обнаружения объективных тенденций его организации на различных уровнях, которые, как отмечают И.В. Романова и Л.В. Павлова, «сложно или невозможно было заметить невооруженным глазом» [Романова, Павлова, 2023, 2]. Они помогают уловить и зафиксировать неочевидные аспекты художественного мира писателя и его поэтики – выражаясь словами Иосифа Бродского, то, «за чем не уследишь». В сочетании с качественными методами они позволяют, в частности,

выявлять специфические содержательные особенности текста, характеризовать идиостиль автора [Горев, Горюнова, 2018]. Значительных результатов удастся достичь с использованием количественных методов при исследовании локальных свертхтекстов [Павлова, Романова, 2022; Ежов, Павлова, Романова, 2024], изучении творчества писателей – представителей региональной литературы [Барановский, 2021; Павлова, Романова, 2021].

Целью данной работы является определение и характеристика семантических доминант поэзии Р.П. Ругина: тематического ореола его художественных текстов, ключевых образов и специфических особенностей их создания. Материалом исследования послужили 154 стихотворения, которые опубликованы на персональном сайте поэта, разработанном и сопровождаемом сотрудниками Центральной библиотеки им. Р.П. Ругина в Салехарде, руководитель проекта – Е.П. Сюлись [Роман Прокопьевич Ругин]. В качестве инструментария исследования были применены количественные методы в сочетании с литературоведческим анализом: анализ частотного словаря, выявление и характеристика образных парадигм, которые производились при помощи специализированного программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах»².

На первом этапе исследования был сформирован словарь частотной лексики поэзии Ругина, представленный в таблице 1. В него вошли 30 лемм; для подсчета общего количества словоупотреблений и выявления ранга той или иной лексической единицы учитывались также однокоренные слова и словоформы, сохраняющие семантику исходной (наиболее употребительной) лексической единицы. Число в скобках означает количество употреблений каждой лексической единицы в поэтических текстах автора, послуживших материалом исследования. Как отмечают В.В. Ежов, Л.В. Павлова и И.В. Романова, «верхушка словаря выявляет репрезентативный ряд частотных единичных объектов локального текста, потенциально способных к текстопорождению и семантизации» [Ежов, Павлова, Романова, 2024, 52].

Таблица 1

Словарь частотной лексики поэзии Р.П. Ругина

Ранг	Всего	Лемма	Лексемы
1	188	Жизнь (74)	Жить (41), живой (30), жило (9), проживать (9), жизненный (5), житель (5), живительный (4), жилище (4), оживать (4), житейский (3)
2	115	Земля (97)	Земляк (11), земной (7)
3	108	Идти (34)	Проходить (21), приходить (18), уходить (14), входить (8), сходить (7), обходить (3), отходить (3)
4	99	Сердце (99)	
5	89	Река (68)	Речной (13), речка (8)

² Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 19 137 Программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». Авторы: Павлова Л.В., Романова И.В., Самойлова Т.А. Дата регистрации – 26 апреля 2013 года.

6	84	Солнце (64)	Солнечный (15), солнышко (5)
7	78	Детство (48)	Детский (14), ребенок (16)
8	77	Рыба (38)	Рыбак (19), рыбацкий (8), рыбий (6), рыбащий (3), рыбка (3)
9	73	День (66)	Днем (4), дневной (3)
10	68	Знать (41)	Узнавать (20), познавать (7)
11	67	Снег (52)	Снежный (8), снежинка (7)
12	65	Вода (65)	
13	65	Душа (65)	
14	64	Друг (45)	Дружба (5), друзья (7), дружить (4), подруга (3)
15	61	Ветер (61)	
16	61	Песня (41)	Петь (14), запевать (6)
17	60	Лететь (33)	Взлетать (7), пролетать (5), прилетать (4), слетать (4), улетать (4), долетать (3)
18	59	Лес (35)	Лесной (24)
19	59	Рука (59)	
20	58	Человек (58)	
21	54	Видеть (34)	Видный (11), увидеть (6), вид (3)
22	54	Весна (31)	Весенний (13), весной (10)
23	53	Волна (49)	Волноваться (4)
24	52	Небо (40)	Небесный (7), небосвод (5)
25	52	Ночь (43)	Ночной (9)
26	51	Тайга (37)	Таежный (14)
27	49	Путь (46)	Путеводный (3)
28	49	Обь (37)	Обский (12)
29	48	Год (48)	
30	44	Дорога (38)	Дорожка (6)

По преимуществу частотный словарь поэзии Ругина представлен существительными (*жизнь, земля, сердце, река, солнце* и т.д.), также присутствуют глаголы (*идти, знать, лететь*), в качестве вариативных лексем включены прилагательные (*живой, земной, речной, солнечный* и т.д.), которые дополняют, уточняют и расширяют соответствующую словарную группу.

При сопоставлении полученных результатов с «Новым частотным словарем русской лексики» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская, Шаров], а также словарями частотной лексики других поэтов XIX–XX веков [Баевский, Романова, Самойлова] было выявлено, что большинство единиц анализируемого словаря Р.П. Ругина входит в круг наиболее употребительной общезыковой и общепозитической лексики. Результаты сопоставления представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Сопоставление словаря частотной лексики поэзии Р.П. Ругина
с общеупотребительной частотной лексикой и частотными словарями
русских поэтов XIX–XX веков**

Ранг	Лемма	Частот- ный сло- варь русской лексики	Совпадения с частотными словарями русских поэтов XIX–XX веков
1	Жизнь	+	Г. Иванов, Б. Пастернак, Н. Рыленков, В. Высоцкий, М. Лермонтов, А. Полежаев, Е. Баратынский, А. Фет
2	Земля		А. Межиров, З. Гиппиус, Б. Пастернак, Н. Рыленков
3	Идти	+	
4	Сердце		З. Гиппиус, А. Ахматова, М. Петровых, Е. Баратынский, А. Фет, М. Лермонтов, К. Рылеев
5	Река		А. Твардовский, Г. Иванов
6	Солнце		М. Зенкевич, К. Бальмонт, А. Ахматова, Б. Пастернак
7	Детство		Н. Гумилев, З. Гиппиус, Н. Рыленков
8	Рыба		
9	День	+	А. Пушкин, А. Блок, А. Белый
10	Знать	+	
11	Снег		Г. Иванов, Б. Пастернак
12	Вода		О. Мандельштам, З. Гиппиус, А. Межиров
13	Душа		К. Рылеев, М. Лермонтов, К. Бальмонт, З. Гиппиус
14	Друг	+	К. Рылеев, А. Грибоедов, Е. Баратынский, А. Ахматова
15	Ветер		А. Белый, К. Бальмонт, А. Ахматова, Г. Иванов, А. Межиров
16	Песня		А. Фет, А. Пушкин, А. Ахматова
17	Лететь		
18	Лес		Б. Пастернак, А. Вознесенский
19	Рука		М. Лермонтов, В. Высоцкий, А. Ахматова
20	Человек	+	Б. Пастернак, Н. Гумилев
21	Видеть	+	
22	Весна		Г. Иванов, А. Блок, Н. Рыленков
23	Волна		Вяч. Иванов, Ф. Тютчев, К. Бальмонт, М. Лермонтов
24	Небо		Н. Гумилев, Ф. Тютчев, Б. Пастернак, З. Гиппиус
25	Ночь		А. Фет, Б. Пастернак, М. Петровых
26	Тайга		
27	Путь		З. Гиппиус, Вяч. Иванов, А. Межиров, А. Ахматова
28	Объ		
29	Год	+	Б. Пастернак, З. Гиппиус, А. Твардовский, В. Высоцкий
30	Дорога		З. Гиппиус, Н. Рыленков, Б. Пастернак

Больше всего совпадений было отмечено между словарями частотной лексики Р. Ругина и Б. Пастернака, З. Гиппиус, Г. Иванова, А. Ахматовой, М. Лермонтова. К лексическим единицам, составляющим, по результатам данного этапа исследования, специфическую, индивидуальную поэтическую лексику Ругина, относятся следующие: *рыба, лететь, тайга,*

Обь. Можем предположить, что эти лексические единицы будут также отмечены в частотных словарях других национальных поэтов, представляющих северный локальный текст.

Анализ словаря частотной лексики позволяет судить о тематическом диапазоне творчества поэта. Действительно, представленный словарь может характеризовать Ругина как автора пейзажно-философской лирики, певца родного северного края, представителя национальной культуры ханты, который стремится познакомить читателя с особенностями жизни хантыйского народа, показать подлинную суть национального характера.

При детальном рассмотрении частотного поэтического словаря Ругина очевидно выделяется группа акватической лексики: *река, рыба, вода, волна, Обь*. Она может быть дополнена другими единицами, которые не вошли в «лидеры» его поэтического словаря, но также часто употребляются: *лодка* (употреблено 38 раз), *колданка* (4), *сеть* (33), *весло* (30), *берег* (16), *ручей* (15), *ручеек* (6), *невод* (7), *родник* (5), *плыть* (14), *уплывать* (6), *выплывать* (4), *плескаться* (5), *всплеск* (4), *плеск* (4), *плеснуть* (3) и т.д. Как отмечает исследователь О.В. Руднева, «вода как стихия и все, что с ней связано (рыбы, лодки)», являются в творчестве Ругина ключевым «пространством-источником концептов внутреннего мира» человека, что объясняется как «поэтикой его творчества, отражающей мировоззрение и мироощущение хантыйского народа», так и «жизненным опытом самого писателя» [Руднева, 2022, 46].

Вода как стихия и первооснова всего сущего почиталась во многих традиционных культурах. Обобщая их опыт, исследователь Е. Хельберг-Хирн писала: «Природные свойства воды в контексте традиционной культуры переосмыслены как магические, разнообразные мифологические связи воды с потусторонним миром позволяют рассматривать ее как универсальный медиатор», как посредника между мирами живых и мертвых. «В мифопоэтической традиции вода также включена в архаически не расчлененный комплекс жизни и смерти» [Хельберг-Хирн, 1994, 151–154].

В национальной культуре ханты вода является особо почитаемой стихией, имеющей сакральный статус. С водой связано множество магических практик и ритуалов, чтимых и соблюдаемых народом ханты. Как отмечает Т.В. Волдина, «почитание реки как символа жизни у обских угров в прошлом имело большое значение: люди не позволяли себе осквернять реку, не входили в воду купаться, не стирали там белье, не бросали мусор, не позволяли плюнуть в воду. Почитание воды велико и сегодня. Обязательным и общепринятым считается обряд окропления головы вешней водой: перед тем как сесть в лодку, люди трижды символически омывали голову водой и просили у духов воды удачи на промысле и защиты на воде» [Волдина, 2016, 86].

Сакральные образы воды и реки, представленные в поэзии Ругина, не только коренятся в близости к традиционной культуре его народа, но и связаны с жизнью его семьи, его личной биографией. Он признавался: «Моя

жизнь была тесно связана с рекой. Отец мой – потомственный рыбак. Жизнь народа ханты от удачной рыбалки зависит во многом. Хороший улов – это праздник, его, как правило, делили с родными и соседями» [Создатели национальных финно-угорских литератур и фольклора].

Безусловно, доминантное положение акватической лексики в поэзии Ругина обусловлено не только частотой ее употребления, но и способностью выступать в качестве «строительного материала» для художественных образов, включаться в создание образных парадигм, которые были выявлены и описаны на втором этапе исследования.

Создавая акватические образы, Ругин дает *воде* самые разнообразные характеристики. Часть из них можно отнести к объективным, воспринимаемым различными органами чувств лирического героя. Он именует воду *студеная, прозрачная, чистая, светлая, штормящая*. Другие характеристики передают субъективное восприятие и оценку воды героем. Вода в стихах Ругина может *молчать* или *несмело отвечать, улыбаться, нежиться, смеяться*, может быть *целебной* и *сладкой*, поэт называет ее *матушкой* и *кормилицей*.

Столь же многообразны свойства *реки* в восприятии лирического героя: она *гневная, тихая, родная, бушующая, могучая, черная, седая*. Улавливая мельчайшие природные изменения, поэт находит для них выразительные и точные характеристики. Например, в стихотворении «В ожидании всплеска весел», характеризуя весенние перемены, автор замечает: «Шебуршит река шугой» (шуга – мелкий рыхлый лед, появляющийся во время ледохода), таким образом, он добавляет выразительную звуковую деталь к картине весеннего пейзажа. Как отмечают С.А. Комаров и О.К. Лагунова, река в изображении Р. Ругина «всемогуща и самодостаточна», она обладает «своим разумом, духовным строем, который сложен, многообразен, динамичен» [Комаров, Лагунова, 2003, 104].

Река в стихах Ругина часто обретает антропоморфические черты: она *зовет, играет, обнимается с солнцем*:

Ах, когда же ручейки,
Родники и реки
Развернутся, широки,
Зажурчат в разбеге?
Переплавят твердь снегов,
Вольно разливаясь,
Среди леса и лугов
С солнцем обнимаясь?..

Река *обручается с небом, преподает герою уроки истории, вступает с ним в союз*:

Не безмолвны мысы на Оби <...>
В именах история сама,
И преподает ее река...

Она *матушка, кормилица, щедрая и добрая*:

Ты ли это, матушка-Обь,
Щедрая, добрая – это ль ты?

Весной, перед ледоходом река копит подо льдом воду, словно *веселую злость*. В стихотворении «Монолог реки» этот акватический образ выступает в роли лирической героини, рассказывающей о своих свойствах и достоинствах. Антропоморфность образа реки достигает той степени, когда у природного образа появляются телесные детали. Например, в стихотворении «Каменные мысы-перекаты» скалы душат горло реки.

Устойчива в поэзии хантыйского автора образная парадигма «река – девушка / женщина», которая в ряде лирических текстов обрастает разнообразными деталями и характеристиками. У нее есть лицо, которое может быть изобразлено морщинами – следами проплывающих лодок:

Лодка прорежет
морщинку на светлом лице,
Я улыбнусь и разглажу
случайную складку...

Лицо это может темнеть, когда на реке поднимаются волны:

Река темнеет – ее лицо
Становится черным, как дно котла...

В такие моменты герой вступает с рекой в схватку, меряется силами, и эти столкновения позволяют ему познать и реку, и самого себя:

А я ее и такой люблю –
Пусть волны ялятся, пусть ветер лют.
Ее не раз я одолевал,
Не раз сшибался с ней грудь на грудь,
Не раз в поединке с ней познавал
Ее характер
и свой чуть-чуть.

Неоднократно поэт добавляет к образу реки и такую деталь, как губы, рисуя ее страстный поцелуй со стремительным весенним ручьем. Изображая постепенно обретающий силу ручей, Ругин сравнивает его то с горностаем, то с оленем, то с медведем, приводя его веселый и неудержимый бег к поцелую как кульминационной точке стихотворения:

Несется, ласковый и грубый,
И лишь тогда найдет покой,
Когда с налета, губы в губы,
Вдруг поцелуется с рекой!

Интересно, что в «женском» характере реки поэт подчеркивает ветреность, легкость, задавая ей в финале стихотворения вопрос, помнит ли она, какой из таких поцелуев помог ей «взломать свой потемневший толстый лед» и

обрести свободу. Антропоморфность, «непокорный и строптивый характер» образа реки выделяет и исследователь В.Л. Сязи [Сязи, 2019, 188].

Акватический образ становится более детализированным и эмоциональным, когда нарицательное существительное «река» сменяется на гидроним «Обь», словно вместе с именем к образу приходит и более яркий и индивидуализированный характер, усиливается и углубляется его связь с лирическим героем:

Обь сегодня,
Как молодая девица,
Волн шелка под ветром ворошит,
Изумить меня она надеется,
А точнее сказать – заморозить...

В автобиографическом стихотворении «Обь» поэт признается в любви к этой сибирской реке, утверждает особую роль, которую она сыграла в его жизни:

Может, есть красивей где-нибудь,
Но любимей рек на свете нет!
Обь-река, ты жизненный мой путь
Мне указывала с детских лет.
Разжигая дерзкие мечты,
В дали заповедные маня,
Мудрости меня учила ты,
Человеком сделала меня...

Воплощаются при изображении реки в стихах Ругина и мифопоэтические представления народов Югры. Так, в стихотворении «В Оби день за днем прибывала вода...» картина весеннего ледохода соединяет в себе черты реалистичной детализированной пейзажной зарисовки с мифом, героем которого является Менг, или Менкв, – антропоморфный великан-людоед в хантыйской и мансийской мифологии [Герасимова, 2013; Попова, 2013; Тяботов, 1991]. Интересно, что если традиционно этот персонаж изображается в мифологических текстах кровожадным лесным чудовищем и в других произведениях Р. Ругина наделяется свирепостью и грозит гибелью героям [Усанова, 2024, 102], то в указанном стихотворении он лишается негативных характеристик, представляясь сказочным персонажем, помогающим силам природы:

Казалось, что сказочный Менг-великан
Дубиной по льду колотил,
И льдины бежали, крошась, в океан
И гибли в дороге без сил.
Казалось, прогнившая шкура рвалась!
И тут же на льдинах неслись
И бревна, и стружки, и черная грязь –
Мазутная жирная слизь.

Весна повсеместно вступала в права,
Повергнув противника в прах.
В лугах заливных зеленела трава,
И рыба плескалась в сорах.

Намеченная несколькими штрихами в первой части поэтического текста экологическая проблематика (бревна, стружки, остатки мазута, которые вместе с льдинами плывут по весенней реке) становится центральной во второй его части, заставляя лирического героя, наблюдающего картину весеннего обновления природы, задаваться мучительными риторическими вопросами:

А грязь да мазут – их куда унесло?
Неужто – в иные миры?
Нет!
Здесь же, в земле, словно черное зло,
Укрылись они до поры.
Извечно река очищает с весной
Себя и свои берега,
Но ей все труднее работать одной,
И слышу я стон ее – трудный, больной.
Неужто во мне суждено ей, родной,
Однажды увидеть врага?

Так в данном тексте реальное в изображении реки переплетается с мифологическим, актуальное – с вневременным и вечным, личное – с общечеловеческим, бытовое – с бытийным.

Еще одним акватическим образом, составляющим значимую семантическую доминанту в поэзии Р.П. Ругина, является образ *волны*. Волна наделена в стихотворениях хантыйского автора антиномичными свойствами: она может быть *страшной, злой, грозной, грозовой, вздыбленной, угрюмой, яростной*, но и *легкой, ленивой, ласковой*. Причем связано это не только с изображением физически и реально различающихся по интенсивности природных явлений, объяснимых изменениями силы ветра, но и, главное, с динамикой взаимоотношений лирического героя с водной стихией, а также мифопоэтическими представлениями его народа. Называя волны дочерьми Духа Воды, Ругин при их изображении акцентирует зооморфные черты. Волны в его стихах – это *водные гривы*, поэт сравнивает их со *спинами чудищ*, с *большими злыми собаками* с оскаленными зубами; у волн есть *яростные пасти, гривы, загривки и бедра*, по которым их бьет ветер. В некоторых стихах волны подобны *осетровым головам, связкам оленьих шкур* – поэт использует образы, навеянные бытовой материальной культурой и особенностями жизни народа ханты. Лирический герой стихов Ругина – рыбак – зачастую вступает в схватку с речными волнами, которые проверяют на прочность его характер, испытывают его физическую и духовную силу. Одержав в ней победу возможно только опытному человеку, чтящему заветы предков, находящемуся в тесной связи с силами природы. Одну из таких схваток поэт изображает в стихотворении «Не раз случалось видеть мне...»:

Не раз случалось видеть мне,
Как грозная волна,
Начавшись где-то в глубине,
Злой удали полна,
Оскалив яростную пасть,
Идет сплошной стеной.
И трудно было –
Не упасть,
Не встать к волне спиной.

Как уже отмечалось нами ранее, «эта зарисовка из жизни героя-рыбака преобразуется в размышления о сущности жизни, органично сочетающей периоды острой борьбы с моментами блаженного покоя, и это философское, медитативное размышление примиряет героя с природой, напоминает об их родстве и близости» [Усанова, 2025, 184–185]. Во второй части стихотворения яростная и злая волна становится ласковым зверьком, подвластным герою. Когда он примиряется с трудностями жизни, вызовами природы, то начинает ощущать ее гармонию, понимать мудрость и доброту обской волны, и это открывает перед ним возможность постижения сущности жизни. Образ реальной речной волны перекликается в стихотворении с метафорическими *волнами прошлых дней* и *волнами радости в душе* лирического героя, что подчеркивает его единство и родство с окружающим миром. Стихотворение завершается метафорой «река – жизнь», акцентирующей философский характер лирической картины:

Болота, тундру,
Степь и топь
Пронесут волны лет.
А жизнь идет,
Течет, как Обь,
И ей – предела нет.

В другом поэтическом тексте – стихотворении «Ветер задует – река гневна...», имеющем сходное начало – зарисовку штормовой реки и яростных волн, лирический герой, несмотря на необходимость сражаться с агрессивной водной стихией, сразу заявляет свое отношение к ней:

Как спины чудищ, там посреди
Волны фарватерные страшны.
Тот, кто неопытен, – погоди
Испытывать норы обской волны.
Не то что лодке – и кораблю
Иному худо пришлось бы тут...
А я ее и такой люблю –
Пусть волны ярятся, пусть ветер лют.

В стихотворении «Волны, оставьте свой хохот и лай...» герой вступает в диалог с волнами, ветром, Духами Земли и Воды – самой Природой, пытаясь понять, по каким законам она существует. Природа рассказывает ему об особой «нитке жизни», прикосновение к которой дарит возможность

испытать из чаши Мудрости. Лирический герой приходит к мысли, что все в природе взаимосвязано. Даже ее кажущаяся враждебность к человеку – часть единой жизненной силы, которая развивается и действует по своим собственным мудрым законам.

Герой Ругина неоднократно подчеркивает особую роль речных волн, которую они сыграли в его становлении, укреплении его тела и духа:

Обские волны качали меня
С детства военного, скудного,
Дух закаляя и мышцы граня
Впрок – для пути многотрудного.

В ряде лирических текстов образ речной волны, ее звучание становятся для героя связующими звеньями с прошлым, приметами родной земли и своего народа, с которыми он разделен во времени или пространстве. Например:

Столько раз первозданно звучало
И звало, и манило туда,
Где мой след
взял живое начало...
В память давнюю я вовлечен
И опять возвращаюсь обратно –
К колокольцам весенних ручьев,
Слышу обской волны перекаты...
Будто чую дыханье костров...

Или:

Чуть под ногами хрустнет ветка,
Волна плеснет, легка, –
Я снова слышу голос предка
Сквозь годы и века...

В поэзии Ругина не только создается развернутый образ реки, волны или водной стихии, но и сами акватические образы становятся вторым компонентом сравнения или метафоры. Так, устойчиво в стихах хантыйского автора уподобление далеких детских воспоминаний реке под коркой зимнего льда, восходящее к образной парадигме «память – река»:

Вспоминаю далекое детство свое,
Каганец одинокого чума,
Урагана полярного волчье вытье
Среди мглистой пустыни угрюмой.
Ни прожилочки мяса, ни хлеба куска,
Голод пахнет лучиною горькой.
Словно память моя, как в морозы река,
Вмиг схватилась ледовой коркой.

Интересно также сравнение убывающего числа односельчан-фронтовиков с уменьшением количества притоков реки:

И вижу: все меньше вас, фронтовики!
Так в пору межени, в сезон обмельня
Все меньше притоков у нашей реки...

Не только река, волна и вода становятся объектом изображения Р. Ругина, но и водные обитатели. Исследователи творчества хантыйского автора неоднократно обращались в своих работах к этому аспекту его поэтики. С.А. Комаров и О.К. Лагунова называют образ нельмы одним из любимых, «порождающих целые гнезда смысловых переносов» [Комаров, Лагунова, 2003, 107–108]. Е.Н. Эртнер анализирует сравнения рыбы и снега в прозе Р. Ругина [Эртнер, 2014]. Многочисленные сравнения с ихтиологическим компонентом в творчестве писателя рассматривает В.Л. Сязи [Сязи, 2018]. О.В. Руднева отмечает «ихтиологический фокус в рассмотрении мира в художественном сознании писателя» [Руднева, 2022, 46]. Кроме того, «рыболовный дискурс», как считает А.Д. Каксин, является одним из самых распространенных в языках и культуре северных народов [Каксин, 2020], что маркирует литературное творчество Р.П. Ругина как представителя северного локального текста.

Говоря о рыбе, хантыйский поэт находит для ее определения тонкие и выразительные эпитеты: *резвая, упругая, серебряная, золотая, драгоценная, дивная*. При изображении зарисовок из жизни рыбаков поэт использует как универсальную лексему «рыба», так и названия конкретных пород: муксун, нельма, осетр, налим, щука и др.:

Хант шептал: не уплывай, налим!
Должен ты запутаться в сети,
Чтобы мне удачу принести!
<...>
Брат муксун пускай плывет сюда,
Мне пора закинуть невода.
Мой кормилец, кликни мне отсюда
Тестя – нельму и в сети запутай,
Да четырехусова, хитра,
Пригласи мне зятя – осетра!

Анализируя как поэтические, так и прозаические тексты Р. Ругина, О.В. Руднева констатирует, что хантыйский автор сравнивает с повадками различных пород рыбы характер человека, его поведение, особенности мыслительной деятельности [Руднева, 2022, 46–48]. В.Л. Сязи отмечает, что «ихтиологические сравнения Ругина дают читателю подсказки для более глубокого понимания поведения персонажей, акцентируют внимание на мифологическом мировоззрении народа» [Сязи, 2018, 311].

Чрезвычайно богаты в стихах Ругина образные парадигмы с ихтиологическим компонентом. Так, рыбе могут уподобляться звезды, песни поэта, береза, сердце влюбленного, немцы, сама же рыба – древнегреческому Икару; рыбьей чешуе подобны речная пена, осенние листья, спесь, брызги,

а сама чешуя – золотым монетам. С рыбьей икрой могут сравниваться снег и слова любви, с рыбацкой сетью – небо и сердце (табл. 3).

Таблица 3

Образные парадигмы с ихтиолоксикой в составе в стихах Р. Ругина

Образная парадигма	Пример
Звезды – рыбки Небо – сеть	Россыпь <i>звездных огней</i> – Как попавшие в <i>сеть</i> по ошибке И застрявшие в ней <i>Золотые небесные рыбки...</i>
Речная пена – рыба чешуя	И у ног моих ложилась <i>пена</i> – <i>Рыбьей серебристой чешуей...</i>
Сердце – сети Песни – рыба	<i>Сердце</i> перед всей землей в долгу, <i>Песнями</i> полно, как <i>рыбой</i> – <i>сети...</i>
Береза – рыбка Листья – чешуя	Мне <i>золотой</i> показалась <i>Рыбкой</i> береза сама. Так и сверкает, слетая, Блещущая <i>чешуя...</i>
Снег – рыба икра	На кусты, на речные изгибы Опускается <i>снег</i> поутру, Будто в небе <i>огромные рыбы</i> Изобильную мечут <i>икру...</i>
Немец – рыба Спесь – чешуя	Как с <i>рыб чешую</i> – с <i>немца</i> счи- стили <i>спесь...</i>
Слова – икринки Сердце – рыба	Сколько <i>слов</i> , как <i>рыбина икри-</i> <i>нок</i> , <i>Сердце</i> восхищенное рождало!..
Рыба чешуйка – золотая монета	И <i>чешуйка рыба</i> на песке Мне дороже <i>золотых монет!</i> ..
Рыба – Икар	Я помню, как отец мне говорил: – Раз плещут <i>рыбы</i> , значит, бу- дем сыты! – ... Одни из них взлетают просто так, Подобием подводного <i>Икара</i> ...

Сопоставление выявленных в поэтических текстах Р. Ругина образных парадигм с ихтиологическим компонентом с результатами масштабного исследования русской художественной литературы XVIII–XX веков, представленными в «Словаре поэтических образов» Н.В. Павлович [Павлович, 2009], позволило сделать следующие наблюдения.

Ихтиологический компонент достаточно активно функционирует в русской поэзии и художественной прозе. С рыбой и различными ее разновидностями могут сравниваться: люди, различные животные и птицы (лошадь, овца, ворон), тело человека в целом и различные его части (лицо, колено, рука, рот и улыбка, щека), человеческие волосы (челка, усы) и глаза, душа и сердце, жизнь и смерть,

мир и Вселенная, различные чувства и ментальные состояния (отчаяние, боль, любовь, мечта), виды транспорта, орудий труда и оружия и мн. др. Представлены в русской художественной словесности также уподобления икре, чешуе, рыболовной сети. Ихтиологический компонент включается в структуру художественных образов многими русскими поэтами разных эпох и литературных течений: Г.Р. Державиным, Н.А. Некрасовым, Л.А. Меем, С.М. Городецким, В.Я. Брюсовым, И.Ф. Анненским, С.А. Есениным, Н.С. Гумилевым, В.Г. Шершеневичем, В. Хлебниковым, В.В. Маяковским, И.А. Буниным, А.А. Блоком, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштамом, М.И. Цветаевой, Б.Л. Пастернаком, Н.А. Клюевым, И.А. Бродским, П.Н. Васильевым, Ю.П. Мориц, А.А. Вознесенским, Е.А. Евтушенко, А.А. Тарковским, С. Черным, А.С. Кушнером и мн. др.

Приведем некоторые примеры, сопоставив их с отмеченными в поэзии Ругина образными парадигмами с ихтиолексикой в составе (табл. 4).

Таблица 4

Образные парадигмы с ихтиологическим компонентом в русской поэзии

Образная парадигма	Примеры из русской поэзии	Примеры из стихотворений Р. Ругина
Сердце – рыба	И <i>сердце</i> бьется, сердце рвется Счастливым пойманным <i>лецом</i> (Е. Шварц) И там, где <i>сердце</i> вспыхивало хрестоматийно лучшей острой палисады, Теперь тычется <i>корюшка</i> мрачно, колется сокрушенно <i>ба- рабулька</i> (Н. Кононов) <i>Сердце</i> – чайка или <i>рыба</i> , одно (Всеv. Иванов)	Сколько слов, как <i>рыбина</i> икринок, <i>Сердце</i> восхищенное рож- дало!..
Звезды – рыбы	Синие забрезжут реки, Просверлив все преграды глыб. И заря, опуская веки, Будет <i>звездных</i> ловить в них <i>рыб</i> (С.А. Есенин) И <i>звезды</i> , как <i>рыбки</i> , блестят (Н.М. Олейников)	Россыпь <i>звездных огней</i> – Как попавшие в сеть по ошибке И застрявшие в ней <i>Золотые небесные рыбки...</i>
Дерево – рыба	Как <i>лещ</i> наживку, ловят <i>ели</i> Луча янтарную иглу (Н.А. Клюев) Я начинаю год, и рвет огонь на пустыре иссохшей <i>елки</i> остов – обглоданного <i>окуня</i> скелет! (И.А. Бродский)	Мне <i>золотой</i> показалась <i>Рыбкой береза</i> сама

Немцы – рыба	Словно <i>рыбу</i> , <i>немцев</i> глушит, – Про «Катюшу» говорят» (М.В. Исаковский)	Как с <i>рыб</i> чешую – с <i>немца</i> счистили спесь...
Рыба – божество, мифологическое существо	И этот <i>малек</i> , как <i>Левиафан</i> , Плывет по морским закатам (Э.Г. Багрицкий) И вдруг усатый черный <i>черт</i> Чуть не уткнулся носом в борт, Свои усища растопырив, Усом задев мешок с овсом: Полуторасаженный <i>сом</i> (И. Северянин)	Я помню, как отец мне говорил: – Раз плещут <i>рыбы</i> , значит, будем сыты! – ... Одни из них взлетают просто так, Подобием подводного <i>Икара</i> ...
Чешуя – деньги (копейки, монеты)	Закованный в бронзу с боков, Он (карп. – <i>И. У.</i>) плыл в темноте колеи, Мигая в лесах тростников <i>Копейками чешуи</i> (Э.Г. Багрицкий)	И <i>чешуйка рыба</i> на песке Мне дороже <i>золотых монет</i> !..

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в своем творчестве Р. Ругин как актуализирует уже существующие в поэтической традиции образные парадигмы (сравнение рыбы со звездами, деревом, сердцем; чешуи – с деньгами), так и вводит новые, не встречавшиеся ранее (рыба – песня; чешуя – пена, листья; икра – снег; сеть – небо, сердце). На основе материалов «Словаря поэтических образов» Н.В. Павлович можем констатировать, что в большинстве случаев авторы используют ихтиологическую образность точно, многократно, в то время как ее введение в стихи Р. Ругина носит системный характер, отражает образ жизни, особенности культуры и ментальности его народа, составляет важную черту его поэтики.

С.А. Комаров и О.К. Лагунова отмечают, что «самохарактеристики лирического героя Романа Ругина выражают установку поэта на объемное воплощение цельности самого типа мироощущения представителя народа ханты с его корневыми, традиционными ценностями» [Комаров, Лагунова, 2003, 106]. Поэт нередко признавался, что и источником вдохновения, и «строительным материалом» творчества являются для него национальная культура и сама окружающая действительность. Таковы же происхождение и особенности функционирования в его лирическом творчестве ихтиологической и – шире – акватической образности.

В час, когда на розовом рассвете
Сердце перед всей землей в долгу,
Песнями полно, как рыбой – сети, –
Я не быть поэтом не могу!
Зори наши, реки и равнины
Тысячи сравнений дарят мне
Ярких, как мелькающие спины
Быстрых нелм в бушующей волне.
Воздух моего родного края,

Свет и краски северного дня
Входят в сердце, сердце покоряя,
И поэтом делают меня.

Образы воды, волны, реки и представителей ихтиофауны являются в творчестве Р.П. Ругина элементами целостного образа родной природы, воспринимаемой поэтом всеми органами чувств и многогранно воссоздаваемой. Ее краски, звуки, запахи и рождаемые ими ощущения и размышления сообщают его стихам особый колорит. Акватические и ихтиологические образы помогают автору передать читателю красоту суровой северной природы, а также особенности менталитета, мировоззрения и мировосприятия народа ханты.

Применение специализированного программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» позволило выявить семантические доминанты в творчестве Р.П. Ругина: сформировать словарь частотной лексики его стихотворений, демонстрирующий тематический ореол лирики, выявить систему образных парадигм, элементами которых стали доминантные слова-образы, что в целом дополняет характеристику художественного мира хантыйского поэта.

ЛИТЕРАТУРА

Баевский В.С., Романова И.В., Самойлова Т.А. Русская лирика XIX–XX веков в диахронии и синхронии. URL: <http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-9-html/baevskii/baevsky.htm> (дата обращения: 24.06.2025).

Барановский П.С. Автоматический анализ колоративной лексики в лирике Бориса Рыжего // Квантитативная филология. 2021. № 1. С. 73–80.

Волдина Т.В. Огонь как связующее и трансформирующее начало и вода как символ жизни и смерти в традиционной культуре обских угов // Финно-угорский мир. 2016. № 2(27). С. 83–89.

Герасимова Д.В. Пантеон мансийских божеств // Финно-угорский мир. 2013. № 1. С. 83–88.

Горев Н.Д., Горюнова М.Е. Текст как объект количественно-морфологического исследования // Культура и текст. 2018. № 2(33). С. 216–229.

Ежов В.В., Павлова Л.В., Романова И.В. Константы армянского текста русской поэзии // Квантитативная филология. 2024. № 2(8). С. 50–59.

«И цифры как-то сходятся в слова»: поэзия И. Бродского в фокусе количественной филологии: коллективная монография / И.В. Романова [и др.]. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 328 с.

Каксин А.Д. Человек и его дело: особенности «рыболовного дискурса» в хантыйском языке // Кунсткамера. 2020. № 1(7). С. 51–59.

Комаров С.А., Лагунова О.К. На моей земле: О поэтах и прозаиках Западной Сибири последней трети XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2003. 352 с.

Косинцева Е.В. Историческая тема в прозе Р.П. Ругина // Вестник угроведения. 2018. Т. 8, № 2. С. 259–267.

Косинцева Е.В. Образ Праведника в прозе Р.П. Ругина // Вестник угроведения. 2012. № 2(9). С. 42–49.

Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура: коллективная монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 214–233.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 24.06.2025).

Павлова Л.В., Романова И.В. «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» // *Litera*. 2022. № 12. С. 20–32. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.12.39276. EDN: ZASFPF.

Павлова Л.В., Романова И.В. Устойчивые лексические комбинации в книжной поэтической «Персональной серии» в свете компьютерного исследования и авторской рефлексии // *Известия Смоленского государственного университета*. 2021. № 2(54). С. 64–79.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале художественной литературы XVIII–XX веков. В 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 2009.

Полякова Л.В. Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // *Филологическая регионалистика*. 2015. № 3–4(15–16). С. 7–16.

Попова С.А. Этническая история и мифологическая картина мира манси. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 86 с.

Роман Прокопьевич Ругин. Стихотворения. URL: <https://rugin.yanao.ru> (дата обращения: 24.06.2025).

Руднева О.В. Этнолингвокультурная специфика репрезентации концептов внутреннего мира человека в творчестве Р.П. Ругина // *Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2022. № 4(12). С. 44–53. DOI: 10.26105/PBSSPU.2022.48.62.009.

Создатели национальных финно-угорских литератур и фольклора. Р.П. Ругин. URL: <https://fulr.karelia.ru/cgi-bin/flib/viewsozdat.cgi?id=113> (дата обращения: 24.06.2025).

Сязи В.Л. Предмет как этнический маркер: рыболовная сеть в творчестве Р.П. Ругина // *История, языки и культура северных народов: материалы всероссийской научно-практической конференции XVII Югорские чтения*. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2019. С. 184–193.

Сязи В.Л. Сравнения с ихтиологическим компонентом как средство создания образа в прозе Р.П. Ругина // *Вестник угроведения*. 2018. Т. 8, № 2. С. 309–316.

Тяботов М.А. Об отражении в топонимии религиозных и мифологических представлений ханты // *Номинация в ономастике*. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. С. 111–125.

Усанова И.А. «И ручья таежного звучанье я ушей арканами ловлю»: этнокультурный компонент музыкальной образности поэзии Р.П. Ругина // *Слово. Текст. Контекст*. 2025. № 2(22). С. 177–188. DOI: 10.69571/PBSSPU.2025.22.2.012.

Усанова И.А. Мотив танца в поэзии Р.П. Ругина // *Слово. Текст. Контекст*. 2024. № 1(17). С. 96–110. DOI 10.69571/PBSSPU.2024.17.1.021.

Хельберг-Хирн Е. Живая и мертвая вода // *Смерть как феномен культуры: межвузовский сборник научных трудов*. Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 1994. С. 151–154.

Храпова В.А. Региональный текст как фактор организации современного социального пространства // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18, № 4. С. 102–197.

Цымбалистенко Н.В. Вернуть народу утерянные ориентиры // Ругин Р.П. *Избранное: повести*. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. С. 3–12.

Цымбалистенко Н.В. Мелодии Полярного круга // *Бард снежной державы: Страницы жизни и творчества Романа Ругина* / ред. Н.С. Сотникова. Екатеринбург: Сред.-Ур. кн. изд-во, 2000. С. 53–68.

Цымбалистенко Н.В. Север учил, ничего не тая... (Творчество Романа Прокопьевича Ругина): монография. Салехард: Красный Север, 2008. 56 с.

Эртнер Е.Н. Метафорическая интенция в прозе Р.П. Ругина // *Вестник Тюменского государственного университета. Филология*. 2014. № 1. С. 131–137.

Югорский текст как поликультурный феномен: коллективная монография / гл. ред. Д.В. Ларкович. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2023. 384 с.

Piugrenier C. L'oeuvre de Roman Rugin: La terre enchantée: La littérature au service du réveil de la conscience nationale khanty. Traduction commentée. I.N.A.L.C.O. 2000–2001. 123 p.

I.A. Usanova

PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Philological Education and Journalism,
Surgut State Pedagogical University
Surgut, Russia

Semantic Dominants of R.P. Rugin's Poetry (Experience of Quantitative Analysis)

The article examines the semantic dominants of the poetry of the Khanty author R.P. Rugin, identified using quantitative methods of studying literary texts and using a specialized software package «Hypertext search for satellite words in author's texts». A dictionary of frequency vocabulary of the author's poetry was compiled and analyzed, dominant artistic images (water, rivers, waves, fish), key figurative paradigms, including aquatic and ichthyological components, were identified and analyzed. The results of the study complement the characteristics of the artistic world of the Khanty poet.

Keywords: *R.P. Rugin; Khanty literature; quantitative analysis; image of water; wave image; image of a river; image of a fish; aquatic images; ichthyological images.*

REFERENCES

- Baranovsky P.S. Automatic analysis of color vocabulary in the lyrics of Boris Ryzhiy [Avtomaticheskii analiz kolorativnoi leksiki v lirike Borisa Ryzhego]. *Quantitative Philology*, 2021. No. 1. Pp. 73–80 (in Russian).
- Voldina T.V. Fire as a connecting and transforming principle and water as a symbol of life and death in the traditional culture of the Ob Ugrians [Ogon' kak sviazuiushchee i transformiruiushchee nachalo i voda kak simbol zhizni i smerti v traditsionnoi kul'ture obskikh ugrov]. *Finno-Ugric World*, 2016. No. 2(27). Pp. 83–89 (in Russian).
- Gerasimova D.V. Pantheon of Mansi deities [Panteon mansiiskikh bozhestv]. *Finno-Ugric World*, 2013. No. 1. Pp. 83–88 (in Russian).
- Gorev N.D., Goryunova M.E. Text as an object of quantitative-morphological research [Tekst kak ob"ekt kvantitativno-morfologicheskogo issledovaniia]. *Culture and Text*, 2018. No. 2(33). Pp. 216–229 (in Russian).
- Ezhov V.V., Pavlova L.V., Romanova I.V. Constants of the Armenian text of Russian poetry [Konstanty armianskogo teksta russkoi poezii]. *Quantitative Philology*, 2024. No. 2(8). Pp. 50–59 (in Russian).
- Kaksin A.D. Man and his business: features of “fishing discourse” in the Khanty language [Che-lovek i ego delo: osobennosti «rybolovnogo diskursa» v khantyiskom iazyke]. *Kumtskamera*, 2020. No. 1(7). Pp. 51–59 (in Russian).
- Komarov S.A., Lagunova O.K. On my land: About poets and prose writers of Western Siberia in the last third of the 20th century [Na moei zemle: O poetakh i prozaikakh Zapadnoi Sibiri poslednei treti XX veka]. Ekaterinburg: Central Ural Book Publishing House, 2003. 352 p. (in Russian).
- Kosintseva E.V. Historical theme in the prose of R.P. Rugin [Istoricheskaia tema v proze R. P. Rugina]. *Bulletin of Ugric Studies*, 2018. No. 2(8). Pp. 259–267 (in Russian).
- Kosintseva E.V. The image of the Righteous in the prose of R.P. Rugin [Obraz Pravednika v proze R.P. Rugina]. *Bulletin of Ugric Studies*, 2012, No. 2(9). Pp. 42–49 (in Russian).
- Kupina N.A., Bitenskaya G.V. Supertext and its varieties [Sverkh tekst i ego raznovidnosti].

Man. Text. Culture. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2004. Pp. 214–233 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Stable lexical combinations in the book poetic “Personal Series” in the light of computer research and author’s reflection [Ustoichivye leksicheskie kombinatsii v knizhnoi poeticheskoi «Personal’noi serii» v svete komp’iuternogo issledovaniia i avtorskoi refleksii]. *Issues of Smolensk State University*, 2021. No. 2 (54). Pp. 64–79 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. «Color» component of the frequency dictionary of the «Armenian text» [«Tsvetnaia» sostavliaiushchaia chastotnogo slovaria «armianskogo teksta»]. *Litera*, 2022. No. 12. Pp. 20–32 (in Russian).

Pavlovich N.V. Dictionary of poetic images: Based on the material of fiction of the 18th–20th centuries [Slovar’ poeticheskikh obrazov: Na materiale khudozhestvennoi literatury XVIII–XX vekov]. In 2 vols. Moscow: Editorial URSS, 2009. (in Russian).

Polyakova L.V. Philological regionalism as a science: towards the formulation of the problem [Filologicheskaiia regionalistika kak nauka: k postanovke problemy]. *Philological Regionalism*, 2015. No. 3–4 (15–16). Pp. 7–16 (in Russian).

Popova S.A. Ethnic history and mythological picture of the world of Mansi [Etnicheskaiia istoriia i mifologicheskaiia kartina mira mansi]. Khanty-Mansiysk: Yugrafika Publishing House, 2013. 86 p. (in Russian).

Romanova I.V., Pavlova L.V., Andreev S.N., Andreev V.S. «And the numbers somehow converge into words»: the poetry of I. Brodsky in the focus of quantitative philology [«I tsify kak-to skhoditsia v slova»: poeziia I. Brodskogo v fokuse kvantitativnoi filologii]. Saint-Petersburg: Publishing House RKhGA, 2023. 328 p. (in Russian).

Rudneva O.V. Ethnolinguocultural specificity of the representation of concepts of the inner world of man in the works of R.P. Rugina [Etnolingvokul’turnaiia spetsifika reprezentatsii kontseptov vnutrennego mira cheloveka v tvorchestve R.P. Rugina]. *Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2022. No. 4 (12). Pp. 44–53 (in Russian).

Syazi V.L. Subject as an ethnic marker: fishing net in the works of R.P. Rugina [Predmet kak etnicheskii marker: rybolovnaia set’ v tvorchestve R.P. Rugina]. *History, languages and culture of northern peoples: materials of the All-Russian scientific and practical conference XVII Ugra Readings*. Khanty-Mansiysk: LLC «Printed World of Khanty-Mansiysk», 2019. Pp. 184–193 (in Russian).

Syazi V.L. Comparisons with the ichthyological component as a means of creating an image in the prose of R.P. Rugin [Sravneniia s ikhtiologicheskim komponentom kak sredstvo sozdaniia obraza v proze R.P. Rugina]. *Bulletin of Ugric Studies*, 2018. No. 2(8). Pp. 309–316 (in Russian).

Tyabotov M.A. On the reflection of religious and mythological representations of Khanty in toponymy [Ob otrazhenii v toponimii religioznykh i mifologicheskikh predstavlenii khanty]. *Nomination in Onomastics*. Sverdlovsk, 1991. Pp. 111–125 (in Russian).

Usanova I.A. «The Murmur of Taiga Streams Caught in My Ears’ Snare»: Ethnocultural Component of Musical Imagery in Poetry by R.P. Rugin [«I ruch’ia taezhnogo zvuchan’ie ushei arkanami lovliu»: etnokul’turnyi komponent muzykal’noi obraznosti poezii R.P. Rugina]. *Word. Text. Context*, 2025. No. 2 (22). Pp. 177–188. DOI10.69571/PBSSPU.2025.22.2.012 (in Russian).

Usanova I.A. Motive of Dance in R.P. Rugin’s Poetry [Motiv tantsa v poezii R.P. Rugina]. *Word. Text. Context*, 2024. No. 1 (17). Pp. 96–110. DOI 10.69571/PBSSPU.2024.17.1.021 (in Russian).

Khrapova V.A. Regional text as a factor in organizing modern social space [Regional’nyi tekst kak faktor organizatsii sovremennogo sotsial’nogo prostranstva]. *Logos et Praxis*, 2019. No. 4(18). Pp. 102–197 (in Russian).

Helberg-Hearn E. Living and dead water [Zhivaia i mertvaia voda]. *Death as a cultural phenomenon. Interuniversity collection of scientific papers*. Syktyvkar: Syktyvkar State University, 1994. Pp. 151–54 (in Russian).

Tsymbalistenko N.V. To return the lost landmarks to the people [Vernut’ narodu uteriannye ori-entiry]. *Rugin R.P. Favorites*. Ekaterinburg, 2001. Pp. 3–12 (in Russian).

Tsymbalistenko N.V. Melodies of the Arctic Circle [Melodii Poliarnogo kruga]. *Bard of the Snowy Power: Pages of the Life and Work of Roman Rugin*. Edited by Sotnikova N.S. Ekaterinburg: Middle Ural book publishing house, 2000. Pp. 53–68 (in Russian).

Tsymbalistenko N.V. *The North taught without hiding anything ... (The work of Roman Prokopyevich Rugin)* [Sever uchil, nichego ne taia... (Tvorchestvo Romana Prokop'evicha Rugina)]. Sal-ekhard, 2008. 56 p. (in Russian).

Ertner E. N. Metaphorical intention in the prose of R. P. Rugin [Metaforicheskaia intentsiia v proze R. P. Rugina]. *Bulletin of Tyumen State University. Philology*, 2014. No. 1. Pp. 131–137 (in Russian).

Ugra text as a multicultural phenomenon [Iugorskii tekst kak polikul'turnyi fenomen]. Edited by Larkovich D.V. Tyumen: IPC «Express», 2023. 384 p. (in Russian).

Piugrenier C. L'oeuvre de Roman Rugin: La terre enchantée: La littérature au service du réveil de la conscience nationale khanty. Traduction commentée. I.N.A.L.C.O, 2000–2001. 123 p. (in French).

Baevsky V.S., Romanova I.V., Samoilova T.A. Russian lyrics of the 19th–20th centuries in diachrony and synchrony [Russkaia lirika XIX–XX vekov v diakhronii i sinkhronii]. Available at: <http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-9-html/baevskii/baevsky.htm> (accessed on June 14, 2025) (in Russian).

Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. New frequency dictionary of Russian vocabulary [Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki]. Available at: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed on June 14, 2025) (in Russian).

Roman Prokopyevich Rugin. Poems [Roman Prokop'evich Rugin. Stikhotvoreniia]. Available at: <https://rugin.yanao.ru> (accessed on June 14, 2025) (in Russian).

Creators of national Finno-Ugric literature and folklore. R.P. Rugin [Sozdateli natsional'nykh finno-ugorskiikh literatur i fol'klora. R.P. Rugin]. Available at: <https://fulr.karelia.ru/cgi-bin/flib/viewsoz-dat.cgi?id=113> (accessed on June 14, 2025) (in Russian).

О.Н. Владимиров

*Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского
государственного университета
Новокузнецк, Россия*

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-47-57

ПОВЕСТЬ К. СЕРГИЕНКО «БОРОДИНСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

Ключевые слова: *К. Сергиенко; «Бородинское пробуждение»; историческая проза; межтекстовые связи; сюжетообразующие мотивы; автор и герой.*

В статье рассматривается малоизученная повесть К. Сергиенко «Бородинское пробуждение» в контексте сюжетообразующих мотивов творчества писателя. С этим анализом связано имманентное прочтение произведения.

Утверждается, что сюжетной моделью для «Бородинского пробуждения», второй книги К. Сергиенко, является первая, «Кеес Адмирал Тюльпанов». Доказывается, что обе повести задают сюжетообразующую инерцию другим произведениям писателя, кроме последнего – «Фарфоровой головы». Инвариантный комплекс основных сюжетообразующих мотивов в прозе К. Сергиенко составляют странствия героев, в большинстве случаев рассказ-

чиков о своей судьбе, а в исторических произведениях – и об участии в национально-освободительной борьбе; их дружба со спутниками; их, и особенно героинь, тайны, соотнесенные с тайнами мест действия, чудесного цветка и звезд; ответственность за судьбу отечества и связанная с этим жертвенность; мечты о справедливом мироустройстве.

Контекстуальное прочтение книги позволяет выявить характер отношений автора и его протагониста и знаки авторского присутствия в ней (произведение как автобиография героя, перволичное повествование, стихи, реминисценции, параф и др.).

В «Бородинском пробуждении» выявляется также система повторов, способствующая формированию концепции истории в творчестве писателя.

Результаты представленной работы могут быть полезны в научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Обращение к статье возможно при изучении аллюзивной литературы, магического реализма конца XX века, эволюции исторического романа.

В анализе почти не исследованной повести К. Сергиенко «Бородинское пробуждение» (как и в целом творчества писателя) нельзя не учесть комплекс контекстов ее рассмотрения. Кроме других произведений об Отечественной войне 1812 года, в диалоге или полемике с которыми создавалась книга, это традиции европейской и русской исторической прозы, социокультурная ситуация 1970–1980-х годов и творчество современников писателя (историческая и квазиисторическая литература, фантастический реализм).

Предлагаемая статья ограничена изучением «Бородинского пробуждения» в контексте сюжетообразующих мотивов прозы писателя, не отрицающим внутритекстового анализа повести.

Инвариантный комплекс центральных сюжетообразующих мотивов в книгах К. Сергиенко составляют странствия героев, как правило рассказчиков и участников событий личной и национальной истории; их дружба со спутниками; их, и особенно героинь, тайны, соотнесенные с тайнами мест действия, чудесного цветка и звезд; ответственность за судьбу отечества и связанная с этим жертвенность; мечты о справедливом мироустройстве. Бездомье, неустойчивость существования героев дает им возможность самореализации (открытия иной реальности, воплощения мечты, встречи с судьбоносным случаем), позволяет хронике событий перерасти в биографию или в автобиографию. Свобода передвижения персонажей во многом мотивирована их сиротством, неприкаянностью. Часто они, юные и взрослые, путешествуют инкогнито. В поисках ответов на экзистенциальные вопросы путники движутся, даже во сне, как герой «Бородинского пробуждения», по горизонтали географического пространства и одновременно по вертикали памяти, знаний об историческом или легендарном прошлом.

Эти мотивы представлены уже в первой повести К. Сергиенко – «Кеес Адмирал Тюльпанов», являющейся сюжетной моделью для последу-

ющих его произведений, в том числе и для второго – «Бородинского пробуждения». Его герой – писатель, собирающий материалы к книге о Бородинском сражении в жаркое, такое же, как в 1812 году, московское лето. Сон уснувшего на Бородинском поле писателя оказывается его книгой, а он – центральным ее персонажем. Ему предстоит разрешить несколько тайн: тайну Берестова (ср. с также оставшимися безымянными героями «Белого ронделя», «Дней поздней осени», с Картонным человечком, неизвестно откуда взявшимся в начале сказки «Картонное сердце»; с тайной происхождения Насти, путешествующей инкогнито в «Тетради в сафьяновом переплете»), загадку Наташи, мистификацию Леппиха, «сокровенную тайну Бородинского поля» [Сергиенко, 1990, 22].

В поисках персонажей будущей книги герой, ощутивший «нерв тех великих дней» [Сергиенко, 1990, 18], в исторических документах трижды встречает упоминания о поручике Берестове. Проснувшись в 1812 году Берестовым, герой воссоздает его (свою) биографию из разрозненных сведений Сухоцкого, Листова, Ростопчина, Леппиха, Фальковского: они расспросами, предположениями, рассуждениями, воспоминаниями подсказывают, помогают герою понять, кто он, то есть тот, за кого героя в его сне-яви принимают.

«Троеликий Берестов – гусар, художник и офицер с таинственным поручением все более занимал мое воображение» [Сергиенко, 1990, 21], – это его признание оказывается в конце книги автохарактеристикой. Гусаром Берестовым он просыпается накануне сражения. Художником в прямом смысле его, писателя в конце XX века, просит быть младший Тучков, поручая «...собрать живые картинки боя, чтоб прямо на поле боя они рисовались» [Сергиенко, 1990, 132]. Офицер с таинственным поручением не столько Берестов-художник, сколько легендарный «дружинник», выходец из Берестова, «что под Киевом», любимец князя Владимира, завещавшего ему на новом месте «не проспать, землю свою от гибели стеречь», предсказанный дедом Архипом Листову в присутствии Берестова: «Как будешь лежать на поле боя побитым, так поглядишь (на всадника, «ездца лихого». – О. В). А может, он (Берестов. – О. В.) и есть ездец сам собой» [Сергиенко, 1990, 125], – и воплотившийся в Берестова в сбывшемся предвещии. Впервые же высокое предназначение героя, только что оседлавшего Белку, невольно угадывают проходящие мимо солдаты: «Его благородие на белом коне, как Егорий!» [Сергиенко, 1990, 28].

В прологе и последней главе повести теряющий сознание Берестов на белом коне успевает передать умирающему Листову медальон с портретом Наташи. При этом в Берестове Листов видит легендарного «дружинника, ездца лихого на белом коне», «главного воина», как в кобыле Белке – белого коня. С этим медальоном герой и просыпается утром в настоящее время. Поэтому одно из «лиц» «троеликого Берестова» может быть понято и как Листов, о сходстве с которым герой говорит не раз и которого в конце

сражения называет «брат мой». Сам же он, соотнесенный с Берестовым, Листовым, легендарным дружинником, Георгием Победоносцем, вспоминающий Артюшина, лежавшего раненым «у кургана Раевского в сорок первом году двадцатого столетия», в конце битвы оказывается обобщенным образом русского воина – защитника Отечества: «О бородинский всадник! – восклицает раненый герой-рассказчик. – Через грохот сражений, через века пронеси наши чистые помыслы, соедини наши сердца, дай вечную жизнь тому, кто сложил голову на Бородинском поле...» [Сергиенко, 1990, 196].

Такой же загадочной, как героини других повестей Сергиенко («Побочный эффект», «Белый рондель», «Дом на горе», «Тетрадь...», «Самый счастливый день»), является Наташа. Но, в отличие от них, она не действующий персонаж. С «мыслями о будущей книге, о Берестове, о Наташе» («загадке и надежде одновременно» [Сергиенко, 1990, 112]) герой засыпает на Бородинском поле, о ней не забывает во время сражения, а в его конце собирается ее искать в лазарете. Наташа – сестра милосердия на поле боя – напоминает о Ксении и ее лечебнице в романе о Смутном времени.

Наташа бессмертна, как и Берестов: Лепихин говорит о ее портрете работы Берестова на медальоне столетней давности. На этом медальоне изображена мать Наташиной бабушки [Сергиенко, 1990, 153], при этом она кажется герою очень похожей на его возлюбленную, у которой то же имя.

Наташа соединяет героя с Листовым: она – его невеста, он, как и Берестов, ищет ее. Листов рассказывает герою о своих с ней отношениях и о том, что он в их тайной переписке воспользовался именем Берестова. Он сообщает о заочном знакомстве Наташи с героем («Наташа знает о вас <...> Когда-то в их роду был знакомый по имени Берестов» [Сергиенко, 1990, 185]). Выясняется, что тот Берестов подарил ей медальон, о котором знает герой. Эти и другие совпадения приводят Листова к догадке: «Берестов! <...> Я знаю, я чувствую – между нами какая-то связь... через Наташу, через прошлое...». Герой про себя продолжил мысль своего двойника: «Возможно, и через будущее» [Сергиенко, 1990, 185]. А потом он задается вопросом: «Что мне всегда казалось таким знакомым в Листове? Даже в походке его и жестах? Наташа? Вот первое, в чем ищу объяснений. Ее глаза, ее лицо, ее голос – быть может, они таинственно отразились в Листове, придав ему неуловимое сходство... Но с кем же? Со мной?.. Быть может, Листов мое зеркало? В нем проступает жизнь моя из других времен?..» [Сергиенко, 1990, 188]. В конце книги он о Листове: «Ты брат мой, мое отражение в веках, мы единое целое» [Сергиенко, 1990, 202]. «Я» оказывается Листовым.

Сходство центральных персонажей в большинстве произведений писателя, доходящее до их двойничества в «Бородинском пробуждении», объяснимо не только обозначенной выше особенностью сюжетостроения прозы Сергиенко – сквозными сюжетобразующими мотивами, но и близостью его протагонистов автору (см. об этом: [Бахревский, 1990, 11; Владимиров, 2021, 108]).

Духовное родство героев с автором проявляется прежде всего в их писательстве. Кроме героя «Бородинского пробуждения» – вероятно, профессионального писателя, в этом ряду мемуаристы Корнелис Схаак («Кеес...»), Майк («Увези нас, Пегас!»), Митя Суханов («Дом на горе»), ведущие дневники Маша Молчанова («Дни поздней осени»), Митя Почивалов («Тетрадь...»). Дневник Фидлера в «Ксении» и «том» Дубосекова в «Фарфоровой голове» схожи взглядами со стороны на события, изображенные в этих книгах.

Предпочтение писателем именно такой субъектной организации – перволичного повествования – максимально сближает героя-рассказчика и автора, обращенных к тайнам истории и любви. На присутствие автора, не только прозаика, но и поэта, в его книгах указывают стихи героев.

О близости автора и его протагониста свидетельствуют реминисценции. Оба не только люди пишущие, но и читающие. Автор обнаруживает себя в эпиграфах из Пушкина и Лермонтова: к прологу («Но не хочу, о други, умирать» – из «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...»)), к части первой («Минувшее меня объемлет живо...» – из стихотворения «Вновь я посетил...»)), к части второй («Приди, как дальняя звезда...» – из «Заклинания»), к части третьей («Вам не видать таких сражений!» – из «Бородина»), к эпилогу («Жизнь, зачем ты мне дана?» – из стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...»). Встреча Берестова с Наполеоном отсылает к похожему эпизоду из романа Л.Н. Толстого: герой Сергиенко, как и Андрей Болконский, ранен, встречи происходят в конце сражений, оба офицера не отвечают на реплики «завоевателя Европы». С русской литературой хорошо знаком и герой: он перечитывает «Повести Белкина» и цитирует строки из «Метели»; упоминает «Войну и мир» и автора этого романа, работавшего над ним в монастырской гостинице на Бородинском поле, «толстовскую Наташу», Пьера, Багратиона, курган Раевского; встречается с «напомнившим» Пьера П. Вяземским; знакомится с Д. Давыдовым, цитирует его прозу и стихи. Начитанны, образованны герои других книг Сергиенко, особенно повестей «Дни поздней осени» и «Дом на горе».

Безымянность персонажей сокращает дистанцию между ними и автором. Еще одно свидетельство связи этих повествовательных уровней – параф, сокращенная подпись (подробнее об этом см.: [Владимиров, 2021, 109]). Фамилия Листова, второго «я» героя, отзовется в самохарактеристике героя-рассказчика повести «Увези нас, Пегас!», сравнивающего себя с «оторванным листом»: «Я-то перекасти-поле, оторванный лист. Сегодня на одном дереве, завтра на другом» [Сергиенко, 1979, 158]. Кроме того, фонетика этой фамилии созвучна анаграмматически сближенным именам загадочных героинь «Самого счастливого дня» и «Дома на горе» – Леста и Стелла.

Как и в других исторических произведениях Сергиенко, в этой повести выдуманные персонажи (Листов, Фальковский, Карчевский, Федор, Архип, солдат Фролов) показаны рядом с реальными историческими деятелями и героями

двенадцатого года (Ростопчиным, Вяземским, Давыдовым, Кутузовым, Наполеоном, Багратионом, братьями Тучковыми, Ермоловым). Сложнее с Леппихом-Шмидтом, здесь эти имена реального исторического лица, немецкого изобретателя и авантюриста – псевдонимы русского мужика, туляка Лепихина, представляющегося европейцем. Лепихин во время сражения сбрасывает маску, говорит чисто по-русски, и рассказчик называет его просто Лепихиным.

Он не столько сооружает аэростат для нужд предстоящих сражений, сколько занят тайной времени, строит «машину для постижения веков» [Сергиенко, 1990, 68].

Со словами Лепихина о метафизике времени, о его «мираже», об «изломе временных пучков» в «горячем месте» [Сергиенко, 1990, 152], о его желании встречи «с человеком, прожившим несколько сотен лет, то есть каким-то образом одолевшим время. Ведь это первое доказательство, что загадка времени разрешима» [Сергиенко, 1990, 112] схожи рассуждения маэстро Тарвальда из «Белого ронделя» о метафизике пространства: «Перемещаясь в пространстве, вы колеблете струны, протянутые от неба к земле. Эти струны незримы, но они рожают музыку бытия. Благодаря таким, как вы, я надеюсь создать гармонию. Ваше назначение каждое лето направляться к Дерпту, минувя определенные города» [Сергиенко, 1983, 228].

Подтверждением суждений Леппиха о тайне времени является строка «Пунша яркий пламень». Ею рассказчик заканчивает четырехстишие, сочиненное импровизатором Карчевским. «Я» знает, что сейчас, в ночь накануне сражения, услышит стихи о себе, которые нашел у Артюшина в настоящем времени, до поездки на Бородинское поле, – «Там Берестов, задумчивый гусар...» [Сергиенко, 1990, 118]. Эти слова для героя, пребывающего в прошлом (во сне) как в настоящем (в яви), одновременно сочинены здесь и там, сейчас и тогда.

Свидетельством связи времен (их нераздельности), как и условности границ сна и яви, оказывается кровь героя: он видит во время рисования, как она течет из-под бинта и пропитывает бумагу, и узнает в «буроватых пятнах, которые <...> разглядывал у Артюшина» «свою кровь» [Сергиенко, 1990, 160].

Условность границы между реальностью и сновидением подчеркнута в повести, с одной стороны, следованием историческим реалиям 1812 года и причинно-следственными связями во сне (а не его прихотливо-ассоциативными ходами), с другой – метафизическими сигналами в настоящем (такое же жаркое лето, как в 1812 году, «запах времени», ощущаемый в «старых московских переулках», «таинственно выглядывавшая луна» [Сергиенко, 1990, 16], полыханье, «нестерпимый блеск» и «вспышка» звезд перед «погружением в глубокий сон», «бездонное забытье» [Сергиенко, 1990, 25]).

Скрепой, соединяющей сон с явью, век нынешний с минувшим, героя, Берестова и Листова – с Наташей, оказывается медальон в руке героя, просыпающегося в настоящем времени.

Другая такая скрепа – «бледно-желтый полевой цветок» [Сергиенко, 1990, 23]. Дед Архип, старик-провидец из «сельца Бородина», принес в Москву семена «цветка несгораемого», «неопалимого». «Где семя то посадить, там на версту кругом пожар не коснется» [Сергиенко, 1990, 98, 99]. Потом Архип рассказывает легенду о своих предках, выходцах из Берестова из-под Киева, откуда, по предположению Листова, может начинаться родословная поручика Берестова. Такой же цветок герой «положил рядом с “Н”». «“Н” – Наташа! Еще один памятник, вышедший ненароком. Памятник нашей последней встрече. Мне даже вспомнилось теперь, что мы расстались как раз на том месте, где я складывал буквы из жесткой бородинской травы – перед ночлегом» [Сергиенко, 1990, 23]. «Н» – означала Нижегородский пехотный полк, эту букву он выложил из полевой травы отдельно от букв ПОЛЕ, из которых получилось слово «поле»; они означали Полтавский, Орловский, Ладожский, Егерский полки. Об этом герое вспоминает во время сражения. Артиллерист Фролов называет безымянный цветок (лютик? копылка? шептуха? – ни одно из предложенных солдатами названий не подходит), уцелевший на «перепаханной копытами, колесами, ядрами, гранатами» [Сергиенко, 1990, 162] земле, – Петрушей, Петрушенькой [Сергиенко, 1990, 163] и оберегает его. К концу битвы среди перебитых в овражке воинов, лошадей, орудий герой видит этот уцелевший цветок.

Мотив «божеского, неопалимого», несгораемого цветка в повести соединен со звездным мотивом. Предки Архипа, выгнанные князем Владимиром из местечка Берестова, должны были дойти «до самой зеленой звезды, какая горит не сгорает», они «шли, пока цветок перед ними зеленым огнем не вспыхнул. И деды сказали: “Вот она, зеленая звездочка, горит не сгорает, тут наше место, святая земля”» [Сергиенко, 1990, 125]. Здесь они обрели новую родину, «святую землю», на которой стоит село Бородино и происходит сражение. Так звездно-цветочный мотив соединен здесь с мотивом стремления героев писателя к счастливому краю («Кеес...», «Увези нас, Пегас!», «До свидания, овраг», «Картонное сердце», «Белый рондель», «Дом на горе», «Ксения», «Тетрадь...»). Здесь это место – Бородинское поле. Лепихин говорит о «пульсе времени, здесь проступающем. Здесь место горячее, очень горячее. Это как в пустыне мираж. Там лучи света искривляются, а здесь лучи времени». Цветок напоминает о чудодейственном, целительном растении, найденном Егорычем и названном им семилетником в повести «Самый счастливый день», и о цветке астроябус, спасшем Девочку в «Картонном сердце»; коты Умник и Проказник видят в этом растении Корень Мудрости, а пес Лохматый – Белый корень. Другой пес – Хромой в повести «До свидания» – перед смертью вспоминает о живительной «солененькой травке».

Загадочный цветок на поле сражения и «бледно-желтый полевой цветок», который герой в настоящем времени «положил рядом с “Н”», не единственный повтор в повести. «Жаркое лето» сбора материалов к книге о Бородине сходно «с таким же горячим летом 1812 года» [Сергиенко, 1990, 15]. Цикличность природных явлений и воплощений героев соотнесена с цикличностью в

истории и подтверждена другими повторами. Берестов и Листов – двойники, а Наташи (возлюбленная одного, невеста другого, девушка на портрете в медальоне) оказываются одним лицом. Холм, где находилась батарея Раевского, герой сравнивает с магнитным полюсом: «С него началось мое путешествие в Бородино, сюда я вернулся безотчетно в конце сражения» [Сергиенко, 1990, 193]. Девочка-второклассница в начале книги (вечером до сна героя) и в ее конце (утром после его сна) и Дашка из деревни Листовых перед сражением и она же, ищущая своего тятюку после него – еще один повтор. «Запах времени» ощущает рассказчик в современное «жаркое лето» и Лепихин в сражении. В другом запахе – «крепком, настойном» [Сергиенко, 1990, 184], а по оценке солдата Фролова – «антиресном» [Сергиенко, 1990, 179, 183] – герой узнает запах таинственного «бледно-желтого цветка», положенного им на букву «Н» перед сном («Внезапно сильно и ясно я вспомнил тот необыкновенный запах» [Сергиенко, 1990, 184]). «Желтый блестящий цветок» «срывает» Наташа при знакомстве с героем [Сергиенко, 1990, 61]. Звездная «вспышка» перед его сном на Бородинском поле отразится перед пробуждением в его оценке сражения: «Бородинский бой, ты яркая вспышка в судьбе России!..» [Сергиенко, 1990, 196].

Повторяющиеся сцены встречи-прощания Берестова и Листова в прологе и последней главе образуют композиционное кольцо. Воспоминание о прошлом, сон во сне героя (в сарае в Воронцове, после мнимого отъезда Леппиха) отсылает к воспоминанию о воспоминании в стихотворении Пушкина «Вновь я посетил...», строка из которого является эпиграфом к первой части. Кольцевая композиция – у пушкинского «Заклинания», стих из него предпослан второй части книги. Совпадают характеристики Бородинского поля, данные Архипом и Лепихиным.

В этом ряду и функционально значимый предмет – «плоская овальная коробочка» – медальон с портретом Наташи, его передает умирающему Листову Берестов, и с ним просыпается герой.

Разноуровневые повторы в «Бородинском пробуждении» предвосхищают более сложную систему повторов и сопоставлений в «Ксении» и способствуют формированию концепции истории в творчестве писателя (см. об этом: [Владимиров, 2023, 133–136]).

Обязательный набор сюжетообразующих мотивов в исторической прозе писателя, обозначенных уже в первой его повести, включает мотив ответственности героя за судьбу отечества. Борьба народа против захватчиков, за свою независимость – историческая основа «Кееса...», «Бородинского пробуждения» и других книг. В романе «Ксения» значительна линия противостояния русских польской интервенции, «Белый рондель» посвящен эстонскому сопротивлению иностранцам в начале XVII века, события в повести «Увези нас, Пегас!» связаны с гражданской войной 1861–1865 годов в США. В этих книгах писателем учтена толстовская «скрытая теплота патриотизма»: например, жители Лейдена, как и всей Голландии, знают, против кого и за что они

борются, причем дети вместе со взрослыми. Рядовые люди – если не главные, то полноценные участники исторических событий. В «Бородинском пробуждении» и в «Ксении» вымышленные персонажи «Я», Листов, Туренев представлены как реальные лица, они уравниваются в правах с подлинными историческими лицами и принимают непосредственное участие в событиях Отечественной войны 1812 года и начала XVII века, Смутного времени.

Социально-исторический и психологический планы, присущие реализму, у Сергиенко, как у других представителей «прозы сорокалетних», его современников, совмещены с модернистским вниманием к метафизическому, иррациональному. Лепихин, стремящийся «раздвинуть шторку веков, заглянуть поглубже», на возражение Фальковского: «Там ничего нет» – отвечает: «Время не подвержено полицейской инспекции» [Сергиенко, 1990, 187]. Глубинное, скрытое в человеческой судьбе и истории противостоит внешнему, явному («Это запах времени!» – восклицает Лепихин, пристреливая пушку. «Запах пороха», – усмехается Фальковский [Сергиенко, 1990, 187]), а частная жизнь, неофициальное свидетельство (как стихи о Берестове, найденные героем у Артюшина) не менее, а то и более ценны для понимания исторических событий, чем известные сведения о них.

Ощущение неразрывного соединения своей судьбы с судьбой друга и возлюбленной позволяет героям выйти в сферу высших смыслов, почувствовать единство с миром и людьми: «Я даже не понимаю, кто я. То ощущаю себя Берестовым, поручиком со странной судьбой, то себя прежним, пришедшим на Бородинское поле, то Листовым, рядом с которым Наташа, то кем-то еще, вместившим в себя сразу всех <...> Я смотрел на Листова. <...> Что же, когда-то я не был Берестовым, а стал им, потому что проникся его жизнью. Теперь я проникся твоей, которая уходит. Я проникся всеми жизнями, погасшими на холмистой равнине Бородинского поля» [Сергиенко, 1990, 202].

Айгар Вахеметса в послесловии к «Белому ронделю» пишет о «высокой нравственной идее» этой повести, присущей, на наш взгляд, всем историческим произведениям писателя, – «ответственности личности за судьбы истории» [Вахеметса, 1983, 247]. Мотив ответственности за судьбу отечества актуализирован в «Бородинском пробуждении» знанием героя об эффекте бабочки. Несколько раз он преодолевает соблазн вмешаться в известные ему события прошлого (об этом явлении знает и Раймонд Грот в «Побочном эффекте», не разрешающий поэтому рассказчику подарить девушке-москвичке из девятнадцатого века репродукцию ее портрета).

В круг этих мотивов входит мотив жертвенности. В «Бородинском пробуждении» погибают Листов, братья Тучковы, генерал Лихачев, Федор Горелов, Фальковский. В «Кеесе...» умирает Караколь, защищая Эглантиду от выстрела дона Рутилио. В последний момент Моррис толкает Майку из будки «Пегаса» перед его столкновением со «Страшилой», а сам погибает; участь Морриса разделяет не желающая с ним расставаться Хетти; оба друга готовы

были пожертвовать собой ради спасения негров. Умирает от пули Фидлера Михаил Туренев, защищая от ливонских наемников лечебницу Ксении. Сгорает ради спасения Девочки Картонный Человечек. В сказке «Фарфоровая голова» жертвует собой кукла Мисюсь, не давая злой силе опустошить Землю.

Таким образом, в «Бородинском пробуждении» представлены все взаимосвязанные центральные мотивы прозы писателя: странствия главного персонажа вместе со спутником, тайны героев и места, цветочный и звездный, мотивы действенного участия в судьбе страны и жертвенности. Вторая повесть К. Сергиенко не только вариативна по отношению к первой с обозначенным в ней мотивным комплексом, но и вместе с ней задает сюжетообразующую инерцию другим книгам писателя, кроме последней – «Фарфоровой головы», свидетельствующей о поиске новых путей в освоении и осмыслении абсурдного, хаотического мира. В большинстве же произведений художник показывает в разных вариантах единство конкретно-исторического, личного и метафизического времени, следуя найденному в первой повести и подтвержденному во второй инвариантному комплексу сюжетообразующих мотивов.

ЛИТЕРАТУРА

Бахревский В.А. «Пейзаж вечерний осенен догадкой...» // Сергиенко К.К. Бородинское пробуждение. 3-е изд. М.: Дет. лит., 1990. С. 5–12.

Вахеметса Айгар. Послесловие // Сергиенко К.К. Белый рондель: повесть-легенда. М.: Дет. лит., 1983. С. 244–247.

Владимиров О.Н. Роман Константина Сергиенко «Ксения»: контексты прочтения // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 1. С. 5–20.

Владимиров О.Н. Сюжетообразующие мотивы в книгах К. Сергиенко // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 103–115.

Сергиенко К.К. Белый рондель: повесть-легенда. М.: Дет. лит., 1983. 254 с.

Сергиенко К.К. Бородинское пробуждение. 3-е изд. М.: Дет. лит., 1990. 208 с.

Сергиенко К.К. Картонное сердце: повести. СПб.: Лимбус Пресс, 1998. 256 с.

Сергиенко К.К. Увези нас, Пегас! М.: Дет. лит., 1979. 192 с.

O.N. Vladimirov

*PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of the Russian Language and Literature,
Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute,
Kemerovo State University
Novokuznetsk, Russian Federation*

The Novel by K. Sergienko “The Borodino Awakening» in the Context of the Writer's Work

This study is devoted to the examination of the little-studied story by K. Sergienko «The Borodino Awakening» in the context of the plot-forming motives of the writer's work.

It is argued that the plot model for «Borodino Awakening», the second book by K. Sergienko, is the first, «Kees – Admiral of Tulips». It is proved that both stories set the plot-forming inertia for other works of the writer, except for the last one —«Porcelain

Head». The invariant complex of the main plot-forming motives in the prose of K. Sergienko is made up of the wanderings of the heroes, in most cases narrators of their fate, and in historical works – also of participation in the national liberation struggle; their friendship with companions; their, and especially the heroines', secrets, correlated with the secrets of the places of action, a wonderful flower and stars; responsibility for the fate of the fatherland and the sacrifice associated with it; dreams of a just world order.

A contextual reading of the book allows us to identify the nature of the relationship between the author and his protagonist and the signs of the author's presence in it (the work as the hero's autobiography, the original narrative, poems, reminiscences, paraph, etc.). In «The Borodino Awakening» a system of repetitions is also revealed, which contributes to the formation of the concept of history in the writer's work.

The results of the work presented in the article can be useful in research and teaching activities. The article can be used when studying allusive literature, magical realism of the late 20th century, and the evolution of the historical novel.

Keywords: K. Sergienko; «The Borodino Awakening»; historical prose; intertextual connections; plot; motive; author and hero.

REFERENCES

Bakhrevskiy V.A. The evening landscape is overshadowed by a guess... [Peyzazh vecherniy osenen dogadkoy...]. Borodino Awakening. The novel by Sergienko K.K. Moscow: Detskaya literatura, 1990. Pp. 5–12 (in Russian).

Sergienko K.K. White Rondel: A Legendary Tale [Belyj rondel': Povest'-legenda]. Moscow: Detskaya literatura, 1983. 254 p. (in Russian).

Sergienko K.K. The Borodino Awakening. Novel [Borodinskoe probuzhdenie: Povest]. Moscow: Detskaya literatura, 1990. 208 p. (in Russian).

Sergienko K. K. Kartonnoe serdce: Povesti [Cardboard heart. Stories]. Saint-Petersburg: Limbus Press, 1998. 256 p. (in Russian).

Sergienko K.K. Take us away, Pegasus! [Uvezi nas, Pegas!]. Moscow: Detskaya literatura, 1979. 192 p. (in Russian).

Vahemetsa Ajar. Posleslovie [Epilogue]. White Rondel: A Legendary Tale by Sergienko K.K. Moscow: Detskaya literatura, 1983. 254 p. Pp. 244–247 (in Russian).

Vladimirov O.N. Syuzhetootobrazuyushchie motivy v knigakh K. Sergienko [Plot-Forming Motives in the Books of K. Sergienko]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021. No. 2. Pp. 103–115 (in Russian).

Vladimirov O.N. The Novel by Konstantin Sergienko “Ksenia”: Reading Contexts [Roman Konstantina Sergienko «Kseniya»: konteksty prochteniya]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023. No. 1. Pp. 5–20 (in Russian).

И.С. Скоропанова

Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

УДК 821.161.1.02«18/19»

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-58-75

НОВЫЕ ЖАНРОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭЗИИ

Ключевые слова: модернизм; жанр; трансформация; модификация; жанротворчество.

Рассматривается трансформация жанровой системы в русской модернистской поэзии, обусловленная новыми концептуально-философскими, научными, социальными, эстетическими факторами. Актуальность исследования – в необходимости обобщения и концептуализации огромного жанрового материала, научные знания о котором рассыпаны во множестве литературоведческих работ (см.: [Артемова, 2020; Боровская, 2009; Верина, 2017; Зубов, 2012; Котович, 2003; Лейдерман, 2006; Самиздат века, 1997]), не сведенных воедино и не дающих четкой картины жанровой эволюции модернистской поэзии на протяжении столетия. Цели данного исследования – а) рассмотреть как новые модификации уже укоренившихся жанров, создаваемые поэтами-модернистами, так и внедряемые ими в литературу новые жанры, б) обосновать причины их появления и функции в соотношении с развитием модернистской парадигмы, в) осуществить систематизацию новых жанровых образований, демонстрирующую новаторский вклад модернистской поэзии в русскую и мировую литературу. Новизна исследования – в его дополняющем по отношению к предшествующим работам и обобщающем применительно к исторически-конкретной жанровой системе характере. Проведенное на основе диалектического и системного подходов, оно опирается на методологию Ж.-М. Шеффера.

Полученные результаты: 1) эволюция жанровой системы русской модернистской поэзии обусловлена сменой литературно-художественной эпистемы, возникшей в конце XIX века и существующей по наши дни, на протяжении этого времени породившей различные течения, группы, школы; 2) в соответствии с новыми концептуальными установками: философскими, научными, социальными, эстетическими – и ориентацией на отказ от мимесиса, субъективный фактор, доминанту эстетического, культурный синтез, преодоление пассивизма, жизнотворчество, воплощение проектов новой жизни – осуществляется как а) модернизация устоявшихся жанров, ведущая к появлению их новых модификаций, так и б) создание новых литературных

жанров, передающих дух времени и творческие устремления авторов; в) предложена систематизация новых жанровых образований в соответствии с факторами, вызвавшими их появление.

Означенные результаты обогащают литературоведческую науку и могут быть использованы в преподавательской деятельности при чтении лекций и проведении спецсеминаров по темам «Жанровые системы русской поэзии» и «Русская модернистская литература».

Появление в русской литературе в эпоху Серебряного века модернизма трансформировало и ее жанровую систему. Даже укоренившиеся в ней жанры подвергаются известной модификации, возникают и новые жанровые образования, как бы напрямую отражающие новые концептуальные и эстетические ориентиры.

Модернизм – художественно-эстетическая система, осуществившая разрыв с традицией реализма и воссоздающая не сам мир, а определенные представления о мире и человеке.

Концептуально-философский фундамент модернизма составили идеи неклассической философии и новейшие данные науки; эстетика модернизма прокламирует оценку изображаемого в категориях «прекрасное – безобразное» («гармония – хаос») и нацеливает на отношение к творчеству как к жителю и проекту новой жизни; поэтика предполагает отказ от мимесиса и допускает трансформацию и деформацию реальности в соответствии с личностным мировидением автора: в модернизме главенствует субъективный фактор – здесь субъективное время и субъективное пространство.

Представлен модернизм различными разновидностями и начинается с символизма.

Символизм интересует не русская, а мировая жизнь, ее «движущие силы», судьбы всего человечества – то, что нельзя непосредственно увидеть, а можно только помыслить, вообразить, осуществляя концептуальное миромоделирование. Для него характерно воплощение идей в образах посредством использования мифопоэтики и системы символов. По типу означенности символы бывают мистическими (у символистов они преобладают) и культурфилософскими. Мистический символ – знак «мира иного» в мире земном. Символы культурфилософского характера призваны были выявить общий код и направление движения человеческой цивилизации сквозь века (без отсылки к божественному предопределению), раскрыть роль религии и культуры как фактора, объединяющего людей и дающего стимул личному и историческому творчеству.

Избранные ориентиры: метафизический идеализм А. Шопенгауэра, теософия В. Соловьева, «философия жизни» Ф. Ницше, вообще «науки о духе» (прежде всего оккультизм) – предопределяли и жанровую специфику произведений. Во-первых, большое количество жанров, уходящих в далекое прошлое и почти забытых, возрождается, сигнализируя о более широком

приобщении к мировой культуре, во-вторых, создаются новые модификации известных жанров, появляются новые жанровые образования.

Отрицанием декадентского пессимизма и упадничества стали произведения сложившихся В. Брюсова и К. Бальмонта.

В. Брюсов, представитель индивидуалистического символизма, опиравшегося на Ф. Ницше, выступил как первый в русской литературе Серебряного века поэт города. Вместе с ним появились *урбанистические стихи*, скажем, циклы «В стенах», «Прозрения», и *лирические поэмы* «Замкнутые», «Слава толпе», «Конь блед» и др., где образ города – символ современной цивилизации. Поэмы эти с лирическим сюжетом, иногда написанные от первого лица, преломляющие личностные авторские суждения и оценки состояния современной цивилизации, каковая воспринимается поэтом как одряхлевшая, прогнившая, омертвевшая, так что предсказывается ее гибель и смена цивилизационной парадигмы.

Жанровая модификация лирической поэмы укоренилась в русской литературе, о чем свидетельствуют поэмы «Соловьиный сад» А. Блока, «У самого моря» А. Ахматовой, «Поэма Горы», «Поэма Конца», «Поэма Лестницы», «Поэма Воздуха» М. Цветаевой и др.

Синтез поэзии и философии у В. Брюсова может быть проакцентирован уже названием. Таково стихотворение «Meditations», чье название является и жанровым определением, подчеркивающим, что это не просто размышление (*reflection*), а философское размышление. На заинтересованность экзотикой указывает предлагаемый В. Брюсовым жанр цикла стихов *криптометрии*, ибо так же экзотичны, необычны и сами стихотворения, повествующие о лесах криптометрий, распространенных в тропиках и субтропиках Восточной Азии. Есть у В. Брюсова и удвоенный жанр *витраж-триптих* («Витраж-триптих») – поэтическое описание созерцаемого витража. Вообще его изобретательность велика.

В отличие от брюсовского рационализма, К. Бальмонт сделал ставку на теософию Е. Блаватской и сверхчувственное, медитативное постижение мира. Отсюда – жанровые модификации *трансцендентального сна*, *прозрения*, *взывания к запредельному* («Безветрие», «Полночь», «Сознание, Сила и Основа», «Воззвание к Океану»). Поэт стремится передать свое опьянение «мировым вином». Жанровое определение «*Антифоны*», во-первых, подчеркивает музыкальность бальмонтовского стиха, во-вторых, свидетельствует о приобщении к древнейшим философским учениям (индуизму, буддизму, зороастризму), что может быть проакцентировано и названием стихотворения: «Из Зенд-Авесты». В цикле «Совесть» встречается стихотворение «На мотив из Зенд-Авесты», указывающее на значимость для К. Бальмонта собрания священных книг зороастризма. Неоднократно используемое жанровое определение *медленные строки* также указывает на философское осмысление мира.

Представители коллективно-соборной ветви символизма, «соловьевцы», воплощали в своем творчестве Проект Духа, софийного преображения бытия посредством воссоздания мистического «прозрения в потустороннее» и использования поэтики двоемирия. Статус жанра у них приобретает *книга стихов* как единый метатекст, имеющий общее заглавие и сквозную интенцию, и все составляющие книгу стихотворения оказываются по-настоящему понятными лишь в их совокупности. Это «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока, «Золото в лазури», «Пепел», «Урна» А. Белого, «Solus» Вяч. Иванова, позднее же – «Путем зерна», «Тяжелая лира», «Европейская ночь» В. Ходасевича, «Розы», «Отплытие на остров Цитеру», «Портрет без сходства», «Rayon de rayonne», «Дневник» Г. Иванова, «Чистилище», «На Западе» Г. Адамовича и др.

Востребованным оказался *венок сонетов*, до того в русской поэзии не использовавшийся. К нему обратились М. Волошин в «Corona Astralis», «Lunaria», преломляя концептуальные представления теософии, и В. Брюсов в «Светоче мысли», воссоздавая основные этапы исторического движения человечества – от Атлантиды, Халдеи, Египта до современности – и главным двигателем его развития признавая мысль, разум. 14 строф сонета позволяют автору «развернуться», а 15-й, магистральный, состоящий из первых строк всех предшествующих сонетов, дает возможность закрепить самое главное. Венок сонетов философизируется.

Наблюдается и жанровое укрупнение *книги стихов*, выразившееся в появлении жанра *книга поэм*, каковой стала книга М. Волошина «Путями Каина». Это понадобилось, чтобы проследить всю историю человечества с позиций теософии и антропософии и утвердить идеал богореализации.

Акмеистам, ориентированным на метафизику искусства раннего Ф. Ницше, одинаково дороги «мир иной» и мир земной, воспринимаемый как творение Первохудожника и, таким образом, эстетически оправданный. Провозглашается самоценность каждого явления бытия, поэтизируется сам феномен жизни в его противостоянии небытию. Реабилитируется телесное, и ставка делается не на музыку, а на живопись и использование вещного слова.

Чаще акмеисты отбирают апробированные жанры, в том числе «старинные», давно не использовавшиеся, но в какой-то степени модифицированные: например, *неоромантическая сказка, канцона, секстина, рондо, анакреонтическая песенка, пятиятыльные ямбы* у Н. Гумилева (впрочем, не отказывающегося и от *исповедальной лирики, любовной лирики*), обогащаемые глубоким психологическим подтекстом жанры *любовной лирики, письма, молитвы* у А. Ахматовой. «Африканские» стихи Н. Гумилева (как и критомерии В. Брюсова) образуют жанровую модификацию *экзотические стихи*.

Ставка на «прекрасную ясность» и готовность опоэтизировать бытие приводит к появлению в этой среде *научной поэзии*, создателем которой в эпоху Серебряного века явился М. Зенкевич (правда, в период сближения с

футуристами), книга какового «Дикая порфира» написана с опорой на новейшие научные открытия и содержит *гимны к материи*.

Продолжат эту линию В. Брюсов («Мир электрона», «Невозвратность», «Принцип относительности»), Н. Заболоцкий («Метаморфизмы», «Сквозь волшебный прибор Левенгука», «Когда вдали угаснет свет дневной»), Л. Мартынов («Все это», «Над философским словарем», «Небесный купол») и др.

Поздний же Н. Гумилев в своей последней книге «Огненный столп» совместит мифопоэтику символизма с конкретикой акмеизма, вещно отражая и внутренние процессы, духовные искания лирического героя. В стихотворении «Заблудившийся трамвай», например, он возрождает жанр *посмертного путешествия*, преобразуя его в жанр *теософской трансценденции*, отражающий устремление поэта в Царство Духа, что оказывается проблематичным. Можно сказать, что Н. Гумилев заложил основы постсимволизма, пришедшего к синтезу элементов поэтики символизма и акмеизма (В. Ходасевич, Г. Иванов и др.).

В отличие от классических форм модернизма, авангардизм, как самая радикальная его ветвь, реализовал тенденцию к ниспровержению культуры прошлого, воспринимавшейся как пассивная, и был нацелен на коренное обновление литературы, создание культуры будущего. Авангардизм – «это художественная программа искусства изменяющегося мира – мира ускорения индустриального прогресса на базе продвинутой технологии, урбанизации, омассовления стиля и образа жизни» [Коротченко, 2021, 12]. Для него характерен перевес формы над содержанием, более отчетливы ноты социального протеста. Сильны в нем позиции русского космизма, заявляет о себе Проект «светлого будущего».

В России авангардизм начинается с футуризма, произведшего полный переворот в поэзии в области ее лексического состава, синтаксиса, ритмики, фонетики, типа стиха. Создает он и новые жанровые образования.

Так как кубофутуристы нередко совмещали в себе поэта и художника, а живопись тех лет вырвалась вперед, то нередко они и равнялись на авангардистскую живопись, и слово и изображение у них могли дополнять друг друга. Это означало прорыв к визуальным системам. Футурист В. Гнедов свое восприятие искусства прошлого как омертвевшего, по его представлениям, себя изжившего, отразил в *цикле поэм* «Смерть искусству». Цикл преломляет ориентацию на беспредметную живопись: у В. Гнедова каждая из поэм представлена только заглавием и одной «заумной» фразой, а последняя, 15-я, – «Поэма Конца» – только заглавием и пустым листом бумаги.

Здесь – исток получивших известное распространение во второй половине XX века у неоавангардистов *«вакуумных» текстов* с минимальной вербальной составляющей и различной семантизацией пустоты.

В этом и исток создания *каллиграмм*, в которых синтезируются живопись, поэзия, музыка, давая образ стихотворения, позволяющий воспринимать его сразу целиком, к чему придет авангардистская поэзия (Д. Булатов, Б. Констриктор, Е. Мнацаканова, А. Очеретянский, А. Федулов и др.).

Также в кубофутуризме, где создавались и «заумные» произведения, появляется жанр «*заумного*» *стиха*, каковым, например, является «Помада» А. Крученых с ее знаменитым «Дыр бул щыл...». Этим не ограничиваясь, А. Крученых создает и «*заумную*» *книгу* («Заумную гнигу»), в которой все стихотворения «заумные», написаны «на своем языке». Обращается этот поэт и к жанру романа в стихах, модифицируя его в «*заумный*» *роман в стихах*, так как речь здесь идет о преступной среде 1920-х и «заумь» используется для дискредитации популярного в годы нэпа уголовного фольклора. Таковы «Разбойник Ванька-Каин и Санька-маникюрщица» и «Дунька-Рубиха». Предлагает А. Крученых и жанр *книги-фильма* «Говорящее кино» – как реакцию на появление звукового кино, сам используя принцип киномонтажа.

В. Хлебников тоже создает «заумные» стихи и в стихотворении «Перевертень» превращает в жанровое образование *палиндром*. В *сверхповестях* «Дети Выдры», «Война в мышеловке», «Азы и Узы», «Зангези» В. Хлебникова в синтетическом единстве представлены проза, поэзия, драматургия, что отражает интерес автора к «первоистокам» и первоначально присущему литературе синкретизму. В *поэме-утопии* «Ладомир» В. Хлебников воплощает идеи русского космизма и воспроизводит футуристический Проект «светлого будущего», что получит развитие в некоторых произведениях В. Маяковского и Н. Заболоцкого.

В. Маяковский в бунтарском, революционном или сатирическом ключе модифицирует старые жанры: *гимн*, *сказку*, *басню*, *плач*, *оду*, *песню*, *исповедь*, *марш*, *поэму*, причем поэма «Облако в штанах» содержит уточняющий жанровый подзаголовок *тетраптих*, «Человек» – род *авторизованного евангелия*, «Война и мир» – *поэма с нотами*.

Эгофутуризм предпочитает футуро-гламур, что подчеркивают жанровые обозначения целого ряда произведений, вынесенные в заглавия; много таких у И. Северянина: *поэма-миньон*, *эгополонез*, *ассо-сонет*, *shanson russ*, *диссо-рондо*, *эго-рондола*, *электрассонанс* и др. В этом простиупает претензия на аристократический шик, особую утонченность, гениальность, хотя есть у И. Северянина и ирония.

Группа «Центрифуга» дала Б. Пастернака, который в раннем творчестве был под сильным воздействием импрессионизма, сплавив его с поэтикой футуризма, и в данный период предпочитает такие жанровые формы, как *импровизация*, где сильно музыкально-импрессионистическое начало («Февраль. Достать чернил и плакать...», «Как бронзовой золой жаровень...» и др.), и *тема с вариациями* (так и названа одна из его книг стихов) – жанр, предполагающий, что новое стихотворение как бы продолжает предыдущее, передавая все новые оттенки переживаний.

Имажинизм, сделавший главную ставку не на слово, а на образ, предложил в стихотворении В. Шершеневича «Каталог образов» жанр *каталога*. Таковые стихотворения бессюжетны, в них образ нанизывается на образ, формируя общую неотчетливую картину того, как все воспринимает автор.

В революционную эпоху В. Маяковский вводит жанры *поэтохроника* («Революция»), *приказ* («Приказ по армии искусства»), *факты* («Потрясающие факты»), *лозунги-рифмы* («Лозунги-рифмы»), *открытое письмо* («IV Интернационал»), *речь* («Моя речь на Генуэзской конференции»), модифицирует жанры *азбуки* («Советская азбука») и *поэмы*, создавая *поэму-утопию* («Летающий пролетарий»).

Жанровая система В. Маяковского преломляет тенденцию к демократизации и политизации русской поэзии.

Конструктивизм 1920-х годов рассматривал текст как определенную конструкцию, активно экспериментировал с ним.

Движется к конструктивизму футурист В. Каменский в своих «железобетонных поэмах», например «Солнце», где на основе примитивистского коллажа создает каллиграмму. Здесь нарисованное Солнце олицетворяет лицо гения, луна – футуризм, неправильной формы звезда – самого В. Каменского, что явствует из подписей. *Каллиграмма* здесь и тип стиха, и его жанровое обозначение.

Новую модификацию романа в стихах, будучи конструктивистом, дает И. Сельвинский в «Пушторге». Жанр этого произведения можно определить как *конструктивистский роман в стихах*. Он включает в себя и литературный текст, и разъяснения его особенностей в многочисленных «отступлениях в сторону»: характеристику типа стихотворной речи, различных приемов, содержит сноски, комментарии на полях к основному тексту, к тому же расположенные по отношению к нему «боком», и т.д. Так что структура произведения самая свободная, причем эпическое повествование о нэповской действительности 1920-х годов перебивается лирическими высказываниями, воссоздающими образ «лишнего человека» советской эпохи, каковым оказывается сам автор.

Для аналогичной задачи использовал в начале 1930-х годов жанр романа в стихах Б. Пастернак в «Спекторском». Но у него наблюдается перевес лирического начала над эпическим, и можно сказать, что это *лирический роман в стихах* модернистского типа.

Младоавангардисты ОБЭРИУ за внешней оболочкой предметов и явлений действительности стремились разглядеть их сущность и показать такими, какими те воспринимались ими при взгляде на мир «голыми глазами», прибегая к поэтике примитивизма, сдвигу, игре с бессмыслицей, алогизму, гротеску, абсурдизации.

Абсурдистские стихи, основанные на алогизме и нарочитом представлении аномального как нормального создают Д. Хармс («Жил-был в

доме тридцать три единицы», «Человек устроен из трех частей...»), А. Введенский («Ответ богов», «Кончина моря») и другие младоавангардисты, выявляя абсурд, царящий в самой жизни.

К. Вагинов в начале 1930-х издает «Опыты соединения слов посредством ритма», жанр каковых, по-видимому, и можно определить как *опыты*, так как автор движется к литературному эклектизму, выражающемуся в соединении элементов различных художественных систем, начиная с античных, как бы напоминая об отброшенной сокрушителями прошлого мировой культуре, с каковой, оценивая свои достижения, должна соотноситься себя и современная.

Возможно, в этом сказалось воздействие *tristia*, *эпифельной оды*, *пундарического отрывка* О. Мандельштама, который К. Вагинова поддержал.

Н. Заболоцкий соединяет в своем творчестве обэриутское начало, фиксируя утвердившийся в обществе абсурд, и «проективную» ветвь кубофутуризма, восходящую к русскому космизму и нацеливающую на преобразование жизни человечества посредством планетарно-космической и антропологической революций. Столь сложная задача потребовала и новой, крупной жанровой формы, каковой стал *поэтический свод стихотворений и поэм* «Столбцы и поэмы». Он включает в себя две книги стихов: «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы» – и три поэмы: «Торжество Земледелия», «Безумный Волк», «Деревья», отражающие движение авторской мысли от отрицания уродств современной цивилизации (ч. I) к поэтизации мира природы (ч. II) и изображению модели желанного будущего (ч. III).

Близкий в некотором отношении к обэриутам Н. Олейников, называвший себя внуком Козьмы Пруtkова, может давать такие обозначения жанров своих иронических стихотворений: *баллада* («Чревоугодие»), *мысли об искусстве* («В картинной галерее»), *философская поэма* («Пучина страстей»), однако они используются как пародийные и акцентируют воссоздаваемое несоответствие норме.

Представители русского зарубежья создали «парижскую ноту» в русской поэзии, характеризовавшуюся предельной степенью драматизма в связи с утратой родины, восприятием эмигрантской жизни как «загробного мира», окружающей действительности в целом – как царства «мертвых душ». В жанровом отношении предпочитают *исповедальную лирику* («Как вы когда-то разборчивы были...», «Синеватое облако...» Г. Иванова, «Всю ночь слова перебираю...», «Слушай – и в смутных догадках не лги...» Г. Адамовича) и *стихи-трансценденции* («Элегия», «Большие флаги над эстрадой...» В. Ходасевича, «В глубине, на самом дне сознания...» Г. Иванова и др.).

На протяжении 1940–1960-х годов А. Ахматова создает «Венок мертвым», название которого двоящееся: это и 1) венок, который поэтесса мысленно возлагает на могилы ушедших из жизни наиболее ценимых ею, но продолжающих со сталинских времен оставаться запрещенными писателей:

М. Булгакова, Б. Пильняка, О. Мандельштама, М. Цветаевой, Б. Пастернака, М. Зощенко, а также своего учителя И. Анненского, и 2) определение жанра: *поминальный венок*, созданный по аналогу венка сонетов (у А. Ахматовой все стихотворения пронумерованы, и всего их 12), дабы свести воедино писателей трагических судеб и опозитизировать их.

Аналогичный принцип породил жанровое образование *вереница четверостиший*, обозначение какового вынесено в заглавие. Здесь представлены катрены афористического характера, напрямую между собой не связанные, но в совокупности дополняющие друг друга в раскрытии нравственно-философских размышлений А. Ахматовой о бытии.

В предоттепельные годы новое учение – интеррелигию Роза мира, призванную объединить все религии светлой направленности и на этой основе преобразить человеческую цивилизацию, создает, обратившись к метареализму, Д. Андреев. Его религиозно-философский трактат «Роза мира» образует единое целое с книгой стихов «Русские боги» и драматической поэмой «Железная Мистерия». По сути, это род *Нового Евангелия*, пронизанного духом теургии и вестничества.

Вытесненный из русской литературы в 1930–1940-е годы, модернизм начинает возрождаться в оттепельный период, главным образом у представителей андеграунда, конечно же, трансформируясь. Контрастные тенденции в его развитии – линия сверхусложнения и линия сверхупрощения, промежуточная же – скрещивание элементов поэтики классических форм модернизма с элементами поэтики авангардизма.

Традицию модернизма классического типа восприняли и развили И. Бродский и круг творчески близких ему авторов, пришедших к неомодернизму. Это тип экзистенциального модернизма, суммирующий достижения предшественников за полвека.

Так как поэзия И. Бродского имеет интеллектуально-философский характер и ориентирована на экзистенциализм, большинство его произведений представляет собой размышления, чему соответствуют используемые жанры, воспринятые главным образом из античной, библейской, англо-американской и русской модернистской традиции и нехарактерные для официальной советской поэзии. «От себя» И. Бродский добавляет модификацию «*большого стихотворения*», что видно уже из «Большой элегии Джону Донну», объем которой составляет пять страниц; к тому же можно уточнить: это *элегия-трансценденция*, воспроизводящая сам процесс трансцендирования души английского поэта-метафизика Джона Донна – имплицитного двойника автора.

Новые жанровые образования, представляющие заимствования из официально-деловой сферы: *инструкция* («Инструкция заключенному», «Инструкция опечаленным»), *реестр* («Псковский реестр»), *доклад* («Доклад для симпозиума»), *заметки для энциклопедии* («Заметки для энциклопедии») –

также расширяют жанровый диапазон поэзии И. Бродского (см.: [Полякова, 2022, 125–136]).

Д. Бобышев (в кн. стихов «Русские терцины»), нацеливая на возрождение библейских заповедей, предложил жанр *прописи*.

Подобный подход характерен и для Е. Шварц, творчество которой базируется на синтезе идей теософии и экзистенциализма. Наряду с уже устоявшимися жанрами она использует и новые, вводя в поэзию жанры, заимствованные из научной и научно-философской сферы: *трактат* («Трактат о безумии Божьем»), *страноведение* («Антропологическое страноведение»), где касается царящего на Земле безумия.

Во второй половине XX столетия появляется и такая разновидность неомодернизма, как метаметафоризм, восходящий к творческой деятельности К. Кедрова. Метаметафора – это метафора, в которой задействована грамматика вселенского кода (метакода) и трехмерное зрение проецируется в четырехмерный континуум пространства-времени, обретая «световые» характеристики и воссоздавая голографическую модель мира, восходящую к идеям русского космизма («Компьютер любви», «Или», «Мироздание как стихотворение»). Обширен у К. Кедрова жанровый диапазон, причем даже укоренившиеся жанры получают метаметафорическое измерение, каковы «Евхаристия», «Допотопное евангелие», «Одиннадцатая заповедь», «Библия бабочки», «Иероглиф Бога», анафема («Анафема Льву Толстому»). Есть у К. Кедрова и новые жанровые образования, 1) заимствованные из науки: *теорема* («Теорема Геделя о неполноте»), *комментарий* («Комментарий к несуществующему тексту»), *таблица умножения* («Таблица умно-жения»); 2) отражающие игру автора со словом: *сонет-нет* («Сонет-нет»), *ура-трагедия* («Ура-трагедия»).

Другой метаметафорист – А. Парщиков наряду с укоренившимися жанрами использует жанр *интуиции* (цикл «Фигуры интуиции»), подчеркивая важность не только сознания, но и бессознательного в процессе постижения мира, а И. Жданов в кн. стихов «Неразменное небо» – *ленту Мебиуса*.

Проступает у метаметафористов и скрещивание модернизма с авангардизмом.

Собственно авангардистская традиция, возрождаясь, порождает неоавангардизм.

Характерен неоавангардизм для поэтов «лианозовской школы», в среде каковых культивировался конкретизм. Получает он двойственное выражение. Во-первых, *конкрет-стихи* отражают тенденцию к минимализации. Литературный язык советской эпохи лианозовцы воспринимают износившимся и изолгавшимся, стремятся к возвращению слову его исконного значения, не подвергнутого идеологизации. Поэтому все стихотворение может состоять из одного слова, семантика какового равна сама себе. Таково, например, стихотворение Вс. Некрасова «Лес»; иногда это два-три слова.

Аналогичен подход Ры Никоновой в цикле «Тавтологии». Во-вторых, *конкрет-стихи* и *конкрет-поэмы* – это и произведения, в сгущенно-концентрированном виде воссоздающие конкретику жизни самих лианозовцев и их окружения. Таковы, скажем, произведения И. Холина, посвященные Г. Сапгиру («Зайчик», «Узбекский халат» и др.).

У близкого к лианозовцам М. Соковнина подобные произведения получили жанровое обозначение «*предметник*»: «Болдинский предметник», «Исторический предметник», «Застекленная терраса».

Крайним же выражением тенденции к минимализму стало возрождение традиции В. Гнедова и создание «*вакуумных*» *текстов*, предполагающих игру с пустотой, тогда как вербальная составляющая здесь сведена к минимуму. Пустота может наделяться как отрицательной семантикой, символизируя ничто («Куча песка Тоска» А. Монастырского), так и позитивным значением: ничто здесь – потенциальное все («Рисунки», «Новогодний сонет» и «Сонет-комментарий» Г. Сапгира).

Свой цикл «вакуумных» текстов Вс. Некрасов озаглавил «В○Т». Точка на пустом месте указывает на внедрение в пустоту, «сотрудничество» с каковой (как видно из цикла) оказывается плодотворным.

У В. Бахчаняна есть цикл «вакуумных» текстов, так и называющийся «Т•чка», где автор ведет игру со словосочетаниями, включающими в себя слово «точка», и эта игра успешна. К тому же В. Бахчанян создает каллиграммы, и черная пустота служит развенчанию негативного, а белая символизирует прорыв в воздух свободы.

Г. Айги, синтезировавший в своей поэзии элементы поэтики символизма, супрематизма, авангардной музыки, считал, что нужно не просто отражать, а продолжать творение, на что был ориентирован в собственном творчестве, так что мог вынести в «вакуумный» текст и одну букву (ведь из букв складываются доносимые до людей слова). Но чаще пустота у поэта служит визуализации тишины и молчания. Семантическое наполнение молчания у Г. Айги – «“Место Бога” (место наивысшей творческой силы)» [Айги, 2001, 238], и он «нащупывает» Абсолют, с которым все соотносит.

Стихи неоавангардистов могут имитировать *черновики*, включать в себя и большие пробелы, и зачеркнутые строки, воссоздавая сам процесс творческой работы поэта («~~жить как причина жить~~» Вс. Некрасова, «Концерт» Г. Сапгира, «Прекрасное зачеркнутое четверостишие» В. Казакова).

Кроме того, Г. Сапгир предложил жанр *хмырызмы*, пародируя в произведении с таким же названием персонажа, только хмыкающего в ответ на сказанное. Есть у него и *современный лубок* (цикл «Лубок»), высмеивающий «наглядную агитацию», и *люстихи* («Люстихи») – произведения об отношении к любви, *путеводитель* («Путеводитель по Карадагу») и др.

Нацеленность на обновление языка поэзии, ведущая и к жанровому обновлению, характерна и для других неоавангардистов. Так, Е. Кацюба использует с новой семантикой жанр *азбуки* («Азбука»), где каждая буква алфавита наделяется своей интонацией, Слава Лен в перекодированном виде – жанр *гимна* («Союз нерушимый грибов / И ягод...»), О. Григорьев прославился своими *страшилками* («Я спросил электрика Петрова...»).

Неофутурист В. Соснора наряду с модернизацией жанров *исторической песни, застольной, баллады, подражания* (древним), *бестиария, вариаций, воспоминания, письма, фрагментов* использовал такие жанровые новообразования, как *рецензия на кинофильм* («Мулен Руж»), *попытка* («Возвращение к морю»), *арифметика* («Арифметика овец»).

С. Бирюков проявил себя как наследник футуризма многообразно: и как «за-умник», и как создатель *одностроков* и *визуальных стихов*, что демонстрирует «книга зауми» «Муза зауми».

«Постфутурист» В. Микушевич, философ и поэт, предложил жанр *гlossария* («Глоссарий»).

Для младоимажиниста Л. Губанова наиболее характерен жанр *открытки* («Черная открытка», «Открытка», «Хрустальная открытка»), что указывает на потребность в неформальном общении.

Представитель второй волны русского зарубежья И. Чиннов предложил жанровое образование *занимательная грамматика* («Занимательная грамматика»), предпринимая игру с полисемантикой.

У обратившегося к авангардизму «шестидесятника» А. Вознесенского, активно экспериментировавшего, встречаем и новые жанровые образования: *аксиома* («Аксиома стрекозы»), *булла* («Барнаульская булла»), *телеграмма* («Телеграмма»), *опера-детектив* («Дама трэф»). Кроме того, у него есть *изопы* – изобразительные поэтические произведения («Чайка – плавки бога»), *видиомы* – стихи, созданные «на языке визуальных символов» (Д. Герчиков) («Россия – POESIA»), *кругометы* – стихи, в которых текст читается по кругу («Кабан...»).

Визуальные системы вообще укореняются в русской поэзии, образуя *каллиграммы* (у А. Федулова, А. Очеретянского), *партитуры* (у Ры Никониной, В. Шерстяного), *гобелены* (у В. Шерстяного) и т.д. (см.: [Бирюков, 2003, 510]).

В конце 1960 – начале 1970-х появляется и новое течение авангардизма – концептуализм. В русской литературе оно выражает себя двояко: 1) в работе с идеями, концептами как материалом искусства, 2) в выходе за границы литературы в сферу ее функционирования, представления, комментирования, концептуализации.

Первый вариант характерен для Вс. Некрасова, создающего *концептуалистские стихи* («я есть ведь я есть я» «живу и вижу», «вот...» и др.),

подготовленные некрасовскими *стихами-перечнями*. Второй демонстрирует, например, деятельность группы «Коллективные действия», созданной А. Монастырским и совершавшей *концептуалистские акции* с выездом за город и последующим комментированием акций. *Книгой акций и перформансов* называют специалисты книгу А. Монастырского «Поэтический мир», где описан и реальный перформанс, проведенный совместно с друзьями-художниками.

Привлекли к себе внимание и «Сонеты на рубашках» Г. Сапгира, демонстрировавшиеся на московских концептуалистских акциях.

В эмигрантской литературе этих лет прозвучал *вивризм*, практиковавший свободную жизнь-игру, включая табуированные зоны, прежде всего в сфере секса. В числе *вивристских стихов* – «Мурмулеточка» В. Богомякова, «губы так пресны...» Д. Чернышева, «есть одна растворимого кофе изольда» И. Дудинского и др.

К. Кузьминский, представитель ленинградского андеграунда, эмигрировавший в США, на одной из *концептуалистских акций* выступал, держа в руке пистолет, с написанными не только на плакате, но и на его теле обценными словами (см.: [Кузьминский, 1995, 36]).

Зарождение в русской литературе постмодернизма (включая постмодернистский тип концептуализма) сопровождалось: 1) переходом на его позиции ряда неоавангардистов либо параллельным созданием ими как авангардистских, так и постмодернистских произведений; 2) появлением поставангардизма, выразившего себя по-разному.

Постконцептуализм в полемике с концепцией «смерти автора» возвращает фигуру автора в поэзию, исповедует проект «прямого слова и действия», в котором автор – герой «практического текста». Предпочитаемый постконцептуалистами жанр можно определить как *«именной стих»*. Таковы стихотворения, входящие в книги «Хорошо быть живым» Д. Кузьмина, «Как надо жить – чтоб быть любимым» Д. Воденникова, «Добро» Д. Давыдова и др.

У А. Скидана есть жанр *схолии* («Схолии»), отражающий скептическое отношение к постфилософии, расцениваемой как схоластика.

К синтезу элементов поэтики реализма, модернизма и постмодернизма приходит Б. Рыжий, создав поставангардистскую книгу «На холодном ветру». В стихотворении «Разговор с Богом» у него использован жанр *разговора*, подчеркивающий, что это не молитва, а, скорее, обоснование, почему он и его городские приятели заслуживают «неба».

Скрещивание авангардистской и символистской ветвей предпринимает в постсоветский период В. Соснора. Из-под его пера выходит *триптих*, новизна которого в том, что он состоит из прозаической «Книги пустот» и двух книг стихов «Флейта и прозаизмы», «Двери закрываются», причем

«Книга пустот» – метафизический ключ к книгам стихов, развивающих идеи теософии о прошлом, настоящем и будущем человечества.

Синтез элементов поэтики авангардизма, постмодернизма, религиозной философии присущ поставангардистской книге «Тьма дневная» С. Стратановского, оценивающего происходящее в постсоветской России как псевдоморфозу. Ориентированный на христианство, поэт обращается и к жанру *апокрифа*. В стихотворении «Апокриф» С. Стратановский изображает пребывающего в раю Адама, в которого вселился вирус; потому тот и покинул святое место, чтобы его не запятнать, но принес с собой зловередный вирус на землю. В стихотворении «Происшествие» поэт дает неканоническую версию второго пришествия Христа: тот не признан, арестован, в СИЗО подвергся коллективному изнасилованию. Историческое христианство не изменило человечество, констатирует С. Стратановский, а апостольское – только в Новом Завете.

У Я. Могутина в книге стихов «Термоядерный мускул» наблюдается синтез элементов поэтики авангардизма, натурализма, постмодернизма, сплав каковых усиливает критическую оценку состояния современного мира. В пародийно-издевательском ключе представлен в книге жанр *апологии* («Апология убийства»), развенчивающий подверженность людей самому страшному преступлению, сопровождающему человечество с пещерных времен доныне, так что в этом отношении современники не отличаются от оставшихся в прошлом дикарей.

М. Амелин именует свой поэтический текст с прозаическими маргиналиями, соединяющий в себе модернистскую мифопоэтику, слухи, научные данные, – «Веселая наука, или подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложенная стихами со слов нескольких очевидцев». Подчеркивание уже в заглавии жанровой характеристики *повесть-переложение* как бы призвано удостоверить правдивость полуфантастического-полудокументального повествования с целью поэтизации индивида, одаривающего человечество открытиями, изобретениями, стихами.

На современном этапе мы встречаем также жанры *хабанеры* («Хабанера со списком» В. Павловой), *возражения* («Возражение Достоевскому» С. Стратановского), *мономноголога* («МОНОМНОГОЛОГ деревьев в ботаническом саду» А. Очеретянского).

Наблюдается тенденция к жанровому укрупнению, что связано с необходимостью подведения итогов истории и потребностью определиться с новыми жизненными ценностями.

Не только подводит итоги XX столетия, но и заглядывает в будущее, следуя концептуальным интенциям метаметафоризма, К. Кедров в книге «Инсайдаут. Новый Альмагест». Это *книга культурного синтеза*, созданная с использованием метаметафоры и воссоздающая модель мира, возникающего при инсайдауте – «выворачивании» наизнанку, когда весь мир

(вся Вселенная) вбирается в себя, наделяя человека качествами человековселенной, ощущающей свою изначальную космическую природу и бессмертие *здесь и сейчас*. Космическое будущее видится как второй этап развития земного человечества, открывающий небывалые перспективы. Книга включает в себя философские постулаты русского космизма и теософии, характеристику важнейших научных открытий XX века, авангардистские поэтические тексты, которые сопровождаются разъясняющими Лексиконом и Компендиумом. Разрозненное К. Кедров сводит воедино, и данные науки подтверждают у него прозрения философов и поэтов, а в поэзии возникает образ человека будущего – Homo Cosmicus.

Так что модернистская составляющая русской поэзии и на современном этапе достаточно активна и авторитетна.

На основе предпринятого исследования мною осуществлена систематизация новых жанров и жанровых модификаций в модернистской поэзии в соответствии с факторами, вызвавшими их появление.

Новые жанры в модернистской поэзии отражают:

- тенденцию к синтезу литературы и философии (*meditations, трансцендентальные видения, прозрения, сны, взывания к запредельному, медленные строки, утопии, вереница четверостиший, схоллии*);
- тенденцию к синтезу литературы и научного знания (*научная поэзия, каталог, арифметика, заметка для энциклопедии, доклад для симпозиума, теорема, аксиома, комментарий, таблица, лента Мебиуса, антропологическое страноведение, глоссарий*);
- тенденцию к синтезу литературы и других видов искусства (*интермеццо, книга-фильм, марш, медальоны, партитура, ария, дивертисмент, хабанера*);
- акцентирование присущего модернизму субъективного фактора (*импровизация, интуица, отрывок, разговор, возражения, мономноголог, «именной стих»*);
- реакцию на урбанизацию (*урбанистические стихи*), расширение контактов с миром (*экзотические стихи*), эмиграцию (*«парижская нота»*);
- потребность в радикальном обновлении литературного языка, стиля, образной системы, проблемно-тематического и концептуального диапазона в различных авангардистских течениях и группах (*«заумный» стих, «заумная» книга, абсурдистский стих, опыты, перечни, предметники, черновики, конкрет-стихи, конкрет-поэмы, хмырызмы, концептуалистские стихи, акция, перформанс, вивристские стихи*);
- сближение поэзии с социально-политической сферой жизни (*поэтохроника, приказ, факт, лозунги-рифмы, открытое письмо, речь*);

– заимствования из официально-деловой речи с преимущественным использованием в игровом ключе, с пародийно-иронической семантикой (*анкета, инструкция, реестр, телеграмма*), а также из буднично-повседневной сферы жизни (*открытка*);

– распространение визуальной поэзии (*«вакуумный» текст, каллиграмма, изопы, видиомы, кругометы, gobелены, партитуры, визуальные монтажные книги*);

– потребность в развертывании воплощаемых представлений, в подведении итогов истории, обобщении накопленного в сфере культуры, ведущую к жанровому укрупнению (*«большое стихотворение», книга стихов, книга поэм, сверхповесть, поэтический свод книг стихов и поэм, свод философской прозы, поэзии, драматургии, книга акций и перформансов, триптих из книги прозы и двух книг стихов, книга культурного синтеза (философский текст, данные науки за столетие, авангардистские стихи и поэмы, Лексикон и Компендиум*).

Во многом родственные причины привели и к появлению новых модификаций уже существующих литературных жанров. Это:

– тенденция к субъективизму и лиризации устоявшихся жанров (*лирическая поэма, лирический роман в стихах*);

– потребность в экспериментировании (*поэма с нотами, «заумный» роман в стихах, конструктивистский роман в стихах, сонет-нет*);

– заикленность на эстетизме и эгоцентризме (*эго-рондола, диссо-рондо, эгополонез, shanson russ, ассо-сонет, полусонет, электрассонанс*);

– воскрешение и осовременивание жанров религии (*авторизованное евангелие, Новое Евангелие, благословенье, допотопное евангелие, библия бабочки, булла, апокриф*);

– нацеленность на сохранение культуры (*антифоны, венок сонетов, на мотив из Зенд-Авесты, пиндарический отрывок, грифельная ода, разрозненные строфы, невенок сонетов, поминальный венок, однострок, прописи*);

– игра с жанром, наделяемым пародийно-ироническими коннотациями (*бухгалтерская баллада, парикмахерская баллада, конституция, гимн, лубок*);

– жанровое удвоение (*витраж-триптих, сонет-акростих, сонет-ответ (акростих), поэма-миньонет, баллада-диссертация, опера-детектив*).

Во всем этом проступает индивидуальный авторский подход, свидетельствующий как о стремлении сохранить культурное наследие, продемонстрировать его живое значение и одновременно преодолеть заштампованность в его восприятии, так и о потребности быть созвучными времени и даже опережать его, предлагая новые концептуальные и эстетические про-

екты и новые жанровые образования. Полностью не исчерпал своего творческого потенциала модернизм и сегодня, в некоторых случаях скрещиваясь с постмодернизмом или реализмом, продолжая и жанротворчество.

ЛИТЕРАТУРА

- Айги Г. Разговор на расстоянии: статьи, эссе, беседы, стихи. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. 304 с.
- Артемова С.Ю. Лирические жанры сегодня: монография. Тверь: ТвГУ, 2020. 191 с.
- Бирюков С. Року укор: Поэтические начала. М.: РГГУ, 2003. 510 с.
- Боровская А.А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2009. 46 с.
- Верина У.Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв.: монография. Минск: БГУ, 2017. 308 с.
- Зубов А.А. Жанр как диалог: современная теория жанров // Новое лит. обозрение. 2012. № 118(6).
- Коротченко Е.П. АВАНГАРДИЗМ // Постмодернизм: энциклопедия. Минск: Интерпрессервис. Книжный дом, 2001. С. 12–14.
- Котович Т.В. Энциклопедия русского авангарда. Минск: Экономпресс, 2003. 416 с.
- Кузьминский К. Пулеметные ленты / Троекнижие. Брайтон-Бич: Последний Подвалъ (с филиалом в Санкт-Петербурге), 1995. 58 с.
- Лейдерман Н.Л. Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?) // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 9. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2006. С. 3–33.
- Полякова В.В. Квазижанровые заглавия в поэзии И.А. Бродского // Уральский филологический вестник. 2022. № 1. С. 125–136.
- Самиздат века / сост. А.И. Стреляный [и др.]. М. – Минск: Полифакт, 1997. 1192 с.

I.S. Skoropanova

*PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of Russian Literature,
Belarusian State University
Minsk, Belarus*

New Genre Formations in Russian Modernist Poetry

The transformation of the genre system in Russian modernist poetry, caused by new conceptual-philosophical, scientific, social and aesthetic factors, is considered. The relevance of the study lies in the need to generalize and conceptualize the vast genre material, the scientific knowledge of which is scattered in a multitude of literary works that have not been brought together and do not give a clear picture of the genre evolution of modernist poetry throughout the century. The aim of this study is to a) examine both the new modifications of already established genres created by modernist poets and the new genres introduced by them into literature, b) substantiate the reasons for their emergence and functions in relation to the development of the modernist paradigm, c) systematize the new genre formations, demonstrating the innovative contribution of modernist poetry to Russian and world literature. The novelty of the study lies in its complementary character in relation to previous works and

its generalizing character in relation to a historically specific genre system. Conducted on the basis of a dialectical and systematic approach, it is based on the methodology of J.J. Schaeffer.

The obtained results: 1) the evolution of the genre system of Russian modernist poetry is conditioned by the change of literary and artistic episteme, which emerged at the end of the XIX century and exists to the present day, during this time gave rise to various currents, groups, schools; 2) in accordance with the new conceptual attitudes: philosophical, scientific, social, aesthetic and orientation to the refusal of mimesis, subjective factor, dominance of the aesthetic, cultural synthesis, overcoming passéisme, life-creativity, embodiment of projects of new life, – both a) modernization of established genres leading to the emergence of their new modifications, and b) creation of new literary genres, conveying the spirit of the time and creative aspirations of authors; c) systematization of new genre formations according to the factors that caused their emergence is proposed.

These results enrich the science of literature and can be used in teaching when giving lectures and conducting special seminars on the topics: «Genre systems of Russian poetry» and «Russian modernist literature».

Keywords: *modernism; genre; transformation; modification; genre creation.*

REFERENCES

- Aigi G. Conversation at a distance: articles, essays, conversations, poems [Razgovor na rasstoianii: Stat'i, esse, besedy, stikhi]. Saint-Petersburg: Limbus Press, 2001. 304 p. (in Russian).
- Artemova S.Ju. Lyric Genres Today: A Monograph [Liricheskie zhanry segodnja: monografija]. Tver': Tver State University, 2020. 191 p. (in Russian).
- Biriukov S. Reproach to the Fate: Poetic Beginnings [Roku ukor: Poeticheskie nachala]. Moscow: RGGU, 2003. 510 p. (in Russian).
- Borovskaja A.A. Genre transformations in Russian poetry of the first third of the twentieth century [Zhanrovyje transformacii v russkoj poezii pervoj treti HH veka]. *Abstract of dissertation ... Doctor of Philology*. Astrahan', 2009. 46 p. (in Russian).
- Verina U.Ju. Renewal of the genre system of Russian poetry at the turn of the 20th–21st centuries: a monograph [Obnovlenie zhanrovoy sistemy russkoj poezii rubezha XX-XXI vv.: monografija]. Minsk: BGU, 2017. 308 p. (in Russian).
- Zubov A.A. Genre as Dialogue: Modern Genre Theory [Zhanr kak dialog: sovremennaja teorija zhanrov]. *New Literary Review*, 2012. No. 118 (6) (in Russian).
- Korotchenko E.P. AVANT-GARDE [AVANGARDIZM]. *Postmodernizm: Encyclopedia*. Minsk.: Interpresservis. Knizhnyi dom, 2001. Pp. 12–14 (in Russian).
- Kotovich T.V. Encyclopedia of the Russian Avant-garde [Jenciklopedija russkogo avangarda]. Minsk: Jekonopress, 2003. 416 p. (in Russian).
- Kuz'minskii K. Machine gun belts [Pulemetnye lentj]. *Book trinity*. Brighton Beach: The Last Basement (with a branch in Saint-Petersburg), 1995. 58 p. (in Russian).
- Lejderman N.L. The Problem of Genre in Modernism and the Avant-garde (A Test of Genre or a Test by Genre?) [Problema zhanra v modernizme i avangarde (Ispytanie zhanra ili ispytanie zhanrom?)]. *Russian Literature of the 20th–21st Centuries: Directions and Currents*. Issue 9. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2006. Pp. 3–33 (in Russian).
- Poliakova V.V. Quasi-genre titles in the poetry of I. A. Brodsky [Kvazizhanrovyje zaglaviia v poezii I.A. Brodskogo]. *Ural philological bulletin*, 2022. No. Pp. 125–136 (in Russian).
- Samizdat of the century. [Samizdat veka]. Compiled by A.I. Streljany [and others]. Moscow – Minsk: Polifakt, 1997. 1192 p. (in Russian).

Ли Сяобай

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 81'373.45

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-76-99

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Ключевые слова: экономическая сфера коммуникации; русский язык; китайский язык; неологизмы; сравнительный анализ.

Лексика – самая активная часть языка, позволяющая быстро реагировать на новые объекты и явления в социальной жизни, необходимые для обеспечения адекватной коммуникации. С развитием общества и проведением экономических реформ в России и Китае появилось множество новых экономических терминов в русском и китайском языках, что значительно обогатило словарные запасы этих языков.

Сравнительный анализ экономических неологизмов в русском и китайском языках с 1990-х годов выявляет специфику их лингвистических характеристик и основные механизмы формирования. С помощью данного анализа мы можем лучше узнать культурные коннотации рассматриваемых неологизмов, а также увидеть особенности развития общества и изменения, происходящие в нем. В то же время отмечаются расхождения в значении экономических неологизмов в русском и китайском языках. В статье представлен сопоставительный анализ неологизмов в области экономики с целью выявления особенностей их сходства и различия в русском и китайском языках.

Обзор новой лексики экономической сферы в русском и китайском языках. Появление новых явлений и идей, как правило, сопровождается неологизмами. Неологизмы в области экономики относятся к новой лексике, используемой в социально-экономической сфере для обозначения новых концепций. Изменения, произошедшие в российском обществе с 1990-х годов, привнесли в русский язык большое количество новых слов, которые широко используются в экономической сфере, например, *ипотечный кредит, фьючерс, приватизация, акция, облигация, тариф* и т.д. Эти новые слова не только обогащают словарный запас экономической терминологии русского языка, но и отражают диверсификацию и интернационализацию экономической деятельности в России. В то же время они отражают изменения и тенденции в российской экономической деятельности.

С 1990-х годов в китайском обществе произошли политические, экономические и культурные изменения. Эти изменения в то же время способствовали развитию языка, в результате чего в экономической сфере появилось множество новых слов. Например, 创客 (chuàng kè, креативщик), 绿色经济 (lǜsè jīngjì, зеленая экономика), 共享经济 (gòngxiǎng jīngjì, экономика совместного использования), 数字经济 (shùzì jīngjì, цифровая экономика), 双循环 (shuāng xún huán, двойная циркуляция в экономике), 弯道超车 (wān dào chāo chē, это стратегия использования сложных ситуаций для достижения ускоренного прогресса, включая оптимизацию ресурсов и т.д.), 顶层设计 (dǐng céng shè jì, проектирование верхнего уровня – системный метод планирования, первоначально используемый в инженерии, а с 2011 года ставший ключевым концептом в политическом и социально-экономическом управлении Китая), и т.д. «双循环 (двойная циркуляция – китайская экономическая модель), 新常态 (новая нормальность) для отражения экономической политики, 融资 (финансирование), 合同制 (система контрактов) для отражения экономической деятельности и так далее. Новые лексические единицы заимствуются из диалектов китайского языка, включая региональные диалектизмы, устойчивые выражения бытового характера, профессиональную терминологию и другие элементы речи. Например, термин 炒鱿鱼 (ЧАО Ю ЮЙ, из кантонского диалекта) метафорически обозначает увольнение сотрудника компанией или даже его исключение с занимаемой должности; «жарить кальмары», потому что кальмара сворачивают сразу после того, как его поджарят, что похоже на скатывание кровати, поэтому является метафорой ухода от работы; 充电 (Чун Дянь, Подзарядка) (метафорическое выражение, обозначающее процесс самообогащения, профессионального развития, обучения или выполнения работы с целью повышения квалификации), 登陆 (выходить на берег) (метафора вхождения товаров и т.д. на определенный рынок), 抢滩 (пришвартоваться у пристани) (коммерческий термин о том, чтобы захватывать рынок) и т.д. [Чжоу Цзин, 2010, 97–100]. Эти новые слова не только обогатили словарный запас китайского языка, но и отразили изменения в экономическом и социальном развитии, а также в социальном прогрессе и технологических инновациях в Китае.

Предпосылки появления новой лексики в русском языке в экономической сфере. Появление новых слов в экономической сфере русского языка связано в основном с трансформацией экономической системы в России и изменениями в международной экономической деятельности. С развитием

рыночной экономики в процессе глобализации появляются новые экономические явления и понятия, для описания которых необходима новая лексика.

Объективные факторы. В экономической сфере Россия провела ряд рыночных реформ, цель которых – либерализация и открытость экономики. Правительство поощряет негосударственные инвестиции, способствует процессу приватизации компаний, укрепляет связи с международным рынком и постепенно создает систему рыночной экономики. Эти реформы обеспечили развитие экономики, а также повысили международную конкурентоспособность в России.

После 1990-х годов Россия приняла рыночную экономику, в результате чего появилось много новых фраз и словосочетаний, связанных со словом «рынок»: «активный рынок» (活跃的市场), «рыночная экономика» (市场经济), «рыночник» (主张实行市场经济者), «рынок акций» (股票市场), «денежный рынок» (金融市场), «рынок труда» (劳动力市场) и т.д. Для отражения реальных ситуаций в экономике России данного периода часто используются словосочетания «дикий рынок» (野蛮市场), «цивилизованный рынок» (文明市场), «черный рынок» (黑市). Лексемы «бизнес», «собственник», «конкуренция», «налог» уже стали общеупотребительными, вошли в активный словарь.

С 1990-х годов в России также возникло много кооперативных предприятий. Возможность общения с носителями английского языка значительно возросла [Крысин, 2010]. Влияние английского языка можно заметить в увеличении количества заимствованных терминов, таких как «спонсор» (sponsor), «менеджер» (manager), «супермаркет» (supermarket) и т.д. В условиях непрерывного развития общества возможности для международных отношений и сотрудничества расширяются, а средства распространения информации модернизируются. Разные языки проникают друг в друга, и их взаимное влияние усиливается.

Субъективные факторы. Из-за влияния субъективных факторов, таких как социальные ценности, появилось большое количество русских неологизмов в экономической сфере. Например, «сейл» (англ. sale – распродажа), «шопинг» – хождение по магазинам (англ. shopping). Кроме того, активная и изменчивая социальная атмосфера породила разнообразные тенденции. Зачастую обе стороны коммуникации склонны отказываться от слов, присущих русскому языку, и заменять их «модными» словами. Например, в русском языке существует термин «коммерсант», используемый для обозначения лица, занимающегося частной торговлей или коммерцией. Однако в 1990-х годах был введен синоним «бизнесмен» – слово, заимствованное из английского языка. Быстрый темп жизни способствовал появлению множества новых сокращенных словоформ, таких как «видео» (видеомагнитофон), «пуховик» (пуховая куртка) и «визитка» (визитная карточка).

Формирование русских неологизмов в экономической сфере тесно связано с развитием и изменением российской экономики. С постепенной маркетизацией и глобализацией российской экономики в русский язык начинают вводиться многие новые экономические понятия и термины. Появление этих новых слов в экономической сфере отражает направление изменения и развития российской экономической системы, а также вызовы и возможности, стоящие перед российской экономикой [Костомаров, 1999]. Некоторые распространенные неологизмы: «рынок», «инфляция», «конкуренция», «инвестиции», «приватизация» – широко используются в экономической и коммерческой сферах.

Появление новых слов в русском языке в экономической сфере также помогает развитию экономического обмена и сотрудничества между Россией и другими странами. С развитием глобализации и необходимостью для России соответствовать международным экономическим тенденциям появление и использование новых слов в экономике на русском языке стали просто необходимы.

Предпосылки появления новой лексики в китайском языке в экономической сфере. Новые слова в экономической сфере продолжают формировать и обогащать систему современной лексики китайского языка. Эти новые слова тесно связаны с экономическим и социальным развитием Китая и отражают разные виды экономической деятельности, динамику роста различных секторов экономики, начиная от производства и заканчивая потреблением. Например, 共享经济 (экономика совместного пользования), 互联网+ (Интернет+), 移动支付 (мобильные платежи), 供给侧 (сторона предложения) и т.д. не только обогащают словарный запас китайского языка, но и отражают стремительные экономические и социальные изменения в Китае.

Объективные факторы. С непрерывным развитием общества и быстрым развитием экономики в Китае продолжают возникать новые экономические явления и виды экономической деятельности. Например, такие слова, как 知识产权 (интеллектуальная собственность), 有形资产 (материальные активы) и 无形资产 (нематериальные активы), отражают экономические изменения, вызванные общественным развитием в разное время. Кроме того, научный прогресс способствовал возникновению и внедрению инновационных технологий, включая развитие глобальной сети Интернет, технологии больших данных, искусственный интеллект и др. Это привело к формированию значительного количества специализированных экономических терминов, связанных с новейшими технологиями, таких как 5G, искусственный интеллект (AI) и др. В эпоху информационного взрыва язык должен быстро и лаконично передавать большой объем информации, в связи с этой ситуацией произошло стремительное развитие сокращенных форм

слов; расширенное использование буквенных слов в китайском языке является неизбежным результатом экономических и торговых обменов между Китаем и другими странами, обогащает словарную систему современного китайского языка и способствует созданию новых слов.

Большинство новых слов происходит из социальных потребностей, охватывая многие области, такие как политика, экономика, культура и развлечения. Например, такие слова, как «зеленый» и «низкоуглеродный», «интернет-знаменитость» и «экономическая глобализация», отражают тенденции социальных изменений. Меняющиеся потребности общества приводят к появлению новых терминов, таких как «ночная экономика» и «цифровой дом».

С 1990-х годов беспрецедентная частота обменов между Китаем и другими странами, непрерывное развитие экономики общества, науки и техники приводят к появлению большого количества новых терминов в экономической сфере. По мере того как Китай все чаще обменивается информацией с другими странами, многие международные экономические термины становятся привычными и локализируются. Изменения в экономической политике правительства и новые модели управления экономикой также требуют новых терминов для их описания.

Эти объективные факторы в совокупности способствуют формированию и развитию новых слов в китайском языке в экономической сфере, а также отражают социально-экономические изменения и эволюцию языка.

Субъективные факторы. С созданием рыночной экономической системы в Китае появились такие новые термины, как 承包制 (система подряда) и 股份制 (система акционирования), что отражает осознание и понимание людьми новых экономических явлений.

На фоне стремительного экономического развития и роста объема информации язык должен быть более лаконичным в описании объективных предметов. В результате популярность таких терминов, как 处理器 (процессор), USB 接口 (интерфейс USB) и 闪存盘 (флешка), сделала язык более лаконичным и эффективным.

С развитием глобализации, влиянием иностранных культур и ростом международных связей постоянно появляются новые технологии, продукты и идеи, а вслед за ними и ряд новых слов. Эти слова входят в повседневную жизнь людей с распространением Интернета, например 粉丝经济 (Fan Economy, фан-экономика) и 大数据 (большие данные) [Цай У, Чжу Юй, 2022].

Китайские неологизмы в экономической сфере отражают реформу экономической системы в Китае, становление рыночной экономики и диверсификацию экономической деятельности. Новые китайские термины в

экономической сфере, такие как 需求侧 (сторона спроса), 金融资本 (финансовый капитал) и 经济全球化 (экономическая глобализация), демонстрируют дальнейшее углубление процесса экономических реформ в Китае. Появление этих слов показывает уровень зрелости и развития Китая в системе рыночной экономики. Данные субъективные и объективные факторы в совокупности способствуют появлению и развитию неологизмов китайского языка в экономической сфере.

Формирование русских и китайских неологизмов в экономической сфере.

Формирование новых русских слов в экономической сфере. В зависимости от способа образования в русском языке можно выделить следующие типы неологизмов: семантические неологизмы, морфологические новообразования слов и заимствованные неологизмы.

Семантические неологизмы относятся к новым словам, возникающим из развития и дифференциации значения слова. Люди придают новый смысл старым словам для обозначения новых вещей, явлений, особенностей и т.д. [Калинин, 1978, 112–114].

Например, если «черный» воспринимается как «нелегальный», то «серый» означает «не вполне законный, не до конца легальный». И «белый», наоборот, воспринимается как «легальный».

Что касается делового стиля языка, то в повседневном общении слова «реализация» и «сбыт» в китайском означают «осуществление» (实现), но в деловом русском языке они означают «продажа» (销售) [Цуй Мань, 2002].

Неологизм-новообразование – это новое слово, сформированное на основе исходного слова или фразы с использованием средств словообразования в соответствии с внутренней системой словообразования русского языка [Земская, 2011, 45–52]. Например, «антирыночник» (反市场化). Этот метод чаще всего является основой русского словообразования, а также основным объектом исследования словообразования. То есть основное значение слова изменяется или отрицается при помощи префикса. Приставка «анти-» в термине «антимаркетинг» – типичный префикс, используемый в негативном, противоположном или относительном смысле. В сочетании с прилагательным «рыночный» (市场的) этот префикс образует неологизм «антирыночный» (反市场的), который используется для обозначения понятий, противоположных принципам рынка и рыночным механизмам.

Типы образования неологизмов включают в себя следующие категории:

а) использование аффиксов. Аффиксация – способ образования слов с помощью аффиксов, то есть присоединение аффиксов к корню или основе

слова. Присоединение приставок к корням и основам слова называется префиксацией. А присоединение суффиксов к корням или основам как способ словообразования – суффиксацией. Например, «акционировать», «спонсировать», «конверсировать»; «псевдорынок», «компьютерщик», «эвээмщик», «оборонщик», «антиперестройщик»; «кооператор»;

б) метод универбации. Универбация образует новые слова посредством свертывания словосочетания при помощи суффиксов. Наиболее продуктивным суффиксом при универбации является суффикс -к(а). Например, «валютка» (валютный магазин), «кредитка» (кредитная карточка), «военка» (военный заказ). Существуют и другие модели: «групповуха» (групповое преступление), «новояз» (новый язык).

Неологизм-заимствование (заимствованные неологизмы) возникает как результат процесса заимствования иностранных слов для обозначения новых объектов и концепций, которые ранее не имели названия в данном языке. Ввод таких слов в русский язык обычно направлен на обогащение словарного запаса русского языка и удовлетворение потребностей развития языка и общества. Например, с ростом популярности Интернета и ускорением глобализации в русском языке появилось большое количество заимствованных слов, обозначающих новые вещи и явления, таких как «биткоин» (比特币).

В деловом русском языке много неологизмов-заимствований. Например, «спонсор» заимствовано из английского языка (sponsor) наряду с такими словами, как «компания» (company), «контракт» (contract), «экспорт» (export), «коммерция» (commerce) и др.; термин «приватизация» произошел от латинского слова «privatus».

Неологизм-аббревиатура – это новое слово, образованное путем сокращения или укорачивания существующего слова или фразы. Данный тип словообразования используется во многих языках. Метод редукции подразумевает редукцию фразы до единственного существительного, при этом ее основное значение сохраняется.

Этот тип чаще встречается в деловом русском языке. Например, «ВТО» (Всемирная торговая организация), «ГОСТ» (российский национальный стандарт), «СП» (совместное предприятие), «НДС» (налог на добавленную стоимость) и др. Крупные российские учреждения и предприятия также обозначены сложносокращенными словами: «Минобразования» (Министерство образования), «Внешэкономбанк» (Внешнеэкономический банк) и т.д. Кроме того, торговые термины в деловом русском языке даже напрямую применяют иностранные отаббревиатурные неологизмы, такие как «ФОВ» (из английского FOB, например цены FOB) и «СИФ» (из английского CIF, например цены CIF).

Новые слова, сформированные этими методами словообразования, не только обогатили словарный запас русского языка, но и отразили развитие России в экономической сфере.

Формирование новых китайских слов в экономической сфере.

В соответствии с методами формирования неологизмы в экономической сфере китайского языка в основном включают следующие типы: семантические неологизмы, деривационные (мотивационные) неологизмы, неологизмы на основе трансформации иностранных слов и аббревиатуры.

В первую очередь отметим *семантические неологизмы*. В экономической сфере некоторые из первоначальных слов получили новые значения, чтобы выразить новые экономические явления и концепции. Такое явление становится особенно заметным с 1990-х годов, когда значения слов обновляются в связи с изменением формы экономической системы. В результате некоторые старые слова получили новые значения для описания новых объектов, явлений, особенностей и т.д.

Например, термин 形象大使 (имиджевый посол), первоначально обозначавший человека, представляющего какой-либо образ, теперь используется для описания человека, который представляет товар на различных мероприятиях.

Основными способами приобретения словами новых значений являются их трансформация из профессиональной сферы в общую или перемещение из сферы повседневной коммуникации в экономическую. Деривация лексического значения слова представляет собой важнейший и универсальный процесс развития значения слова, при котором на основе одного семантического признака возникают другие, тесно связанные с исходным значением. Например, в китайском языке первоначальное значение фразы 下课 (означающей завершение занятий) указывает на окончание учебной деятельности и начало периода отдыха для преподавателей и студентов. В переносном смысле данное выражение применяется для описания ситуации пассивного прекращения работы на занимаемой должности или выхода из конкретного конкурентного контекста.

В случае со старыми словами с новыми значениями старое значение первоначально использовалось только в области спорта, а с новым значением это слово может использоваться в общей сфере. Например, словосочетание 跳水 (прыжки в воду) первоначально использовалось для обозначения подводного спорта. Новое значение – это метафора падения цен на акции, товары и т.д. Слова, изначально распространенные в сфере повседневной жизни, получают новое значение и могут использоваться в экономической сфере, а также становятся именами собственными. Например, термин 蛋糕 (торт), первоначально обозначавший кондитерское изделие, приготовленное из яиц, муки, сахара и масла, в современном контексте часто используется в переносном смысле для обозначения таких понятий, как «общественные богатства» и «общественные интересы» [Чжан Тин, 2007, 13–16].

Большинство новых слов, которые входят в профессиональную сферу из повседневной жизни, связано с новой сетевой экономикой и информационной сферой, например 电商 (электронная коммерция), 云计算 (облачные вычисления), 区块链 (блокчейн), 供应链金融 (финансирование цепи поставок), 绿色发展 («зеленое» развитие) и т.д. Поскольку эти области являются новыми и в них много новых предметов, использование неологизмов в выражениях может вызывать чувство непривычности и неудобства одновременно; таким образом, использование устаревших слов из бытовой жизни для описания новых явлений соответствует принципу экономности языка.

Метод деривации также применяется для создания новых слов. Деривация представляет собой лингвистический процесс формирования новых слов путем добавления аффиксов к основе исходного слова [Чжоу Цзянь, 2004, 88–92]. Например, в китайском языке чаще встречаются новые слова с приставкой 老(старый), например 老赖 (недобросовестный должник); новые слова с суффиксом и квазиаффиксом 族 (означает группу людей с общими характеристиками) для обозначения определенной группы людей, например 啃老族 (те, кто не работает и зависит от зарплаты родителей) и т.д.

Появляющиеся аффиксы пока можно рассматривать как аффиксоиды. Эти новые аффиксоиды не достигли полной грамматикализации на семантическом уровне и в некоторых случаях могут выполнять функции корневых морфем, что обусловило их название. В китайском языке на формирование и развитие аффиксоидов воздействуют как внутренние, так и внешние механизмы языка, например резкие изменения в социальной жизни и влияние иноязычных слов.

Многие новые слова, возникающие в современном китайском языке, формируются с помощью аффиксов или аффиксоидов. Контакты и слияние китайского с другими языками, особенно влияние английского, приводят к появлению в китайском языке многих новых аффиксоидов, таких как 软实力 (软+实力, мягкая сила), 旅游热 (旅游+热, туристический бум) и т.д.

Эти аффиксоиды играют роль в обогащении словарного запаса, усилении экспрессии и выразительности китайского языка, а также оказывают важное влияние на эволюцию и развитие языка.

Некоторые неологизмы образуются посредством *преобразования иноязычных слов*: перевода иноязычных слов на китайский язык или прямого использования схожих сочетаний иероглифов в форме. Например, слово 网络, образованное от английского слова «network», было переведено дословно с английского на китайский язык; слово 基因, образованное от ан-

глийского слова «gene», было переведено с помощью использования иероглифов с произношением, похожим на исходное слово.

В китайском языке появляется много неологизмов с трансформациями из иноязычных слов в экономической сфере. Заимствование и трансформация этих иноязычных слов не привели к утрате китайским языком своих особенностей, но обогатили его словарный запас и средства выражения.

Например, термины 股票 (акция), 投资 (инвестиция), 财务 (финансы), 外汇 (валюта) и т.д. широко используются в бизнесе, финансах и других областях экономики; термины 进口 (импорт), 出口 (экспорт) и 浮动汇率 (плавающий курс валюты) отражают международную торговую деятельность в условиях глобализации; такие термины, как 控股公司 (холдинговая компания) и 自由汇兑市场 (рынок свободного обмена), описывают различные формы организации и рыночные механизмы в современной экономической системе.

Сокращенные слова – это новые слова, образованные путем сокращения или упрощения прежнего слова. С помощью сокращения слов упрощают или опускают некоторые части исходного слова, чтобы быстрее передать информацию [Чэнь Юань, 2000, 125–334]. В экономической сфере широко используются сокращенные термины, чтобы упростить выражение и увеличить скорость распространения информации. Например, GDP (国内生产总值, ВВП) и CPI (消费者价格指数, индекс потребительских цен) – распространенные экономические аббревиатуры.

Сокращения в китайском языке имеют различные формы, включая двусложные, трехсложные и многосложные слова. Например, слова из двух слогов, такие как 双创 (大众创业、万众创新, массовое предпринимательство и массовые инновации) и 双碳 (碳达峰、碳中和, двойной углерод; углеродный пик и углеродная нейтральность); трехсложные слова, такие как 城居保 (城镇居民社会养老保险, пенсионное страхование городского населения), 亚投行 (亚洲基础设施投资银行, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций); многосложные слова, например 一带一路 (Один пояс, один путь). Эти сокращенные слова облегчают их запоминание и распространение.

Некоторые из новых слов состоят только из букв, букв с цифрами или букв и китайских иероглифов. Например, CEO, GDP, ATM и другие слова, состоящие полностью из букв, и сочетания букв и китайских иероглифов, таких как A股, B股 и AA制. С ростом экономических и торговых обменов между Китаем и зарубежными странами многие буквенные слова входят в экономические неологизмы китайского языка, обогащают словарную систему современного китайского языка.

Широкое использование сокращенных слов в экономической сфере не только увеличивает скорость передачи информации, но и отражает разнообразие и сложность экономической деятельности. С быстрым развитием экономической глобализации и информационных технологий аббревиатуры используются все шире в экономической сфере; они не только упрощают сложную экономическую терминологию, но и способствуют международному взаимодействию и сотрудничеству. Например, сокращенные названия международных организаций, таких как АИВ (亚洲基础设施投资银行, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций) и АБР (亚洲开发银行, Азиатский банк развития), широко используются во всем мире и способствуют международному экономическому сотрудничеству и развитию.

В совокупности эти методы позволяют новым словам китайского языка в экономической сфере быстро адаптироваться к потребностям общественного развития, отражая изменения в экономической деятельности.

Образование и формирование новых слов в экономической сфере являются результатом совместного действия развития общества и языка, а также одной из движущих сил в развитии самой языковой системы. Новые слова отражают социальные изменения, экономическое развитие и психологические изменения людей на многих уровнях.

Формирование и развитие неологизмов русского и китайского языков в экономической сфере имеет как сходство, так и свои особенности. В результате социального и экономического развития и влияния глобализации наблюдается тенденция к диверсификации и интернационализации в способах возникновения и конструирования неологизмов.

Сравнительный анализ новых слов в области экономики в русском и китайском языках.

Сравнение культурных фонов. Китайский и русский языки принадлежат к разным языковым семьям и культурным средам, что влияет на образование и использование неологизмов. Например, термин «блокчейн» в русском языке был заимствован непосредственно путем транскрипции, тогда как в китайском языке для его успешного восприятия и широкого распространения требуется детальное объяснение технического контекста. Такие различия являются отражением разной степени принятия и скорости распространения новых технологий в разных культурах. В России создание неологизмов было обусловлено внедрением рыночной системы экономики и либерализации слова; в Китае благодаря политике «реформ и открытости» и развитию рыночной экономики появилось большое количество экономических неологизмов.

Вместе с тем в русском и китайском языках существуют различия в значениях экономических неологизмов. Например, слово «электронная торговля» в переводе на русский означает «электронная коммерция», в китай-

ском языке существуют несколько выражений, таких как 电子商务 (электронная коммерция) и 电子贸易 (электронная торговля). Подобное различие отражает специфику предпочтений и конвенций в процессе лексического выбора в обоих языках.

В процессе развития общества значения некоторых слов расширялись или сужались. Например, термин «Интернет+» на китайском языке отражает быстрое развитие Интернета в Китае, расширяя значение термина и описывая применение Интернета в различных областях; в русском языке термин «инфляция», изначально обозначавший девальвацию валюты, в настоящее время также применяется для описания процесса инфляции.

В китайском языке появилось множество слов, называющих новые экономические явления, такие как 互联网金融 (интернет-финансы), 共享经济 (экономика совместного пользования), 大数据 (большие данные) и т.д., которые отражают новые этапы развития и тенденции китайской экономики. В русском языке также существует множество слов, обозначающих новые экономические явления, например «инфляция», «электронная денежная система», «блокчейн» и т.д. Появление этих терминов демонстрирует новое развитие экономики России и тенденцию интернационализации. Например: 共享经济 (экономика совместного пользования) в китайском языке означает экономическую модель, которая позволяет снизить затраты и повысить эффективность за счет совместного использования ресурсов. В русском языке нет прямого эквивалента, но схожие понятия можно выразить с помощью сочетания слов. Термин 数字经济 (цифровая экономика) в китайском языке обозначает новую форму экономического развития, где ресурсы данных выступают в качестве ключевого фактора производства, современные информационные сети служат основным носителем, интеграция и применение информационно-коммуникационных технологий являются движущей силой, а целью становится повышение уровня цифровой трансформации экономики и общества. В русском языке также нет прямого эквивалента, поэтому необходимо использовать сочетания слов.

Таким образом, сопоставительный анализ русских и китайских неологизмов в экономической сфере может не только способствовать углубленному взаимопониманию между людьми разного культурного происхождения, но и эффективно повышать качество межкультурной коммуникации в экономической сфере.

Различия в практическом использовании. На практике неологизмы русского и китайского языков в экономической сфере демонстрируют различия в частоте использования и степени принятия. Например, термин «цифровая экономика» получил широкое распространение и активно используется в китайском языке, тогда как в русском языке ему может потре-

боваться дополнительное объяснение и популяризация для достижения аналогичного уровня признания.

Таким образом, характеристики неологизмов на русском и китайском языках в экономической сфере не только отражают изменения в экономических явлениях и понятиях, но и подвержены влиянию социальной среды, культурного фона и внутренних законов языка, указывают на тесную связь и взаимодействие между языком и экономикой.

В сфере внешнеэкономических связей и торговли использование русских и китайских неологизмов чрезвычайно обширно.

Неологизмы в русском и китайском языках отражают направление общественных изменений в России и Китае. Формирование неологизмов в этих языках тесно связано с изменениями в обществе, и появление этих неологизмов демонстрирует направление развития и изменения общества.

Характеристики неологизмов русского и китайского языков в экономической сфере определяются как трансформацией экономических явлений и понятий, так и влиянием социальной среды, культурного контекста и внутренних закономерностей самого языка, благодаря чему подчеркивается тесная взаимосвязь между языком и экономикой.

ЛИТЕРАТУРА

- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Наука, 2011. С. 45–52.
- Калинин А.В. Лексика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1978, С. 112–114.
- Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 22 с.
- Крысин Л.П. Современный русский язык: Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 240 с.
- 苏琳. 新时期汉语新词形成机制研究. 长春:东北师范大学, 2018. 128页. (Су Линь. Исследование механизма образования неологизмов в китайском языке в новую эпоху. Чанчунь: Северо-восточный педагогический университет, 2018. 128 с.)
- 蔡武,朱宇.经济新词:语言服务经济生活. 2022 (Цай У, Чжу Юй. Экономические неологизмы: язык на службе экономической жизни, 2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1749338548451112711&wfr=spider&for=pc>)
- 崔燮. 21 世纪俄语新词新义词典. 北京:外文出版社, 2002. 548页. (Цуй Мань. Словарь новых слов и значений в русском языке XXI века. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2002. 548 с.)
- 张婷. 近三十年来旧词新义研究. 上海:上海师范大学, 2007. 55页. (Чжан Тин. Исследование о новых значениях старых слов за последние тридцать лет. Шанхай: Шанхайский педагогический университет, 2007. С. 13–16.)
- 周荐. 汉语词汇结构论. 上海:上海辞书出版社, 2004. 第88-92页. (Чжоу Цзянь. Теория лексической структуры китайского языка. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2004. С. 88–92.)
- 周静. 汉语新词形成方式探析. 重庆教育学院学报, 2010 (06). 第97–100页. (Чжоу Цзин. Анализ способов формирования неологизмов китайского языка // Вестник Чунцинского педагогического колледжа. 2010. № 06. С. 97–100.)

陈原. 社会语言学. 北京:商务印书馆, 2000年, 125–334页. (Чэнь Юань. Социоллингвистика. Пекин: Коммерческое издательство, 2000. С. 125–334.)

Словарь неологизмов. Неологизмы XXI века. URL: <https://russkiiyazyk.ru/leksika/slovar-neologizmov.html> (дата обращения: 18.01.2025).

Li Xiaobai

*Postgraduate,
Chair of General and Comparative-Historical Linguistics,
Philological Faculty,
Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
Moscow, Russia*

Comparative Analysis of Russian and Chinese Neologisms in the Economic Sphere

Vocabulary is the most active part of language, allows to react quickly to new objects and phenomena in social life, necessary to meet the needs of communication. With the development of society, and in the process of economic reforms in Russia and China, many new economic terms have emerged in the Russian and Chinese languages, significantly enriching the vocabularies of Chinese and Russian languages.

The analysis of economic neologisms in Russian and Chinese languages (from the 1990s) demonstrates the features of economic neologisms in Russian and Chinese languages and the methods of formation. Through this analysis, we can better know the cultural connotations of economic neologisms in Russian and Chinese, as well as the changes and features of the development of society. At the same time, there are differences in the meaning of economic neologisms in Russian and Chinese languages. This article presents a comparative analysis of Russian and Chinese neologisms in the field of economics in order to identify the features of similarities and differences of economic neologisms in Russian and Chinese languages.

Keywords: *economic field of communication; Russian language; Chinese language; neologisms; comparative analysis.*

REFERENCES

Zemskaya E.A. Modern Russian language. Word formation [Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie]. Moscow: Science, 2011. Pp. 45–52 (in Russian).

Kalinin A.V. Lexicon of the Russian language [Leksika russkogo yazyka]. Moscow: Moscow State University, 1978, Pp. 112–114 (in Russian).

Kostomarov V.G. The linguistic taste of the era [Yazykovoy vkus epokhi]. Saint-Petersburg: Zlotoust, 1999. 22 p. (in Russian).

Krysin L.P. Modern Russian Language: Lexical Semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography [Sovremennyy russkiy yazyk: Leksicheskaya semantika. Leksikologiya. Frazzeologiya. Leksikografiya]. Moscow: Publishing center "Academy", 2010. 240 p. (in Russian).

苏琳. 新时期汉语新词形成机制研究. 长春:东北师范大学, [Su Lin. Study of the mechanism of formation of neologisms in Chinese language in the new era. Changchun:Northeast Normal University]. 2018. 128 p. (in Chinese).

蔡武, 朱宇. 经济新词: 语言经济生活服务, [Cai Wu, Zhu Yu. Economic neologisms: language service for economic life]. 2022. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1749338548451112711&wfr=spider&for=pc> (in Chinese).

崔曼. 21 世纪俄语新词新义词典. 北京: 外文出版 [Cui Man. Dictionary of New Words and Meanings in the Russian Language of the 21st Century. Beijing: Foreign Languages Press]. 2002. 548 p. (in Chinese).

张婷. 近三十年来旧词新义研究. 上海: 上海师范大学 [Zhang Ting. A study of the new meanings of old words in the last thirty years. Shanghai: Shanghai Normal University, 2007. Pp. 13–16 (in Chinese).

周荐. 汉语词汇结构论. 上海: 上海辞书出版社 [Zhou Jian. The structure of Chinese vocabulary. Shanghai: Shanghai Dictionary Press] 2004. Pp. 88–92 (in Chinese).

周静. 汉语新词形成方式探析. 重庆教育学院学报 [Zhou Jing. Analysis of the formation of Chinese neologisms. Journal of Chongqing Education Institute]. 2010 (06). Pp. 97–100 (in Chinese).

陈原. 社会语言学. 北京: 商务印书馆 [Chen Yuan. Sociolinguistics. Beijing: Commercial Press]. 2000. Pp. 125–334 (in Chinese).

Dictionary of neologisms. Neologisms of the XXI century. Available at: <https://russkiiyazyk.ru/leksika/slovar-neologizmov.html> (accessed on January 18, 2025) (in Russian).

В.Г. Сибирцева

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Нижний Новгород, Россия

УДК 821.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-90-99

ВЛИЯНИЕ «ПОТЕРЯННОГО РАЯ» ДЖ. МИЛЬТОНА НА ТВОРЧЕСТВО И.Я. БОДМЕРА И Ф.Г. КЛОПШТОКА

Ключевые слова: *Клопшток; Бодмер; Милтон; «Потерянный рай»; «Мессиада».*

В статье анализируется воздействие космологических представлений Джона Мильтона, воплощенных в эпической поэме «Потерянный рай», на немецких литераторов XVIII века И.Я. Бодмера и Ф.Г. Клопштока. Интерес к научным идеям, характерный для всего XVII века, приводит Мильтона к новому пониманию образа Бога, причем путь научного познания рассматривается им как возможность расширить горизонты трактовок божественного, в котором находится место для человеческой свободы мысли, веры и интерпретации – фантазии.

Было предпринято несколько попыток создать метрические переводы «Потерянного рая» на немецком языке, но все они остались незавершенными. Лишь в 1732 году Иоганн Якоб Бодмер опубликовал прозаический перевод поэмы, который впоследствии оказал значительное влияние на мировоззрение

Фридриха Готлиба Клопштока, считающегося создателем немецкой эпопеи и почитаемого наравне с античными эпиками Гомером и Вергилием.

Многие критики сочли бодмеровскую прозаическую, беллетризирующую трактовку священных тем, поднимаемых в «Потерянном рае», слишком свободной и недостаточно выдержанной для произведения подобного рода, и перевод оказался в центре литературного спора швейцарских литераторов Бодмера и Брайтингера с одной стороны и ревнителя нормативного немецкого языка Готтшеда – с другой. При этом достоинства труда Бодмера не ограничиваются эстетической стороной. «Потерянный рай» в переводе Бодмера вдохновил молодого Клопштока на написание стихотворной эпопеи «Мессиада» и создание немецкого гекзаметра. Несмотря на то что в истории литературы творчество как Бодмера, так и Клопштока долгое время оценивалось необъективно (они находились в тени более значительных литературных деятелей, таких как А. Беттгер и И.В. фон Гете), их вклад в развитие немецкого художественного эпоса является очень значительным. Немецкая эпопея «Мессиада» появилась во многом только потому, что Клопшток вдохновился «Потерянным раем» Джона Мильтона, который в юные годы он прочитал в переводе Бодмера.

«Потерянный рай» Джона Мильтона (1608–1674) стал первой английской эпической поэмой, переведенной на европейские языки, и в частности на немецкий. Милтон был мыслителем эпохи, стремившимся в своих размышлениях по поводу теологического в «Потерянном рае» сохранить место для индивидуальной, свободной интерпретации, для «пространства, которое само по себе божественно», как пишет исследователь творчества писателя К.Дж. Мартин (здесь и далее пер. наш, если не указано иное) [Martin, 1996, 51]. В XVII веке наука и вера еще не были непримиримо разделены. Новые научные открытия обещали безграничные горизонты познания, и Милтон воспринимал это как путь к расширению человеческого духа. При этом он осознавал, что новая наука разрушает аристотелевский порядок мира: пространство стало мыслиться не как иерархия природных мест, а как бесконечная математическая функция, следствием чего стало исчезновение символической «лестницы бытия», где человек и Бог занимали центральное и высшее место. В новом механистическом космосе и Бог, и человек оказались изгнанными. Первый был превращен в безличный принцип, второй – в «незначительное следствие великой математической системы» [Martin, 1996, 49].

Космология в трактовке Мильтона представляла собой образ духовной и научной свободы, где небесные тела, «в таинственном кружащиеся танце» (пер. Арк. Штейнберга) [Милтон, 1976, 146], символизируют движение знания и воображения. Милтон использует понятие безбрежной бездны, в пространстве которой «нет ни меры, ни границ, ни пустоты» [Милтон, 1976, 205], как символ свободы и творческой силы Бога и утверждает

бесконечность творения и множественность миров (через сто лет эта идея воодушевит Клопштока, в лирике которого не единожды будет упоминаться «Ozean der Welten» – океан миров). Миры восстанавливают утраченное звено – пространство, где слово, бесконечность и пустота вновь соединяются в теологическом смысле, и Мильтон предлагает новое богословское решение: Бог мыслится одновременно бесконечно присутствующим в материи и бесконечно отсутствующим в ней.

Тем самым Мильтон создает новую теологию относительности. Он вводит в саму ткань новой Вселенной духовное исчисление, основанное на парадоксе: Бог присутствует как *nihil*, «ничто», наполняющее все. Его Бог – не заключенный в сферы Перводвигатель и не часовой мастер Ньютона, а безграничная бездна и нуль, который удерживает целое и делает возможной человеческую свободу мысли, веры и интерпретации, впоследствии трактуемой как воображение или фантазия.

При жизни Мильтон воспринимался в Германии прежде всего как публицист, и только посмертно все чаще как поэт. Лишь в начале XVIII века критики начали хвалить его за «изобретательность и воображение, а также за красоты» «Потерянного рая», сравнивая английского поэта с Вергилием и Гомером [Guthrie, 2024, 198]. Эти хвалебные гимны стихотворному эпосу Мильтона стали известны в числе прочих швейцарцу Иоганну Якобу Бодмеру (1698–1783) через французский перевод, опубликованный в журнале «Le spectateur» [Le Spectateur, 1718]. Впоследствии Бодмер специально начал изучать английский язык с помощью англо-латинского словаря, чтобы иметь возможность перевести «Потерянный рай» на немецкий язык без языка-посредника. Бодмер унаследовал веру Мильтона в свободу человеческой мысли и возможность создавать новые миры, наполняя их деталями. Он был несокрушимо уверен в силе видения английского автора и в убедительности его слова, живописующего созданные им картины. Заслуга Бодмера в открытии «Потерянного рая» для немецких читателей на немецком языке состоит в том, что при переводе он расставил свои акценты и допустил значимость чувственности и воображения в представлении божественного. Персонажи, созданные Мильтоном в его поэтических работах, были примерами свободного духа. Так, например, сатана и ангелы принимают решение покинуть небеса, Адам и Ева независимо друг от друга решают не повиноваться и принять последствия своих поступков.

Сам перевод Бодмера представляет собой попытку ощутить эту свободу выбора через литературу и поделиться ею с читателем. Бодмер чувствовал, что идеи Мильтона близки ему. Исследователи-германисты подчеркивают, что в переводе Бодмера ощущается его сопереживание героям поэмы, немецкий переводчик также уделяет особое внимание изображению природы и пишет о роли литературного труда [Bender, 1967; Guthrie, 2024; Horch, 1988]. Именно поэтому задача, которую Бодмер поставил перед собой, требовала больших

усилий и глубокой эмпатии. «Потерянный рай» Мильтона рассматривался не просто как христианское учение, но как возвышающее литературное произведение благодаря своему изображению роли человека и описаниям природы, выходящим за рамки простого украшательства.

До Бодмера были предприняты попытки создать метрические переложения «Потерянного рая» на немецком языке, но они оставались незавершенными. В 1667 году первый неопубликованный перевод части «Потерянного рая» выполнил Теодор Хаак (1605–1690), это случилось практически вслед за английской публикацией самого Джона Мильтона [Barnett, 1962]. Исследователи рассматривают этот фрагмент скорее как политическую апелляцию к событиям, происходившим в то время в Англии. Так, германисты Килмек и Шиндлер указывают, что Хаак, будучи переводчиком, укорененным в английском контексте того времени, признает ярко выраженный политический аспект «Потерянного рая», который впоследствии часто исключался из романтического восприятия Мильтона: «Эпос Мильтона был озабочен не столько потерей Эдема, сколько утратой английского “рая” во время Реставрации» [Kilmeck, Schindler, 2024, 220]. Когда в 1682 году переводчик Эрнст Готлиб фон Берге (1649–1722) опубликовал свое переложение (также фрагментарное), основанное на переводе Хаака, политические аллюзии из него пропали [Guthrie, 2024, 198].

Отсылки к протестам против тирании отсутствуют и в прозаическом переложении Бодмера 1732 года. Бодмер видит в «Потерянном рае» прежде всего связь с античными эпосами, и мысль о создании немецкого эпоса отныне не покидает его. Перевод Бодмера стал провидческим призывом к будущему создателю немецкого эпоса, достойного античных образцов.

Выбор Бодмером прозаического, а не поэтического варианта перевода был оправдан эстетическими функциями. Поэзия, которая в 1720–1740-х годах создавалась в русле образцово-нормативного языка Иоганна Кристофа Готтшеда (1700–1766), авторитетного и последовательного приверженца языковых унификаций, была излишне дидактичной, метрически выверенной и безжизненной. Нерифмованные ямбы Мильтона сохраняли энергичность живой речи, и длинные предложения Бодмера хорошо передавали стремительность повествования «Потерянного рая» при переложении на немецкий язык. Перевод Бодмера был подобен швейцарской природе, которой он вдохновлялся при работе над «Потерянным раем». Исследователь творчества Бодмера германист Э. Пауэрс замечает, что захватывающая дух сила, приписываемая горам и другим природным явлениям, совпадает с нерегулярностью и асимметрией его поэтического языка [Powers, 2013, 211].

Перевод Бодмера был и остается единственным прозаическим переводом эпической поэмы Мильтона на немецкий язык. Своим переводом Бодмер обратил внимание читающей публики на важные теоретические вопросы литературы и языка: с публикацией «Потерянного рая» в переводе

Бодмера между цюрихскими литераторами Бодмером и Брейтингером (так называемыми «швейцарцами») и теоретиком языка Готшедом с новой силой возродилась полемика о творческой фантазии в литературе. Дискуссия вращалась вокруг двух важных вопросов: какова роль воображения в литературе и что имеет право на существование в художественном тексте, в частности, целесообразно ли введение элементов чудесного. Рационализм Готшедера предполагал ясный и понятный язык, лишенный метафоричности, а перевод Бодмера изобилует описанием «возможных миров» [Kohler, 2007, 445] и поэтической фантазией, для создания которой Бодмер активно использовал метафоры, игру слов и латинизмы. Как пишет германист Г.В. Синило, поэма Мильтона стала для Бодмера и Брейтингера «эталонным сочетанием логической основы, воображения и фантазии, живописности и глубины философских обобщений, высокого религиозного и морального пафоса, великой школы мышления и великой школы чувств» [Синило, 213, 84]. Еще до публикации своего прозаического перевода Бодмер написал статью «Критический трактат о чудесном в поэзии и его связи с вероятным. В защиту поэмы Джона Мильтона “Потерянный рай”». Библейский материал предоставил ему возможность продемонстрировать «эмоциональное воздействие поэзии, превосходящее разум <...> показать роль воображения в поэтическом процессе» [Bodmer, 1740, 36]. И в этом отношении бодмеровский перевод Мильтона становится важной вехой на пути от рациональной нормативной поэтики к эмоциональной эстетике воздействия.

Перевод Бодмера, оказавшийся в центре литературного спора, долгое время рассматривался только с эстетической точки зрения, а самостоятельная художественная ценность немецкого текста «Потерянного рая» авторства Бодмера не привлекала внимания исследователей. В то же время за Бодмером закрепилась репутация покровителя Фридриха Готлиба Клопштока (1724–1803), автора гениального для своего времени эпического стихотворного сочинения «Мессиада». Связь между бодмеровским переводом эпоса Мильтона и влиянием цюрихского литератора на творчество Клопштока не прослеживалась. Между тем чудесная встреча Клопштока с авторитетным литературным патроном была далеко не случайной, и сама «Мессиада» появилась тоже не вдруг.

Клопшток воплотил замыслы Бодмера в оригинальном произведении на немецком языке, в своей «Мессиаде», – иными словами, стал для многих критиков и читателей немецким Мильтоном. Мнения критиков XVIII века и современных исследователей литературы о «Мессиаде» сходятся: такой текст не мог быть не принят восторженно [Kohl, 2000; Redlich, 1875]. Поэтический язык, метрически близкий греческим гекзаметрам, по силе и зримости чудесных образов превосходящий все, написанное согласно правилам нормативной поэтики Готшедера (ясно, четко и дидактично прежде всего), сразу вознес молодого автора на пик популярности в читательской среде. По словам историка

литературы XVIII века, германиста Катрин Коль, стихотворная поэма Клопштока представляла «действительное в живописном, ярком образе и делала самые отдаленные вещи зримыми» [Kohl, 2000, 183]. Несуществующее становилось возможным, живописующая сила авторского слова придавала известному библейскому сюжету об искуплении видимость реальности.

Мысль написать великую немецкую эпопею завладела Клопштоком еще в годы обучения в гимназии, в Шульпфорте. О Клопштоке нередко можно прочесть в комментариях исследователей, что в зону его интересов входила преимущественно античная литература. Обучение в Шульпфорте ориентировалось «на классиков и библию» [Kohl, 2000, 28], французской и отечественной литературой скорее пренебрегали. Но учащиеся обменивались и собственными книгами, приобщаясь тем самым к современной литературе. И уже в юные годы Клопшток прочел фрагменты «Потерянного рая» Мильтона в переводе на немецкий Э.Г. фон Берга, а затем познакомился с прозаическим переводом И. Бодмера. Таким образом, в гимназии юный Фридрих основательно изучил античных авторов и узнал о Бодмере, который через несколько лет станет его покровителем. Счастливые стечения обстоятельств: Бодмер предчувствовал появление великого создателя немецкого эпоса, а Клопшток хотел стать таковым – и они нашли друг друга.

Клопшток не владел английским языком и поэму Дж. Мильтона воспринял, по всей вероятности, именно в представлении Бодмера. В то же время Клопшток был наслышан о литературном противостоянии приверженцев полярно противоположных взглядов на немецкий поэтический язык: Готшета, постулирующего рационалистически-утилитарный подход к поэзии, и «швейцарцев» – Бодмера и Брейтингера, выдвигавших на первый план воображение и чувственность в поэзии. Клопштока увлекла именно живость воображения и сила творческого преображения в переводе «Потерянного рая» авторства Бодмера. И если в Шульпфорте Клопшток познакомился со стилем и языковыми установками Готшета, который входил в программу словесности, то в то же самое время он прочитал и «Потерянный рай» в переводе Бодмера, написанный новым для немецкой культуры языком, в котором нашлось место вдохновляющим описаниям природы, чувствам и воображению. Следуя своему неугасимому стремлению служить немецкому народу словом, юный Фридрих выбрал вдохновляющий стиль Бодмера, а не сухую дидактичность Готшета.

Через пять лет Бодмер станет патроном Клопштока даже не только потому, что он заметил талант юноши после публикации первых трех песней «Мессиады» (которые и прославили Клопштока навечно и в некотором смысле «авансом»). Самое главное душевное притяжение Клопштока и Бодмера заключалось в том, что Клопшток буквально впитал идеи Бодмера [Kohler, 2007] и позже воплотил в своей «Мессиаде» то, что Бодмер считал задачей воображения в настоящей поэзии: воображение «превосходит всех

кудесников мира; оно не только представляет нам реальность в яркой картине и делает настоящими самые отдаленные вещи, но оно также притягивает с более чем магической силой то, что мы не в состоянии ощутить, придает ему кажущуюся реальность и заставляет нас видеть, слышать и чувствовать эти новые творения» [Bodmer, 1740, 342].

Как известно, Мильтон в продолжение «Потерянного рая» создал «Обретенный рай», а своеобразным продолжением прозаического перевода Бодмера стало создание «Мессиады» Клопштоком. Не случайно первые же строки «Мессиады» сразу отсылают читателя к переводу Бодмера (в оригинале у Мильтона призыв скрыт в середине строфы):

Of Mans First Disobedience, and the Fruit / Of that Forbidden Tree, whose mortal tast / Brought Death into the World, and all our woe, / With loss of EDEN, till one greater Man / Restore us, and regain the blissful Seat, / Sing Heav'nly Muse... [Milton, 2003, 5]

Singe, himmlische Muse, von dem ersten Ungehorsam des Menschen, und der verbotenen Frucht, die mit dem Verlust Edens das Elend und den Tod in die Welt gebracht hat... [Bodmer, 1742, 1]

Sing', unsterbliche Seele, der sündigen Menschen Erlösung,
Die der Messias auf Erden in seiner Menschheit vollendet... [Klopstock, 1879, 54]

Подводя итоги, необходимо заметить, что литературная судьба создателей «Мессиады» и прозаического перевода «Потерянного рая» оказалась отчасти схожей. Клопшток в обобщенном и упрощенном виде долгое время оставался лишь создателем «Мессиады» и отцом национальной литературы. В то же самое время в отношении Бодмера литературная критика была сосредоточена в основном на глобальных эстетических и общелитературных вопросах (спор с Готшедом), а его работа переводчика оставалась недооцененной. Германист Джон Гатри заметил о переводе Бодмера следующее: «Этот перевод стал важной вехой в англо-немецкой переводческой культуре, но к концу века о нем уже забыли. Не потому, что появились более качественные переводы, а потому, что интерес к Мильтону померк по сравнению с энтузиазмом к другим писателям, особенно к Шекспиру» [Guthrie, 2024, 206].

До XXI века в аналитических статьях, посвященных разборам переводов «Потерянного рая» на немецкий язык, Бодмер упоминался очень редко, и связь эпопеи Мильтона с эпопеей Клопштока преподносилась литературоведами слишком прямолинейно, без необходимого культурного посредника. Однако Клопшток-читатель смог ощутить величие «чудесного» и новизну текста английского автора только благодаря близости прозаического бодмеровского перевода оригинальному сочинению Мильтона. «Потерянный рай» не воспринимался как произведение, созданное для декламации, но его ориентированность на слушателя целиком и полностью воплотилась в стихотворной эпопее Клопштока, которая была предназначена именно для произнесения вслух, а не чтения глазами. Возвышенное, зародившееся в Англии, успешно прижилось в Германии, и это произошло

без типичного для XVIII века стремления улучшить оригинал или навязать ему культурные нормы. Клопшток проникся переводом Бодмера и в своей «Мессиаде» воплотил все его чаяния о богатом немецком языке, буйстве фантазии в сочетании с истовым религиозным чувством и славе нового немецкого эпоса. Современные историки литературы практически единодушны в своих оценках: эпопея Клопштока вновь ставится на одну ступень с античными эпопеями и «Потерянным раем» Мильтона.

ЛИТЕРАТУРА

- Мильтон Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-Борец. М.: Худож. лит., 1976. 576 с.
- Синило Г.В. История немецкой литературы XVIII века. Минск: Выш. шк., 2013. 575 с.
- Barnett P.R. Theodore Haak, F.R.S. (1605–1690): The First German Translator of Paradise Lost. Den Haag: Mouton. 1962.
- Bender W. Johann Jacob Bodmer und Johann Miltons Verlohrnes Paradies. Jahrbuch der Deutschen Schillergesellschaft 11. 1967. S. 225–267.
- Bodmer J.J. Critische Abhandlung von dem Wunderbaren in der Poesie und dessen Verbindung mit dem Wahrscheinlichen. In einer Vertheidigung des Gedichtes Joh. Miltons von dem verlohrnen Paradiese; Der beygefüget ist Joseph Addisons Abhandlung von den Schönheiten in demselben Gedichte. Zürich: Conrad Orell, 1740. 474 S.
- Bodmer J. J. Johann Miltons Verlust des Paradieses. Ein Heldengedicht. In ungebundener Rede übersetzt. Zürich: Marcus Rordorf, 1742. 510 S.
- Guthrie J. Bodmers Miltonübersetzungen // Wesche J., Tschopp S.S., Fromholzer F. (eds) Neues von der Insel. Übersetzungskulturen der Frühen Neuzeit, vol 2. J.B. Metzler, Berlin, Heidelberg, 2024. S. 197–207. DOI: 10.1007/978-3-662-66949-5_10.
- Horch H.O., Schulz G.-M. Das Wunderbare und die Poetik der Frühaufklärung: Gottsched und die Schweizer. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1988.
- Klimek S., Schindler K. Die «ungebundene Freiheit der Poesie». Metrik, Reim, Religion und Politik in den frühen deutschen Übersetzungen von Miltons Paradise Lost // Wesche J., Tschopp S.S., Fromholzer F. (eds) Neues von der Insel. Übersetzungskulturen der Frühen Neuzeit, vol 2. J.B. Metzler, Berlin, Heidelberg, 2024. P. 213–244. DOI: 10.1007/978-3-662-66949-5_11.
- Klopstock F.G. Werke, Band 1: Der Messias, Berlin. 1879. S. 53–74.
- Kohl K. Friedrich Gottlieb Klopstock. Stuttgart: Metzler, 2000. 212 S.
- Kohler D. Der Weg von Bodmers Milton-Übersetzungen zu Klopstock und einer neuen Ästhetik. Zürcher Taschenbuch auf das Jahr 2008. Zürich: Sihldruck. 2007. S. 441–461.
- Le Spectateur. Le Spectateur, ou le Socrate moderne. Tome troisième. Amsterdam: David Mortier, 1718.
- Martin C.G. «Boundless the Deep»: Milton, Pascal, and the Theology of Relative Space. ELH 63(1). 1996. P. 45–78. DOI: 10.1353/elh.1996.0006.
- Milton Jh. Paradise Lost / ed. by John Leonard. Penguin Books. 2003. Pp. 253.
- Powers E. Where Are the Mountains? Johann Jacob Bodmer and the «Pre-Kantian Sublime». Goethe Yearbook (20). Boydell & Brewer. 2013. P. 199–222.
- Redlich K. Klopstock In: Allgemeine Deutsche Biographie. Auf Veranlassung und mit Unterstützung Seiner Majestät des Königs von Bayern Maximilian II. hrsg. durch die Historische Commission bei der Königlichen Akademie der Wissenschaften [München]. Bd 16. Duncker & Humblot, Leipzig 1875–1912. S. 211–225.

V.G. Sibirtseva

*PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
And Professional Communication,
Faculty of Humanities,
National Research University Higher School of Economics
Nizhny Novgorod, Russia*

The Influence of John Milton's *Paradise Lost* on the Works of Johann Jakob Bodmer and Friedrich Gottlieb Klopstock

*The present article examines the impact of John Milton's cosmological ideas, embodied in the epic poem *Paradise Lost*, on the eighteenth-century German writers Johann Jakob Bodmer and Friedrich Gottlieb Klopstock. The interest in scientific ideas characteristic of the entire seventeenth century leads Milton to a new understanding of the image of God, with the path of scientific inquiry interpreted by him as an opportunity to expand the horizons of interpretations of the divine, within which there is room for human freedom of thought, faith, and interpretation – for imagination.*

*Several attempts were made to create metrical translations of *Paradise Lost* into the German language, but all of them remained unfinished. Only in 1732 did Johann Jakob Bodmer publish a prose translation of the poem, which subsequently exerted significant influence on the worldview of Friedrich Gottlieb Klopstock, who is regarded as the creator of the German epic and revered on a par with the ancient epic poets Homer and Virgil.*

*Many critics considered Bodmer's prose, belletristic rendering of the sacred themes raised in *Paradise Lost* to be too free and insufficiently restrained for a work of this kind, and the translation became the center of a literary dispute between the Swiss writers Bodmer and Breitinger, on the one hand, and the guardian of normative German language Johann Christoph Gottsched, on the other. At the same time, the merits of Bodmer's work are not limited to its aesthetic aspect. *Paradise Lost* in Bodmer's translation inspired the young Klopstock to write the verse epic *Messiad* and to create the German hexameter. Although in literary history the works of both Bodmer and Klopstock were long evaluated in an unobjective manner (they remained in the shadow of more prominent literary figures such as Albrecht von Haller and Johann Wolfgang von Goethe), their contribution to the development of the German literary epic is highly significant. The German epic *Messiad* appeared largely because Klopstock was inspired by John Milton's *Paradise Lost*, which he read in his youth in Bodmer's translation.*

Keywords: *Klopstock; Bodmer; Milton; *Paradise Lost*; *Messias*.*

REFERENCES

Milton J. *Paradise Lost. Poems. Samson Agonistes* [Poteriannyi rai. Stikhotvoreniia. Samson-Borets]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1976. 576 p. (in Russian).

Sinilo G.V. History of Eighteenth-Century German Literature [Istoriia nemetskoi literatury XVIII veka]. Minsk: Vysshiaia shkola Publ., 2013. 575 p. (in Russian).

Barnett P. R. Theodore Haak, F.R.S. (1605–1690): The First German Translator of Paradise Lost. Den Haag: Mouton. 1962 (in English).

Bender W. Johann Jacob Bodmer und Johann Miltons Verlohrnes Paradies. Jahrbuch der Deutschen Schillergesellschaft 11. 1967. S. 225–267 (in German).

Bodmer J.J. Critische Abhandlung von dem Wunderbaren in der Poesie und dessen Verbindung mit dem Wahrscheinlichen. In einer Vertheidigung des Gedichtes Joh. Miltons von dem verlohrnen Paradiese; Der beygefüget ist Joseph Addisons Abhandlung von den Schönheiten in demselben Gedichte. Zürich: Conrad Orell. 1740. 474 S. (in German).

Bodmer J.J. Johann Miltons Verlust des Paradieses. Ein Heldengedicht. In ungebundener Rede übersetzt. Zürich: Marcus Rordorf. 1742. 510 S. (in German).

Guthrie J. Bodmers Miltonübersetzungen. In: Wesche, J., Tschopp, S.S., Fromholzer, F. (eds) Neues von der Insel. Übersetzungskulturen der Frühen Neuzeit, vol 2. J.B. Metzler, Berlin, Heidelberg. 2024. S. 197–207. doi.org/10.1007/978-3-662-66949-5_10. (in German).

Horch H.O., Schulz G.-M. Das Wunderbare und die Poetik der Frühaufklärung: Gottsched und die Schweizer. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1988. (in German).

Klimek S., Schindler K. Die «ungebundene Freiheit der Poesie». Metrik, Reim, Religion und Politik in den frühen deutschen Übersetzungen von Miltons Paradise Lost. In: Wesche, J., Tschopp, S.S., Fromholzer, F. (eds) Neues von der Insel. Übersetzungskulturen der Frühen Neuzeit, vol 2. J.B. Metzler, Berlin, Heidelberg. 2024. S. 213–244. doi.org/10.1007/978-3-662-66949-5_11. (in German).

Klopstock F. G. Werke, Band 1: Der Messias, Berlin. 1879. S. 53–74 (in German).

Kohl K. Friedrich Gottlieb Klopstock. Stuttgart: Metzler 2000. 212 S. (in German).

Kohler D. Der Weg von Bodmers Milton-Übersetzungen zu Klopstock und einer neuen Ästhetik. Zürcher Taschenbuch auf das Jahr 2008. Zürich: Sihldruck. 2007. S. 441–461 (in German).

Le Spectateur. Le Spectateur, ou le Socrate moderne. Tome troisième. Amsterdam: David Mortier. 1718 (in French).

Martin C.G. «Boundless the Deep»: Milton, Pascal, and the Theology of Relative Space. ELH 63(1). 1996. Pp. 45–78. Doi.org/10.1353/elh.1996.0006 (in English).

Milton Jh. Paradise Lost. Edited by John Leonard. Penguin Books. 2003. 253 p. (in English)

Powers E. Where Are the Mountains? Johann Jacob Bodmer and the «Pre-Kantian Sublime». Goethe Yearbook (20). Boydell & Brewer. 2013. Pp. 199–222 (in English).

Redlich K. Klopstock In: Allgemeine Deutsche Biographie. Auf Veranlassung und mit Unterstützung Seiner Majestät des Königs von Bayern Maximilian II. hrsg. durch die Historische Commission bei der Königlichen Akademie der Wissenschaften [München]. Bd 16. Duncker & Humblot, Leipzig 1875–1912. S. 211–225 (in German).

И.В. Рябенков

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-100-109

ПО ЛЕЗВИЮ САТИРЫ: КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОВАЛЫ С НЕМЕЦКИМ АКЦЕНТОМ

(на примере жанра *Büttenrede* во время «пятого времени года»)

Ключевые слова: политический дискурс; сатира; немецкий политический карнавал; коммуникативная неудача; этнолингвокультура.

В статье рассматриваются случаи политической сатиры в немецкой этнолингвокультуре. В качестве исследуемого коммуникативного пространства берется карнавал – традиционный праздник, отмечаемый в Германии перед предпасхальным постом. Вследствие своей особой значимости для коллективного культурного сознания нации карнавал приобрел название «*Fünfte Jahreszeit*» (пятое время года). Неотъемлемой частью народных празднований является политика; использование политического юмора и сатиры позволяет участникам дискурса открыто, публично выражать мнение по актуальным, злободневным вопросам, критиковать власть и общественные явления. Один из главных элементов немецкого карнавала – короткое выступление *Büttenrede*, которое в сатирической форме должно интерпретировать и оценивать какое-либо событие из политической жизни своей страны, других государств, критиковать бывших и действующих политиков и т.п. В статье выделен и проанализирован особенный участок данной коммуникации: показаны примеры неудачных, провальных речей ораторов, когда, помимо сатиры, к речевым актам приносятся дискриминирующие, стигматизирующие и другие подобные знаки. Определены основные языковые средства и приемы, используемые в таких текстах: метафоры, сравнения, пародии, аллюзии и др., выявлены коммуникативные интенции «агентов» дискурса, обозначены перспективы дальнейших исследований в русле заявленной проблематики. В работе применялись следующие методы и методики: общенаучные методы наблюдения, описания, обобщения, сравнения, систематизации и классификации эмпирического материала, а также частнонаучные методы и методики: контент-анализ, жанровый анализ, лингвокогнитивный анализ.

Изучение политической коммуникации и организующих это обширное пространство дискурсов продолжает оставаться в фокусе внимания отечественных и зарубежных лингвистов. На особый статус политического дискурса, его глобальное и фундаментальное предназначение для картины

мира человека указывает, например, Р. Оттов: «In der politischen Diskurstheorie wird daher davon ausgegangen, dass nicht einzelne, bestimmte Ideen kommuniziert werden, sondern sprachlich, begrifflich fundierte *Weltauslegungen*, in der Kombination von analytischen und normativen Momenten, in denen nicht an sich ‘Ideen’, sondern ‘Ideen’ nur als Momente, Motive, Topoi jeweils spezifischer politischer Deutungen eine Rolle spielen, die als ‘politische Sprachen’ zu verstehen sind» [Оттов, URL].

А.Н. Безруков также выделяет политический дискурс из числа других дискурсивных практик, отмечая при этом, что «особой оценки требует именно политический дискурс, который активен, актуален, верифицирован; как явление политический дискурс многофункционален, его прерогатива крайне дистанцирована; и это не только ситуация контакта, и это не только формат воздействия и манипуляционная сфера; политический дискурс гораздо шире и объемнее, он вбирает в себя ряд составляющих, напрямую связанных с абсолютно разными областями научных, культурных, социальных сфер» [Безруков, URL].

С учетом такого ранжирования политического дискурса естественно предположить, что существует множество публикаций по изучению данного феномена, практически в каждой из них предпринимается попытка вывести собственное определение политического дискурса, определить его конституирующие признаки и т.д.

В нашем исследовании мы принимаем определение, сформулированное Е.И. Шейгал. В определении границ политического дискурса Е.И. Шейгал исходит из его широкого понимания, включая в него как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых «к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание общения» [Шейгал, URL]. Исследователь выражает суть политического дискурса формулой «дискурс = подязык + текст + контекст» [Там же].

Понимание политического дискурса – достаточно сложный когнитивный процесс, оно предполагает солидное фоновое знание, умение декодировать экспектации автора и аудитории, имплицитные смыслы, сюжетные схемы и паттерны. Ср.: «Das Konzept der Diskursformation bezieht sich auf Teile des gesellschaftlichen Wissens (sei es explizites oder implizites Wissen), die in linguistischer Analyse expliziert und in ihrer Wirkungsweise sichtbar gemacht werden» [Busse, URL].

Чрезвычайно интересной перспективой исследования политического дискурса является, на наш взгляд, изучение отдельных участков политической коммуникации в рамках определенной этнолингвокультуры. Эта проекция, по мнению Р.В. Белютина, должна стать стержневой, поскольку она вскрывает национальную когнитивную базу и замеряет контент конкретной дискурсивной практики на предмет ее самобытности, уникальности, оригинальности. Р.В. Белютин приводит достаточно яркую и убедительную цитату зарубежного исследователя М. Дегани: «Politische Sprache sei stark von

der jeweiligen Kultur geprägt. Dies gelte nicht nur regional, sondern auch historisch» [Белютин, 2025, 15].

В связи с этим мы выбрали в качестве объекта исследования малоизученный с точки зрения языкового формата участок немецкой политической коммуникации – концептуальное пространство, конструируемое во время традиционного немецкого карнавала, который сами немцы с гордостью именуют «пятое время года» (*die fünfte Jahreszeit*). Ср.: «In diesem Sinne stellt der Karneval eine bedeutende kulturelle Praxis dar, die tief in der Geschichte verwurzelt ist und bis heute fortbesteht» (<https://rlp-bote.de/panorama/warum-feiert-man-karneval-hintergruende-braeuche-und-feste-im-ueberblick/>).

Карнавал ежегодно проходит перед Великим постом, с особым размахом карнавалы празднества устраивают в Кельне, Майнце и Дюссельдорфе. Именно здесь, на немецком карнавале, по нашему мнению, в полной мере раскрывается то, что М.М. Бахтин в своей концепции назвал «смеховой культурой» [Бахтин, 2008]. Как известно, категория комического, будучи интегративной частью человеческой культуры, влияющей на формирование общественного (языкового) сознания и развитие креативных компетенций языковых личностей, не является однородной и воплощается в разных формах, к которым относятся юмор, ирония, пародия, сатира и др.

Специфика немецкого карнавального дискурса заключается в том, что его коммуникативные пространства могут заполняться всеми перечисленными формами – либо по отдельности, либо в комбинированном варианте. Тем не менее, поскольку главное на немецком карнавале заключается в остром юморе и политической сатире (именно поэтому его еще называют «немецкий политический карнавал»), мы в своем лингвокультурологическом анализе сосредоточим внимание на языковых средствах выражения *сатиры*, причем в поле нашего зрения оказываются случаи, когда происходит, выражаясь спортивной терминологией, «игра на грани фола» и шутки карнавалистов (среди которых – как простые граждане, так и известные личности) переходят границы дозволенного и не воспринимаются многими как что-то безобидное, простодушное и т.п.

Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений комического характера, произносимых перед публикой во время карнавальных шествий. Эти карнавальные речи получили особое название – *Büttenreden*. Такие тексты всегда наполнены сатирическими элементами, юмором, игрой слов, они, с одной стороны, ориентированы на развлечение публики, с другой – обязательно затрагивают актуальные (в основном политические) темы, нередко содержат критику отдельных политических деятелей, правительства, канцлера и др. И.В. Лебедева, давая общую характеристику немецкому карнавалу (мы, соответственно, проецируем эту оценку на формат *Büttenreden*), достаточно жестко и без прикрас замечает: «В отличие от карнавальной политической культуры правящих элитных сообществ,

народный уличный (площадной) политический карнавал и не скрывает своего шутовского характера. Он прямо нацелен на осмеяние того политического цирка, который общество наблюдает в высших эшелонах своей власти. В целом все это мы могли бы охарактеризовать как адекватную реакцию на неадекватную политику» [Лебедева, URL].

Рассмотрим наиболее яркие примеры неудачных, по оценке участников немецкого карнавального дискурса (к ним, помимо главных действующих лиц – ораторов, мы причисляем зрителей, СМИ, освещающие данные мероприятия, а также тех, кто непосредственно становится объектом критики), сатирических эскапад.

Волну критики в немецком обществе вызвали сатирические высказывания о наличии гендерно-нейтральных туалетов в столице ФРГ. Политик – бывшая министр обороны – приняла участие в одном из мероприятий в честь празднования карнавала в земле Баден-Вюртемберг.

Das ist für die Männer, die noch nicht wissen, ob sie noch stehen dürfen beim Pinkeln oder schon sitzen müssen. Dafür, dazwischen, ist die Toilette (1).

Такое чувство юмора оценили далеко не все. В социальных сетях разгорелось обсуждение, в котором многие раскритиковали политика. Среди коллег Крамп-Карренбауэр также нашлись те, кто осудил ее высказывание. Сенатор Берлина по культуре Клаус Ледерер назвал этот инцидент «трагедией». Многие другие известные политики также не распознали эффект комического и сошлись во мнении, что выступление Карренбауэр абсолютно неуважительно и «auch im Karneval gebe es Grenzen». Самым категоричным оказался заместитель мэра Берлина К. Ледерер: *Председателю самой большой партии в бундестаге не пристало осуждать разные группы людей, используя карнавальные праздники в качестве оправдания* (2).

Скандальным оказалось сатирическое замечание известного немецкого комика Б. Штельтера – по иронии судьбы, связанное с Карренбауэр. Штельтер неоднократно потешался над двойной фамилией политика, сделал это в очередной раз во время карнавала, оправдываясь тем, что «Das Ganze nennt man Narrenfreiheit».

Bei der Aufzeichnung einer Fernsehsitzung in Köln hatte Stelter die rhetorische Frage gestellt, ob nicht ein Standesbeamter Frau Kramp-Karrenbauer vor ihrem Doppelnamen hätte warnen können (3).

Комик не ожидал абсолютно «некарнавальной» реакции публики. Дошло даже до того, что одна из разъяренных женщин, также носитель двойной фамилии, прорвалась на сцену и очень эмоционально поговорила с «шутником».

Не ожидал осуждения в карнавальный сезон министр внутренних дел федеральной земли Гессен П. Бойт. В своем «творческом» выступлении, организованном по закону построения текстов Büttenreden, политик обратился к очень чувствительной для большинства немецких граждан теме мигрантов

и их ассимиляции в немецком обществе. Особенно насторожило немцев то, что вербальные нападки были совершены на несовершеннолетних вынужденных переселенцев.

Vor dem Flüchtlingsverwalter verschleiert mancher gern sein Alter – Das stellt unseren Staat fast bloß, macht Bürger ganz verständnislos – Manch Flüchtling in 'nem Jugendheim, könnt fast eher Rentner sein (4).

О том, что сатира не удалась, свидетельствует вполне однозначная реакция тех, кто стал свидетелем публичного спича Бойта. Ср.:

«Die politische Fastnacht zielt mit ihren Beiträgen normalerweise auf die Mächtigen, Herr Beuth hat dafür die Schwächsten der Gesellschaft gewählt», kritisierte seinerzeit der Parlamentarische Geschäftsführer der SPD-Fraktion im hessischen Landtag, Günter Rudolph (5).

Интересно отметить, что некоторые политики, особенно те, кто не разделяет взгляды ХДС, решили свести счеты с опозорившимся Бойтом в лучших традициях немецкого карнавала – через собственные Büttenreden. Так поступил, например, депутат от Свободной демократической партии В. Грайлих:

Wir sind meistens schwer gedrückt, wenn Migration ins Zentrum rückt – besonders, wenn Beuth zur Fassenacht Witze auf Kosten der Schwachen macht! Populistisch, aber ohne wirklichen Gag, sucht er Stimmen im rechten Eck. Und die Moral von solchen Geschichten? Der Minister hat's nicht mit dem Dichten. Peter Helau! (6)

В данном фрагменте ключевыми становятся лексема «populistisch» и метафора im rechten Eck (букв. «в правом углу»). В первом случае политика открыто обвиняют в популизме, во втором – в желании угодить «правым», известным своими резкими, радикальными взглядами на миграцию и сопутствующие процессы.

Сам Бойт остался при своем мнении и заявил следующее:

Beuth betont, der Sinn von Karneval sei, gesellschaftliche Dinge humoristisch aufzunehmen. Er habe über Missbrauch bei der Altersangabe gesprochen – und eben nicht über minderjährige Flüchtlinge. Der «Rechte-Ecke-Reflex» seiner Kritiker treibe Menschen eher in die Arme von Populisten, als die Tatsache, dass man Dinge mal anspreche (7).

Мишенью для сатирических репрезентаций могут становиться политики очень высокого ранга.

В следующем примере будет показано, как карнавальная речь спровоцировала серьезные дебаты об участившихся во время пятого времени года случаях сексизма. Дело в том, что карнавалисты позволили себе достаточно жестко пройти по супруге нынешнего президента Франции Э. Макрона, которая, как известно, старше политика на 24 года. Многие сочли использованные в Büttenrede метафоры не просто неуместными, а оскорбительными во всех смыслах.

Карнавалисты, не стесняясь в метафорических выражениях, нарекли жену Макрона «заезженными, неисправными санями» (третье значение глагола *einfahren*, согласно толковому словарю Дуден, звучит так: «*durch heftiges Darauffahren beschädigen, zerstören*»). Иронии добавляет помещенное в контекст слово *gut*, которому в русскоязычной версии, скорее всего, соответствовало бы «хорошенько», «как следует», «основательно», «капитально» и т.п. Намек на возраст и утрату «кондиций» содержится в словосочетании «*gut abgehang'ne Dame*». На семантической конфронтации построена еще одна яркая метафора, выпущенная, как стрела, в Бриджит Макрон. Сатирический смысл порожден в данном случае совмещением *alte Hütte* (букв. «старая хижина, будка, барак») и прилагательного «*scharf*» – в значении «сексуальный, возбуждающий». Перлокутивный эффект усилился за счет интертекстуальности – использования текста известной во Франции песни «*Pigalle*», перевод названия которой также содержит референции к эротическому дискурсу: «*Brigitte, Brigitte, du bist die schärfste alte Hütte mitten in Paris*».

Неоднозначным получилось карнавальное сатирическое выступление М.-А. Штрак-Циммерманн, которое к тому же оказалось костюмированным: перед публикой известная женщина-политик предстала в образе вампира. Ее речь была адресована Ф. Мерцу, который в это время находился в зале и, судя по выражению лица, был в гневе от тех сравнений и «эпитетов», которыми его награждала Штрак-Циммерманн.

*Schnell ins Sauerland, zum Flugzwerg aus dem Mittelstand,
Noch so ein alter weißer Mann, der glaubt, dass er es besser kann,
Wer vor Krieg geflohen ist, verhöhnt er als ‚Sozialtourist,
«Heißt ein Junge Ali und nicht Sascha, beschimpft er ihn als Grundschul-
pascha,
Und alle Klimaaktivisten sind für ihn nur noch Terroristen
Doch treibts ein Naziprinz zu wild, dann wird der Flugzwerg plötzlich
mild – beherzt er auf die Schwachen drischt, weil er so gern im Trüben fischt
Gerade die, die christlich selbst sich wähnen, sollten sich für ihn was
schämen (8).*

Ситуация усугубилась тем, что праздничное заседание карнавалистов в этот раз транслировалось по центральному немецкому каналу ARD в самое рейтинговое время. И зона охвата телевизионной аудитории была именно такой, на какую рассчитывала Штрак-Циммерманн.

Пожалуй, Бüttenrede Штрак-Циммерманн на сегодняшний день можно считать одним из самых острых сатирических выступлений на немецкой карнавальном сцене. Конкуренцию ей может составить только бывший канцлер Шольц, который примерил на себя роль оратора в 2025 году и фактически расписался в том, на что сетовал, цитируя критиков, в своем карнавальном обращении «*Der Scholz taugt nicht für die Bütt*».

Штрак-Циммерманн высказала в своем зарифмованном тексте многое, что представляет Мерца в неблагожелательном свете: припомнила ему полет на частном самолете на пышную свадьбу Линднера (слово *Zwerg* – гном, карлик – было выбрано не случайно, оно было призвано принизить значимость Мерца – это при том, что рост Мерца составляет 1,98 см). Досталось Мерцу за его язвительные эвфемизмы в адрес мигрантов (*Sozialtourist*“, *Grundschulpascha*), а также за якобы лояльность к некоему принцу Х. Ройссу – немецкому аристократу, арестованному в декабре 2022 года по подозрению в подготовке государственного переворота. Он возглавлял праворадикальную группу, связанную с движением «граждане рейха» (*Reichsbürger*), представители которого не признают современную ФРГ и придерживаются ультраправых, частично нацистских взглядов.

Заметим, что дискурс Третьего Рейха достаточно часто актуализируется и во время пятого времени года, что говорит о том, что в Германии проблема борьбы с нацизмом и нацистскими проявлениями остается и до решения этой серьезной, опасной проблемы еще далеко.

Итак, анализ коммуникативного дискурсивного пространства *Büttenreden*, встроенного в немецкий карнавальный дискурс, показал, что в целом при соблюдении базового принципа создания подобных текстов – использования сатиры для бичевания актуальных политических событий, явлений, фактов, критики политических деятелей, ответственных за международную и внутреннюю повестку, в некоторых случаях, как считают сами немцы, ораторы переходят красные линии и делают разворот в сторону дискриминации, оскорблений, навешивания ярлыков и т.п. В языковом плане для этого используются самые разные средства и приемы (риторический вопрос, метафора, сравнение, оксюморон, интертекстуальность и др.).

Закономерно напрашивается вопрос: прибегая к сатире, результатом которой становится утрата политкорректности, ораторы (среди которых обычные граждане, известные политики, комики и др.) допускают некую оплошность или осознанно делают выбор в пользу такого контекста и заполняющих его языковых знаков?

В рамках проведенного нами исследования на основании проанализированных примеров, изучения реакции СМИ в политическом дискурсе мы приходим к выводу, что это вполне осознанное решение тех, кто выходит на сцену и представляет широкой публике свой взгляд на мир политических вещей и сопряженных с ним других значимых реалий. Все это происходит под прикрытием якобы гипертрофированной свободы слова в пятое время года, о чем в свое оправдание говорят все те, чьи выступления относят скорее к коммуникативному провалу, нежели к яркой, сатирической, уместной, построенной по всем канонам жанра истории.

На самом деле именно такие провокационные заявления всегда вызывают общественный резонанс, следовательно, охват аудитории растет. Кроме

того, увеличение аудитории способно повысить число новых сторонников, если, например, в качестве оратора выступает какой-нибудь известный политик.

Прочитируем В.З. Демьянкова, который выделяет эффективность как основную характеристику политического дискурса: «Речь политика (за некоторыми исключениями) оперирует символами, а ее успех предопределяется тем, насколько эти символы созвучны массовому сознанию: политик должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании; высказывания политика должны укладываться во “вселенную” мнений и оценок (то есть во все множество внутренних миров) его адресатов, “потребителей” политического дискурса» [Демьянков, URL].

Перспективным представляется дальнейшее изучение политической сатиры в немецкой языковой картине мира с привлечением поликодовых текстов (например, карикатур), аутентичных материалов, представляемых в популярных комедийно-сатирических передачах немецкого телевидения (например, heute-show) и др.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. Т. 4(1). М.: Языки славянских культур, 2008. С. 681–749.

Белютин Р.В. Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 336 с.

Белютин Р.В. Спортивные метафоры в предвыборном политическом дискурсе (на материале немецкого языка) // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2025. № 3(127). С. 14–21.

Безруков А.Н. К вопросу функциональной направленности политического дискурса. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-funktionalnoj-napravlennosti-politicheskogo-diskursa.html> (дата обращения: 25.12.2025).

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Лебедева И.В. Немецкий карнавал – политическая элита без цензуры. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-karnaval-politicheskaya-elita-bez-tsensury> (дата обращения: 09.05.2025).

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. URL: <https://cheloveknauka.com/semiotika-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 09.05.2025).

Burkhardt A. Das Parlament und seine Sprache: Studien zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation (Reihe Germanistische Linguistik, 241, Band 241). Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2003. 621 S.

Busse D. Öffentliche Sprache und politischer Diskurs Anmerkungen zu einem prekären Gegenstand linguistischer Analyse // Hajo Diekmannshenke / Iris Meißner (Hrsg.): Politische Kommunikation im historischen Wandel. (FS Josef Klein), Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000, S. 31–55.

Edelman M. Politik als Ritual. Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Neuausgabe. Frankfurt a. M. – New York, 1990. 202 S.

Ottow R. Ein Modell politischer Diskursanalyse. URL: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/20c45967-25e3-4795-a65f-8ad405d52e78/content> Ein Modell politischer Diskursanalyse/ (дата обращения: 25.06.2025).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. <https://www.rnd.de/politik/umstrittene-buettenreden-doppelnamen-doener-witze-hitlergruss-das-gruselkabinett-missglueckter-DBCN2S7NYQCTNPUUBKITF6KXVA.html>.
2. https://www.gazeta.ru/politics/2019/03/04_a_12223105.shtml?utm_auth=false&updated.
3. <https://www.rnd.de/politik/umstrittene-buettenreden-doppelnamen-doener-witze-hitlergruss-das-gruselkabinett-missglueckter-DBCN2S7NYQCTNPUUBKITF6KXVA.html>.
4. <https://www.op-online.de/hessen/innenminister-beuth-verteidigt-buettenrede-ueber-fluechtlingsthema-erntet-kritik-9576825.html>.
5. Там же.
6. Там же.
7. <https://www.op-online.de/hessen/innenminister-beuth-verteidigt-buettenrede-ueber-fluechtlingsthema-erntet-kritik-9576825.html>.
8. <https://www.aachener-zeitung.de/region-nrw/die-rede-von-marie-agnes-strack-zimmermann-aus-aachen-im-wortlaut/3769522.html>.

I.V. Ryabekov

Postgraduate Student,

Chair of German,

Smolensk State University

Smolensk, Russia

**On the Edge of Satire: Communicative Failures with a German Accent
(Using as an Example the Genre Büttenrede during the «Fifth Season»)**

The article is a case study of political satire in the German ethnic and language culture. The studied communicative space is carnival, which is a traditional holiday celebrated in Germany before Easter Lent. On account of its peculiar significance for the nation's cultural identity, the carnival acquired its name 'The Fifth Season'. Politics is the inalienable part of public festivities; the usage of political humour and satire allows the participants to openly and freely express their opinions about urgent topical issues, criticize authorities and social phenomena. One of the key elements of the German carnival is a short speech Büttenrede which is supposed to interpret or consider in a satirical way some event from the political life of the country, other countries, criticize former or acting politicians and so on. The paper features and analyses a peculiar chunk of communication – illustrates examples of unsuccessful and ineffectual speeches when alongside speech acts discriminating, stigmatizing and other similar signs are used. It also outlines the main speech methods and means found in such texts: metaphors, comparisons, parodies, allusions and others, indicates communicative intensions of agents of the discourse, determines further perspectives within the mentioned range of problems. The study applied the following methods: general scientific observation method, definition method, generalization method, comparison method, method of arrangement and classification of

empirical material, as well as specific scientific methods: content analysis, genre analysis, linguistic cognitive analysis.

Keywords: *political discourse; satire; German political carnival; communicative failure; ethnic and language culture.*

REFERENCES

- Bakhtin M.M. Additions and changes to «Rabelais» [Dopolneniya i izmeneniya k «Rable»]. Collected works in 7 vols. Vol. 4(1). Moscow: Languages of Slavic culture. Pp. 2008. 681–749 (in Russian).
- Belyutin R.V. A Study on Pragmatic and Semantic, Linguistic and Mental Projections of the German Sports Discourse [Pragmasemanticheskie i lingvomental'nye proekcii nemeckogo sportivnogo diskursa: monografiya]. Smolensk, 2019. (in Russian).
- Belyutin R.V. Sports metaphors in electoral political discourse (a case study of the German language) [Sportivnie metafori v predvibornom politicheskom diskurse (na materiale nemetskogo yazika)]. *Bellutin of Lugansk State Pedagogical University. Series «Philological Sciences»*, 2025. No. 3 (127). Pp. 14–21 (in Russian).
- Bezrukov A. N. On the issue of the functional orientation of political discourse [K voprosu funktsionalnoi napravlenosti politicheskogo diskursa]. Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-funktsionalnoj-napravlenosti-politicheskogo-diskursa.html> (accessed on December 25, 2025) (in Russian).
- Karasik V.I. Of the Discourse Types [O tipah diskursa]. *The Linguistic Personality: The Institutional and Personal Discourse: Selected scientific papers*, Volgograd: Peremena. Pp. 5–20 (in Russian).
- Lebedeva I.V. German carnival – political elite uncensored [Nemetskii karnaval – politicheskaya elita bez tsenzuri]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-karnaval-politicheskaya-elita-bez-tsenzury> (accessed on May 09, 2025) (in Russian).
- Sheigal E.I. Semiotics of political discourse [Semiotika politicheskogo diskursa]. *Dissertation ... Doctor of Philology*. Volgograd, 2000. (in Russian).
- Burkhardt, A. Das Parlament und seine Sprache: Studien zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation (Reihe Germanistische Linguistik, 241, Band 241). Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2003. 621 S. (in German).
- Busse D. Öffentliche Sprache und politischer Diskurs Anmerkungen zu einem prekären Gegenstand linguistischer Analyse. Hajo Diekmannshenke. Iris Meißner (Hrsg.): Politische Kommunikation im historischen Wandel. (FS Josef Klein), Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. S. 31–55 (in German).
- Edelman M. Politik als Ritual. Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Neuausgabe. Frankfurt a. M.– New York, 1990. (in German).
- Ottow R. Ein Modell politischer Diskursanalyse. Available at: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/20c45967-25e3-4795-a65f-8ad405d52e78/content> Ein Modell politischer Diskursanalyse) (accessed on June 25, 2025) (in German).

Д.О. Шерина

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия*

УДК 811.11

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-110-123

КОММУНИКАТИВНАЯ АТТРАКЦИЯ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ БАЗИС ПОЗИТИВНОГО РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ (на материале немецкого языка)

Ключевые слова: коммуникативная аттракция; позитивная коммуникация; деструктивное общение; текст; дискурс; коммуникативно-речевая тактика.

Цель исследования состоит в обосновании прагматической роли коммуникативной аттракции как необходимого условия позитивного речевого общения. В статье представлено теоретическое доказательство научного толкования аттракции в качестве ключевого механизма гармонизации диалогического взаимодействия. Научная новизна исследования заключается во введении и разработке концепта «коммуникативно-речевой аттракции», а также в систематизации вербальных и невербальных средств ее дискурсивной реализации. Автором выделяются три подвида аттракции: формальная аттракция (креативная визуальная конфигурация текста), психологическая аттракция (ориентация на положительные эмоции реципиента) и прагматическая аттракция (настройка на потребности адресата). Анализ примеров из текстов повседневного немецкого дискурса позволил установить совокупность интермедиальных тактик аттракции, характерных для текстов с установкой на позитивную коммуникацию.

Вариативный характер протекания социально-речевой коммуникации в разных сферах деятельности человека (политической, повседневной, массовой и др.) ставит перед исследователями все новые проблемы, вызванные в том числе нарастанием в наше время числа конфликтных речевых ситуаций.

Наличие подобных ситуаций в социальном дискурсе является сигналом развития деструктивной коммуникации, антиподом которой можно считать так называемую позитивную коммуникацию. Несмотря на интерес ученых из разных областей (языкознания, социологии, психологии и психиатрии и др.) к последней, феномен позитивной коммуникации как таковой, а также ее имманентные черты и коммуникативно-прагматические параметры в их сопоставлении с деструктивными, или «неэкологичными», формами общения все еще не изучены с достаточной степенью полноты, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Эмпирическую базу исследования составили малоформатные тексты повседневных дискурсивных практик: рекламные постеры, поздравительные открытки и карикатурные иллюстрации, то есть те типы текста, которые характерны для каждодневного межперсонального и социально-массового общения.

Теоретической базой исследования послужили труды О.А. Леонтович, М.А. Гуляевой, О.В. Луневой, М.С. Соколовой, посвященные позитивной коммуникации и феномену коммуникативной аттракции – как ее частной составляющей. Кроме того, учитывались работы лингвистов М.А. Гуляевой, С.В. Михеевой, С.В. Ионовой, Л.В. Клименко, М.Н. Тришиной, выполненные в такой новой области языкознания, как лингвоэкология; психологов Т.Г. Лобовой, Н.Ю. Ражиной, Е.Н. Маковецкой, А.С. Крыловой, И.Н. Андреевой, в которых представлен обзор проблем «ненасильственного» общения.

Материалы исследования могут быть использованы в высших учебных заведениях гуманитарного направления в лекционно-семинарских курсах по теории и практике речевой деятельности и коммуникации, а также в спецкурсах и спецсеминарах по стилистике и интерпретации дискурса и текста.

Системно-деятельностный подход к коммуникации, свойственный, в частности, названным выше исследователям-гуманитариям, позволяет утверждать, что коммуникация возникает только при наличии специальной надстройки над речью – структуры, объединяющей языковые нормы, цели взаимодействия и контекст. Нельзя в этой связи не упомянуть М.М. Бахтина, который первым предложил рассматривать коммуникацию не просто как процесс передачи информации, а как динамичное взаимодействие сознаний, вписанное в социокультурный контекст [Бахтин, 1979].

Подобное взаимодействие сознаний, лежащее в основе коммуникативно-речевого контакта между отдельными людьми в процессах их индивидуальной самореализации и социализации, может проходить либо (а) со знаком «плюс», обеспечивая гармоничное общение и успешную интерактивную кооперацию участников (речевой) коммуникации, либо (б) со знаком «минус», свидетельствуя о коммуникативном и/или психологическом диссонансе и конфликте между ними. Это можно считать основанием для оппозиционного разграничения понятий (1) *конструктивная, положительная или эффективная* коммуникация и, соответственно, (2) *деструктивная, негативная или неэффективная* коммуникация. Некоторые исследователи выделяют также промежуточный модус коммуникативного взаимодействия – «оппортунистическую» коммуникацию, при которой коммуниканты демонстрируют стратегическую гибкость, избирательно редуцируя или трансформируя информационный поток в целях максимизации личной выгоды [Михеева, 2022, 36].

Вид речевого общения со знаком «плюс», обозначаемый в трудах О.А. Леонтович, написанных в том числе в соавторстве с М.А. Гуляевой, О.В. Луневой и М.С. Соколовой, термином «позитивная коммуникация»,

концептуализируется как сложный феномен, интегрирующий эмоциональные, когнитивные и социальные аспекты взаимодействия коммуникантов в духе их прагматической настройки друг на друга. Исследователи определяют позитивную коммуникацию как «интеракцию, основанную на положительных эмоциях, направленную на взаимопонимание и приносящую удовлетворение всем участникам» [Леонтович, 2019, 32; 2015, 174], или как «совокупность множественных переменных, которые в ситуации живого общения продуцируют новое качество» [Леонтович, 2015, 174].

Среди исследователей-психологов тема позитивной коммуникации как способа преодоления критических ситуаций в общении между людьми также является одной из актуальных на данный момент. Здесь используются понятия экологичного и неэкологичного общения / ненасильственного (*gewaltfreie Kommunikation*) и насильственного общения (*gewaltvolle Kommunikation*) [Rosenberg, 2016] и подчеркивается, что человек как биологическое существо нуждается в «здоровом» общении, где задействованы все каналы (вербальный, невербальные) восприятия. При этом под «экологизацией общения» понимается форма «ненасильного общения», позволяющая сделать процесс коммуникации наиболее эффективным для всех его участников и отвечающим их потребностям [Лобова, Ражина, Маковецкая, 2020, 192]. Главная цель «экологизации общения» – учитывать интересы каждого в спорной ситуации, чтобы не только решить проблему, но и укрепить человеческие отношения [Крылова, Андреева, 2023, 78].

Согласно наблюдениям названных и других исследователей, «экологичность» коммуникативной деятельности характеризуется системой взаимосвязанных признаков, включающей ортологический аспект (соблюдение языковых норм и лингвистический пуризм), аксиологический компонент (ритуализированные практики, воспроизводящие культурные коды), эмотивную регуляцию (доминирование позитивной модальности и вежливости как социального регулятива) и природно-биологический критерий (сенсорная полнота непосредственного взаимодействия, обеспечивающая когнитивную адекватность коммуникации). Данные параметры формируют целостную модель коммуникативного поведения, ориентированную на гармонизацию социального взаимодействия [Клименко, 2015, 86–90], иными словами, на построение общения в духе и форме «позитивной коммуникации». Что касается релевантных признаков позитивной коммуникации, то здесь обычно выделяются следующие: конструктивность (ориентация на решение проблем, а не на конфронтацию), эмпатичность (способность к сопереживанию и учету эмоций собеседника), рефлексивность (осознанность выбора языковых средств и жестов) [Леонтович, 2015; 2019; 2023].

Косвенно о необходимости позитивной коммуникации (предполагающей уважение, поддержку, доверие и терпение) в жизни и деятельности каждого человека говорил в свое время Л.С. Выготский, считавший, что

именно эти характеристики отношений (в том числе и коммуникативно-прагматических. – Д. Ш.) создают более плодотворную «зону ближайшего развития», где человек начиная с детства с помощью других осваивает новые навыки [Выготский, 2021, 394] и, добавим мы, более успешно проходит процессы социализации.

О.А. Леонтович отмечает в связи с этим, что позитивная коммуникация не сводится к простой «доброжелательности» [Леонтович, 2019, 16–17], она требует специальной структурной организации кооперативного и эмоционально гармоничного общения, включая: адаптацию к контексту (учет культурных, социальных и ситуационных факторов); использование позитивного фрейминга (акцент на возможностях, а не на ограничениях); баланс между рациональным и эмоциональным. Так, например, умный родитель, обсуждающий с подростком плохие отметки, если он хочет получить положительный результат, сфокусируется скорее не на упреке и/или угрозе (*Опять двойка?! Ну как тебе не стыдно? / Будешь дома сидеть, пока все не выучишь!*), а на совместном поиске причин и решений (*Не расстраивайся, отметка не так важна, хотя хвалить тебя, конечно, не буду. Давай разберем эту тему вместе, чтобы лучше понять ее*). В первом случае родитель, возможно, не считает свою манеру говорить «насиловственной», но его слова могут причинить боль и страдания – ему самому и ребенку, что М. Розенберг объясняет отсутствием эмпатического общения [Rosenberg, 2016]. Во втором же случае родитель, выстраивая общение с ребенком в позитивно-солидарном тоне, не дает ему потерять веру в себя и настраивает и его, и себя на кооперативное взаимодействие.

К наиболее очевидным примерам деструктивных коммуникативных действий обычно относят вербальные: высказывания, имеющие резкую, категоричную форму, например, с использованием инвективной лексики (ср.: [Ионова, 2015, 21]) и таких маркеров неэкологичного общения, как лингвацизмы, языковые ярлыки [Тришина, 2022, 133], вульгаризмы, «токсичные» послания с двойным смыслом («double bind»), дискриминирующие высказывания и средства гендерного языка [Тришина, 2025, 36–37]. Деструктивную коммуникативную функцию выполняют и невербальные шаги с применением агрессии через физическую силу или использованием явно недоброжелательной мимики и выбором закрытых поз. Однако не стоит игнорировать и такие способы некооперативного, или неэффективного, речевого поведения, как отказ от общения [Гуляева, 2013, 10], несоблюдение этикетных норм, открытая или скрытая манипуляция собеседником, непрошенный совет, выражение неодобрения или неспособность выдержать зрительный контакт и др. Наличие хотя бы одного из вышеперечисленных параметров может резко изменить модус коммуникации с положительного на отрицательный и создать прагматические условия для возникновения речевого конфликта.

Что касается позитивной коммуникации, то методологическим стержнем исследований, позволяющим дать ее комплексное научное описание, а также сопоставить и противопоставить ее разным видам конфликтного речевого общения, можно считать принцип дихотомизации, то есть выявления бинарных оппозиций, структурирующих коммуникативно-ситуативное пространство гармоничного речевого общения. К базовым дихотомиям при этом относятся «позитив vs негатив», «аттракция vs дезаттракция», «активность vs пассивность», «альтероцентризм vs эгоцентризм», «конструктивность vs деструктивность» [Леонтович, 2023, 77–82].

Например, положительная по форме речевой экспликации реплика может нести отрицательную иллюкутивную силу, если сопровождается иронической интонацией, мимикой или невербальными сигналами. *Ну какой же ты у нас молодец! Прямо гений!* – формально позитивный речевой акт, сопровождаемый внутренней усмешкой, превращается в агрессивную иронию, дискриминирующую адресата. В высказывании *Сегодня ты выглядишь гораздо лучше, чем обычно* неискренняя похвала прагматически содержит скрытую негативную пресуппозицию, указывающую на то, что обычно человек выглядит плохо. Подобная двуслойность высказывания создает эффект амбивалентного комплимента, разрушающего гармонию общения. Таким образом, даже высказывания с позитивной поверхностной структурно-семантической организацией могут выполнять негативную дискурсивную функцию, если нарушается принцип искренности, а также кооперативные максимы доброжелательности и уважения.

Важным моментом для изучения феномена коммуникативной аттракции как фактора протекания позитивной коммуникации является разграничение обязательных и факультативных характеристик этого вида общения: если конструктивность (активная и практичная жизненная позиция), эмотивность и результативность (выигрыш для всех сторон) рассматриваются как его базовые элементы, то информативность и ассертивность (самопозиционирование, уверенность в себе, напористость) признаются ситуативно обусловленными. Последняя, будучи связанной с индивидуалистическими культурными моделями, демонстрирует, по мнению исследователей, «культурную специфику» и «не является неотъемлемой частью русской лингвокультуры» [Леонтович, 2019, 19], что актуализирует вопрос о межкультурных различиях в реализации коммуникативных стратегий, создающих привлекательность коммуникантов друг для друга и позитивную атмосферу речевого общения.

К неотъемлемым составляющим позитивной коммуникации принадлежат положительная интенциональность и настроенность на конструктивное общение, вовлеченность в процесс кооперативного сотрудничества, адаптация к собеседнику и социальная поддержка. Особое внимание в работах, посвященных позитивной коммуникации, уделяется характеру прагматической установки как отправной точки коммуникативного акта, настраивающей обе стороны на гармоничное общение: даже при наличии благих

намерений успех общения зависит от владения «базовыми принципами позитивного общения», включая эмпатическое слушание и рефлексивность [Леонтович, 2019, 20].

Вовлеченность трактуется как активное участие в диалоге, предполагающее распределение инициативы между коммуникантами, в то время как адаптация к собеседнику требует учета его возрастных, гендерных, статусных и культурных характеристик без утраты говорящим аутентичности. Социальная поддержка реализуется через жанры комплимента, утешения, выражения солидарности, однако ее эффективность зависит от релевантности ситуации и искренности намерений. Неискренняя поддержка, псевдоподдержка (например, саркастичные замечания) способна вызывать деструктивный эффект [Леонтович, 2019, 17, 21–27] и потерю контакта с собеседником. К положительному социальному взаимодействию относятся и толерантность (принятие позиции «Другого») [Никитина, 2022, 4–5], и механизмы эмоциональной адаптации (реализация соразмерности эмоций общающихся) [Рассудова, 2021, 127–129].

Все названные прагматические составляющие позитивной коммуникации так или иначе связаны с «коммуникативной аттракцией», являющейся объектом специального изучения в настоящей статье. Сам термин «аттракция» изначально используется в психологии в значении «межличностного притяжения и привлечения». Точнее, он обозначает: 1) поведение приближения к объекту или только обращение внимания, проявление интереса к чему-либо; 2) дружелюбный тип отношений между людьми, симпатии их друг к другу [Большой психологический словарь, 2009, 44]. Н.М. Сперанская понимает аттракцию и как процесс формирования привлекательности какого-то человека для наблюдателя, и как продукт этого процесса, то есть некоторое качество отношения [Сперанская, 2011, 258]. Иными словами, аттракция в ее традиционном понимании – это позитивное эмоционально-оценочное отношение одного человека к другому (или группе людей), проявляющееся в чувствах симпатии, дружелюбия, интереса, желании сблизиться, находиться рядом, общаться и взаимодействовать.

Отталкиваясь от вышесказанного, мы предлагаем ввести понятие «коммуникативно-речевая аттракция», понимая под ней способность и/или прагматическую установку инициатора речевого общения на (а) привлечение и удержание внимания адресата, (б) получение его позитивного эмоционального отклика, а также (в) на выполнение им определенных (пост-)коммуникативных действий, желательных для говорящего. Коммуникативная аттракция создаваемого текста обеспечивается через стратегическое использование его автором совокупности соответствующих интермедиальных тактик и реализующих их вербальных и невербальных средств.

Принципиально важно, на наш взгляд, различать, с одной стороны, (а) устойчивую индивидуальную предрасположенность к аттрактивному коммуникативно-речевому поведению (то есть так называемую харизму) и, с другой – (б) «ситуационную настройку» на аттрактивное речевое поведение, способствующее достижению поставленных целей общения. Как известно, под харизмой понимается врожденная или развитая способность спонтанно вызывать симпатию и доверие, связанная с эмоциональным интеллектом, эмпатией и естественным обаянием языковой личности. Как справедливо отмечает Е.А. Гончарова, к личной харизме следует относить присутствие, силу и теплоту, отражаемые в риторическом мастерстве, поведении говорящего и его языке тела [Гончарова, 2022, 227]. Харизма проявляется неосознанно и работает как «фоновая» константа коммуникации независимо от контекста и коммуникативной ситуации, будучи, как правило, характерной для носителей неконфликтного типа речевого поведения. «Ситуационная настройка» на коммуникативно-прагматическую привлекательность для других – это сознательная прагматическая установка, применяемая как осознаваемая необходимость даже теми, кто изначально склонен к нейтральному или даже конфликтному речевому поведению. Она требует от речевого субъекта волевого усилия, анализа адресата и цели общения, а также точечного выбора коммуникативных тактик (активного слушания и эксплицитного диалогического реагирования на поведение противоположной стороны, дискурсивной адаптации лексики и синтаксиса, контроля невербальных средств и т.д.). Если харизма обеспечивает постоянную легкость в установлении контакта через аутентичность коммуникативно-речевого поведения, то ситуационная настройка компенсирует ее отсутствие за счет рефлексии и продуманной стратегии, позволяющей создавать аттракцию в определенных условиях.

Следует также отметить, что коммуникативная аттракция не тождественна манипуляции: ее цель – не контроль над поведением адресата, как правило, неосознаваемый им, а установление равноправного интерактивного диалога, обе стороны которого психологически расположены и прагматически близки друг к другу. При этом в разных функционально-коммуникативных сферах подобная близость участников речевого общения достигается по-разному. Например, в академической среде применение игровых интермедийных тактик (аудиовизуальные материалы, интерактивные задания) повышает коммуникативную аттракцию учебного процесса и вовлеченность в него обучающихся, что соответствует принципам конструктивной коммуникации [Леонтович, 2015]. В деловом и научном общении уместно использование хеджирования (hedging) для выражения осторожности и некатегоричности авторской позиции вместо открытой критики собеседника. В повседневно-речевой коммуникации для демонстрации заинтересованности во мнении второго участника беседы и кооперативной интеракции эффективны такие приемы, как

использование в речи прямых и косвенных обращений, экспрессивно усиленных лексических и синтаксических элементов, междометий; соматическая активность (одобрительное кивание, похлопывание по плечу, улыбка, визуальный контакт и др.; дозированное применение юмора и самоиронии, проявление искренних эмоций и др.), создающие атмосферу доверительного общения.

Говоря о коммуникативной аттракции, нельзя не упомянуть, кроме того, такие психологические факторы, обеспечивающие ее возникновение, как симпатия и эмпатия – взаимодополняющие, но не тождественные основания для установления равноправного диалога и ментальной близости между коммуникантами, которые сказываются и на характере производимых ими высказываний. Симпатия (позитивное эмоциональное расположение к собеседнику, чувство приязни) создает первоначальную доброжелательную атмосферу и мотивацию к взаимодействию, делая коммуникацию субъективно приятной и желанной для обеих сторон. Эмпатия (когнитивно-аффективная способность понять внутреннее состояние другого без обязательного эмоционального слияния) обеспечивает содержательную глубину контакта: она позволяет точно распознавать вербальные и невербальные сигналы партнера, адаптировать свою речь к его эмоциональному фону и ценностям, демонстрировать «подключенность» к его прагматической перспективе. Не менее важны семантическая ясность и прозрачность, недвусмысленность как вербальных (лексическая точность, грамматическая однозначность), так и невербальных элементов (конгруэнтность мимики и жестикуляции с вербальным сообщением).

Вышеназванные характеристики построения аттрактивного дискурса свидетельствуют в целом о том, что коммуникативно-речевая аттракция является следствием ситуационной адаптации, или настройки участников позитивной коммуникации не только на внешние условия ее прохождения, но и на определенные закономерности построения формулируемых текстовых высказываний, так как, по верному замечанию Е.А. Гончаровой, ситуация, или ситуативность, «принадлежит к безусловным детерминантам и текста, и его стиля» [Гончарова, 2010, 16].

Нельзя не отметить при этом, что коммуникативная аттракция и средства ее осознанной реализации особенно важны для повседневных дискурсивных практик, сопровождающих и в определенной степени организующих каждодневную жизнь человека в разных этнокультурах. Подобные практики свидетельствуют о предрасположенности членов социума вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций. Они реализуются посредством коммуникативно связанных совокупностей текстов, которые встречаются повсеместно на регулярной основе и обеспечивают процессы социализации и актуальное существование общества. К ним можно отнести, среди прочего, рекламные (социальные и коммерческие) объявления, посты в социальных сетях, поздравления, выражение сочувствия, почтовые открытки и прочие крат-

кие, но содержательно емкие текстовые высказывания обиходного коммуникативного взаимодействия. Коммуникативная аттракция играет значительную роль в структурно-семантической организации подобных текстов, так как в ее основе лежит принцип направленности не только на привлечение внимания адресата, но и на его положительную (эмоциональную, мировоззренческую, прагматическую) реакцию, что в конечном итоге создает ситуационные условия позитивной социально-речевой коммуникации.

Поясним это на примерах, демонстрирующих особенности построения текстов по принципу коммуникативной аттракции в обиходных дискурсивных практиках современной Германии. Ввиду ограниченного объема статьи представляется возможным рассмотреть лишь малое количество образцов текстов повседневного общения, позволяющих тем не менее выявить основные черты коммуникативно-речевой аттракции.

Так, в рекламном постере немецкой пивоваренной компании Krombacher (рис. 1) представляется бутылка пива на фоне живописного пейзажа с полноводной рекой, обрамленной густым лесом и ясным голубым небом. Визуальный компонент дополняет классическая вербальная формула тоста *Auf unser-* с нестандартным окончанием *if unsere Natur* (рус. *За нашу природу!*). Слово *Natur* при этом отличается по цветовой гамме от остального текста – темно-зеленый цвет совпадает по оттенку с лесным массивом, изображенным на иллюстрации. Несмотря на общеизвестный факт о вреде алкоголя, производители, предположительно, стремятся привлечь к своему экологически чистому продукту внимание людей, равнодушных к проблемам защиты природы, так как данная тема является одной из наиболее актуальных во всем мире и в Германии в частности. Тем самым коммерческая реклама за счет оригинального характера коммуникативной аттракции превращается и в социальную рекламу.

Рис. 1. Рекламный постер компании Krombacher «Auf unsere Natur»

Не менее интересным материалом для изучения вербальных и невербальных элементов с прагматикой коммуникативной аттракции и вовлечения адресата в ситуацию позитивной коммуникации можно считать поздравительные почтовые и/или интернет-открытки. Например, на

«стокинговом» поздравлении с Рождеством и Новым годом (рис. 2), вербальная часть которого включает поздравление *Frohe Weihnachten und ein gutes neues 2025* (рус. *Счастливого Рождества и Нового, 2025 года*), мы видим, кроме того, изображенные в светлых тонах самодельные рождественские ели, которые обычно делают дети в кружках рукоделия. Это придает поздравлению сентиментальный характер и настраивает реципиента на теплую атмосферу уюта и семейного праздника.

Рис. 2. Открытка-поздравление с Рождеством и Новым годом

На другой почтовой открытке с карикатурной иллюстрацией (рис. 3) имитируется грустная для многих повседневная ситуация взвешивания на весах, в которой мужчина измеряет свой вес с котом на руках, говоря ему при этом: *Ich glaube, du hast zugenommen* (рус. *Мне кажется, ты поправился*). Юмористический подтекст, содержащийся в этой диалогической фразе, построенной на олицетворении, явно призван вызвать улыбку и улучшить настроение потенциального реципиента, вовлекаемого тем самым в позитивную коммуникацию. В прагматическом плане здесь интересно и то, что в классической карикатурной форме через комический эффект и парадокс ситуации высмеивается перенос ответственности и вины за свои поступки на другого.

Рис. 3. Карикатура «Ich glaube, du hast zugenommen»

Опора даже на малый объем иллюстративного материала позволяет выделить следующие подвиды коммуникативной аттракции текста, свидетельствующие об установке адресанта на позитивную коммуникацию:

1) *внешняя формальная аттракция*: яркая, креативная визуальная конфигурация текстового высказывания с «выгодным» сочетанием вербальной и невербальной составляющих;

2) *психологическая аттракция*: ориентация текста на безусловно положительные эмоции реципиента и создание благоприятной атмосферы для взаимопонимания;

3) *прагматическая аттракция*: прогностическая содержательная настройка текстового сообщения на практические потребности и информационные запросы читателя (например, приобретение представляемого товара, соответствие мировоззренческим установкам реципиента, развитие дружеских отношений и др.).

Важно отметить, что, несмотря на относительную свободу речевого поведения в повседневной коммуникации, которая, как известно, отличается спонтанностью, эмоциональностью, непредсказуемостью развития общения, внутри нее действуют определенные «правила» для осуществления коммуникативных действий. Опора на эти правила помогает адресанту создать ситуационно-речевой контекст позитивного общения и гармоничного взаимодействия с адресатом, удовлетворяющего коммуникативно-прагматические потребности обоих.

Подводя итоги, следует отметить, что «коммуникативно-речевую аттракцию» текстов, создаваемую адресантом сообщения с целью выполнения собственных интенций и установления более тесного контакта с адресатом, можно считать прагматическим сигналом ситуационно обусловленной настройки и/или перестройки коммуникантов на позитивное, то есть гармоничное общение, нацеленное на взаимопонимание и совпадение мотивационных потребностей обеих сторон коммуникации. При этом под «коммуникативно-речевой аттракцией», объединяющей ее внешнюю (формальную), психологическую и прагматическую разновидности, понимается способность текста привлекать и удерживать внимание адресата посредством прагматического и экспрессивно-эмоционального фокусирования определенных полимодальных элементов семантики и структуры с целью создания доверительных отношений между участниками общения, а также формирования позитивной оценочной и деятельностной реакции реципиента на передаваемое сообщение.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979. 318 с.

Большой психологический словарь / Н.Н. Авдеева [и др.]; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2021. 576 с.

Гончарова Е.А. Персуазивный потенциал мультимодальности в немецком политическом дискурсе // Немечкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. Вып. 12. С. 218–236.

Гончарова Е.А. Ситуация как фактор стиля // *Stylistyka*. XIX. Opole: Uniwersytet Opolski, 2010. С. 7–22.

Гуляева М.А. Отказ от общения как составляющая межличностной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 20 с.

Ионова С.В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 20–30.

Клименко Л.В. Признаки экологичности коммуникативной деятельности сквозь призму французской лингвокультуры // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2015. № 2. С. 83–94.

Крылова А.С., Андреева И.Н. Ненасильственное общение как эффективный способ взаимодействия с окружающими // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки*. 2023. № 2. С. 77–79.

Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // *Russian Journal of Linguistics*. 2015. № 1. С. 164–177.

Леонтович О.А. Dichotomization as a basis of positive communication analysis in an intercultural context // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2023. Вып. 22, № 4. С. 76–85.

Лобова Т.Г., Ражина Н.Ю., Маковецкая Е.Н. Экологизация общения в условиях «антропологической катастрофы» // *Манускрипт*. 2020. № 10. С. 192–196.

Михеева С.В. Препятствия на пути конструктивного общения и способы их преодоления // *МНКО*. 2022. № 5(96). С. 35–37.

Никитина И.С. Вербализация коммуникативно-прагматической категории «толерантность» в современном немецком политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 19 с.

Позитивная коммуникация: коллективная монография / О.А. Леонтович [и др.]; под общ. ред. О.А. Леонтович. М.: Гнозис, 2019. 295 с.

Рассудова Л.А. Роль эмоциональной адаптации в развитии личности // *Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: мат-лы III Всероссийской научной конференции (Омск, 11 ноября 2021 года)*. Омск, 2021. С. 127–129.

Сперанская Н.М. Механизмы межличностного восприятия // *Вестник МГУП*. 2011. № 2. С. 250–260.

Тришина М.Н. Лингвотоксичные процессы в современном немецком языке // *Известия Смоленского государственного университета*. 2022. № 4(60). С. 132–141.

Тришина М.Н. Маркеры неэкологичного общения в немецкой этнолингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. М., 2025. 179 с.

Rosenberg M.B. *Gewaltfreie Kommunikation. Eine Sprache des Lebens*. Junfermann Verlag Paderborn, 2016. 224 S.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Карикатура «Ich glaube, du hast zugenommen». URL: <http://www.moderntimes.de/nc/produkte/postkarten/alle-motive/artikel/2688/index.html> (дата обращения: 11.09.2025).

Открытка-поздравление с Рождеством и Новым годом. URL: <https://www.phil.fau.de/2024/12/19/frohe-weihnachten-und-die-besten-wuensche-fuer-2025/> (дата обращения: 11.09.2025).

Рекламный постер компании Krombacher «Auf unsere Natur». URL: <https://www.krombacher.de/auf-unsere-natur/tv-spot> (дата обращения: 11.09.2025).

D.O. Sherina

*Postgraduate Student,
Chair of German Philology,
Herzen University
Saint-Petersburg, Russia*

Communicative Attraction as a Pragmatic Basis for Positive Speech Communication (Based on the Material of the German Language)

The purpose of the study is to substantiate the pragmatic role of communicative attraction as a necessary condition for positive verbal communication. The article presents a theoretical proof of the scientific interpretation of attraction as a key mechanism for harmonizing dialogic interaction. The scientific novelty of the research lies in the introduction and development of the concept of «communicative-speech attraction», as well as in the systematization of verbal and non-verbal means of its discursive implementation. The author identifies three subspecies of attraction: formal attraction (creative visual configuration of the text), psychological attraction (focusing on positive emotions of the recipient) and pragmatic attraction (attunement to the needs of the recipient). The analysis of examples from the texts of everyday German discourse allowed us to establish a set of intermediate attraction tactics characteristic of texts with a positive communication mindset.

Keywords: *communicative attraction; positive communication; destructive communication; text; discourse; communicative and speech tactics.*

REFERENCES

- Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics [Problemy poetiki Dostoevskogo]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. 1979. 318 p. (in Russian).
- Big Psychological Dictionary [Bol'shoy psikhologicheskiy slovar']. Avdeeva N.N. et al. Edited by Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. The 4th enlarged edition. Moscow: AST Publ.; Saint-Petersburg: Praim-Evroznak Publ, 2009. 811 p. (in Russian).
- Vygotskiy L.S. Thinking and Speech [Myshlenie i rech']. Moscow: AST Publ, 2021. 576 p. (in Russian).
- Goncharova E.A. The Persuasive Potential of Multimodality in German Political Discourse [Persuazivnyi potentsial mul'timodal'nosti v nemetskom politicheskom diskurse]. *German Philology at Saint-Petersburg State University*, 2022. Issue 12. Pp. 218–236 (in Russian).
- Goncharova E.A. The Situation as a Factor of Style [Situatsiya kak faktor stilya]. *Stylistics*, Vol. XIX. Opole: Opole University, 2010. Pp. 7–22 (in Russian).
- Gulyaeva M.A. Refusal to Communicate as a Component of Interpersonal Communication [Otkaz ot obshcheniya kak sostavlyayushchaya mezhlichnostnoy kommunikatsii]. *Abstract of dissertation ... Candidate of Philology*. Volgograd: Volgograd State Socio-Pedagogical University, 2013. 20 p. (in Russian).
- Ionova S.V. Emotional Effects of the Positive Form of Communication [Emotsional'nye efekty pozitivnoy formy obshcheniya]. *RUDN Journal of Linguistics*, 2015. No. 1. Pp. 20–30 (in Russian).
- Klimenko L.V. Signs of Communicative Activity Ecological Soundness through the Prism of French Linguoculture [Priznaki ekologichnosti kommunikativnoy deyatel'nosti skvoz' prizmu frantsuzskoy lingvokul'tury]. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2015. No. 2. Pp. 83–94 (in Russian).

Krylova A.S., Andreeva I.N. Nonviolent Communication as an Effective Way of Interaction with Others [Nenasil'stvennoe obshchenie kak effektivnyy sposob vzaimodeystviya s okruzhayushchimi]. *Bulletin of Polotsk State University*. Series E: Pedagogical Sciences, 2023. No. 2. pp. 77–79 (in Russian).

Leontovich O.A. Positive Communication: Problem Statement [Pozitivnaya kommunikatsiya: postanovka problemy]. *Russian Journal of Linguistics*. 2015. No. 1. Pp. 164–177 (in Russian).

Leontovich O.A. Dichotomization as a Basis of Positive Communication Analysis in an Intercultural Context [Dikhotomizatsiya kak osnova analiza pozitivnoy kommunikatsii v mezhkul'turnom kontekste]. *Bulletin of Volgograd State University*. Series 2: Linguistics. Vol. 22. No. 4. 2023. Pp. 76–85 (in Russian).

Lobova T.G., Razhina N.Yu., Makovetskaya E.N. Ecologization of Communication under Conditions of «Anthropological Catastrophe» [Ekologizatsiya obshcheniya v usloviyakh «antropologicheskoy katastrofy»]. *Manuscript*, 2020. No. 10. pp. 192–196 (in Russian).

Mikheeva S.V. Obstacles to Constructive Communication and Ways to Overcome Them [Prepyatstviya na puti konstruktivnogo obshcheniya i sposoby ikh preodoleniya]. *MNKO*, 2022. No. 5 (96). Pp. 35–37 (in Russian).

Nikitina I.S. Verbalization of the Communicative-Pragmatic Category «Tolerance» in Contemporary German Political Discourse [Verbalizatsiya kommunikativno-pragmaticheskoy kategorii «tolerantnost'» v sovremennom nemetskom politicheskom diskurse]. *Abstract of dissertation... Candidate of Philology*. Saint-Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia, 2022. 19 p. (in Russian).

Leontovich O.A., Gulyaeva M.A., Luneva O.V., Sokolova M.S. Positive Communication: Collective Monograph [Pozitivnaya kommunikatsiya: kollektivnaya monografiya]. Edited by Prof. Leontovich O.A. Moscow: Gnozis Publ, 2019. 295 p. (in Russian).

Rassudova L.A. The Role of Emotional Adaptation in Personality Development [Rol' emotsional'noy adaptatsii v razvitiy lichnosti]. *Cognition and Activity: From Past to Present*. Proc. 3rd All-Russian Scientific Conf. (Omsk, 11 November 2021). Omsk. 2021. Pp. 127–129 (in Russian).

Speranskaya N.M. Mechanisms of Interpersonal Perception [Mekhanizmy mezhlichnostnogo vospriyatiya]. *Bulletin of MGUP*. 2011. No. 2. pp. 250–260 (in Russian).

Trishina M.N. Markers of Non-Ecological Communication in German Ethnolinguoculture [Markery neekologichnogo obshcheniya v nemetskoj etnolingvokul'ture]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2025. 179 p. (in Russian).

Rosenberg M.B. Nonviolent Communication: A Language of Life [Gewaltfreie Kommunikation. Eine Sprache des Lebens]. *Paderborn, Junfermann Verlag*, 2016. 224 p. (in German).

ILLUSTRATIVE MATERIAL SOURCES

Cartoon «Ich glaube, du hast zugenommen» [«I think you've gained weight»]. Available at: <http://www.moderntimes.de/nc/produkte/postkarten/alle-motive/artikel/2688/index.html> (accessed on September 11, 2025) (in German).

Christmas and New Year Greeting Card [Otkrytka-pozdravlenie s Rozhdestvom i Novym godom]. Available at: <https://www.phil.fau.de/2024/12/19/frohe-weihnachten-und-die-besten-wuensche-fuer-2025/> (accessed on September 11, 2025) (in German).

Advertising Poster of the Krombacher Company «Auf unsere Natur» [Reklamnyy poster kompanii Krombacher «Auf unsere Natur»]. Available at: <https://www.krombacher.de/auf-unsere-natur/tv-spot> (accessed on September 11, 2025) (in German).

Е.К. Растарасова

*Донецкий государственный университет
Донецк, ДНР, Россия*

УДК 811.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-124-140

КОНВЕРСИВНЫЕ РЕФЛЕКСИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Ключевые слова: конверсия; рефлексивный глагол; конверсивный рефлексивный глагол; рефлексивная конструкция; нерефлексивный глагол; нерефлексивная конструкция; семантическая роль.

Термин «конверсия» получил в языкознании различное толкование.

В грамматике и лексике данный термин обозначает способ выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу предложениях. При этом в грамматике конверсия проявляется в категории залога (в соотносительных структурах активной и пассивной конструкций) и выражается формами одного слова – так называемыми грамматическими конверсивами. В лексике конверсия выражается разными словами – лексическими конверсивами, передающими двусторонние субъектно-объектные отношения и обладающими в силу этого как минимум двумя валентностями.

В словообразовании термин «конверсия» употребляется в отношении такого способа словообразования, при котором переход слова из одной части речи в другую происходит без использования словообразовательных аффиксов, то есть наблюдается полное материальное совпадение исходного и производного знаков.

*Статья посвящена изучению конверсивных (конверсных) отношений в сфере рефлексивных глаголов, то есть глаголов с рефлексивным местоимением *sich* в немецком языке и глаголов с постфиксом *-ся* в русском языке. Среди конверсивных рефлексивов сопоставляемых языков обнаруживаются различные структурно-семантические типы.*

*Наиболее распространенный тип конверсивных отношений характеризуется полным соответствием формального и семантического планов конверсивных рефлексивных глаголов немецкого и русского языков (рус. радовать кого-л. – радоваться чему-л., нем. *jmdn. freuen – sich über etw. freuen*).*

В целом типологические сходства и различия исследуемых глаголов в немецком и русском языках обуславливаются принадлежностью обоих языков к одной языковой семье, универсальностью самого явления конверсии, основанного на сходном мировидении носителей данных языков, и спецификой морфологического строя сопоставляемых языков.

Конверсивы привлекали и продолжают привлекать внимание многих лингвистов, так как составляют значительный пласт языка [Апресян, 1998; Добричев, 2005; Иванова, 2016; Ильинская, 2006; Линькова, 2014; Овсяннико-Куликовский, 1912; Подкорытова, 2025; Филлмор, 1983]. Вместе с тем термин «конверсия» получил в лингвистике неоднозначное толкование.

В грамматике и лексике данный термин обозначает способ выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу предложениях [ЛЭС, 1990, 234, 235; Иванова, 2016, 10; Мельчук, 1999, 83]. При этом в грамматике конверсия проявляется в категории залога и выражается формами одного слова (*грамматические конверсивы*) в соотносительных структурах активной и пассивной конструкций, ср.:

(1) Государство (S) *охраняет* памятники культуры (O) ↔ Памятники культуры (O) *охраняются* государством (S).

В лексике конверсивы выражаются разными словами (так называемые *лексические конверсивы*), передающими двусторонние субъектно-объектные отношения и обладающими в силу этого как минимум двумя валентностями [ЛЭС, 1990, 234; Добричев, 2005, 3]. Аналогичную точку зрения высказывает Л.А. Новиков, который понимает под этим термином «отражение в языке обратных отношений с помощью разных слов, противопоставленные семы которых позволяют таким единицам выражать субъектно-объектные отношения в обращенных высказываниях (предложениях), обозначающих одну и ту же ситуацию, то есть имеющих один и тот же денотат» [Новиков, 1982, 216]:

(2) Наши спортсмены (S) *превосходят* соперников (O) в скорости ↔ Соперники (O) *уступают* нашим спортсменам (S) в скорости.

В примерах (1) и (2) оппозитивные члены (S и O) представляют одно и то же действие (отношение), но в обратных направлениях – от одного участника ситуации (S) к другому (O) и наоборот. Конверсивы употребляются в приведенных соотносительных конструкциях соответственно с прямой (S → O) и обращенной ролевой структурой (O → S): при преобразовании субъект и объект меняются в предложении ролями. Такие высказывания обладают одинаковой предметной соотнесенностью и используются как синонимические средства языка, с помощью которых может подчеркиваться различие в актуальном членении предложения.

Данную точку зрения обнаруживаем также у Ч. Филлмора [Филлмор, 1983, 115, 116]. Ученый интерпретирует семантическое понятие конверсивности «как наличие двух слов в предикатной функции и принадлежащих к одному и тому же фрейму, но использующихся в синтаксических структурах, которые требуют того, чтобы единицы ассоциируемой схемы упоминались в разном порядке» и иллюстрирует данное понятие такими примерами: *покупать – продавать; выше чем – ниже чем; муж – жена*.

Аналогичное мнение высказывает Ю.Д. Апресян [Апресян, 1998]. По его мнению, конверсивы представляют собой пары слов с обращенными ролевыми или актантными структурами. При этом обращение (или конвертирование) высказывания происходит путем замены предиката его коррелятом (конверсивом), что приводит к появлению новой синтаксической единицы, сопоставимой с исходной в плане предметно-логического содержания, денотативно и семантически эквивалентной исходной, но формально противоположной ей. Ср.:

(3) англ. *Ivan got married to Mary* 'Иван женился на Марии' ↔ *Mary got married to Ivan* 'Мария вышла замуж за Ивана'.

Термин *конверсия* употребляется также в словообразовании в отношении способа словообразования, то есть производства слов без использования словообразовательных аффиксов, при котором наблюдается полное материальное совпадение исходного и производного знаков, переход слова из одной части речи в другую, ср.: англ. *salt* 'соль' – *to salt* 'солить', *to work* 'работать' – *work* 'работа' и т.п.

Такой способ словообразования получил в лексикологии различные терминологические наименования, в частности:

- 1) морфолого-синтаксический способ [Виноградов, 1947];
- 2) имплицитное словообразование [Балли, 1955; Fleischer, 1976];
- 3) нулевая аффиксация [Лопатин, 1966; Лунькова, 2024];
- 4) морфологическая транспозиция [Кубрякова, 1974];
- 5) несобственная деривация [Арутюнова, 1960].

Итак, в языке существуют различные способы описания одной и той же ситуации с использованием семантически эквивалентных языковых единиц. Одним из таких регулярных способов образования денотативно сходных конструкций является конвертирование или преобразование путем конверсии синтаксической структуры предложения. Следует отметить, что синтаксические отношения участников ситуации являются отражением на синтаксическом уровне их семантических (или ролевых) отношений. Так, подлежащее соотносится обычно с семантической ролью агенса (*Иван швырял камнями*) или экспериенцера (*Я обрадовался твоему письму*), а при отсутствии таковых – с ролью пациенса (*Дверь открывается легко*). Прямое дополнение соотносится, как правило, с ролью пациенса (*Иван резал хлеб*), а косвенные дополнения часто с инструментом (*Иван резал хлеб ножом*), локативом (*Он шел лесом*) и др. [Wierzbicka, 1985, 303]. Заметим, что в языке существуют, однако, и отклонения от данной иерархии синтаксических и семантических актантов, так как синтаксические отношения вступают в корреляции с другими отношениями (коммуникативными, референциальными) [Кибрик, 1982, 29].

В каждом языке конверсивы обнаруживают большое разнообразие формальных типов, что обусловлено особенностями грамматического строя

данного языка, частеречной характеристикой конверсивной пары, их морфологическими свойствами. Лексико-грамматические конверсивы охватывают, прежде всего, класс глаголов, которые способны своим значением выражать субъектно-объектные отношения, ср.:

(4) русск. *выигрывать что-л.* – *проигрывать что-л.*; *брать что-л.* – *давать что-л.*; *импортировать что-л.* – *экспортировать что-л.*; аналогично: нем. *etw. gewinnen* – *etw. verlieren*; *etw. nehmen* – *etw. geben*; *etw. importieren* – *etw. exportieren*.

Заметим, что отношения конверсии характерны и для других частей речи (предлогов, союзов, существительных, наречий, прилагательных), а также для фразеологизмов [Логачева, 2016; Ильинская, 2007, 11–13].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного описания явления конверсии в сфере рефлексивных глаголов немецкого и русского языков, выявления типологических сходств и различий высказываний, образуемых данными глаголами. Комплексное изучение конверсивных рефлексивных глаголов, учитывающее их морфологию, словообразование, синтаксис и семантику, повышает теоретическую и практическую значимость настоящего исследования.

Материалом исследования послужили рефлексивные глаголы (РГ) и рефлексивные конструкции (РК), а также их производящие неререфлексивные глаголы (НГ) и неререфлексивные конструкции (НК), отобранные из толковых словарей немецкого (Duden. Universalwörterbuch; Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache; Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache; Wörter und Wendungen) и русского языков (Словарь русского языка в 4 т. под ред. А.П. Евгеньевой; Словарь русского языка С.И. Ожегова; Большой толковый словарь русских глаголов под ред. Л.Г. Бабенко), из Национального корпуса русского языка, а также из произведений немецкой и русской художественной литературы. Общий объем эмпирического материала составил в немецком языке 744 ед. (включая НГ / РГ и их конструкции) и 734 ед. в русском языке. Поскольку в словарях грамматическая характеристика субъекта (*jmd.* / *etw.* – кто-л. / что-л.) и объекта (*jmdn.*, *etw.* – кого-л., что-л.) конверсивных НГ и/или РГ часто приводится в обобщенном виде и без соответствующих контекстов их употребления, то для целей данной работы и лучшей обозримости анализируемого материала нами строились НК и РК с лексическим наполнением в них взаимозаменяемых позиций субъекта и объекта либо использовались словарные примеры с различными лексемами в данных позициях, которые, однако, легко допускали их заполнение соответствующими актантами. Построенные таким образом немецкие НК и РК были дополнительно проверены информантами – носителями немецкого языка (Марина Лепс – филолог-переводчик, Германия, г. Эрфурт; Анна Подзорова-Гроссе, филолог, Германия, г. Мюнхен, Мюнхенский университет имени Людвига и Максимилиана).

Конверсия в сфере рефлексивных глаголов. Конверсные (или конверсивные) отношения наблюдаются в сфере рефлексивных глаголов и образуемых ими рефлексивных конструкций, ср.:

(5) русск. *радовать кого-л.* (например, о письме) ↔ *радоваться чему-л.* (например, письму); *удивить кого-л.* (например, об известии) ↔ *удивиться чему-л.* (например, известию), аналогично: нем. *jmdn. freuen* ↔ *sich über etw. freuen*; *jmdn. wundern* ↔ *sich über etwas wundern*.

Конверсия в сфере РГ и РК немецкого и русского языков имеет свою специфику, что обусловлено значениями рефлексивного показателя (РП) *sich* в немецком языке и его аналога – постфикса -ся в русском языке, а также особенностями функционирования глаголов с данными РП в каждом языке [Генюшене, 1983, 106]. В русском языке полифункциональный РП -ся маркирует различный набор рефлексивных значений (собственно-рефлексивное, посессивно-рефлексивное, автокаузативное, реципрокное, декаузативное и др.) [Князев, 1985; Басыров, 2014]. Некоторые лингвисты включают сюда и страдательное значение [Янко-Триницкая, 1962].

Рефлексив и каузативность. В русском языке частица -ся способна маркировать в структуре РГ также каузативно-рефлексивное значение [Князев, Неद्याлков, 1985, 25]. В этом случае РГ сочетают одновременно признаки субъектных, объектных и деагентивных рефлексивов, а референт подлежащего в образуемых ими РК является объектом действия и в то же время выступает в функции субъекта каузации (инициатора) действия [Сильницкий, 2022, 93]. При этом непосредственный исполнитель действия может отсутствовать либо метонимически обозначаться обстоятельством:

(6) русск. Я иду (в цирюльню) *стричься*.

По наблюдениям некоторых исследователей, в конструкциях типа (6) имеет место скрытая каузативность (или косвенная агентивность), так как неясно: то ли «я» сам в цирюльне себя подстригу, то ли скажу, чтобы меня подстригли [Овсяннико-Куликовский, 1912, 130; Князев, Неद्याлков, 1985, 25; Löttsch, 1972, 171]. Подобная скрытая каузативность характерна и для других каузативных конструкций, допускающих двоякую интерпретацию:

(7) русск. Она *сшила* себе (сама? / кто-то сшил?) новое платье;

(8) русск. Мы (сами? / кто-то?) *сделали* ремонт.

В немецком языке для устранения подобной неопределенности действия участников ситуации, а также их ролей (инициатор / каузатор действия или исполнитель / агентс действия) употребляется аналитический каузатив с глаголом *lassen* [Неद्याлков, 1971]. Ср. пример (6) и данный ниже:

(7) нем. Ich habe *mich* bei einem Friseur an der Twerskaja *rasieren lassen* 'Я побрился у парикмахера на Тверской [Неद्याлков, 1971, 20].

В примере (7) значение каузации выражено на поверхностном уровне глаголом *lassen*, который указывает на инициирование субъектом-каузатором

(ich) действия *побрить* профессиональным агенсом (bei einem Friseur). Основное отличие данной конструкции от РК с собственно-рефлексивным значением (8) нем. *Ich habe mich rasiert* 'Я побрился' заключается в том, что в ней предполагается наличие субъекта, который лишь каузирует определенным образом (просьба, приказ и т.п.) исполнение названного действия, но сам не является его исполнителем. При этом лицо, инициирующее действие, одновременно выступает объектом действия, что маркируется местоимением *sich*. Для совершения события в рефлексивно-каузативной конструкции «*sich + lassen + Infinitiv*» необходимо участие еще одного лица (агенса) – непосредственного производителя действия, который может быть включен в перспективу высказывания, как в примере (7), либо отсутствовать:

(9) нем. *Ich habe mich an der Twerskaja rasieren lassen* 'Я побрился на Тверской'.

Исключение из перспективы непосредственного исполнителя действия указывает на то, что он является менее значимым, то есть для говорящего важен не тот, кто совершает действие, а сам факт его каузации, хотя субъект каузируемого действия – непосредственный исполнитель действия – может быть эксплицирован косвенным дополнением [Князев, 2005, 41].

Структурно-семантические типы конверсивных рефлексивных глаголов (КРГ). Среди КРГ немецкого и русского языков обнаруживаются разнообразные структурно-семантические типы соответствий, что обусловлено антропоморфизмом языковой картины мира, а также типологическими особенностями грамматического строя сравниваемых языков. Рассмотрим основные типы конверсивных НГ / РГ.

1. Первый тип конверсивных отношений характеризуется полным формально-семантическим соответствием КРГ немецкого и русского языков, например:

(11) нем. a. Das positive Ergebnis (Nom. / Caus.) *freute* mich (Akk. / Exp. (Pat.)) sehr ↔ б... ich (Nom. / Exp.) *freute* mich sehr über das positive Ergebnis (Об_{acc.} / Caus.) [Frisch, 1957, 55].

Нерефлексивная (11a) и рефлексивная конструкции (11б) описывают денотативно сходную ситуацию, а именно: радостное состояние субъекта, вызванное положительным результатом, но с изменением у актантов синтаксических позиций: в исходной НК (11a) неодушевленное имя *das positive Ergebnis*, выступающее в семантической функции каузатора состояния, стоит в позиции подлежащего, а в производной РК (11б) оно преобразуется в косвенное (предложное) дополнение *über das positive Ergebnis*. Мена позиции в структуре НК и РК наблюдается также у актанта *ich*: объект-дополнение в НК (11a) (*mich*) трансформируется в субъект-подлежащее в РК (11б) (*ich*). РК (11б) описывает ту же ситуацию, что и исходная НК (11a), но из перспективы второго актанта, переводимого в коммуникативно главную позицию подлежащего.

Аналогичная конверсия актантов и их синтаксических ролей наблюдается в русском языке:

(12) русск. а. Ободряющие слова Карла (Nom. / Stim.) *радовали* его (Akk. / Exp.(Pat.)) ↔ б. Он (Nom. / Exp.)... *радовался* его (Карла) ободряющим словам (Ob_{тв.} / Stim.) [БТСРГ, 2007, 416].

Заметим, что изменение коммуникативного ранга у участников эмотивной ситуации может сопровождаться следующим изменением их семантических ролей [Полежаева, 2023]:

1) *совмещением семантических ролей* у носителя эмоционального состояния, ср.: *mich* в (11а) и *ego* в (12а), которые одновременно выступают в роли экспериенцера и пациенса;

2) *расщеплением ролей* у носителя эмоционального состояния, ср.: *мы* в (13а), который представлен двумя расщепленными ролями: каузатор (*мы*) и средство (*смехом, шутками*):

(13) русск. а. Мы (Caus.) *развеселили* Левитана смехом и шутками (Med.) ↔ б. Мы посидели у него, посмеялись, А. П. острил много, и благодаря нам *развеселился* и Левитан [Чехов, 2014, 13], аналогично:

(14) нем. а. Der Clown (Caus.) *belustigt* das Publikum mit den Witzen (Med.) ↔ б. Das Publikum *belustigt sich* an den Witzen (Med.) des Clowns [WDG, 1980, 511].

По наблюдениям некоторых исследователей, глагол эмоциональной каузации *волновать* с эмотивным каузатором невозможно преобразовать стандартным способом в его рефлексивный коррелят; для его конвертирования необходим вспомогательный каузативный глагол [Полежаева, 2003], ср.:

(15) русск. а. Радостное чувство *волновало* ее – нельзя сказать: *б. Он *волновался* из-за радостного чувства – но можно: в. Радостное чувство заставляло ее волноваться.

Заметим, однако, что конверсные отношения данных НГ и РГ возможны и без вспомогательного глагола:

(16) русск. а. Собственное бездействие и слабость *волнуют* его ↔ б. Он *волнуется* из-за собственного бездействия и слабости [Карта слов].

Добавим, что и в немецком языке сходный каузативный эмотивный глагол *erregen* имеет конверсивный рефлексивный коррелят:

(17) нем. а. Die Unverschämtheit des Burschen *erregte* ihn ↔ б. Er *erregte sich* über die Unverschämtheit des Burschen [WDG, 1981, 1132].

2. Следующий тип конверсных отношений в сфере РГ характеризуется:

- 1) формальным различием КРГ немецкого и русского языков;
- 2) частичным / полным сходством семантики КРГ сопоставляемых языков.

Следует также добавить, что в каждом языке исходные НГ и их КРГ находятся друг с другом в квазиконверсивных (или неравноправных) отношениях, поскольку производные РК выражают дополнительное значение (факитивное / побудительное; пермиссивное / позвольтельное) [Недялков, 1969, 30], ср.:

(18) русск. а. *Оперировал* меня (то есть производил надо мной операцию) молодой хирург, будущая звезда [Словарь, 1986, 622] → б. Лейтенант Шапошников задал доктору Майзелю два-три вопроса и тут же в рентгеновском кабинете, после короткого размышления, согласился *оперироваться* (то есть разрешил / дал согласие доктору на операцию) [Национальный корпус];

(19) нем. а. *Ihn hat der Chefarzt operiert* [WW, 1972, 466] → б. *Ich muss mich am Magen operieren lassen* [WW, 1972, 466].

В приведенных КРК русского (см. (18 б)) и немецкого (см. (19б)) языков описывается сходная медицинская ситуация, то есть субъект действия (пациент) (лейтенант Шапошников / *ich*) дает согласие (разрешение) врачу на свою операцию. При этом непосредственный исполнитель операции (агент) в русском языке становится ясным из содержания самой РК (18б) (доктор Майзель), а в немецкой РК (19б) он не называется, но имплицитруется каузативным глаголом *lassen* и может быть введен в структуру данной аналитической конструкции:

(20) нем. *Er hat sich vom (beim) Chefarzt operieren lassen*.

Добавим, что в русском языке пермиссивное значение рассматриваемого КРГ маркируется постфиксом -ся, а в немецком языке – посредством сочетания РГ со вспомогательным глаголом *lassen*.

Сходный тип конверсивных отношений актуализируют в сопоставляемых языках глаголы, описывающие ситуацию медицинского обследования пациента, ср.:

(21) русск. Доктор снова *обследовал* больную [Карта слов] ↔ Некоторые стремятся достичь душевного равновесия; другие полагают необходимым поддерживать оптимальную физическую активность, полноценно питаться и отдыхать, регулярно *обследоваться* у врача [Карта слов];

(22) нем. а. *Der Arzt hat ihn untersucht* [WW, 1972, 688] → б. *Er ließ sich vom (beim) Arzt untersuchen* [WW, 1972, 688].

В некоторых случаях неназванный агент действия в КРК может имплицитироваться ситуацией и/или ее модификатором, описывающими регулярность посещения субъектом (пациентом) места работы исполнителя действия:

(23) нем. *Sie läßt sich jede Woche frisieren* [WDG, 1981, 1395].

Заметим, что глагол *frisieren* допускает рефлексивное употребление и без *lassen*, но с двоякой интерпретацией:

(24) нем. *Ich habe mich gerade frisiert* [WW, 1972, 242] 'Я как раз сделала причёску', то есть: а) сама себе сделала причёску; б) каузировала парикмахера сделать мне причёску.

Подобная неоднозначная трактовка наблюдается и в русских РГ:

(25) русск. Он *побрился* / *подстригся*: а) сам себя побрил / подстриг; б) каузировал кого-то побрить / подстричь его.

В анализируемых КРК в позиции агенса-исполнителя действия обычно находится эксплицитно или имплицитно выраженный профессиональный субъект действия (парикмахер, врач, фотограф, официант, портной, прислуга и т.п.), см. (18), (20)–(22), а также:

(26) нем. Der Dienstbote hat sie *ausgekleidet* → Fort ... ja natürlich... zum Herrn Gemahl... in die warme Stube, die vornehme Dame spielen und *sich auskleiden lassen* von den Dienstboten... [Zweig, 1959, 117];

(27) нем. Alle zwei Wochen *ließ* er *sich* beim Friseur die Haare *schneiden* [WDG, 1981, 1395];

(28) русск. Она даже на паспорт в 1977 году *фотографировалась* в парике [Карта слов];

(29) русск. Шеф давно *стригся* в модных московских салонах, брился чуть ли не до зеркального блеска и всячески пытался подчеркнуть собственную современность – иногда даже удачно [Карта слов];

(30) нем. Er *ließ sich* bei / von diesem Schneider einen Anzug *anfertigen* [Недялков, 1971, 4].

В немецких РК с *lassen* непосредственный исполнитель действия по своему статусу является вторичным (менее значимым), поэтому он иерархически понижен в своем синтаксическом статусе и оформляется косвенным падежом с предлогами *von*, *bei* (см. (20), (22), (26), (27)). Напротив, инициатор (каузатор) действия является его главным участником, выражен иерархически более высоким падежом (номинативом). Данные формальные различия маркируют семантические особенности всей аналитической РК с *lassen*, в которой можно вычленить две глубинные микроструктуры (микроситуации) [Недялков, 1969, 6; Волохова, 2005, 14, 15], например:

(31) нем. Sie hatte *sich* vom Boy einen Eiskaffee *servieren lassen* → Der Boy hatte einen Eiskaffee serviert + Sie ließ den Boy das machen;

(32) нем. Er *ließ sich* vom Arzt *untersuchen* → Der Arzt *untersuchte* ihn + Er ließ den Arzt das machen.

В глагольной паре *привить* (например, оспу) – *привиться* (об оспе) у производного РГ реализуется декаузативное значение:

(33) русск. а. Врач *привила* ребенку оспу (то есть ввела в организм вакцину для предупреждения или излечения какой-л. болезни) → б. В этом случае онковирусы будут, не причиняя вреда, *прививаться* (то есть, будучи привитыми, оказывать свое воздействие) организму как эволюционные факторы жизни [Румянцев, 1982, 45]. Но нельзя построить конверсивную РК: в.*Оспа *привилась* ребенку врачом; ср., однако, с немецким примером ниже:

(34) нем. а. Der Arzt hat das Kind gegen Pocken *geimpft* → б. Das Kind wollte *sich* nicht *impfen lassen* [WDG, 1984, 1939].

В РК (34б) отсутствует агенс действия (*der Arzt*), который совершает прививку, но он имплицитруется характером глагольного действия и может быть введен в структуру РК:

(34) нем. в. *Das Kind wollte sich vom Arzt nicht impfen lassen.*

В примерах (34б) и (34в) реализуется *пермиссивно-запретительное значение*, то есть ребенок (например, криками, своими резкими телодвижениями) не давал врачу возможности сделать прививку.

Приведем другие РГ / РК с пермиссивным значением, в которых субъект под влиянием неконтролируемого желания, чувства, влечения и иных обстоятельств совершает определенное действие:

(35) русск. а. Я вижу здесь массу чудесных мелочей, которые могли *соблазнить* (то есть вызвать желание что-л. сделать) молодых модниц [Санд, 1853, 13] → б. Барин-то мне перстень передать ей дал... Эх, грехи, *соблазнился* (то есть испытал влечение сделать что-л.) я на него, заложил и пропил, а к ней не пошел... Надоело с ним валандаться... Бросил [Гейнце, 1994, 311];

(36) нем. а. *Das günstige Angebot verführte sie dazu, die Ware zu kaufen* [WDG, 1976-1977, 4047] → б. *Sie ließ sich durch das günstige Angebot verführen* und kaufte sich ein modisches Kleid, аналогично: *jmdn zu etwas verleiten / verlocken ↔ sich [durch etwas] zu etwas verleiten / von jmdm verlocken lassen* [WDG, 1976, 4080–4081];

(37) русск. а. Но я хотел изучать позднюю античность, меня с самого начала очень *увлек* (то есть, возбудив сильный интерес, завладел чувствами, помыслами, воображением) Плотин. → б. Но я хотел изучать позднюю античность, я с самого начала очень *увлекся* (то есть проявил сильный, особенный интерес к чему-л.) Платином [Мартов, 2017],

(38) нем. *Sie riss mit ihrem Gesang alle Zuhörer hin* → *Alle ließen sich von ihrem Gesang hinreißen* [WDG, 1981, 1837].

3. Следующий тип конверсивных отношений характеризуется тем, что русскому автокаузативному РГ соответствует немецкий аналитический конверсивный РГ с *lassen*. Немецкий РГ описывает ситуацию принудительного перемещения субъекта под действием природной стихии (ветра, воды и т.п.), а русский РГ развивает автокаузативное значение, то есть субъект как бы сам себя / свое тело перемещает в пространстве [Генюшене, 1983, 76; Басыров, 2014, 64]:

(39) нем. *Der Wind trieb uns an Land* → *Wir ließen uns (an Land, vom Wind) treiben* [WW, 1972, 650];

(40) русск. разг. Сломая голову *несутся* (то есть быстро бегут) ребята из сада на двор смотреть, кто едет, куда [Пришвин, 1986, 101].

4. Русскому конверсивному РГ соответствует в немецком языке неконверсивный РГ или нерефлексивный глагол. В русском языке сюда от-

носятся обычно безличные РГ, обозначающие действие, которое происходит как бы самопроизвольно, независимо от воли его субъекта-экспериментера. Присоединение частицы -ся к исходному нерелексивному корреляту может приводить к полному или частичному разрыву семантической связи между НГ и РГ. Например:

(41) русск. а. Я *слышу* (то есть воспринимаю слухом) голос, – прогнусавил старик, – и молодой голос [Стивенсон, 2008, 124] ↔ Порою в горах мне *слышалась* (то есть была слышной, звучала) барабанная дробь, и я думал, что это – гномы [Льюис, 1991, 37];

(42) русск. а. Герои романов Хемингуэя *воплощают* (то есть изображают, находят свое выражение в конкретном художественном образе) психологию человека потерянного поколения [БТСРГ, 2007, 315] ↔ б. В героинях поэмы Некрасова «Русские женщины» *воплотились* (то есть нашли свое выражение в конкретном художественном образе) стойкость и мужество женского характера, сила любви и преданность [БТСРГ, 2007, 315];

(43) русск. а. ...я не очень *верю* (то есть не убежден, не уверен в чем-л.), что австрийцы пойдут на такое вопиющее нарушение законов цивилизованного ведения войны ↔ б. Мне не очень *верится* (то есть о чувстве уверенности в истинности, в правильности чего-л., испытываемом кем-л.), что австрийцы пойдут на такое вопиющее нарушение законов цивилизованного ведения войны [Карта слов];

(44) русск. а. Я *помню* (то есть удерживаю в памяти, не забываю) одну сцену из несколько более позднего времени ↔ б. *Помнится* (то есть сохраняется в памяти, не забывается) мне одна сцена из несколько более позднего времени [Уэллс, 2012, 232].

В немецком языке вышеприведенным русским КРГ / КРК соответствуют: 1) НГ / НК (ср. (41) и (45); (42) и (46)); 2) РГ с декаузативным значением (ср. (43) и (47)); 3) РГ, не соотносимый с исходным НГ (ср. (44) и (48)):

(45) нем. Ich *höre* eine Stimme – Die Stimme *wird hörbar* / Die Stimme *ertönt*, но нельзя: *Die Stimme *hört sich* von mir;

(46) нем. а. Er hat seinen Wunsch *verwirklicht* (*erfüllt*) [WDG, 1976, 4115; WW, 1972, 205] → Sein Wunsch hat *sich verwirklicht* (*erfüllt*) [WDG, 1976, 4115; WW, 1972, 205];

(47) нем. Ich *glaube* dir kein Wort / du *glaubst* ja selbst nicht, was du sagst [WDG, 1984, 1601];

(48) нем. а. Ich *erinnere dich* an dein Versprechen [WW, 1972, 206] – б. Ich kann *mich* an ihn / an den Vorfall nicht mehr *erinnern* [WW, 1972, 206].

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Конверсия в целом и рефлективная конверсия в частности являются важными индикаторами лингвистической репрезентации человеком окружающего мира и его вербального поведения в зависимости от коммуникативных целей и прагматических установок.

2. Конверсивные рефлексивные конструкции немецкого и русского языков системно и органически взаимосвязаны со всеми уровнями языка: морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим.

3. Конверсивные рефлексивные глаголы и их конструкции обнаруживают в сопоставляемых языках четыре основных типа структурно-семантического соответствия, которые характеризуются как общими, так и отличительными чертами.

4. Типологические сходства КРГ и КРК в немецком и русском языках обуславливаются принадлежностью обоих языков к одной языковой семье и универсальностью самого явления конверсии, основанного на сходном мировидении носителей различных языков, а их различия объясняются особенностями морфологического строя сопоставляемых языков.

5. Конверсивные отношения в сфере РГ сопоставляемых языков мотивируются каузативными глаголами и особенно продуктивно – каузативно-эмотивными глаголами, что обусловлено самой природой психоэмоционального состояния человека.

6. Конверсивные НГ / РГ способны выражать различные способы глагольного действия (начинательный, результативный и др.), которые манифестируются различными префиксами, в частности:

1) *результативный способ глагольного действия* – в немецком языке префиксами **er-** (erleichtern / sich erleichtern; erheitern / sich erheitern, erhärten / sich erhärten), **ver-** (verziehen / sich verziehen; verknappten/sich verknappten; verdüstern / sich verdüstern), **ab-** (abkühlen / sich abkühlen; abmatten / sich abmatten); в русском языке префиксами **о-** (ободрить / ободриться, освежить / освежиться, оживить / оживиться), **пере-** (перессорить / перессориться; перетревожить / перетревожиться);

2) *начинательный / инхоативный способ глагольного действия* – в немецком языке префиксами **ent-** (entzünden / sich entzünden), **ver-** (verwundern / sich verwundern; verlangsamen / sich verlangsamen); в русском языке префиксами **рас-** / **раз-** (развеселить / развеселиться; рассердить / рассердиться), **вз-** (взбесить / взбеситься), **у-** (устрашить / устрашиться), **за-** (заинтересовать / заинтересоваться; заразить / заразиться);

3) *орнотивный способ глагольного действия* – в немецком языке префиксами **über-** (überziehen / sich überziehen), **be-** (bewölken / sich bewölken; benebeln / sich benebeln; bedecken / sich bedecken), **ver-** (vernebeln / sich vernebeln);

4) *интенсивирующий (усилительный) способ глагольного действия* – в немецком языке префиксами **ab-** (abschinden / sich abschinden), **ver-** (verdrießen / sich etwa nicht verdrießen lassen; verschärfen / sich verschärfen); в русском языке префиксом **из-** (измотать / измотаться).

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Каузативы или конверсивы? // Типология. Грамматика. Семантика. СПб.: Наука, 1998. С. 273–281.

Арутюнова Н.Д. Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации (на материале испанского языка) // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961. С. 71–79.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.

Басыров Ш.Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.

Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 783 с.

Волохова В.В. Семантико-синтаксическая характеристика возвратных и псевдовозвратных структур немецкого предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.

Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983. 168 с.

Добричев С.А. Конверсные отношения в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 42 с.

Иванова И.Е. Репрезентация конверсивной лексики в современном русском языке и проблемы ее лексикографирования. Иркутск, 2016. 182 с.

Ильинская О.Г. Языковая природа конверсии и типы конверсивов в современном русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 20 с.

Кибрик А.Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. № 11. С. 5–36.

Князев Ю.П., Недялков В.П. Рефлексивные конструкции в славянских языках // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин, 1985. С. 20–40.

Князев Ю.П. Проблемы описания грамматической семантики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 68 с.

Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 64–76.

Линькова Ю.И. Посессивные конверсивы в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 21 с.

Лунькова Е.С. Производные существительные с нулевым суффиксом в смоленских говорах // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 4(68). С. 87–103.

Логачева М.И. Системные характеристики семантических отношений в английском фразеологическом фонде: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2016. 23 с.

Лопатин В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания. 1966. № 1. С. 66–78.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Мельчук И.А. Опыт теорий лингвистических моделей «Смысл – текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. I–XXII. 346 с.

Недялков В.П. Каузативные конструкции в немецком языке: Аналитический каузатив. Л.: Наука, 1971. 178 с.

Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969. С. 5–19.

Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969. С. 20–50.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912. 322 с.

Полежаева С.С. Комплексный анализ оппозиций эмотивных глаголов типа беспокоиться-беспокоить, радоваться-радовать: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 21 с.

Сильницкий А.Г. Структура семантического пространства юридических глаголов английского языка с субъектом «расследователь» // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 4(60). С. 91–106.

Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. № 12. С. 74–122.

Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 247 с.

Fleischer W. Wortbildung der zeitgenössischen deutschen Sprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1976. 363 p (in German).

Lötzsch R. Zum Ausdruck der Kausativität in den slavischen Sprachen // Zeitschrift für Slavistik. 1972, Bd. 17. P. 360–370 (in German).

Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, Karoma, 1985. 368 p (in Russian).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с. (Фундаментальные словари).

Верн Ж. Таинственный остров. М.: Эксмо, Редакция 1, 2025. 544 с.

Гейнце Н. Людоедка. М.: Терра, 1994. 420 с.

Карта слов и выражений русского языка КАРТАСЛОВ.РУ. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 24.11.2025).

Лермонтов М.Ю. Воздушный корабль: сочинения. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 192–194.

Льюис К.С. Принц Каспиан: Возвращение в Нарнию. Сказка / пер. с англ. О. Бухиной. М.: Огонек – Вариант, 1991. 126 с.

Мартов И. «Постструктурализм – это в основном бредятина». Читательская биография философа Александра Доброхотова. URL: <https://gorky.media/intervyu/poststrukturalizm-eto-v-osnovnom-bredyatina/?ysclid=mivj0605gi2314343132017> (дата обращения: 07.12.2025).

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 08.10.2025).

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. 748 с.

Пришвин М.М. Кашеева цепь. Таллинн: Ээсти раамат, 1986. 544 с.

Румянцев В. Онковирусы – прародители жизни? // Химия и жизнь. 1982. № 4. С. 44–48.

Санд Ж. Замок Мон-Ревеш. СПб.: Тип. Э. Праца, 1854. 228 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1: А – Й. 1985. 696 с.; Т. 2: К – О. 1986. 736 с.; Т. 3: П – Р. 1987. 752 с.; Т. 4: С – Я. 1988. 800 с.

Стивенсон Р.Л. Остров сокровищ / пер. с англ. И. Толока. Белгород: Кн. клуб семейного досуга; Харьков: Кн. клуб семейного досуга, 2008. 158 с.

Уэллс Г. Вожьд мировой революции / пер. с англ. А. Ромма, А. Голембы; пер. с нем. Г. Потапова. М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. 382 с.

Чехов М.П. Антон Чехов на каникулах. М., 2014. 29 с.

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 24.11.2025).

Duden. Universalwörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 20.11.2025).

Frisch Karl. Von Erinnerungen eines Biologen. Berlin: Springer, 1957. 125 p.

WDG – Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin: Akademie Verlag. Bd. 1, 1980, 800 S.; Bd. 2, 1981, 1600 S.; Bd. 3, 1984, 2412 S.; Bd. 4, 1981, 3212 S.; Bd. 5, 1980, 4012 S.; Bd. 6, 1976–1977, 4551 S.

WW – Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Herausgegeben von E. Agricola unter Mitwirkung von Herbert Görner und Ruth Küfner. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1972. 818 S.

Zweig St. Die Angst // St. Zweig Novellen. Verlag für Fremdsprachen, 1959. S. 115–165.

Y.K. Rastarasova

*Postgraduate,
Chair of Germanic Philology,
Donetsk State University
Donetsk, DPR, Russia*

Conversive Reflexive Verbs in German and Russian in Comparative Aspect

The term «conversion» has different interpretations in linguistics. In Grammar and Vocabulary the given term denotes a way of expressing subject-object relations in sentences equivalent in sense. In this case in Grammar conversion finds its expression in the category of Mood (in correlative structures of Active and Passive constructions) and it is expressed by the forms of one word – by the so-called grammatical conversives. In Vocabulary conversion is expressed by different words – lexical conversives conveying bilateral Subject-Object relations and due to the fact, possessing two valencies at least.

In word-formation the term «conversion» is used in relation to such a means of word-formation in which the transition of a word from one part of speech to another is effected without using word-formation affixes, i.e. complete material coincidence of initial and derivative signs is observed.

The article studies conversive relations in the sphere of reflexive verbs, i.e. verbs with reflexive pronoun sich in German and verbs with postfix -ся in Russian. Among the conversive reflexive verbs of the contrasted languages different structural and semantic types can be found.

The most commonly used type of conversive relations is characterized by complete correspondence of formal and semantic planes of conversive reflexive verbs in German and Russian (Russian радоватького-л. – радоватьсячему-л., German: jmdn freuen – sich über etw. freuen).

On the whole, typological similarities and differences of conversive reflexive verbs in German and Russian are conditioned by the fact that both languages belong to the same language family, by the universal character of the phenomenon of conversion itself, based on similar world view of the speakers of the given languages and differences of the morphological structure of the contrasted languages.

Keywords: *conversion; reflexive verb; conversive reflexive verb; reflexive construction; non- reflexive verb; non- reflexive construction; semantic role.*

REFERENCES

- Apresian Iu.D. Causatives or conversion verbs? [Kauzativy ili konversivy?]. Typology. Grammar. Semantics. Saint-Petersburg: Nauka, 1998. Pp. 273–281 (in Russian).
Arutiunova N.D. Reverse Word Formation and Issues of Non-Native Derivation (Based on the Spanish Language) [Obratnoe slovoobrazovanie i voprosy nesobstvennoi derivatsii (na materiale ispanskogo iazyka)]. *Issues of composing descriptive Grammars*, 1961. Pp. 71–79 (in Russian).
Balli Sh. General linguistics and French language issues [Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 p. (in Russian).

Basyrov Sh.R. Word Formation of Verbs with a Reflexive Complex in Typological Perspective [Slovoobrazovanie glagolov s refleksivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii]. Donetsk: Noulidzh, 2014. 562 p. (in Russian).

Vinogradov V.V. Russian Language: (The Grammatical Theory of the Word) [Russkii iazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1947. 783 p. (in Russian).

Volokhova V.V. Semantic and Syntactic Characteristics of Reflexive and Pseudo-Reflexive Structures in German Sentences [Semantiko-sintaksicheskaja kharakteristika vozvratnykh i psevdovozvratnykh struktur nemetskogo predlozheniia]. *Abstract of dissertation ... Candidate of Philology*. Volgograd, 2005. 24 p. (in Russian).

Geniushene E.Sh. Reflexive Verbs in the Baltic Languages and the Typology of Reflexives [Refleksivnye glagoly v baltiiskikh iazykakh i tipologija refleksivov]. Vil'nius, 1983. 168 p. (in Russian).

Dobrichev S.A. Conversational Relations in Modern English [Konversnye otnosheniia v sovremennom angliiskom iazyke]. *Abstract of dissertation ... Doctor of Philology*. Moscow, 2005. 42 p. (in Russian).

Ivanova I. E. Representation of Conversion Vocabulary in Modern Russian and Problems of Its Lexicography [Reprezentatsiia konversivnoi leksiki v sovremennom russkom iazyke i problemy ee leksikografirovaniia]. Irkutsk, 2016. 182 p. (in Russian).

Il'inskaia O. G. The Linguistic Nature of Conversion and Types of Conversion in Modern Russian and English [Iazykovaia priroda konversii i tipy konversivov v sovremennom russkom i angliiskom iazykakh]. *Abstract of dissertation ... Candidate of Philology*. Moscow, 2006. 20 p. (in Russian).

Kibrik A.E. The Problem of Syntactic Relations in Universal Grammar [Problema sintaksicheskikh otnoshenii v universal'noi grammatike]. *New in Foreign Linguistics*, 1982. No. 11. Pp. 5–36 (in Russian).

Kniazev Iu.P., Nedialkov V.P. Reflexive constructions in Slavic languages [Refleksivnye konstruktii v slavianskikh iazykakh]. *Reflexive verbs in Indo-European languages*, 1985. Pp. 20–40 (in Russian).

Kniazev Iu.P. Problems of description of grammatical semantics [Problemy opisaniia grammaticheskoi semantiki]. *Abstract of dissertation ... Doctor of Philology*. Saint-Petersburg, 2005. 68 p. (in Russian).

Kubriakova E.S. Derivation, Transposition, Conversion [Derivatsiia, transpozitsiia, konversiia]. *Questions of linguistics*, 1974. No. 5. Pp. 64–76 (in Russian).

Lin'kova Iu I Possessive Conversions in Russian and English [Posessivnye konversivy v russkom i angliiskom iazykakh]. *Abstract of dissertation ... Candidate of Philology*. Volgograd, 2014. 21 p. (in Russian).

Lin'kova E.S. Derived Nouns with Zero Suffix in the Smolensk Dialects [Proizvodnye sushchestvitel'nye s nulevym suffiksom v smolenskikh govorakh]. *Issues of Smolensk State University*, 2024. No. 4 (68). Pp. 87–103 (in Russian).

Logacheva M.I. Systemic Characteristics of Semantic Relations in the English Phraseological Fund [Sistemnye kharakteristiki semanticheskikh otnoshenii v angliiskom frazeologicheskom fonde]. *Abstract of dissertation ... Candidate of Philology*. Samara, 2016. 23 p. (in Russian).

Lopatin V.V. Zero Affixation in the System of Russian Word Formation [Nulevaia affiksatsiia v sisteme russkogo slovoobrazovaniia]. *Questions of linguistics*, 1966. No. 1. Pp. 66–78 (in Russian).

Linguistic Encyclopedic Dictionary [LES – Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar']. Edited by Iartseva V.N. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. 685 p. (in Russian).

Mel'chuk I.A. Experience of the theories of linguistic models "Meaning-text" [Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl-tekst»]. Moscow: School «Languages of Russian culture», 1999. I-XXII. 346 p. (in Russian).

Nedialkov V.P. Causative constructions in the German language: Analytical causative [Kauzativnye konstruktii v nemetskom iazyke: Analiticheskii kauzativ]. Leningrad: Nauka, 1971. 178 p. (in Russian).

Nedialkov V.P., Sil'nitskii G.G. Typology of causative constructions [Tipologija kauzativnykh konstruktii]. *Typology of causative constructions. Morphological causative*, Leningrad. 1969. Pp. 5–19 (in Russian).

Nedialkov V.P., Sil'nitskii G.G. Tipologiya morfologicheskogo i leksicheskogo kauzativov [Typology of Morphological and Lexical Causatives]. *Typology of causative constructions. Morphological causative*, Leningrad. 1969. Pp. 20–50 (in Russian).

Novikov L.A. Semantics of the Russian Language [Semantika russkogo iazyka]. Moscow: Vysshaia shkola, 1982. 272 p. (in Russian).

Ovsianiko-Kulikovskii D.N. Syntax of the Russian Language [Sintaksis russkogo iazyka]. Saint-Petersburg, 1912. 322 p. (in Russian).

Polezhaeva S.S. Complex Analysis of Oppositions of Emotive Verbs of the Type «bespokoit'sia-bespokoit'», «radovat'sia-radovat'» [Kompleksnyi analiz oppozitsii emotivnykh glagolov tipa bespokoit'sia-bespokoit', radovat'sia-radovat']. *Abstract of dissertation ... Candidate of Philology*. Moscow, 2003. 21 p. (in Russian).

Sil'nitskii A.G. The Structure of the Semantic Space of Legal Verbs in the English Language with the Subject «Investigator» [Struktura semanticheskogo prostranstva iuridicheskikh glagolov angliiskogo iazyka s sub'ektom «rassledovatel'»]. *Issues of Smolensk State University*, 2022. No. (60). Pp. 91–106 (in Russian).

Fillmor Ch. The Main Problems of Lexical Semantics [Osnovnye problemy leksicheskoi semantiki]. *New developments in foreign linguistics*, 1983. No. 12. Pp. 74–122 (in Russian).

Ianko-Trinitkaia N.A. Reflexive Verbs in the Modern Russian Language [Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom iazyke]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962. 247 p. (in Russian).

Fleischer W. Word formation of the contemporary German language [Wortbildung der zeitgenössischen deutschen Sprache]. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1976. 363 p. (in German).

Lötzsch R. For the expression of causativity in the Slavic languages [Zum Ausdruck der Kausativität in den slavischen Sprachen]. *Zeitschrift für Slavistik*, 1972, Bd. 17. Pp. 360–370 (in German).

Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis [Leksikografiya i konceptual'nyj analiz]. Ann Arbor, Karoma, 1985. 368 p. (in English).

Е.В. Лучкина

Смоленский государственный университет

Смоленск, Россия

УДК 81'32

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-140-153

КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ В РОМАНАХ Д.Г. ЛОУРЕНСА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: Д.Г. Лоуренс; эмотивность; эмотивная лексика; квантитативный подход; сопоставительный анализ; «Белый павлин»; «Влюбленные женщины»; «Любовник леди Чаттерли»; эмоции.

Изучение языковых средств репрезентации эмоций в художественном тексте является одной из центральных задач филологии. Творческое наследие Дэвида Герберта Лоуренса (1885–1930), одного из наиболее ярких и противоречивых писателей-модернистов, представляет собой уникальный материал для такого исследования. Его романы, пронизанные психологическими переживаниями и исследованием глубинных пластов человеческой психики, тре-

буют детального анализа языковой палитры, с помощью которой Д.Г. Лоуренс пишет эмоциональные миры своих персонажей. Настоящее исследование ставит своей целью проведение сопоставительного количественного анализа эмотивной лексики в трех романах Д.Г. Лоуренса, созданных в разные периоды его творчества: «Белый павлин» (1911), «Влюбленные женщины» (1920) и «Любовник леди Чаттерли» (1928). Выбор данных произведений позволяет проследить динамику эволюции его стиля и трансформацию системы художественных средств, используемых для вербализации эмоций.

Данное исследование показало, как менялся идиостиль писателя: от лирико-описательной модели в начале пути через конфликтно-кризисную модель зрелого периода к синтетической чувственной модели в позднем творчестве. Во всех трех произведениях наблюдается сохранение главенствующих позиций прилагательных и стилистических средств, что свидетельствует о приверженности автора к оценочному описанию и образности. Количественный анализ также выявил тенденцию к прямой номинации эмоций. Так, динамика увеличения частоты использования существительных является доказательством перехода от имплицитного к эксплицитному изображению чувств, их бескомпромиссному обнажению, что обусловлено стремлением автора бросить вызов социальным табу.

Дэвид Герберт Лоуренс по праву считается одним из выдающихся и в то же время противоречивых авторов минувшего столетия. Его наследие включает романы, рассказы, поэзию, эссе и философские трактаты. Центральными темами, проходящими через все его творчество, являются конфликт между природным началом и индустриальной цивилизацией, исследование чувственной стороны человеческой жизни, поиск подлинных отношений между человеком и миром, а также между мужчиной и женщиной. Д.Г. Лоуренс выступал против викторианских условностей и пуританской морали, что нередко вызывало скандалы вплоть до наложения цензуры на некоторые произведения писателя. Он отстаивал право каждого человека на реализацию своего природного потенциала, видя идеал в гармоничном синтезе духовного и телесного начал.

Отличительной чертой стиля Д.Г. Лоуренса является двойственность, которая прослеживается в его романах. С одной стороны, он стремится правдиво и наиболее точно воссоздать быт английских рабочих поселков и их жителей. С другой – его творчество пронизано глубоким символизмом и обращено к исследованию таинственных, иррациональных глубин человеческой психики, таящихся в человеке страстей, инстинктов и неосознанных импульсов. Он сочетал правдивость бытописания с философскими обобщениями и символикой. Его искусство находится в постоянном движении от натурализма к символу, от реальности к мифу [Housh, 1961]. Сам Д.Г. Лоуренс писал об искусстве следующее: «Искусство выполняет две большие функции. Во-первых, оно воспроизводит эмоциональную жизнь. И затем, если у наших чувств достает на то смелости, оно становится источником представлений о правде повседневности» [Lawrence, 1923].

Творчество Д.Г. Лоуренса можно условно разделить на три основных периода.

1. Ранний период (до 1914 года). Многие литературоведы называют данный период довоенным. К нему относятся романы «Белый павлин» (1911) и «Сыновья и любовники» (1913). Для произведений раннего периода характерны черты позднего реализма с элементами натурализма. Стиль находится в стадии формирования, но уже намечаются ключевые темы: разрушительная сила любви, конфликт классов, сложные семейные отношения. Эмоциональная палитра здесь часто тяготеет к декадентской изысканности и психологической напряженности.

Зрелый период (1915–1925). Это время создания таких произведений, как «Радуга» (1915) и «Влюбленные женщины» (1920). Здесь стиль Д.Г. Лоуренса раскрывается как модернистский. Усложняется повествовательная структура, углубляется психологический анализ, а символика выходит на первый план. Критика современной цивилизации становится более острой и философски насыщенной. Эмоции приобретают характер сложных, противоречивых чувств, которые борются внутри персонажей.

Поздний период (1926–1930). В этот период созданы «Кенгуру» (1923), «Пернатый змей» (1926) и «Любовник леди Чаттерли» (1928). Для этих произведений характерно усиление утопических и мистических мотивов, а также крайне откровенное, вызывающее для своего времени исследование интимных отношений между мужчиной и женщиной как пути к духовному возрождению. Эмоциональный регистр смещается в сторону более простых, но мощных «кровных» чувств, противопоставленных «мертвому» сознанию [Трыков, Дудова, Михальская, 2001].

Центральной темой, сквозь призму которой писатель исследует личность, становится любовь. Для Д.Г. Лоуренса любовь – это не просто романтическое чувство, а фундаментальная сила, совокупность всех форм отношений между людьми, ключ к раскрытию живого человека. Он понимал отношения между мужчиной и женщиной как вечно изменяющийся поток, «продолжающееся всю жизнь движение» [Трыков, Дудова, Михальская, 2001], где физическое влечение является лишь одной, хотя и наиболее яркой, формой проявления более глубокой, житнетворческой связи. Писатель выступал против ханжеских викторианских условностей, считая, что честное изображение эмоциональной и интимной жизни необходимо для духовного возрождения личности. Он сознательно апеллировал к интуиции и чувству, стремясь передать саму «трепетную движущуюся жизнь» души [Трыков, Дудова, Михальская, 2001]. Таким образом, все произведения Д.Г. Лоуренса выделяются психологизмом и смелым изображением человеческих страстей. Писатель делает акцент на внутренней жизни персонажей, раскрывая глубины их души через передачу сложных, зачастую противоречивых и доведенных до крайней степени накала эмоциональных состояний.

Именно комплексный подход к изображению внутреннего мира персонажей делает творчество Д.Г. Лоуренса репрезентативным материалом для исследования эмоциональной стороны человека.

Эмоции, будучи неотъемлемым компонентом жизни, становятся объектом пристального изучения в различных научных дисциплинах [Сушко, 2022]. В лингвистике сформировалось самостоятельное направление – эмотивность, которое фокусируется на способах вербализации, категоризации и функционирования эмоций в речи [Шаховский, 2008]. Эмоции в языке могут передаваться двумя путями: эксплицитно, с помощью лексики, обладающей прямой эмоциональной семантикой (например, *love*, *despair*, *joy*, *hatred*), и имплицитно – через стилистические фигуры, синтаксические структуры и прагматику высказывания [Шаховский, 2009]. Следует отметить, что категория эмотивности проявляется на всех уровнях языковой системы: лексическом (использование слов с выраженной эмоциональной окраской), фонетическом, а также синтаксическом [Филимонова, 2007]. По мнению О.Е. Филимоновой, важную роль в передаче чувств играет интонация (использование *Falling Intonation*, *Rising Intonation* или *Fall-Rising Intonation* для выражения чувств, выделение голосом определенных слов) [Филимонова, 2001]. На синтаксическом уровне эмотивность может проявляться при помощи синтаксических средств выразительности, таких как эллипсис, инверсия, синтаксический параллелизм, риторический вопрос и пр. [Филимонова, 2001].

Говоря об эмотивных средствах, стоит отметить, что отсутствует единое мнение об их классификации. Так, С.В. Маслечкина выделяет четыре типа эмотивов, «единиц, которые обладают признаком эмотивности» [Маслечкина, 2015, 21]: аффективы, коннотативы, сленгизмы (в том числе жаргонизмы и вульгаризмы), экспрессивы. Голландский лингвист Ад Фулен выделяет просодии, междометия, эвфемизмы, коннотативы и экспрессивные конструкции [Foolen, 2012]. В нашем исследовании мы опирались на классификацию Н.Ф. Ежовой, которая выделяет следующие способы выражения эмоций:

- «с помощью слов, номинирующих различные эмоции и чувства человека;
- с помощью слов, описывающих эмоции и чувства человека;
- с помощью эмотивных средств» [Ежова, 2003, 13].

Отметим, что в произведениях Д.Г. Лоуренса особую важность приобретает также метафорическая и символическая эмотивная лексика, где эмоции передаются не прямо, а через сложные образные структуры (например, природные явления как отражение внутреннего состояния персонажа).

Художественный текст, являясь отражением мира человеческих переживаний, предоставляет неисчерпаемый материал для изучения эмотив-

ности. Однако традиционный качественный анализ, базирующийся на интерпретации и субъективных наблюдениях исследователя, не всегда обеспечивает достаточную объективность выводов. Для минимизации субъективизма и получения более верифицируемых данных в современной лингвистике все чаще применяется квантитативный (количественный) подход [Андреев, 2015; Андреев, 2022; Андреев, 2024]. Он предполагает систематический подсчет и статистическую обработку языковых единиц, маркирующих эмоции. Такой метод не только повышает достоверность исследования, но и позволяет выявить скрытые закономерности в использовании эмоциональной лексики, определить доминирующие в тексте эмоции и проследить эволюцию авторского стиля [Аделева, 2024].

Анализ категории эмотивности в произведениях Д.Г. Лоуренса. Для сопоставительного анализа эмотивной лексики были выбраны три романа Д.Г. Лоуренса, относящихся к разным периодам его творчества.

«Белый павлин» (1911) – роман, относящийся к раннему, довоенному периоду творчества писателя. В нем закладываются основы поэтики Д.Г. Лоуренса. Здесь эмотивная лексика тесно связана с пейзажными зарисовками и тонкой передачей зарождающихся чувств героев. Эмоции часто передаются через образы природы, что создает лирическую атмосферу. Исследование эмотивности в этом произведении показывает первоначальный этап формирования художественной системы автора.

«Влюбленные женщины» (1920) – произведение послевоенного периода, пронизанное кризисным мироощущением, настроениями опустошенности и разрушения, вызванными Первой мировой войной. Эмотивный фон этого романа контрастен и сложен, колеблется между импульсами жизни и влечением к смерти, между страстным желанием и стремлением к обособлению и саморазрушению.

«Любовник леди Чаттерли» (1928) – итоговый роман, синтезирующий «все основные идеи и художественные открытия писателя» [Трыков, Дудова, Михальская, 2001]. Здесь тема любви и чувственности достигает своей кульминации, а эмотивная лексика используется смело и откровенно для того, чтобы подчеркнуть полноту жизни человека и естественное проявление чувств, таким образом выступая прямым вызовом общественным табу.

Сопоставление языковых средств выражения эмоций в данных романах позволяет проследить эволюцию эмотивного компонента в прозе Д.Г. Лоуренса, выявить общие черты и особенности в зависимости от творческого периода и доминирующих тем.

Из романа «Белый павлин» для анализа были отобраны первая и вторая главы. Общее количество слов составило 7128. В романе «Влюбленные женщины» была проанализирована первая глава объемом 6242 слова. Также первые две главы (6302 слова) были проанализированы в романе «Любовник леди Чаттерли».

После определения корпуса текстов был проведен систематический анализ выбранных фрагментов, из которых отбирались языковые единицы, передающие эмотивность. Как уже было упомянуто выше, в основу выделения признаков легла классификация эмотивных средств выразительности, представленная Н.Ф. Ежовой. Признаковая схема включает в себя следующие характеристики.

1. Лексические – непосредственно словами с эмотивным значением. В дальнейшем они подразделяются в свою очередь на подклассы по частям речи:

- имя существительное (N): scorn, freedom, pleasure;
- имя прилагательное (Adj): sombre, sordid, pretty;
- глагол: (v): amuse, suffer, hate;
- причастие I (PtI): laughing, hesitating, smiling;
- причастие II (PtII): nettled, isolated, frighten;
- наречие (Ad): sarcastically, passionately, irritably;
- междометие (In): ooray, wow, oh.

Кроме того, были также привлечены другие средства выразительности:

– стилистические средства выразительности (SD): I could see Lettie like a distant sail stealing along the water's edge, her parasol flowing above. A man was like a child with his appetites;

– эмоциональная семантика (Sm): She had grown rather white. Her arm was trembling when she saw him.

Результатом данной процедуры стали абсолютные значения частот (количество) для каждой категории в каждом из трех романов, представленные в таблицах 1–3.

Однако прямое сравнение абсолютных чисел было бы некорректным ввиду разного объема проанализированных фрагментов. Для обеспечения сопоставимости данных был применен метод нормализации.

Распределение эмотивной лексики по частеречным классам. В данном исследовании для обеспечения сопоставимости данных используются относительные частоты, получаемые нормализацией (абсолютные частоты делятся на количество слов в отрывке и умножаются на 1000). Этот расчет позволяет получить относительный показатель, который указывает, сколько раз в среднем единица определенной категории встречается на каждую тысячу слов текста. Нормализованные значения представлены в строке «частота».

Таблица 1

Относительные частоты морфологических классов эмотивной лексики в романах «Белый павлин», «Влюбленные женщины» и «Любовник леди Чаттерли»

Части речи	«Белый павлин»	«Влюбленные женщины»	«Любовник леди Чаттерли»
N	9,96	14,90	19,36
Adj	20,34	22,91	40,46
V	17,26	10,41	11,42
PtI	3,65	1,28	4,13
PtII	1,12	3,04	3,33
Ad	7,58	5,61	5,87
In	3,37	1,60	2,38
SD	12,21	15,38	20,15
Sm	1,12	0,64	0,95

Данные таблицы 1 отражают особенности изменения лирического стиля Лоуренса. В графическом виде они отражены на рисунке 1.

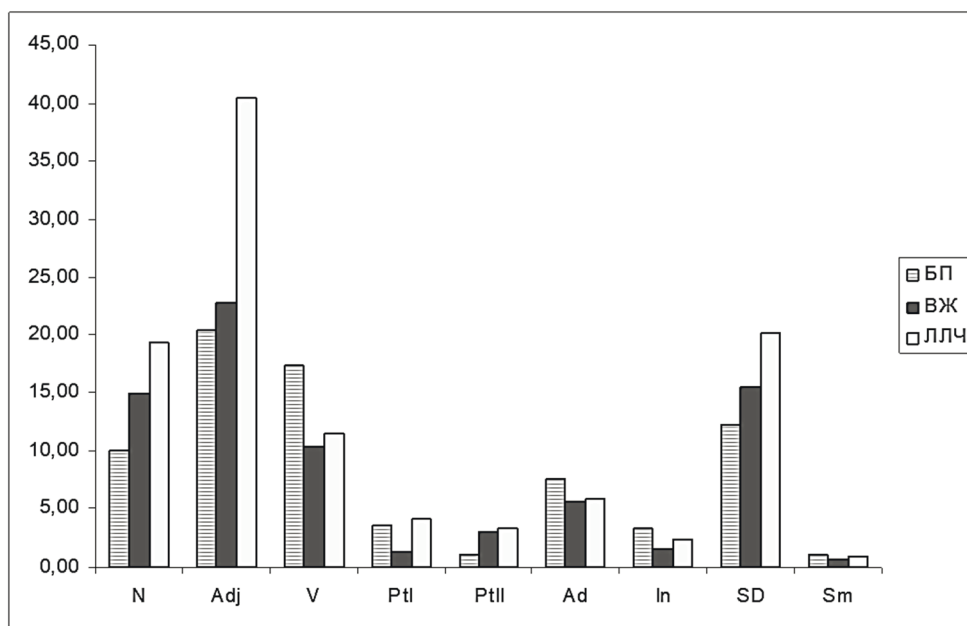

Рис. 1. Гистограмма распределения частей речи по трем романам

В романе «Белый павлин» наиболее частотными являются прилагательные (20,34) и глаголы (17,26). Использование большого количества прилагательных отвечает поэтике романа, где эмоции тесно переплетены с природой

и требуют богатой описательной палитры. Высокий показатель глаголов указывает на динамичное описание эмоциональных состояний и переживаний. Существительные используются менее интенсивно (9,96), что может свидетельствовать о том, что эмоции в большей степени проявляются через действия и описания, нежели называются прямо. Заметную роль играют стилистические средства (12,21), что говорит о лиризме и образности ранней прозы.

В послевоенном романе («Влюбленные женщины») картина существенно меняется. По-прежнему лидируют прилагательные (22,91), их частота незначительно выросла по сравнению с «Белым павлином». При этом частота глаголов (10,41) заметно снизилась, что свидетельствует о смене нарративной стратегии: от динамичного изображения чувств – к статичному их описанию. Также отметим, что возрастает роль существительных (14,90). Это может быть связано с тенденцией к объективации и концептуализации сложных, часто противоречивых чувств (таких, как душевный кризис, опустошенность, стагнация). Максимальную частоту демонстрируют стилистические средства (15,38), что подчеркивает сложность эмотивного фона, для передачи которого требуется насыщенность образных конструкций.

В «Любовнике леди Чаттерли» отмечается значительный рост частоты прилагательных (40,46) – показатель почти вдвое выше, чем в романах раннего и зрелого периода. Это свидетельствует о крайней степени насыщенности текста оценочными характеристиками, что напрямую связано с темой чувственности и телесности. Существительные (19,36) также демонстрируют высокую частоту, продолжая тенденцию к объективации эмоций. Отметим также, что показатель стилистических средств (20,15) в данном произведении выше, чем в других романах. Автор сосредоточился на исследовании глубинных переживаний, сложных и противоречивых чувств, для точной передачи которых требуется метафоричный язык.

Эмотивный портрет персонажей. В рамках настоящего исследования эмотивная лексика во всех трех романах была сгруппирована по следующим четырем основным тематическим группам: общая характеристика персонажа (Характеристика), описание окружающей среды (Окружающая среда), сфера любви (Любовь) и сфера брака (Брак). Последняя представлена только в «Влюбленных женщинах».

Данная классификация использовалась для анализа того, как репрезентируются ключевые герои. Анализ проводился следующим образом: все эмотивные средства были распределены по указанным выше тематическим блокам и затем соотнесены с действующими лицами. В «Белом павлине» это Сирил, Летти, Джордж, Лесли и Эмили, в «Влюбленных женщинах» – Урсула, Гудрун и Гермiona, в «Любовнике леди Чаттерли» – Клиффорд и Констанция. В результате для каждого персонажа в каждом романе была составлена частотная картина использования эмотивной лексики по четырем тематическим классам.

Полученные данные представлены в таблицах 2–4. В этих таблицах приводятся абсолютные частоты эмотивных единиц в каждом выделенном классе. Для каждого персонажа были рассчитаны суммарные показатели употребления эмотивных единиц по всем тематическим классам, преобразованные в относительные частоты (на 1000 слов). Так, для Сирила суммарный показатель эмотивных единиц трех тематических классов составляет 118 (14 + 88 + 16). При нормализации на объем анализируемого фрагмента (7128 слов) это составляет $118 / 7128 * 1000 = 16,55$, то есть примерно 16 эмотивных единиц на 1000 слов текста, связанных с данным персонажем. Аналогичным образом относительная частота лексики всего тематического класса «Любовь» для всех рассматриваемых персонажей в романе имеет частоту 165 (16 + 63 + 57 + 20 + 9) и, следовательно, при нормализации $(165 / 7128) * 1000 = 23,15$.

Таблица 2

**Распределение эмотивной лексики по тематическим классам
и персонажам в романе «Белый павлин»
(абсолютные и относительные частоты)**

Тема	Сирил	Летти	Джордж	Лесли	Эмили	Суммарная отн. частота по теме
Характеристика	14	48	77	29	35	28,57
Окружающая среда	88	0	0	0	0	12,35
Любовь	16	63	57	20	9	23,15
Суммарная отн. ча- стота по персонажу	16,55	15,57	18,80	6,87	6,17	

Таблица 3

**Распределение эмотивной лексики по тематическим классам
и персонажам в романе «Влюбленные женщины»
(абсолютные и относительные частоты)**

Тема	Урсула	Гудрун	Гермиона	Суммарная отн. частота по теме
Характеристика	19	26	27	11,53
Брак	22	34	0	8,97
Окружающая среда	12	72	0	13,46
Любовь	22	33	86	22,59
Суммарная отн. частота по персонажу	12,02	26,43	18,10	

Таблица 4

**Распределение эмотивной лексики по тематическим классам
и персонажам в романе «Любовник леди Чаттерли»
(абсолютные и относительные частоты)**

Тема	Клиффорд	Констанция	Суммарная отн. частота по теме
Характеристика	102	50	24,12
Окружающая среда	69	122	30,30
Любовь	54	117	27,13
Суммарная отн. частота по персонажу	36,70	45,86	

Как видно из таблиц, в «Белом павлине» тема Окружающая среда тесно связана с рассказчиком (Сирилом), что подчеркивает роль природы как эмоционального фона в передачи внутреннего состояния главного героя. В романе «Влюбленные женщины» данная тема прежде всего ассоциирована с Гудрун, для которой окружающая среда становится источником отчуждения. В «Любовнике леди Чаттерли» Окружающая среда достигает пика (30,3), но теперь среда не просто фон, а источник жизненной силы и естественности, которая противопоставляется разрушенному, «механическому» миру Клиффорда.

Как видно из данных, нормализованная частота лексики темы «Любовь» последовательно возрастает: от 23,1 в «Белом павлине» до 27,1 в «Любовнике леди Чаттерли». Это подтверждает тезис о движении к кульминации любовной темы в позднем творчестве. Во «Влюбленных женщинах» она становится самой частотной (22,6), но наполняется трагическим, деструктивным содержанием. Кроме того, тема «Брак» (8,97) появляется как самостоятельный и конфликтный концепт.

Анализируя класс «Характеристика», видим, что в «Белом павлине» наиболее эмотивно насыщена речь Джорджа (18,8), что может быть объяснено повышенным вниманием со стороны других персонажей: для Летти это новый объект любви, для Лесли – конкурент, а Эмили, его сестра, дает ему подробную характеристику, что обусловлено их родственными связями. В «Влюбленных женщинах» Гермiona (18,1) и Гудрун (через класс «Любовь») демонстрируют наиболее конфликтный эмотивный фон. В «Любовнике леди Чаттерли» Констанция (45,9) эмоционально доминирует над Клиффордом (36,8), визуализируя идейный конфликт между стремлением к жизни и отчужденностью.

Проведенный количественный анализ наглядно продемонстрировал эволюцию в использовании Д.Г. Лоуренсом эмотивной лексики. В раннем (довоенном) творчестве автор придерживался лирико-описательной модели. В произведении данного периода чувства, динамичное описание которых достигается через использование большего количества прилагательных и глаголов, опосредованы природой. В творчестве зрелого (послевоенного)

периода наблюдается конфликтно-кризисная модель, для которой характерны объективация эмоций и их деструктивный характер. Здесь заметно возрастает роль существительных и стилистических средств выразительности, которые помогают передать сложный внутренний мир персонажей. Однако в позднем периоде автор использует синтетическую чувственную модель, что проявляется в росте общего количества эмотивной лексики (особенно существительных и прилагательных).

Отметим тот факт, что частота использования существительных из романа к роману постепенно увеличивалась (9,96 – 14,90 – 19,36). На основе данных результатов можно сделать вывод о том, что автор переходит от метафорического описания эмоций (через прилагательные и средства выразительности) к прямой их номинации. Данная эволюция объясняется стремлением автора бросить вызов общественному табу на исследования телесности и чувственности.

Из исследования также видно, что частотность глаголов снизилась (17,26 – 10,41 – 11,42). Это свидетельствует о переходе от динамического описания эмоций к их статичному, углубленному анализу. Однако в романе позднего периода их количество незначительно увеличилось, так же как и частота использования причастий, тем самым указывая на синтез психологизма с процессуальным подходом к исследованию эмоциональной составляющей персонажей.

Кроме того, относительные частоты показывают смещение эмоциональных акцентов. Тема любви, присутствующая во всех романах, усиливается, достигая максимальной лексической насыщенности в итоговом романе «Любовник леди Чаттерли». Отметим, что тема окружающей среды также эволюционирует от романа к роману. Так, в «Белом павлине» она является фоном эмоционального состояния главного героя, в «Влюбленных женщинах» выступает источником отчуждения для определенных персонажей, а в «Любовнике леди Чаттерли» – некой силой, которая символизирует жажду жизни.

Таким образом, использование инструментария квантитативной лингвистики не только предоставляет четкую доказательную базу для традиционных литературоведческих наблюдений, но и открывает новые перспективы для глубокого и многомерного анализа художественного текста. Используя полученные данные, представляется возможным провести сопоставление с другими авторами этого же времени или других школ и направлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Аделева О.П. Атрибутивная структура лирического сборника Теда Хьюза «Ястреб под дождем» // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 4(68). С. 130–143.
- Андреев С.Н. Динамические модели стихотворного текста: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. 148 с.
- Андреев С.Н. Инерция слогового образа строки: проверка гипотезы Скиннера // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 3(59). С. 107–117.

Андреев С.Н. Мотивы Келлера как маркер стиля: сопоставительный анализ «оригинал – перевод» // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 2(66). С. 101–115.

Ежова Н.Ф. Способы языковой репрезентации эмоциональных концептов // Вестник ВГУ. 2003. № 2. С. 10–21.

Маслечкина С.В. Выражение эмоций в языке и речи // Вестник БГУ. 2015. № 3. С. 231–236.

Сушко А.А. Эмотивность как лингвистическая категория // Вестник магистратуры. 2022. № 5–3(128). С. 73–75.

Трыков В.П., Дудова Л.В., Михальская Н.П. Модернизм в зарубежной литературе: учебное пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов и учащихся старших классов школ гуманитарного профиля. М.: Флинта, 2001. 236 с. URL: <https://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/dudova-mihalskaya-trykov-modernizm/gerbert-lourens-raduga-chuvstv.htm> (дата обращения: 01.11.2025).

Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 382 с.

Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие. СПб.: Книжный Дом, 2007. 448 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–43.

Foolen A., Ulrike M. Lüdtke, Timothy P. Racine. Moving Ourselves, Moving Others, Motion and emotion in intersubjectivity, consciousness and language. John Benjamins Publishing Company, 2012. 493 p.

Housh G. The dark sun: A study of D. H. Lawrence. London: G. Duckworth & co., 1956. 265 p.

Lawrence D.H. Studies in Classic American Literature. New York: Thomas Seltzer, 1923. 297 p.

E.V. Luchkina

Assistant,

Chair of English,

Smolensk State University

Smolensk, Russia

The Category of Emotivity in D.G. Lawrence's Novels: a Comparative Aspect

The study of linguistic means of representing emotions in a literary text is one of the central tasks of philology. The creative legacy of David Herbert Lawrence (1885–1930), one of the most prominent and controversial modernist writers, provides unique material for such a study. His novels, imbued with psychological experiences and exploration of the deep layers of the human psyche, require a detailed analysis of the linguistic palette with which D.G. Lawrence writes the emotional worlds of his characters. The purpose of this study is to conduct a comparative quantitative analysis of emotive vocabulary in three novels by D.G. Lawrence, created in different periods of his work: «The White Peacock» (1911), «Women in Love» (1920) and «Lady Chatterley's Lover» (1928). The choice of these works allows us to trace the dynamics of the evolution of his style

and the transformation of the system of artistic means used to verbalize emotions. This study showed how the writer's idiosyncrasy changed from a lyrical and descriptive model at the beginning of the journey, through a conflict-crisis model of the mature period, to a synthetic sensual model in later work. In addition, in all three works, the dominant positions of adjectives and stylistic means are preserved, which indicates the author's commitment to evaluative description and imagery. Quantitative analysis also revealed a tendency towards direct nomination of emotions. Thus, the dynamics of the increase in the frequency of the use of nouns is proof of the transition from the implicit to the explicit depiction of feelings, their uncompromising "exposure", which is due to the author's desire to challenge social taboos.

Keywords: D.G. Lawrence; emotivity; emotive vocabulary; quantitative approach; comparative analysis; «The White Peacock»; «Women in love»; «Lady Chatterley's Lover»; emotions.

REFERENCES

- Adeleva O.P. Attributive structure of Ted Hughes' lyrical collection «Hawk in the Rain» [Atributivnaya struktura liricheskogo sbornika Teda H'yuzha «Yastreb pod dozhdem»]. *Issues of Smolensk State University*, 2024. No. 4(68). Pp. 130–143 (in Russian).
- Andreev S.N. Dynamic models of the poetic text: a monograph [Dinamicheskie modeli stihotvornogo teksta: monografiya]. Smolensk: SmolGU Publishing House, 2015. 148 p. (in Russian).
- Andreev S.N. Inertia of the syllabic image of a string: a test of Skinner's hypothesis [Inerciya slogovogo obraza stroki: proverka gipotezy Skinera]. *Issues of Smolensk State University*, 2022. No. 3(59). Pp. 107–117 (in Russian).
- Andreev S.N. Keller's motifs as a style marker: comparative analysis of the «original – translation» [Motivy Kyollera kak marker stilya: sopostavitel'nyj analiz «original – perevod»]. *Issues of Smolensk State University*, 2024. No. 2(66). Pp. 101–115 (in Russian).
- Filimonova O.E. The category of emotivity in the English text (cognitive and communicative aspects) [Kategoriya emotivnosti v anglijskom tekste (kognitivnyj i kommunikativnyj aspekty)]. *Dissertation ... Doctor of Philology*. Saint-Petersburg, 2001. 382 p. (in Russian).
- Filimonova O.E. The emotionology of the text. Analysis of the representation of emotions in the English text: a textbook [Emociologiya teksta. Analiz reprezentacii emocij v anglijskom tekste: uchebnoe posobie]. Saint-Petersburg: LLC «Book House», 2007. 448 p. (in Russian).
- Foolen A., Ulrike M. Lüdtkke, Timothy P. Racine. Moving Ourselves, Moving Others, Motion and emotion in intersubjectivity, consciousness and language. *John Benjamins Publishing Company*, 2012. 493 p. (in English).
- Housh G. The dark sun: A study of D.H. Lawrence. London: G. Duckworth & co., 1956. 265 p. (in English).
- Lawrence D.H. Studies in Classic American Literature. New York: Thomas Seltzer, 1923. 297 p. (in English).
- Maslechkina S.V. Expression of emotions in language and speech [Vyrazhenie emocij v yazyke i rechi]. *Bulletin of BSU*, 2015. No. 3. Pp. 231–236 (in Russian).
- Shakhovskiy V.I. Emotions as an object of research in linguistics [Emocii kak ob"ekt issledovaniya v lingvistike]. *Questions of psycholinguistics*, 2009. No. 9. Pp. 29–43 (in Russian).
- Shakhovskiy V.I. Linguistic theory of emotions: a monograph [Lingvisticheskaya teoriya emocij: monografiya]. Moscow: Gnosis, 2008. 416 p. (in Russian).

Sushko A.A. Emotivity as a linguistic category [Emotivnost' kak lingvisticheskaya kategoriya]. *Bulletin of the Magistracy*, 2022. No. 5–3(128). Pp. 73–75 (in Russian).

Trykov V.P., Dudova L.V., Mikhalskaya N.P. Modernism in foreign literature. A textbook for students, postgraduates, teachers of philology and high school students of humanitarian schools [Modernizm v zarubezhnoy literature. Uchebnoe posobie dlya studentov, aspirantov, преподавателей-filologov i uchashchihsya starshih klassov shkol gumanitarnogo profilya]. Moscow: Flint, 2001. 236 p. Available at: <https://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/dudova-mihalskaya-trykov-modernizm/gerbert-lourens-raduga-chuvstv.htm> (accessed on November 1, 2025) (in Russian).

Yezhova N.F. Methods of linguistic representation of emotional concepts [Sposoby yazykovoy reprezentatsii emocional'nyh konceptov]. *Bulletin of VSU*, 2003. No. 2. Pp. 10–21 (in Russian).

Д.В. Чихачева

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

УДК 811'38

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-153-163

«ДРАГОЦЕННЫЕ» МЕТАФОРЫ УОЛЛЕСА СТИВЕНСА: СТИЛЕМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: концептуальная метафора; метафорическая система; динамика стиля; стихотворный текст; Уоллес Стивенс.

Предметом изучения в статье является концепт Драгоценность в метафорической системе творчества Уоллеса Стивенса, рассмотренный на материале лирики поэта, изданной при жизни автора. Цель анализа состоит в выявлении особенностей функционирования и эволюции концепта Драгоценность на протяжении всех периодов Стивенса. Количественный анализ частотности изучаемого концепта в функции цели / источника в метафорическом переносе позволил установить его место и роль в концептосфере поэта. Драгоценность рассматривается Стивенсом не как осмысляемое явление, а как средство метафорического познания и выступает в качестве донора свойств на всех этапах развития стиля поэта. Анализ сочетаемости демонстрирует, что в концептосфере поэта в качестве драгоценных объектов наиболее часто предстают Свет и Существо. В первом случае Драгоценность участвует в создании одной из системообразующих тенденций в стиле Стивенса – демонстрации дуализма мира на различных языковых уровнях. Дуализм бытия и его восприятия отражается, словно в осколке зеркала, в двойственном восприятии поэтом света. С одной стороны, Свет – это застывшая красота (модель Свет – Драгоценность), с другой – Свет предстает как активный, деятельный объект (модель Свет – Существо).

Данное исследование посвящено изучению стиля известного американского поэта, лауреата Пулитцеровской премии Уоллеса Стивенса (1879–1955). Преуспевающий юрист, он вошел в американскую историю как один из наиболее выдающихся поэтов XX века. Свой творческий путь Стивенс начал в достаточное зрелом возрасте, его первый сборник стихотворений *Harmonium* вышел в 1923 году и сразу же привлек внимание критиков. После продолжительного перерыва поэт выпустил сборники «*Ideas of Order*» (1936), «*The Man with a Blue Guitar*» (1937), «*Parts of a World*» (1942) и «*Transport to Summer*» (1947), которые составили второй период творчества поэта. Наконец, заключительный период творчества поэта включил в себя сборники «*The Auroras of Autumn*» (1950) и «*The Rock*» (1954) [Holander, 2008; Bevis, 1969].

В настоящее время в критике Стивенса выделяются целых пять основных школ [Leonard, Wharton, 1988, 10–30], которые рассматривают творчество поэта в рамках различных философских теорий. На протяжении многих лет существует Общество Уоллеса Стивенса (*Wallace Stevens Society*), которое активно популяризирует его творчество, организует ежегодные международные конференции. Несмотря на значительное внимание к поэзии Стивенса, основной фокус исследований находится преимущественно в области его философских и эстетических идей, отраженных в творчестве [Vendler, 1969; Ragg, 2010; Holander, 2008; Critchley, 1996], в то время как стиль поэта не получил сколько-нибудь систематического рассмотрения.

В фокусе данного исследования находится такая яркая черта авторского стиля, как концептуальная метафора, и в частности концепт Драгоценность, с помощью которого поэт создавал яркие, в высшей степени индивидуальные и запоминающиеся образы.

Материалом настоящего исследования стала вся лирика, опубликованная автором при его жизни. Лирика как жанр дает поэту наибольшую свободу художественного и идейного выражения; практически 100% творческого наследия Стивенса представляют собой лирические стихотворения. Общий корпус текстов, подвергнутых анализу, составляет более 5000 строк, в которых обнаружено свыше 1500 реализаций концептуальной метафоры.

Привлечение объемного материала, с одной стороны, позволяет дать полное описание исследуемого явления, а с другой – предъявляет дополнительные требования к анализу. Тенденции, распределенные в тысячах строк и образов, невозможно охватить глазом. Здесь необходимо привлечение количественных методов анализа, зарекомендовавших себя в стилиметрических исследованиях, привлекавших не только формальные, но и содержательные характеристики, интерпретируемые в филологической парадигме [Андреев, 2019; Andreev, Popescu, Altmann, 2017].

В данном исследовании метафора рассматривается с точки зрения традиционного понимания метафоры как двухкомпонентного явления [Кассирер,

1990; Ортега-и-Гассет, 1990; Lakoff, Johnson, 1980]. Согласно данному представлению концептуальная метафора представляет собой перенос свойств от концепта-источника к концепту-цели, которые при этом не являются тождественными. Описываемый метафорический перенос осуществляется посредством различных стилистических приемов (например, эпитетов, метафоры, сравнения, метонимии), а текстовый фрагмент, реализующий этот перенос, является образом. Подобный подход позволяет вести количественный учет реализаций концептов в различных функциях (цель / источник). Его применение уже позволило получить ценные результаты на материале русского и английского языков [Андреев, 2011; 2023; Павлова, 2005; Павлович, 1995; Николаева, 2018; Попова, 2017; Andreev, 2025].

Онтология единиц концептосферы, применяемая в данном исследовании, была сформирована эмпирическим путем, ее основой послужил анализ обширных корпусов художественных, в том числе стихотворных, текстов [Павлович, 1995; Андреев, 2011; Andreev, 2025]. Также важно отметить, что она опирается на наблюдаемые закономерности сочетаемости образных компонентов, а не на традиционные энциклопедические или формально-логические классификации. В ее структуре представлены концепты разного порядка обобщения. Например, концепт Пространство включает в себя природные (небесные, земные) и рукотворные объекты (постройки и их части). Мегаконцепт Существо сочетает как антропоморфные, так и зооморфные черты. Это связано с тем, что в поэтической метафоре часто стирается граница между человеком, животным, призрачным персонажем или абстрактным «присутствием»: лирический объект описывается через признаки обобщенного живого (движение, дыхание, тень, голос, след). Подобная нейтрализация дифференциальных признаков и приоритет интегральных черт позволяет говорить о наличии в общественном и авторском сознании универсального образа живого существа вообще.

Тенденция к обобщению прослеживается и в других случаях. Например, концепт Звук может выражаться не только через названия акустических явлений (шепот, гул, эхо), но и через его восприятие (тишина, слух, звон в ушах). Концепт Психическая сфера реализуется лексикой, обозначающей виды чувств, эмоций, когнитивных процессов; Еда – наименованиями не только блюд, но и напитков. Такая особенность структуры характерна для поэтического дискурса, принадлежащего разным языкам и традициям [Андреев, 2011, 2023; Николаева, 2019; Попова, 2017; Andreev, 2025], что указывает на наличие в творческом сознании авторов целостных, но семантически расширенных когнитивных моделей, отличающихся от бытовой или научной классификации.

В данном исследовании мы рассматриваем концептуальные метафоры, которые строятся по моделям, включающим концепт Драгоценность

(например, Свет – Драгоценность, Существо – Драгоценность). В результате становится возможным классифицировать и структурировать многообразие метафор, обнаруженных в тексте, и затем объективно оценить, каким автор видит интересующий нас концепт, установить его роль в метафорическом переносе (выступает ли Драгоценность в качестве цели метафоризации или источника свойств для творческой интерпретации действительности), а также анализировать паттерны сочетаемости с другими элементами концептосферы. Данный подход позволяет проследить эволюцию частотности концепта в общей концептосфере: его роль, функцию, особенности реализации.

Концепт Драгоценность является одним из наиболее частотных и устойчиво используемых автором концептов. Стивенс активно использует его в раннем творчестве, где Драгоценность входит в десятку наиболее частотных концептов-источников, реализуясь наиболее часто как драгоценные камни, на первом месте – лексема *emerald* (изумруд). В первом периоде Драгоценность выступает в качестве и концепта-цели, и концепта-источника, однако как цель метафоризации Драгоценность представлена лишь в единичных образах. Интересно, что в этих редких случаях данный концепт употребляется в негативном контексте, демонстрирующем тщету и недолговечность драгоценностей: *How soon the silver fades in the dust! (The Silver Plough-Boy); No crown is simpler than the simple hair (To the One of Fictive Music)*.

Систематически же данный концепт используется, как указывалось выше, в функции источника в метафорической проекции. В этих случаях Драгоценность выступает в своей обычной ипостаси, символизируя ценности и красоту. Наиболее частой моделью с его участием является Свет – Драгоценность. Концепт-цель Свет реализуется лексемами, обозначающими ночной свет (свет звезд и созвездий). В данной модели Свет преобразуется и становится неодушевленным объектом, который, подобно драгоценным камням, наделяется символической и эстетической ценностью, не связанной с его физической природой. Неяркий свет далеких звезд приобретает дополнительное материальное измерение и значимость, выступает в роли одного из ведущих символов красоты. Так, в своем стихотворении «*Homunculus et La Belle Etoile*» Стивенс описывает свет звезды как благо, которое необходимо людям, наиболее остро чувствующим и переживающим, сравнивая его с изумрудом (*emerald*):

In the sea, Biscayne, there prinks
The young emerald, evening star,
Good light for drunkards, poets, widows,
And ladies soon to be married.
(*Homunculus et La Belle Etoile*)

В этом же произведении благодать и важность света передается посредством концептуальной метафоры, где перенос свойств осуществляется от Драгоценности (*emerald*) к Свету звезды (*star*). Свет в глазах поэта

приобретает витальную функцию, он управляет не только ходом окружающего природного мира (By this light the salty fishes / Arch in the sea like tree-branches), но даже мыслями и чувствами людей, которые способны воспринять свет звезды, которые чувствуют его наиболее ярко и остро: This light conducts / The thoughts of drunkards, the feelings / Of widows and trembling ladies. Стивенс подчеркивает, что свет звезды, словно изумруд, завораживает даже философов: How pleasant an existence it is / That this emerald charms philosophers. Стивенс завершает свое стихотворение строками о том, что свет становится спасением для тех, кто знает «истинного Платона»:

It is a good light, then, for those
That know the ultimate Plato,
Tranquillizing with this jewel
The torments of confusion.

(Homunculus et La Belle Etoile)

Критики отмечали роль концепта в творчестве Стивенса. Так, «драгоценный» свет интерпретировался как символ воображения, которое обогащает мысль и отвлекает людей, изучающих жизнь, делая их мысли более совершенными и приводя к ответам, которые ищут эти мыслители [Silverstein, 1995, 41]. Количественный анализ позволяет существенно дополнить и уточнить данные наблюдения. Драгоценность воспринимается Стивенсом не как загадочное, но как понятное явление (источник свойств в концептуальной метафоре) с позитивными коннотациями. Учитывая, что Свет является одним из самых распространенных элементов концептосферы Стивенса, наполняется разными смыслами и появляется в самых различных контекстах, можно сделать вывод, что не сам по себе Свет, а «драгоценный Свет» становится ответом на поиски философов.

Кроме того, Драгоценность выступает в качестве донора свойств и в модели Существо – Драгоценность. Здесь перенос свойств чаще всего происходит от драгоценностей к женским фигурам, что является частым явлением в литературе и отражает традиционную литературную ассоциацию женщины с идеализированной, но статичной красотой. Стивенс использует это сопоставление, чтобы подчеркнуть великолепие женской внешности, сравнивая ее с неподвижными драгоценностями, способными запечатлеть и сохранить совершенство мимолетного момента. Например, в данном отрывке автор описывает «золотую обнаженную» (goldener nude) более позднего дня, использует образ, который, хотя и динамичен (Will go, like the centre of sea-green rompr), является отсылкой к «застывшей» красоте, которую олицетворяет золото. Слово «goldener» (золотая) демонстрирует ассоциацию тела с драгоценным металлом (происходит перенос свойств от концепта-источника Драгоценность к концепту-цели Существо), который традиционно символизирует вечность, богатство и неизменность. Таким образом, Стивенс создает контраст между мимолетным движением (will go) и

идеализированной, почти скульптурной формой, которая, подобно драгоценности, стремится зафиксировать и увековечить совершенство женского образа, придавая ему вневременное качество.

Как отмечается, в данном стихотворении поэт обращается к мифу о рождении Венеры, изображенном на картине Боттичелли [Guerrero-Strachan, 2012, 454; Bloom, 1977; Ragg, 2010, 70–72]. Однако в данном случае образ Венеры высмеивается и противопоставляется загадочной *golden nude of a later day*. С помощью метафорического переноса *golden nude* Стивенс создает антитезу, где американская Венера со временем приобретает мифологическую наполненность благодаря новому американскому искусству [Vendler, 1984, 82].

Not as when the goldener nude
Of a later day
Will go, like the centre of sea-green pomp.
(The Paltry Nude Starts on a Spring Voyage)

Таким образом, концепт Драгоценность в текстах Стивенса приобретает новые смыслы. Он выступает не как синоним земного богатства, а как красота высшего порядка, овеществленная мудрость и гармония.

Во втором периоде концептуальная сочетаемость концепта Драгоценность меняется. Ранг частотности Драгоценности незначительно смещается с восьмого на девятое место. Примечательно, что оппозиция модели Свет – Драгоценность и Свет – Существо исчезает. Свет – Драгоценность практически полностью нивелируется, уступая место модели Свет – Существо. Драгоценность также выступает преимущественно в качестве концепта-источника, при этом наиболее частотной моделью является Существо – Драгоценность. Во втором периоде «застывшая красота» проявляется уже не в виде света, а в виде различных существ. Стивенс видит «драгоценное» не только в людях, но и в животных. Например, в стихотворении «The Candle a Saint» поэт описывает ночь, в которой появляются фигуры топазного кролика (*topaz rabbit*) и изумрудной кошки (*emerald cat*). Как отмечают исследователи, Стивенс часто использовал драгоценности для описания цвета, например, называл красный цвет рубиновым, а зеленый – изумрудным [Beard, 1984, 14]. В этом прослеживается схожесть его идеи с идеей известного американского художника Хофманна, который считал, что в чистой живописи «мы всегда имеем дело с искусственным цветом, в том смысле, что драгоценные камни создают цвет <...> и они сохраняют свою цветовую идентичность при любом изменении условий освещения» [Hofmann, 1957, 48]. Таким образом, Стивенс при описании ночи в своем стихотворении «The Candle a Saint» использует модели Существо – Драгоценность, доводя пейзаж до совершенства. С помощью данных моделей поэт передает истинные краски ночи, которые могут потускнеть, будучи просто цветами.

Люди во втором периоде Стивенса также наделяются чертами драгоценных камней. Например, в стихотворении «Certain Phenomena of Sound»

поэт создает женский портрет Евлалии. Она описывается Стивенсом как «излучающая золото». В данном случае модель Существо – Драгоценность позволяет передать яркость света героини и ее красоту:

Gold-shined by sun, perceiving as I saw
That of that light Eulalia was the name.
(Certain Phenomena of Sound)

Благодаря сочетанию Драгоценности с другими концептами поэт способен запечатлеть красоту цвета не только предметов, но и живых существ.

В третьем периоде концепт Драгоценность выходит из числа частотных, однако продолжает порождать яркие и необычные образы. Появляясь исключительно в функции источника, данный концепт становится донором свойств в метафорическом переосмыслении абстракций ментальной сферы.

Например, в стихотворении «A Golden Woman In A Silver Mirror» Стивенс подчеркивает нематериальность идей и образов (the images, disembodied, are not broken), одновременно наделяя их атрибутами драгоценных камней: Sound-soothing pearl and omni-diamond. Поэт создает образы архетипически совершенных идей, которые становятся высшей ценностью, неподвластной разрушению. Даже слово «да», минимальный квант информации, может стать ценностью: An ember yes among its cindery noes (St. Armorer's Church from the Outside). В других случаях Стивенс обращается к идее женственности, репрезентируя ее в форме «драгоценных» воплощений, словно спустившихся с неба: The pearly women that drop / From heaven and float in air... (Study of Images II).

Драгоценность продолжает быть средством познания и одновременно идеализации и монументализации нематериального мира мыслей и образов. Сравнение с концептом Драгоценность становится высочайшей оценкой, которую поэт дает какому-либо явлению, своего рода высшей пробой на островке красоты в неидеальном вещном мире. Если молодой автор был очарован миром и щедр на перенос свойств Драгоценности, то с течением времени Стивенс видит «драгоценное» вокруг все реже.

Можно заключить, что проведенный количественный анализ концепта Драгоценность в метафоре Стивенса позволил выявить не отмеченные ранее тенденции и особенности его функционирования и сочетаемости, значительно уточнить и дополнить имеющиеся наблюдения. Драгоценность в концептосфере поэта имеет гносеологический статус познанного, априори известного и функционирует в подавляющем большинстве случаев как источник метафорических атрибутов, наделяя ими другие объекты и явления. Кроме того, Драгоценность часто является частью бинарных оппозиций, наиболее значимыми из которых становятся Свет – Драгоценность и Свет – Существо. Примечательно, что наиболее частыми объектами, наделяемыми

атрибутами драгоценности, в поэзии Стивенса являются именно Свет и Существо – центральные и системообразующие концепты в мировоззренческой и эстетической системе поэта. Если в первом периоде роль Драгоценности заключалась в запечатлении красоты, то во втором периоде данный концепт приобрел новые смыслы: он стал ключевым инструментом для создания «поэтических картин» Стивенса. Третий период показывает Драгоценность как средство познания ментальных процессов: поэт видит «драгоценное» не в окружающем мире, его взор обращается внутрь человека, его переживаний и мыслей. Таким образом, в индивидуально-авторском стиле Стивенса Драгоценность является одновременно важным аксиологическим маркером и самостоятельным средством конструирования концептосферы. Роль концепта меняется и усложняется вместе с эволюцией авторского видения мира: от отражения материальной красоты к раскрытию красоты внутреннего мира человека, от экстенсивного использования к интенсивному, к точечному созданию ярких образов, маркирующих отход от традиционного видения классических сюжетов и выражение собственных философско-эстетических представлений поэта.

Ближайшими перспективами исследования могут стать корреляционный анализ, позволяющий дать статистическую оценку сочетаемости элементов концептосферы в метафорических моделях, и сопоставление стиля Стивенса со стилями других поэтов на основе данных о частотности концептов в метафорической системе.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев В.С. Эволюция индивидуального стиля Г.У. Лонгфелло и Э.А. По: образная система и репрезентация пространства: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2011. 122 с.
- Андреев В.С. Квантитативный анализ стиля: распределение частотности морфологических классов слов в текстах Г. Лонгфелло // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4(48). С. 166–174.
- Андреев В.С. Эволюция образной системы Владимира Набокова: квантитативный анализ // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 1. С. 11–20.
- Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, 2001. 480 с.
- Кассирер, Э. Сила метафоры // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 34–43.
- Николаева Т.В. Эволюция индивидуального стиля (на материале метафорической системы Роберта Браунинга) // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2(42). С. 190–205.
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
- Павлова Л.В. Вопросы поэтики Вячеслава Иванова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2005. 47 с.
- Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Азбуковник, 2004. 527 с.
- Попова В.В. Доминанты концептосферы в ранней лирике Роберта Саути // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 1(37). С. 44–51.

- Andreev V.S. The Evolution of Nabokov's Poetic Style: a Stylochronometric Analysis of Attributive Patterns // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2025. № 11(3). P. 45–62.
- Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Skinner's hypothesis applied to Russian adnominals // Glottometrics. 2017. Vol. 36. P. 32–69.
- Beard D.K. A Modern «Ut Pictura Poesis»: The Legacy of Fauve Color and the Poetry of Wallace Stevens // The Wallace Stevens Journal. 1984. Vol. 8, №. 1. P. 3–17.
- Bevis W.W. The Poetry of «Harmonium»: The Development of Wallace Stevens, 1915–1923: diss. ... PhD. Berkeley: University of California, 1969. P. 50.
- Bloom H. The Poems of Our Climate. Ithaca: Cornell University Press, 1977. 410 p.
- Critchley S. The Philosophical Significance of a Poem (On Wallace Stevens) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1996. Vol. 96. P. 269–291.
- Guerrero-Strachan S.R. Wallace Stevens and Antonio Colinas: poetic recreation of a pictorial image and Botticelli's 'The Birth of Venus' // Ars longa: cuadernos de arte. 2012. № 21. P. 451–462.
- Hofmann H. The color problem in pure painting: Its creative origin. Berkeley, 1957. P. 48–56.
- Holander S. Wallace Stevens and the Realities of Poetic Language. London: Routledge, 2008. 248 p.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
- Leonard J.S., & Wharton C.E. The Fluent Mundo: Wallace Stevens and the Structure of Reality. Georgia: University of Georgia Press, 1988. 232 p.
- Ragg E. Wallace Stevens and the Aesthetics of Abstraction. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 251 p.
- Silverstein N. 40. Stevens' Homunculus et la Belle Étoile // The Explicator. 1955. Vol. 13, № 7. P. 97–99.
- Vendler H. On Extended Wings: Wallace Stevens's Longer Poems. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 334 p.
- Vendler H. Words Chosen Out Of Desire. Knoxville: University of Tennessee Press. 1984. 86 p.

D.V. Chikhacheva

*Postgraduate student, Assistant,
School of Foreign Languages,
National Research University «Higher School of Economics»
Moscow, Russia*

Wallace Stevens' «Precious» Metaphors: A Stylometric Analysis

The subject of this article is the concept of «Jewel» in the metaphorical system of Wallace Stevens' works, which is analyzed based on the poet's lyrics published during his lifetime. The aim of the analysis is to identify the characteristics of the functioning and evolution of the concept throughout all periods of Stevens' poetry. A quantitative analysis of the frequency of this concept in the source/target function in metaphorical transfer allowed us to establish its position and role in Stevens' conceptual sphere. Stevens Jewel is considered by Stevens not as a conceptualized phenomenon, but rather as a cross-section of metaphorical cognition and acts as a donor of properties at all stages of the poet's style development. Analysis of compatibility shows that in Stevens' conceptual sphere,

Light and Creature are often represented as precious objects. In the first case, the Jewel participates in the creation of one of the system-forming trends in Stevens' style - the demonstration of the duality of the world at various linguistic levels. This duality of being and perception is reflected, like in a fragment of a mirror, in the poet's dual perception of light. On the one hand, Light is a frozen beauty (the Light–Jewel model), while on the other hand, Light appears as an active, dynamic object (the Light–Creature model).

Keywords: *conceptual metaphor; metaphoric system; style dynamics; poetic text; Wallace Stevens.*

REFERENCES

- Andreev V.S. The evolution of the individual style of G.W. Longfellow and E.A. Poe: an imaginative system and representation of space [Evolutsiia individual'nogo stilia G.U. Longfello i E.A. Po: obraznaia sistema i reprezentatsiia prostranstva]. Smolensk: SmolGU, 2011. 122 p. (in Russian).
- Andreev V.S. Quantitative analysis of style: frequency distribution of morphological classes of words in G. Longfellow's texts [Kvantitativnyi analiz stilia: raspredelenie chastotnosti morfologicheskikh klassov slov v tekstakh G. Longfello]. *Issues of Smolensk State University*, 2019. No. 4 (48). Pp. 166–174 (in Russian).
- Andreyev V.S. The evolution of Vladimir Nabokov's figurative system: a quantitative analysis [Evolutsiia obraznoy sistemy Vladimira Nabokova: kvantitativnyy analiz]. *Terra Linguistica*, 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 11–20 (in Russian).
- Andreev V.S. The Evolution of Nabokov's Poetic Style: a Stylochronometric Analysis of Attributive Patterns. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2025. No. 11 (3). Pp. 45–62 (in English).
- Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Skinner's hypothesis applied to Russian adnominals. *Glottometrics*, 2017. Vol. 36. Pp. 32–69 (in English).
- Beard D.K. A Modern «Ut Pictura Poesis»: The Legacy of Fauve Color and the Poetry of Wallace Stevens. *The Wallace Stevens Journal*. 1984. Vol. 8. No. 1. Pp. 3–17 (in English).
- Bevis W.W. The Poetry of 'Harmonium': The Development of Wallace Stevens, 1915–1923. Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, 1969 (in English).
- Bloom H. The Poems of Our Climate. Ithaca: Cornell University Press, 1977. 410 p. (in English).
- Critchley S. The Philosophical Significance of a Poem (On Wallace Stevens). *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 96. Pp. 269–291 (in English).
- Gasparov M.L. On Russian poetry: Analyses. Interpretations. Specifications. [O russkoi poezii: Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2001. 480 p. (in Russian).
- Guerrero-Strachan S.R. Wallace Stevens and Antonio Colinas: poetic recreation of a pictorial image and Botticelli's 'The Birth of Venus'. *Ars longa: cuadernos de arte*. 2012. No. 21. Pp. 451–462 (in English).
- Hofmann H. The color problem in pure painting: Its creative origin. Berkeley, 1957. Pp. 48–56 (in English).
- Holander S. Wallace Stevens and the Realities of Poetic Language. London: Routledge, 2008. 248 p. (in English).
- Kassirer, E. The power of metaphor // Theory of metaphor [Sila metafor // Teoriia metafor]. Collection of works translated from English, French, German, Spanish, Polish. Compiled and edited by Arutyunova N.D. Moscow: Progress, 1990. Pp. 34–43 (in Russian).
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p. (in English).

Leonard J. S., & Wharton, C. E. *The Fluent Mundo: Wallace Stevens and the Structure of Reality*. Georgia: University of Georgia Press, 1988. 232 p. (in English).

Nikolaeva T.V. The evolution of individual style (based on the metaphorical system of Robert Browning) [Evolutsiia individual'nogo stilia (na materiale metaforicheskoi sistemy Roberta Brauninga)]. *Issues of Smolensk State University*, 2018. No. 2 (42). Pp. 190–205 (in Russian).

Ortega-i-Gasset, Kh. Two great metaphors [Dve velikie metafori]. *Theory of metaphor*. Moscow: Progress, 1990. Pp. 68–81 (in Russian).

Pavlova L. V. Issues of Vyacheslav Ivanov's poetics [Voprosy poetiki Vyacheslava Ivanova]. *Dissertation ... Doctor of Philology*. Smolensk, 2005. P.47. (in Russian)

Pavlovich N.V. The language of images: paradigms of images in the Russian poetic language [Iazyk obrazov: paradigmny obrazov v russkom poeticheskom iazyke]. Moscow: Azbukovnik, 2004. (in Russian).

Popova V.V. The dominants of the conceptual sphere in Robert Southey's early lyrics [Dominanty kontsektosfery v rannei lirike Roberta Sauti]. *Issues of Smolensk State University*, 2017. No. 1 (37). Pp. 44–51 (in Russian).

Ragg E. *Wallace Stevens and the Aesthetics of Abstraction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 251p. (in English).

Silverstein N. 40. Stevens' Homunculus et la Belle Étoile. *The Explicator*. 1955. Vol. 13. No. 7. Pp. 97–99 (in French).

Vendler H. *On Extended Wings: Wallace Stevens's Longer Poems*. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 334 p. (in English).

Vendler H. *Words Chosen Out Of Desire*. Knoxville: University of Tennessee Press. 1984. 86p. (in English).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94(100)

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-164-177

ВОЙНА И МИР В СОЧИНЕНИЯХ ВОЛЬТЕРА

Ключевые слова: *Вольтер; война; мир; Просвещение; гуманизм; скептицизм.*

Франсуа-Мари Вольтера часто называют «философом-пацифистом», что не совсем точно. Автор статьи представила всесторонний анализ мнения Вольтера о войнах своей эпохи и о войне и мире в целом на основе его произведений. Вольтер не верил в создание прочного мира, поскольку сомневался в системе коллективной безопасности, которая не давала арбитражному органу никаких действенных полномочий против нарушений статус-кво. В вопросе о войне Вольтер во многом являлся человеком своего времени, связывая войны с династическими или догматическими спорами, а не с коллективными политическими желаниями. Анализ событий приводил его к скептицизму относительно постепенного улучшения ситуации. Чтобы искоренить войну, полагал философ, нужны трагические чувства жалости и страха в сочетании с полным уничтожением разделяющих людей религиозных барьеров. Оптимизм Вольтера основывался на относительной гуманности в ведении современных ему войн. Он закрывал глаза на рост националистических настроений, которые приведут к новой интенсивности войн в XIX–XX веках. Философ являлся космополитом: патриотизм для него означал чувство непринужденности в среде, где находится его собственность. Тем не менее во французских сочинениях XVIII века нет более сильного и всеобъемлющего обвинительного приговора ужасам войны, чем у Вольтера. Никто в его время не сделал большего для ее демистификации, для того, чтобы лишить харизмы героизм, военные упражнения и искусство убивать в бою. Война, по его мнению, была «бичом небес» и одновременно великой загадкой, поскольку она противоречила человеческой природе, но при этом была так же стара, как и сам человек. Несмотря на противоречивость своих высказываний, Вольтер занимает почетное место среди тех, кто активно пытался решить проблему войны и мира, актуальную и по сей день.

Тезис о том, что международные отношения раннего Нового времени характеризовались прежде всего ведением войны, нередко встречается в историографии. По мнению ряда исследователей, государственное строительство и конкуренция в условиях формирования международной системы государств генерировали вооруженные конфликты, которые стимулировали развитие дипломатии, военного дела и производство оружия [Duchhardt, 2003; Schilling, 1998]. В последние десятилетия при изучении международных отношений Вестфальской системы представители «новой дипломатической истории» акцентируют внимание на процедуре переговоров, международно-правовых и культурных аспектах [Duchhardt, 2003, 67; Caporaso, 2000, 1–28; Externbrink, 2003, 227–248].

Вместе с тем военный фактор, влияющий на ход истории раннего Нового времени, был столь отчетливо выражен, что современники обращали на него пристальное внимание. На протяжении второй половины XVII – XVIII века войны являлись почти повседневной реальностью. Суверены вели войны в Европе и колониях, преследовали захватнические и оборонительные цели, защищали свои торговые привилегии и конфессиональные интересы. В военных конфликтах Вестфальской системы складывались этнические стереотипы противника: англичан, французов, немцев, поляков, русских и т.д. Многие из этих стереотипов имеют хождение и сегодня [Externbrink, 2003, 244].

Основным принципом международного права во время Вестфальской системы являлось право войны (*jus ad bellum*), которое нашло отражение в работах мыслителей XVII–XVIII веков. Теоретики международного права раннего Нового времени (Г. Гроций, Т. Гоббс, Х. Вольф, Э. де Ватель) считали, что справедливая война должна быть средством, свободно используемым суверенными державами и защищавшим их права и государственные интересы, только тогда, когда мирные аргументы исчерпаны. Хотя уже в первой трети XVIII века парадигмы государственного интереса и принципа баланса сил господствовали в политической мысли континента и были закреплены в международном праве, *jus ad bellum* по-прежнему главенствовало в теории и практике отношений между государствами. Несмотря на общее стремление к миру, в век Просвещения большинство мыслителей признавало войну естественным состоянием человечества. Даже опровергая это утверждение в дискуссии с Гоббсом, самый радикальный из французских просветителей Ж.-Ж. Руссо полагал, что «...взаимодействие гражданских обществ производит войну и состояние войны. Поэтому война есть отношение не между индивидуумами в естественном состоянии, но между государствами, формируемыми движением людей к гражданским обществам». Согласно Руссо, война не производное агрессивной природы человека, а следствие политической борьбы и необходимости совершенствования общества [Rousseau, 1991, 33–47]. Вполне предсказуемо руссоизм был взят на

вооружение жирондистами и якобинцами для обоснования войны и террора во время Великой Французской революции.

Как и другие просветители, своим вниманием не обошел тему войны и Франсуа-Мари Вольтер. Вместе с тем назвать его «философом-пацифистом» (эта точка зрения часто фигурировала в исследованиях прошлого столетия) [Nytier, 1974, 243–258; Niklaus, 1974, 231–245; Meyer, 1976] можно лишь приблизительно. Истина сложна и неоднозначна, и наследие французского мыслителя требует более пристального внимания. Целью данной статьи является всесторонний анализ мнения Вольтера о войнах своей эпохи и о войне и мире в целом на основе его произведений. В процессе работы использовались системный подход, метод контент-анализа и конструктивизм в культурной истории чувств с акцентом на практиках.

Как ни парадоксально, в нынешнем непростом столетии обозначенной проблеме уделено немного внимания, возможно, отчасти из-за ее кажущейся исследовательской однозначности. И в отечественной историографии отношение Вольтера к войне обозначено лишь с позиции его взгляда на Северную войну и на фигуры Петра I и Карла XII [Гончарова, 2007, 35–50; Мезин, 2022, 43–59]. Например, в относительно недавней статье С.А. Мезина говорится, что «просветитель осуждал увлечение историков описанием жизни монархов и бесчисленных битв...», «тема войны привлекала Вольтера, но он никогда не восхищался этим неизбежным злом человеческой истории», поэтому «историю королей и войн он предлагал заменить историей народов и нравов...» [Мезин, 2022, 44–45].

Жизнь французского философа проходила в то время, когда, как справедливо заметил военный аналитик и специалист по военной истории М. ван Кревельд, «если бы не необходимость воевать, почти наверняка было бы гораздо труднее добиться централизации власти в руках великих монархов» [Кревельд, 2020, 413]. Международные отношения и процессы монополизации власти в Европе были неразрывно связаны с достижениями в военной области. После Тридцатилетней войны (1618–1648) в вооруженные конфликты вступала преимущественно дисциплинированная армия на основе рекрутских наборов, которая содержалась и в мирное время и регулярно оплачивалась властями. Армия служила государству и, хотя солдаты рекрутировались из общества, была отделена от общества, как и само государство. Во второй половине XVII – XVIII веке государство, монополируя власть, стремилось демилитаризовать общество.

Война Нового времени, частью которого был век Просвещения, в определенной степени являлась ограниченной войной с представлением о законном противнике (*iustus hostis*). Государство стало главным действующим лицом, а регулярная армия – основным инструментом. Поскольку государство обладало монополией на военную силу и управляло армиями из центра, изменилась как природа самой армии, так и ведение войны в целом.

Цель войны состояла теперь не в уничтожении противника, а в заключении с ним мира на выгодных условиях. В соответствии с декларируемым стремлением государств Вестфальской системы к миру, с философскими и практическими причинами сохранить человеческие жизни основами стратегии в войнах были маневр и сдерживающие средства для достижения политических целей. В реальности же армии предназначались для сражений с намерением одержать решающую победу. Поэтому война состояла как из маневров, так и из сражений, которые в век Просвещения сложно было назвать великими. Например, в битве при Росбахе в 1757 году Фридрих Великий выставил 25 000 солдат против 45 000 противника. В этом сражении пруссаки потеряли всего около 500 человек против 2000 убитых или раненых французов и их немецких вспомогательных войск [Querengässer, 2022, 125].

Тем не менее на протяжении XVIII века армии неуклонно росли. Кампании стали охватывать большую территорию, возросла сложность тактики и смертоносность оружия. Однако на войне преобладала куртуазность – ее примером стало зафиксированное Вольтером легендарное выражение: «Господа англичане, стреляйте первыми!» [Voltaire, 1878, 240], которое произнесли французы перед битвой при Фонтенуа 11 мая 1745 года. Профессиональные солдаты, участвовавшие в сражениях, реже убивали своих товарищей по ремеслу, и резня побежденной армии была редким явлением. Тем не менее число потерь увеличивалось вместе с размером армий и эффективностью огневой мощи. Решающий исход сражения стал редким явлением: вместо шахматного мата военные столкновения часто заканчивались бегством, преследованием и дезертирством.

Баланс сил тогда являлся основным принципом европейской дипломатии. Религиозные войны XVI – первой половины XVII веков и конфессионально политические союзы уступили место спорам, главным образом по поводу династической преемственности, колониальному соперничеству и альянсам по государственным интересам. В Европе царили шаткое равновесие и прагматичный дух. Культ военного героизма пришел в упадок, поскольку в эпоху Просвещения понятие чести претерпело изменения [Nytier, 1974, 247–249]. Значимым фактором, определявшим мировосприятие французов того времени, являлось то, что войны первой половины XVIII века происходили за пределами границ Франции и мало затрагивали население. Однако начиная с 1750 года подъем и угроза со стороны Пруссии, морское и колониальное соперничество с Великобританией, приведшее к потере Канады в Северной Америке, посеяли в умах французских мыслителей разочарование в эффективности внешней политики своего государства и ведения войны. Создавалась не парадоксальная, а вполне объяснимая ситуация, когда поддержка войны либо просто нейтральное отношение к ней в случае поражения сменялись ее неприятием.

У мыслителей неприятие войны выражалось по-разному – от проектов всеобщего мира до неверия в мирное сосуществование. В этой связи представляется важным в первую очередь определить отношение Вольтера к миру. Ярким примером мирной публицистики начала века Просвещения стал трактат французского аббата де Сен-Пьера «Проект создания вечного мира в Европе», который появился на свет во время работы мирного конгресса в Утрехте в 1713 году, венчавшего завершение Войны за испанское наследство (1701–1713). Сен-Пьер полагал, что на континенте уже сформировались благоприятные условия для достижения прочного мира, и предложил основать международную организацию в Европе, центр которой будет находиться в Утрехте. Во время долгого существования Римской империи Европа пережила опыт «политического и гражданского единения», выработала «гражданские установления и законы», определявшие «взаимные обязанности и права государя и подданных, а также людей между собой». Она «более равномерно населена, более равномерно плодородна, лучше объединена...», связана легкими путями сообщений, книгопечатанием, «общностью наук и знаний», а европейские народы спланирует христианство. Все это «превращает Европу, в отличие от Азии или Африки, в идеальное собрание народов, объединяемых в подлинное сообщество не одним лишь именем...» [Saint-Pierre, 1981, 48–52].

Сен-Пьер не был понят Вольтером, как и большинством своих современников, которые видели в его «Проекте» лишь утопию. Сочинение аббата вызвало у философа только пренебрежительное презрение. Когда Ж.-Ж. Руссо опубликовал отрывок из работы Сен-Пьера, это дало возможность Вольтеру высмеять и Сен-Пьера, и Руссо вместе: он едко заметил, что место заседаний международной организации должно быть в центре Земли, а Жан-Жак – одним из его первых председателей [Mason, 1981, 127]. Прагматизм философа был слишком силен, чтобы его убедила такая система коллективной безопасности, которая не давала арбитражному органу никаких действенных полномочий против новых нарушений статус-кво.

Получается, Вольтер не верил в создание прочного мира. Но как он относился к самой войне? В литературе отмечено, что он активно реагировал на конфликты своего времени. В частности, на его мышление значительное влияние оказали три современные ему войны. Первая из них, Война за австрийское наследство (1740–1747), нашла в лице философа внимательного и пристального наблюдателя. Вольтер лично контактировал с прусским королем Фридрихом II, с которым он встречался четыре раза в начале 1740-х годов, и участвовал в дипломатических миссиях в Нидерланды и в Пруссию. В 1744 году Вольтер вернулся в Париж и в следующем году был назначен королевским историографом, как раз к празднованию победы французов над британцами при Фонтенуа. Поэтому неудивительно, что «История войны 1741 года», написанная после 1745 года, создает впечатлительное журналистского контакта с реальностью. Как историограф, Вольтер

имел ежедневный доступ к донесениям, поступавшим в военное министерство. Здесь мыслитель показал свой талант военного историка. Этот аспект его творчества и поныне исследован недостаточно. Вольтер не избегал посещения военных лагерей. Письмо графине де ла Невиль в 1734 году из лагеря герцога де Ришелье в Филиппсбурге содержало некоторые подробности об укреплениях и упоминало недавние потери [Mason, 1981, 127].

Вместе с тем военные детали наводили на него скуку, если только они не могли пролить свет на более масштабную человеческую драму. Он признался в этом в письме к Фридриху, упоминая о том, что его утомляют подробности осад, маршей и т.п., ибо они – еще одно свидетельство ужасной природы войны! [Mason, 1981, 128]. Однако никто совершенно равнодушный к военному делу не смог бы найти для него столько места, сколько Вольтер отвел для этого в таких исторических трудах, как «История Карла XII», «История войны 1741 года» «Век Людовика XIV», «Генриада»... Последняя поэма была издана в России в 1777 году и покорила публику своим стилем и моралью, направленной против насилия в целом и религиозных войн в частности. «Генриада» интересна и ценна тем, что Вольтер не только изложил в стихах историю французского короля Генриха IV, но и высказал свои мысли о наилучшей форме государственного устройства [«Генриада: героическая поэма в десяти песнях» Вольтера]. И все же надо признать, что обстоятельства битв он описывал прежде всего для того, чтобы показать беспорядок Вселенной и случайности в мире, неподвластном человеческой воле.

Деятельность Вольтера в качестве придворного историографа включала в себя написание прославленной «Поэмы о битве при Фонтенуа», которую он сочинил через две недели после битвы. Акцент здесь, как и подобает поэме героического жанра, делается на благородстве, великодушии к противнику и мужестве в смерти. Как следует из «Предварительного рассуждения», произведение призвано стать памятником славе Людовика XV, а не позору побежденных. Хотя христианские европейские государства ведут войну друг против друга, «в этих разногласиях они поддерживают столько приличий и, как правило, вежливости, что часто француз, англичанин, немец, встречаясь, кажутся родившимися в одном городе» [Voltaire, La bataille de Fontenoy]. В поэме «Похвала офицерам, павшим в войне 1741 года» (1748) Вольтер оплакивал добродетели павших, однако, судя по заголовку, только офицеров-дворян. Напротив, солдатами и большей частью наемников руководил «дух распушенности и грабежа» [Moland, 1769, XXVIII, 25]. Пронзительность риторики Вольтера в «Похвале» усиливается тем, что она отчасти представляет собой плач по его другу Вовенаргу, умершему в 1747 году еще молодым человеком главным образом из-за лишений, перенесенных им в Войне за австрийское наследство. Как и в «Поэме о Фонтенуа», он следует традиционному представлению о чести как исключительной привилегии офицеров-аристократов.

Реакция Вольтера на Семилетнюю войну (1756–1763) достаточно хорошо документирована и изучена. В его переписке она стала классическим примером абсурда и ужаса. В то же время Вольтер предлагал своему другу, герцогу де Ришелье, командующему самой многочисленной из двух французских армий, изобретенную им вооруженную колесницу. Как он утверждал, эта колесница сокрушит все на своем пути и двух таких машин будет достаточно против батальона и эскадрона, вместе взятых [Mason, 1981, 129]. Это конкретное предложение, которое не сочли нужным принять как Версаль, так и Екатерина II десятилетие спустя, подвергает сомнению два мифа о Вольтере: о том, что он был пацифистом, и о том, что у него отсутствовало чувство патриотизма. Он также не мог наблюдать за вооруженным конфликтом беспристрастным взглядом, поскольку речь шла и о его собственных владениях. Британский флот захватывал суда, в которые писатель вложил значительные средства, особенно в корабли, отплывавшие из Кадиса. Торговые операции с Кадисом давали Вольтеру много поводов для беспокойства, и упоминания этого порта в «Кандиде» вряд ли можно считать случайными [Voltaire, 1959, 247].

В своих упоминаниях о Семилетней войне писатель стремился быть в курсе происходящего, испытывая потрясение и одновременно облегчение, когда убеждался, что находится в безопасности. Его отношение к воюющим сторонам было неоднозначным. После решающей победы Фридриха при Росбахе в ноябре 1757 года Вольтер часто выражал ужас перед опустошениями, производимыми прусскими армиями в Центральной Европе. Примечательно, что до этого Вольтер был полон сострадания к Фридриху, который писал ему, что череда неудач привела его к мыслям о самоубийстве. Тогда мыслитель умолял прусского короля искать почетного мира, показать, что он философ, и продолжать жить ради благ, которые его окружают [Mason, 1981, 130]. Триумф Фридриха при Росбахе, возможно, послужил источником знаменитого описания войны в «Кандиде». Проведем некоторое сравнение.

В письме к Вольтеру в конце ноября 1757 года сестра Фридриха, маркграфиня Байрейтская, дала пронзительное описание событий при Росбахе: «Прусский боевой порядок был выстроен в линию. Затем артиллерия открыла такой ужасный огонь, что некоторые французы... говорили, что каждый выстрел убивал или ранил восемь или девять человек. Мушкетный огонь был не менее эффективен...» [Mason, 1981, 131]. Скорее всего, именно отсюда происходило описание Вольтером битвы между болгарами и абарами в «Кандиде»: «Что может быть прекраснее, подвижнее, великолепнее и слаженнее, чем две армии! Трубы, дудки, гобои, барабаны, пушки создавали музыку столь гармоничную, какой не бывает и в аду. Пушки уложили сначала около шести тысяч человек с каждой стороны; потом ружейная перестрелка избавила лучший из миров не то от девяти, не то от десяти тысяч бездельников, осквернявших его поверхность. Штык также стал достаточной причиной гибели нескольких тысяч человек» [Voltaire, 1959, 239; Вольтер. Кандид]. Порядок деталей был тем

же: военный строй, артиллерия, мушкеты, штык. Вольтер превратил трогательный рассказ в ироническое великолепие. Распределение ролей и общий эффект полного опустошения в обоих отрывках являлись одинаковыми. Но при Росбахе были разгромлены только французы, а в абсурдной битве Вольтера были расстреляны обе стороны.

В споре с Монтескье Вольтер утверждал, что справедливой войны не существует. Нигде эта позиция не сформулирована лучше, чем в диалоге ABC. На вопрос С: «Что, вы не признаете справедливой войны?» – А (за его словами скрывался Вольтер) отвечает: «Я никогда не знал ничего подобного; мне кажется, это... невозможно». В: «...если два государя спорят о наследстве и причины их одинаково правдоподобны, то, конечно, только война может решить между ними, значит, война должна быть справедливой для обеих сторон?» «О нет, – отвечает А, – кто-то из них, должно быть, ошибается; абсурдно и варварски, когда целые народы погибают из-за того, что один из лидеров совершил ошибку» [Voltaire, 1790, XXVII, 372]. Философ не видел никаких международных законов, регулирующих войну, кроме как постоянно быть начеку. Когда А указывают, что есть законы, которые, например, допускают перемирие для захоронения мертвых или предусматривают, что нельзя сражаться в определенном месте или убивать беременных женщин, он отвечает: «Это... примитивные законы природы, взаимно согласованные, чтобы не было тотального уничтожения. Они продиктованы исключительно потребностью и эгоизмом» [Voltaire, 1790, XXVII, 375]. Наблюдая, а может и интуитивно, Вольтер подметил коллективное бессознательное начало в праве войны.

Русско-турецкая война (1768–1774) способствовала изменению прежней позиции Вольтера. С годами мыслитель пришел к пониманию, что окончание войн маловероятно, поскольку должно быть равновесие сил между сторонами. Подобно теоретикам международного права XVII–XVIII веков, он стал дифференцировать характер войн, делить их на справедливые и несправедливые, что проявилось в его отношении к походам Екатерины II против турок. В 1769 году Вольтер следил за успехами русских сил и оправдывал действия Екатерины против Османской империи: «Это первый случай, когда знамя войны поднято исключительно для того, чтобы принести мир и сделать людей счастливыми; унижить их недостаточно, их нужно уничтожить». В сентябре того же года Вольтер назвал победы, одержанные Екатериной под Азовом и Таганрогом, «жемчужинами» ее короны. Месяцем позже он писал: «...убивая турок, Ваше Императорское Величество продлевает мои дни». Он был готов вскочить с кровати «с криком Аллах, Катарина!» и считал, что «царица отмстила Европу». В 1769 году философ приветствовал раздел Османской империи и собирался ужинать с Екатериной в Софии. А в 1772 году, когда Россия, Пруссия и монархия Габсбургов делили Польшу, он восхвалял это событие как «благородное» и «полезное» средство против анархии [Вульф, 2003, 189–192]. При всем этом Вольтер прекрасно осознавал противоречие моральной стороны

своего отношения к указанным политическим событиям и в одном из своих посланий Екатерине написал: «Ваше Величество скажет мне, что я недостаточно философствую и что мир – величайшее из благ» [Mason, 1981, 131].

Итак, по мнению Вольтера, определенные войны необходимо вести, если эти войны легитимные. К последним, помимо антитурецких кампаний Екатерины Великой, относились франко-британские конфликты. Тем не менее философ твердо придерживался убеждения, что войны не являются необходимым конечным продуктом человеческой природы. Одним из доказательств этого является существование миролюбивых народов, таких как пенсильванские квакеры: «Мы не дети дьявола; иначе все люди поубивали бы друг друга: Человек, рожденный, чтобы убить своего ближнего и быть убитым им, неизбежно исполнит свое предназначение, как стервятники исполняют свое, поедая моих голубей...» [Voltaire, 1790, XXVII, 331]. Та же тема предстает в «Кандиде», где герой спрашивает Мартена: «Люди всегда уничтожали друг друга, как в наше время?» Тот отвечает вопросом на вопрос: «Когда ястребам удавалось поймать голубей, они всегда расклевывали их?» Кандид неуверенно возражает, что люди отличаются от животных, потому что обладают свободой воли [Вольтер. Кандид].

Зачем же тогда ведутся войны? Самый общий ответ Вольтера заключается в том, что они – вина безответственных государей и министров, которые посылают людей умирать от их имени. К примеру, в «Истории Российской империи при Петре Великом» он противопоставил Петра-созидателя Карлу-разрушителю. Война для Петра не самоцель, как для Карла, поэтому, в отличие от шведского короля, он осторожен, стремится избежать напрасных жертв [Voltaire, 1763, 448]. Сыграла свою безжалостную роль и христианская религия. До христианства не было религиозных войн; ни одна религия не была более кровавой.

Как бы то ни было, в вопросе о войне Вольтер во многом являлся человеком своего времени, связывая войны с династическими или догматическими спорами, а не с коллективными политическими желаниями. Там, где речь шла о простом человеке, война возникала не из-за его личных интересов как члена конкретного общества, а скорее из-за того, что конфликт был навязан ему против воли. Если народ и играл активную роль в деструкции мира, то это происходило из-за «фанатизма», разжигаемого религиозными лидерами. Даже когда Вольтер видел другие важные, глубинные причины, он был склонен их недооценивать. По его мнению, англо-французское колониальное соперничество во время Семилетней войны сводилось к глупой борьбе за ледяные пустоши (так он позиционировал Канаду) в отдаленной части света. Писатель упускал из вида значимость торговой конкуренции как фактора обострения ситуации. Вольтер не желал признавать, что торговля может привести к войне, поскольку она должна

быть движущей силой процветания и свободы, как в Англии, что подчеркнуто в десятом «Философском письме». В 1755 году он выразил тревогу по поводу того, что «торговые нации» (Англия и Франция) собираются вести войну друг с другом. Купцам следовало бы установить нейтралитет и предотвратить королям вести войну [Вольтер, Философские письма]. Вместе с тем в «Философском словаре» Вольтер признавал, что быть хорошим патриотом означает желать коммерческого процветания своей родине и, следовательно, желать зла ближнему [Voltaire, 1765, 279].

Подобные рассуждения демонстрируют, насколько противоречивым являлся взгляд Вольтера на войну. Анализ происходящих событий приводил его к скептицизму относительно постепенного улучшения ситуации. Чтобы искоренить войну, полагал философ, нужны трагические чувства жалости и страха в сочетании с полным уничтожением разделяющих людей религиозных барьеров. На такой прогресс можно надеяться лишь по мере распространения философии и просвещения. Но даже развитие военного искусства приводит к незначительным улучшениям: например, развитие пороха снизило роль рукопашной схватки в сражении, а следовательно, грубой силы [Voltaire, 1880, XXVII, 369]. Хотя пушки привели к колоссальным разрушениям и смертям, с их применением силы армий относительно сравнялись. Следовательно, в целом разрушений со временем должно становиться меньше. Эти выводы, сделанные после того, как две великие войны при жизни Вольтера уже завершились (Война за австрийское наследство и Семилетняя война), недооценивали развитие штыка и рост эффективности артиллерии на протяжении XVIII века. Оптимизм Вольтера основывался на относительной гуманности в ведении современных ему войн. По его мнению, грабежи, резня и порабощение древних времен исчезли и имели место вдохновляющие примеры: после битвы при Фонтенуа местное население бросилось на помощь раненым обеих армий, а после Росбаха король Фридрих сам осмотрел французских раненых, прежде чем отправить их домой [Voltaire, 1878, X, 194].

Вместе с тем, полагая, что «народы не нуждаются в особом внимании, пока не начнут войну», философ закрывал глаза на рост националистических настроений, которые приведут к новой интенсивности войны в следующем столетии и суть которых уже была изложена Руссо в «Общественном договоре». Патриотизм для Вольтера означал чувство непринужденности в среде, где находится его собственность: «...отечество существует, и оно само собой разумеющееся...», и оно – бессмысленный термин для странников или наемников [Voltaire, 1879, XX, 183]. Мыслитель, по сути, являлся космополитом в век, когда зарождался национализм.

Опираясь на концепцию «просвещенного государя», с одной стороны, и обезличивая солдат, видя в них варваров – с другой, Вольтер не учитывал такие факторы стимуляции войн, как возбуждение народа, придающее им в его

глазах притягательность, другими словами, глубинные иррациональные силы и возможную связь между частотой войн и демографическим стрессом. Ведь препятствием к мирному сосуществованию являются не только институциональные, идеологические, культурные барьеры, но и глубоко укорененные в человеческой природе склонности к трайбализму, ксенофобии и иерархическому доминированию, сформированные многовековой социальной эволюцией. Такое видение характерно для эпохи Просвещения в целом.

Тем не менее стоит признать, что во французских сочинениях XVIII века нет более сильного и всеобъемлющего обвинительного приговора ужасам войны, чем у Вольтера. Никто в его время не сделал большего для демистификации войны, для того, чтобы лишить харизмы героизм, военные упражнения и искусство убивать в бою. Война была «бичом небес», что он отмечал еще в «Генриаде» в 1723 году [Voltaire, 1970, 501]. Мыслитель также считал ее великой загадкой, поскольку она противоречит человеческой природе, но при этом так же стара, как и сам человек [Voltaire, 1878, 193]. Несмотря на противоречивость своих высказываний, Вольтер занимает почетное место среди тех, кто активно пытался решить проблему войны и мира, актуальную и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

Вольтер. Кандид, или Оптимизм. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkej/https://www.100bestbooks.ru/files/Voltaire_Kandid_ili_optimizm.pdf (дата обращения: 30.10.2025).

Вольтер. Философские письма. URL: https://royallib.com/book/volter/filosofskie_pisma.html (дата обращения: 08.11.2025).

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 567 с.

Гончарова Т.Н. Вольтер – историк Северной войны // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2006 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. С. 35–50.

Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: Социум, 2020. 276 с.

Мезин С.А. «Основатель и отец своей империи»: Вольтер о Ништадском мире и имперском статусе России // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 15(4). С. 43–59.

Brewer D. Voltaire, War Correspondent at Large // PMLA. 2009. Vol. 124. Issue 5: Special Topic war. P. 1847–1850.

Caporaso J. Changes in the Westphalian Order: Territory, Public Authority, and Sovereignty // Review of International Studies. 2. 2000. P. 1–28.

Duchhardt H. Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800. Stuttgart, 2003. 464 S.

Externbrink S. Internationale Beziehungen und Kulturtransfer in der Frühen Neuzeit // S. Trakulhun, T. Fuchs (eds.) Das eine Europa und die Vielfalt der Kulturen. Kulturtransfer in Europa 1500–1850. Berlin, 2003. S. 227–248.

Hytier A.D. Les philosophes et le probleme de la guerre // Studies on Voltaire and the eighteenth century. 1974. 127. P. 243–258.

Mason H. Voltaire and war. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/j.1754-0208.1981.tb00025.x> (дата обращения: 26.10.2025).

Meyer H. Voltaire on war and peace // Studies in the Enlightenment. 1976. 144. 202 p.

- Niklaus R. The Pursuit of Peace in the Enlightenment // Essays on Diderot and the Enlightenment in Honor of Otis Fellows. Geneva, Droz, 1974. P. 231–245.
- Querengässer Al. The Battle of Rossbach 1757: New Perspectives on the Battle and Campaign From Reason to revolution. Helion, 2022. 178 p.
- Rousseau J.-J. The State of War // Rousseau on International Relations / ed. by S. Hoffman, D.P. Fidler. Oxford, 1991. P. 33–47.
- Saint-Pierre abbe de. Projet pour rendre la paix perpetuelle en Europe / Par S. Gyard-Fabre. Paris: Garnier, 1981. 606 p.
- Schilling H. Der Westfälische Friede und das neuzeitliche Profil Europas // Der Westfälische Friede. Munchen, 1998. S. 3–33.
- Voltaire. La bataille de Fontenoy, poème. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k71989q/f4.item> (дата обращения: 26.10.2025).
- Voltaire. Candide. Paris, Nizet, 1959. 297 p.
- Voltaire François Marie Arouet de. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand / Par l'auteur de l'Histoire de Charles XII. T. 2. Paris, 1763. 318 p.
- Voltaire. De la paix perpetuelle // OEuvres Completes De Voltaire / Louis Moland ed. X. Paris: Garnier, 1878. P. 100–105.
- Voltaire. Note to La Tactique // OEuvres Completes De Voltaire / Louis Moland ed. XI. Paris: Garnier, 1878. P. 191–197.
- Voltaire. ABC // OEuvres Completes De Voltaire / Louis Moland ed. XXVII. Paris: Garnier, 1880. P. 370–374.
- Voltaire. La Henriade // The Complete Works of Voltaire / ed. by O.R. Taylor. Vol. 11. Geneva, Institut et Musee Voltaire, 1970. P. 895–913.
- Voltaire. Dictionnaire philosophique portative. A Londres, 1765. 342 p.
- Voltaire. Précis du siècle de Louis XV. Paris: Garnier, 1878. 285 p.

L.I. Ivonina

*PhD in History, Doctor, Professor,
Chair of Universal History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

War and Peace in the Works of Voltaire

François-Marie Voltaire is often called a «pacifist philosopher», which is not entirely accurate. Based on his works, the author of this article provides a comprehensive analysis of Voltaire's views on the wars of his era and on war and peace in general. Voltaire did not believe in the creation of a lasting peace, since he doubted the system of collective security, which did not give the arbitration body any effective powers against violations of the status quo. On the question of war, Voltaire was in many ways a man of his time, associating wars with dynastic or dogmatic disputes rather than with collective political desires. The analysis of events led him to skepticism about the gradual improvement of the situation. To eradicate war, the philosopher believed, tragic feelings of pity and fear were needed, combined with the complete destruction of religious barriers dividing people. Voltaire's optimism was based on the relative humaneness of contemporary warfare. He turned a blind eye to the rise of nationalist sentiments that would

lead to a new wave of warfare in the 19th and 20th centuries. The philosopher was a cosmopolitan: patriotism for him meant a sense of ease in the environment where his property was located. Nevertheless, in 18th-century French writings, there is no more powerful or comprehensive indictment of the horrors of war than Voltaire's. No one in his time did more to demystify it, to strip heroism, military exercises, and the art of killing in battle of their charisma. War, in his view, was both «the scourge of heaven» and a great mystery, as it contradicted human nature yet was as old as man himself. Despite the contradictions in his statements, Voltaire occupies a place of honor among those who actively sought to resolve the problem of war and peace, which remains relevant to this day.

Keywords: *Voltaire; war; peace; Enlightenment; humanism; skepticism.*

REFERENCES

- Voltaire. Voltaire. Candid or Optimizm [Candid ili Optimizm]. Available at: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://www.100bestbooks.ru/files/Voltaire_Kandid_ili_optimizm.pdf (accessed on October 30, 2025) (in Russian).
- Voltaire. The philosophy letters [Filosofskije pisma]. Available at: https://royal-lib.com/book/volter/filosofskie_pisma.html (accessed on November 08, 2025) (in Russian).
- Vulf L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment [Izobretaja Vostochnyyj Evropy: Carta zivilisazii v soznanii epochi Prisveschenija] Moscow: Novoje literaturnoje obosrenije, 2003, 567 p. (in Russian).
- Goncharova T.N. Voltaire – the historian of the Northern war [Voltaire – istorik Severnoj vojny]. *The Northern War, St. Petersburg and Europe in the first quarter of the 18th century The materials of the international scientific conference. Saint-Petersburg, December 2006.* Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University, 2007. Pp. 35–50 (in Russian).
- Crevel M. van. The rise and decline of the state [Raszvet i upadok gosudarstva]. Moscow: Sozium, 2020, 276 p. (in Russian).
- Mesin S.A. "Founder and Father of His Empire": Voltaire on the Peace of Nystad and Russia's Imperial Status [«Osnovatel i otez svoej imperii»: Voltaire o Nishtadskom mire i imperskom statuse Rossii]. *Issues of MGIMO*, 2022. No. 15(4). Pp. 43–59 (In Russian).
- Brewer D. Voltaire, War Correspondent at Large. *PMLA*, Vol. 124, Issue 5: Special Topic war, 2009. Pp. 1847–1850 (in English).
- Caporaso J. Changes in the Westphalian Order: Territory, Public Authority, and Sovereignty. *Review of International Studies*, No. 2, 2000. Pp. 1–28 (in English).
- Duchhardt H. Europa am Vorabend der Moderne 1650-1800. Stuttgart, 2003, 464 S. (in German).
- Externbrink S. Internationale Beziehungen und Kulturtransfer in der Frühen Neuzeit. S. *Trakulhun, T. Fuchs eds. Das eine Europa und die Vielfalt der Kulturen. Kulturtransfer in Europa 1500-1850*, Berlin, 2003, S. 227–248 (in German).
- Hytier A.D. Les philosophes et le probleme de la guerre. *Studies on Voltaire and the eighteenth century*, 1974. No. 127. Pp. 243–58 (in French).
- Mason H. Voltaire and war. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/j.1754-0208.1981.tb00025.x> (accessed on October 26, 2025) (in English).
- Meyer H. Voltaire on war and peace. *Studies in the Enlightenment*, 1976. No. 144. (in English).

Niklaus R. The Pursuit of Peace in the Enlightenment. *Essays on Diderot and the Enlightenment in Honor of Otis Fellow*. Geneva, Droz, 1974. Pp. 231–245 (in English).

Querengässer Al. The Battle of Rossbach 1757: New Perspectives on the Battle and Campaign. From Reason to revolution. Helion, 2022. 178 p. (in English).

Rousseau J.-J. The State of War. Rousseau on International Relations. Edited by S. Hoffman, D.P. Fidler. Oxford, 1991. Pp. 33–47 (in English).

Saint-Pierre abbe de. Projet pour rendre la paix perpetuelle en Europe. Par S. Gyard-Fabre. Paris, Garnier, 1981, 606 p. (in French).

Schilling H. Der Westfälische Friede und das neuzeitliche Profil Europas. *Der Westfälische Friede*. Munchen, 1998, S. 3–33 (in German).

Voltaire. La bataille de Fontenoy, poème. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k71989q/f4.item> (accessed on October 26, 2025) (in French).

Voltaire. *Candide*. Paris: Nizet, 1959, 297 p. (in French).

Voltaire, François Marie Arouet de. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. Par l'auteur de l'Histoire de Charles XII. Vol. 2, Paris, 1763, 318 p. (in French).

Voltaire. De la paix perpetuelle. *Oeuvres Completes De Voltaire*. Louis Moland ed., X, Paris: Garnier, 1878. Pp. 100–105 (in French).

Voltaire. Note to La Tactique. *Oeuvres Completes De Voltaire*. Louis Molanded., XI, Paris, Garnier, 1878. Pp. 191–197 (in French).

Voltaire. ABC. *Oeuvres Completes De Voltaire*. Louis Molanded, XXVII. Paris: Garnier, 1880. Pp. 370–374 (in French).

Voltaire. La Henriade. *The Complete Works of Voltaire*. O.R. Taylor ed., Vol. 11, Geneva: Institut et Musee Voltaire, 1970. Pp. 895–913 (in French).

Voltaire. Dictionnaire philosophique portative. A Londres, 1765. 342 p. (in French).

Voltaire. *Précis du siècle de Louis XV*. Paris, Garnier, 1878. 285 p. (in French).

А.В. Калашников

Брянский государственный университет

им. академика И.Г. Петровского

Брянск, Россия

УДК 94(73)

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-177-196

КРОВАВЫЙ 1868-й: ТЕРРОР КЛАНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЮЖНЫХ ШТАТАХ США В КАНУН ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Ключевые слова: расизм; террор; Ку-Клукс-Клан; Конфедерация; партизанская война.

В статье рассматриваются основные направления активности Первого Клана и иных организаций накануне президентских выборов 1868 года. Исследование основывается на отчетах и делопроизводственной документации, фактически впервые вводящихся в научный оборот. Главным инструментом деятельности в сфере достижения поставленной цели – возвращения власти сторонникам Конфедерации – для Клана выступал практически ничем

не ограниченный террор. Среди основных мероприятий в обозначенной сфере автор отметил ограничение голосования чернокожих, нападение на представителей юнионистских лиг, черной милиции и др. Для наглядной демонстрации был использован комплекс доступных источников, включая архивные материалы и прессу эпохи Реконструкции. В качестве вывода автор отмечает высокую активность организации (ставшую предпосылкой победы представителя Демократической партии в двух реконструируемых штатах) в месяцы, предшествующие президентским выборам 1868 года. Учитывая масштабность задач, автор считает необходимым оценить деятельность Ку-Клукс-Клана как организации, поддержанной значительной частью белого населения послевоенного Юга и развязавшей партизанский конфликт малой интенсивности.

Президентские выборы в США в 1868 году стали первыми после победы юнионистов над конфедератами в Гражданской войне в эпоху Реконструкции. Исключительно непопулярный президент Эндрю Джонсон, занявший место убитого Авраама Линкольна, не был выдвинут кандидатом от демократов. На эту роль был номинирован Горацио Сеймур. В свою очередь, Республиканская партия выдвинула героя Гражданской войны, генерала Улисса С. Гранта. Грант победил с большим перевесом по голосам выборщиков. Однако перевес в общем голосовании был незначительным. На это были свои причины. В первую очередь ему помогли голоса чернокожих, только что получивших право голосования. Важно отметить, что на 1868 год также приходится вступление в силу новых конституций южных штатов, отражавших сложившуюся реальность в виде закрепления 13-й поправки, запрещающей рабство и принудительный труд. В то же время многие белые граждане Юга были, наоборот, лишены права голосовать. Эти обстоятельства вызвали волну негодования белых расистов Юга.

В отечественной и зарубежной историографии существует довольно схожий взгляд на кланистский террор в 1868 году. Так, Э.В. Лисневский отмечал, что уже в январе 1868 года кланизм получил в США широкую известность, хотя к его появлению на политической арене «страна отнеслась как к неостроумному фарсу» [Лисневский, 1977, 82]. Однако современные отечественные авторы мало затрагивают вопросы, связанные с насилием Клана в целом. В силу лучшей доступности зарубежная историография представлена более широко. Признанный американский исследователь А. Трилиз посвятил освещению проблемы отдельную главу своей монографии, разбив повествование по штатам [Trelease, 1971, 113–175]. Довольно много фактического материала приводят и современные зарубежные авторы, иной раз фиксируя малоизвестные случаи, в том числе основываясь на материалах периодической печати эпохи Реконструкции [Bartoletti, 2014; Martinez, 2007; Newton, 2014]. Тем не менее обилие и разнообразие случаев террора в канун президентских выборов 1868 года требуют дальнейшего изучения.

Допрошенные гораздо позднее свидетели часто отмечали, что в 1868 году прежнее сдерживающее влияние на Юге не действовало в такой степени, как раньше. Следовательно, в том году угрозы противникам демократов стали всеобщими и широко распространенными. В следующем, 1869 году они были далеко не так значительны. Во многих случаях республиканским взглядам чернокожего противодействовали так называемые советы. Один из способов был очень распространен в той части штата Миссисипи, что была густо населена чернокожими. Все они в возрасте от 21 до 55 лет должны были платить подушный налог, составлявший 2 доллара на каждого жителя страны. Однако в реальности для них подушный налог был огромным – от 6 до 8 долларов с человека. Также существовал большой налог на оружие и собак. Сбор этих налогов использовался как средство принуждения чернокожих голосовать так, как этого мог бы потребовать работодатель. Собиравший налоги шериф действовал совместно с ним. Когда он собирался забрать последнюю лошадь, сковородку или другой предмет домашнего обихода чернокожего, работодатель «приходил на помощь». Он соглашался уладить все проблемы с налогами, но при одном условии: если на предстоящих выборах должник проголосует «как надо». Там, где применялась подобная стратегия, чернокожие были вынуждены пообещать, что проголосуют за демократов [Missisipi Volume 1, 1872, 308].

Однако попытки Юга контролировать рабочую силу вольноотпущенников, включая мошенничество на рынке труда, экономические санкции и законодательство, в значительной степени провалились к 1868 году и привели к изменениям в демократических стратегиях. Эти неудачи в сочетании с плохими экономическими условиями, законодательными сбоями и предстоящими президентскими выборами в 1868 году привели к тому, что демократы стали выступать за насилие и запугивание как средства достижения политических побед [Christensen, 2012, 1].

В то время воплощением вооруженного политического насилия являлся Ку-Клукс-Клан, созданный в декабре 1865 года. К 1868 году численность клансменов, по словам самого основателя – Натаниэля Форреста, насчитывала «40 тыс. участников в Теннесси и 550 тыс. участников на юге Соединенных Штатов» [Bartoletti, 2014, 138].

Платформа Демократической партии (рис. 1) осуждала законы о реконструкции как неконституционные, а также выступала за упразднение Бюро вольноотпущенников и против любой государственной политики, направленной на помощь чернокожим на Юге [Calhoun, 2017, 46]. Предвыборная кампания демократов Сеймура и Блэра использовала расистский слоган: «Наш билет, наш девиз: это страна белых людей; пусть правят белые люди» [Newton, 2014, 12]. Поэтому неудивительно, что группы Клана по-

степенно оказывались под влиянием местной южной олигархии, использовавшей их как инструмент для запугивания и террора афроамериканцев, чтобы заставить бывших рабов трудиться за гроши или вообще бесплатно.

Рис. 1. Карикатура Фрэнка Беллью из журнала Harper's Weekly 1868 года («Это всего лишь смена знамен») – пример «размахивания окровавленной рубашкой», то есть попытки республиканцев связать Демократическую партию с отделением и делом Конфедерации

К грядущим президентским выборам, несмотря на структурную раздробленность, организация готовилась основательно. В 1868 году конституция ККК подверглась пересмотру. Теперь в качестве областей деятельности Клана упоминались не только 11 штатов Конфедерации, но и так называемые пограничные штаты – Мэриленд, Миссури и Кентукки. В свою очередь, согласно показаниям бывшего клансмана из Миссисипи, состоя в организации, необходимо было принести клятву верности старой конституции штата, обещание не вносить в нее изменения и стараться обеспечить успех консервативной партии [Missisipi Volume 1, 1872, 216]. Между январем и маем 1868 года создатель Клана Н. Форрест посетил почти все штаты Юга, и немедленно после его визита в каждом из 15 вспыхивал кланистский мятеж. Такую же энергичную деятельность развил и его ближайший помощник, «великий дракон» Теннесси Д.У. Гордон, чьи эмиссары создали первые кланистские «пещеры» в Южной Каролине [Лисневский, 1977, 82].

Следует отметить, что кланистское движение было представлено организациями, имевшими различное название, но со схожими с Кланом целями. Известно, что в Новом Орлеане действовали около 70 кланистских клубов, имевших весьма характерные названия: «Рыцари Сеймура», «Легион Сеймура», «Сеймуровские южане», «Дети Сеймура», «Тигры Сеймура», а также «Рыцари Блэйра», «Охотники на болотных лис» и др. Вся деятельность Клана была тщательно законспирирована. О мастерстве конспирации свидетельствует такой факт: сохранился только один экземпляр Конституции ККК 1867 года и лишь три – уже переработанного в 1868 году варианта [Там же, 85, 109]. Будучи тайной группой линчевателей, за время своего существования Клан разработал и осуществил обширную программу физического уничтожения своих противников. Как отмечают американские исследователи, кланистское движение стремилось восстановить превосходство белых с помощью угроз и насилия, в том числе убийств: «Они нападали на белых лидеров Севера, сочувствующих Югу, и политически активных чернокожих» [Martinez, 2007, 24]. Клансмены действовали мобильными отрядами численностью от 10–12 до 200–500 человек [Лисневский, 1977, 92].

Рис. 2. Классная комната мисс Кук, Бюро вольноотпущенников, Ричмонд, Вирджиния. Иллюстрированная газета Фрэнка Лесли, т. 23, 17 ноября 1866 года, с. 132

Негритянские школы (рис. 2) стали одними из важнейших объектов насилия со стороны Ку-клукс-клана, в том числе и во время президентской кампании. Чернокожим запрещалось их посещать и посылать туда своих детей. Нарушение запрета считалось таким же преступлением, как женитьба

на белой женщине. Запугивание всех, кто был связан с образованием афро-американцев, было обычным делом. Например, «в субботу вечером, 22 февраля [1868 года], около 20 клансменов прошли парадом по Мерфисборо, некоторые задержались у дома учителей негритянских школ» [Aleksander, 1949, 202]. Учителя, прибывшие в сельские районы, столкнулись с почти тотальным остракизмом и немалой опасностью со стороны Клана, что «помогает объяснить, почему самые успешные негритянские школы были в более крупных местах, таких как Чарльстон и Мемфис». Первый Клан обычно не обращал внимания на учительниц с Севера, хотя южное общество в целом часто их притесняло [Randel, 1965, 83, 86, 88]. А не подчинившихся приказам Клана покинуть город учителей-мужчин часто пытались. Приведем в пример случай, произошедший с белым учителем Джеймсом Тейлором. Сообщается, что около 11 часов вечера 30 октября 1868 года четверо мужчин: братья Джон и Марк Хокинс, а также Джон и Джозеф Уилсон – подошли к его дому и потребовали, чтобы ихпустили. Получив отказ, они выломали дверь, и Джон Хокинс и Джон Уилсон вошли. Они жестоко избили Тейлора и приказали ему немедленно покинуть округ. Хокинс, приставив пистолет к груди учителя, пригрозил застрелить его, если тот не пообещает уйти. Пробыв еще около часа, нападавшие ушли. Перед тем как покинуть округ, Тейлор обратился к мировому судье (имя не указано) с жалобой, но магистрат отказался рассматривать дело. Сообщается, что Тейлор отправился в Норфолк и скончался по дороге в Нью-Йорк от полученных травм. В ночь после избиения его дом и хозяйственные постройки были сожжены [Freedmen's Bureau Records. Virginia, 1868, 4, No. of case: 82].

В преддверии президентских выборов по всем южным штатам прокатилась широчайшая «эпидемия» политических убийств, порожденная Кланом. Так, в Алабаме было произведено нападение на двух членов законодательного собрания штата. Одного из них, Кроссланда, убили, а другой, Брансон, прекратил политическую деятельность [Иванов, Лисневский, 1981, 113]. В Северной Каролине радикальный депутат законодательного собрания Стефенс был найден с перерезанным горлом в здании суда в графстве Каснелл. В июне 1868 года сенатора Южной Каролины Делла застрелили в его собственном доме. Когда несколько недель спустя начало работу законодательное собрание штата, его члены были загадочным образом предупреждены, что если они попытаются вернуться в свои избирательные округа, то погибнут. Поэтому главный констебль штата Хьюбард даже рекомендовал членам легислатуры от графств Лоуренс и Йорк, где кланистское движение приняло наиболее широкий размах, не возвращаться на время парламентских каникул домой, поскольку там они могут быть уничтожены клансменами [Лисневский, 1977, 99].

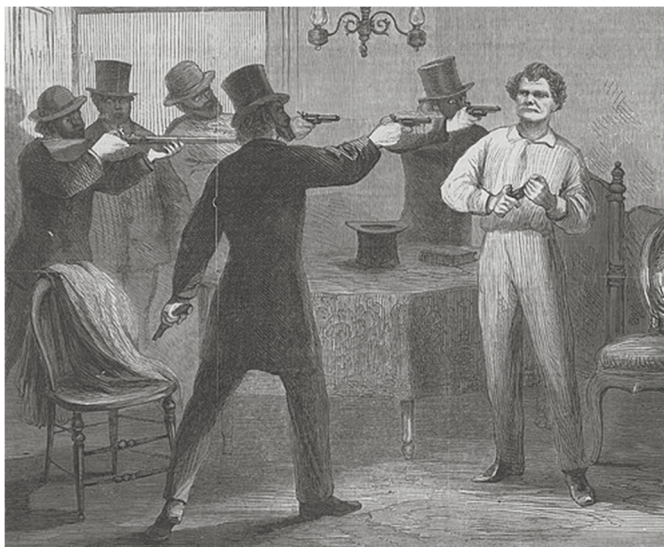

Рис. 3. Иллюстрация Фрэнка Лесли 1868 года «Ку-клукс-клан за работой – убийство distinguished Дж.У. Эшберна в Колумбусе, штат Джорджия»

В ночь на 30 марта 1868 года в Колумбусе, Джорджия, сразу после полуночи в доме на углу 13-й авеню и 2-й улицы группой из пяти хорошо одетых мужчин в масках был убит белый радикальный республиканец Джордж Эшберн (рис. 3). Рассматриваемый своими политическими оппонентами как мошенник, он работал с Бюро вольноотпущенников и афроамериканскими лидерами, такими как Генри Макнил Тернер. Его действия приобрели ему врагов по всему Югу. Эшберн жил среди чернокожего населения и привлек внимание Клана, основавшего свое отделение в Колумбусе 21 марта 1868 года после визита Натана Форреста. В ночь убийства Эшберн участвовал в огромном собрании чернокожих и республиканцев в Темперанс-Холле. Как позже стало известно, незадолго до гибели он получил письмо с угрозами [Georgia Volume 1, 1872, 431]. В то время Джорджия находилась под военным губернаторством. Узнав об убийстве, генерал Джордж Мид ввел военное положение, отстранив мэра от должности и приказав немедленно арестовать всех подозреваемых. Процесс, начавшийся 29 июня, привлек внимание всей страны, поскольку в его рамках были арестованы более 20 человек – видные белые жители Колумбуса. Газеты по всей территории США освещали это убийство и последующий судебный процесс. Поскольку федеральное правительство настаивало на ратификации Четырнадцатой поправки, в то время как Законодательное собрание штата сопротивлялось этому, защитники Клана увидели возможность для сделки. 21 июля 1868 года, по ходу процесса, Джорджия согласилась ратифицировать поправку в обмен на прекращение уголовного преследования убийц. Все заключенные были отпущены под залог и вернулись в Колумбус. Никто никогда не подвергался судебному преследованию. Очевидно, что силы в поддержку Клана на Юге извлекли выгоду из этих событий, опубликовав полнометражную книгу о судебном процессе под названием «Радикальное правление: военное возмущение в Джорджии». Данное убийство послужило

предупреждением для тех, кому было предъявлено обвинение в организации голосования чернокожих. Однако в целом оно не стало достаточно убедительным, чтобы предотвратить избрание республиканца Баллока губернатором или ратификацию новой Конституции штата [Ibid., 532–533; Conway, 1966, 160].

Доходило и до убийств представителей закона. В Алабаме в августе группа из примерно 12–14 клансменов убила только заступившего на должность шерифа округа Блаунт, афроамериканца Леви Мерфи. Сделано это было опять же на почве неприязни к его республиканским взглядам [Alabama Volume 1, 1872, 748, 765–766, 773, 992]. Отмечается, что в Луизиане, в приходе Сент-Мэри, произошло убийство на аналогичной почве шерифа Чейза и судьи Поупа [Лисневский, 1977, 98].

Весьма часто политические преступления совершались во Флориде: осенью 1868 года здесь были убиты цветные республиканцы Джейкобс Томас и Самсон Уивер. В ночь убийства Томаса подозвали к двери его дома и застрелили. На следующий день на следствии Холтмейдж, Кун, Шерли и другие убийцы дали показания, на основании которых цветные республиканцы Уильям Бофорд и Икебуш были арестованы и заключены в тюрьму по подозрению в убийстве. Вероятно, они были бы повешены, если бы ранее не сбежали. Вскоре убийцы разошлись во мнениях и донесли друг на друга, после чего бежали из страны. Во второй половине осени цветные устроили вечеринку в доме тринадцатилетнего Самсона «Принца» Уивера. Пять-шесть переодетых мужчин открыли по ним огонь, убив Уивера и опасно ранив еще трех человек. Уивер проводил политические собрания у себя дома, и его ранее предупреждали, чтобы он этого не делал [Miscellaneous and Florida, 1872, 262–263].

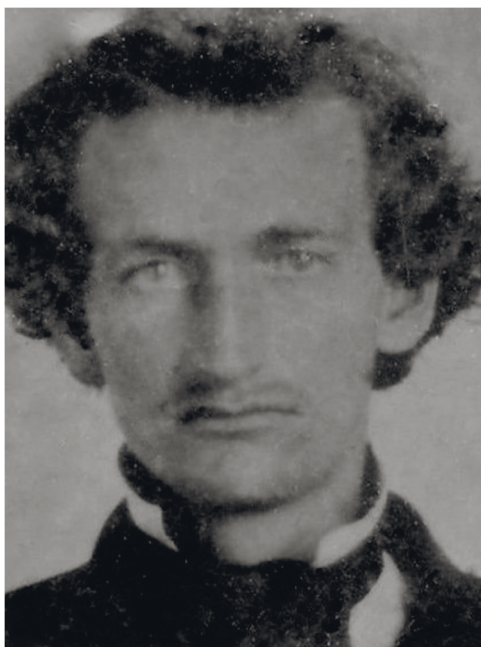

Рис. 4. Фото Джеймса М. Хиндса из семейного архива

Среди убитых в ходе президентской кампании политических лидеров Арканзаса оказался Джеймс М. Хиндс (рис. 4) – первый погибший при исполнении служебных обязанностей конгрессмен США. 22 октября 1868 года по пути на предвыборное мероприятие Гранта в поселении Индиана-Бэй в округе Монро неизвестный выстрелил из дробовика в спину Хиндсу и его коллеге, политику-республиканцу Джозефу Бруксу. Бруксу удалось удержаться в седле и доехать до места назначения, чтобы вызвать помощь. Хиндс упал с лошади и лежал все это время на дороге. Он умер примерно через два часа после нападения. В ходе коронерского расследования было установлено, что стрелявшим был Джордж Кларк, секретарь Демократической партии округа Монро и член местного Клана. Однако его так и не арестовали и не привлекли к ответственности [Marion, Oliver, 2014, 8–12].

К политическим противникам применялись и иные виды насилия, самым распространенным из которых была порка. Ее случаи массово фиксировались в округах с преобладанием чернокожего населения. Так, в июле в Джорджии в собственном доме был выпорот цветной Томас Ричардс [Georgia Volume II, 1872, 736]. В реестре бесчинств за январь – декабрь по Вирджинии можно обнаружить запись о проникновении в округе Саутгемптон вооруженной ружьями и револьверами банды мужчин из числа самых богатых в округе, в дома примерно 20 или более вольноотпущенников под предлогом поиска «украденного имущества». Они обращались с вольноотпущенниками грубо и подло, били их пистолетами, угрожали «вышибить им мозги» или отвести «в лес и нанести 100 ударов плетью». Очевидно, это был план запугивания, чтобы те не ходили на выборы [Freedmen's Bureau Records // Virginia. 1868, 4, No. of case: 48]. Примерно в первый день июня неподалеку от Коннерсвилля в округе Джайлс (Теннесси) цветные люди пришли на молитвенное собрание, когда на них напал Клан. Собрание было разогнано, а его лидеров вывели из зала и жестоко выпороли по голым спинам [Freedmen's Bureau Record's // Tennessee. 1868].

Нередкими были и похищения. В письме из округа Хопкинс штата Техас за 27 июля были упомянуты самые вопиющие случаи. Так, пятеро вооруженных мужчин выкрали Минерву Джеймс из дома Германа Спенсера, пронесли ее около мили и жестоко убили. Единственное оправдание убийц заключалось в том, что она должна была сказать кому-то (но никто не знает, кому именно), что знает, кто убил Чарли Граймса, и собиралась рассказать об этом солдатам федеральной армии. А 24 июля был убит мужчина по фамилии Флауэрс, также похищенный из дома ночью. На следующий день группа мужчин везла его тело на кладбище, когда по ней открыли огонь. Мужчина и маленький мальчик были убиты, а еще один получил тяжелое ранение в легкие. Все они являлись членами Юнионистской лиги [Freedmen's Bureau Record's // Texas. 1868].

Еще одним способом насилия стало разоружение чернокожих. Как сообщал в своем письме от 6 сентября 1868 года губернатор Арканзаса П. Клейтон, с момента последнего письма Клан в составе 12–15 человек появился на трех-четырех плантациях и забрал два ружья [Miscellaneous and Florida, 1872, 331]. Подобные разоружения накануне выборов происходили в округе Лаймстоун (Алабама) [Alabama Volume II, 1872, 724].

Но в первую очередь насилие со стороны Ку-клукс-клана препятствовало голосованию чернокожих (рис. 5), что зафиксировано на конкретных примерах статистики. Если на губернаторских выборах в Джорджии в апреле 1868 года в округе Колумбия отдали 1222 голоса за республиканца Руфуса Буллока, то к ноябрьским президентским выборам запугивание со стороны Клана привело к подавлению голосов республиканцев. Только один человек проголосовал за Гранта [Bryant, 2020]. С целью подавления чернокожих избирателей-республиканцев в округах Резерфорд и Кливленд (Северная Каролина) Клан прибывал из соседней Южной Каролины. Это привело к нужному результату: голоса за консерваторов в Кливленде увеличились примерно с 500 до 850. Подобное падение голосов за республиканцев наблюдалось в округе Ориндж [North Carolina, 1872, 12, 29, 353].

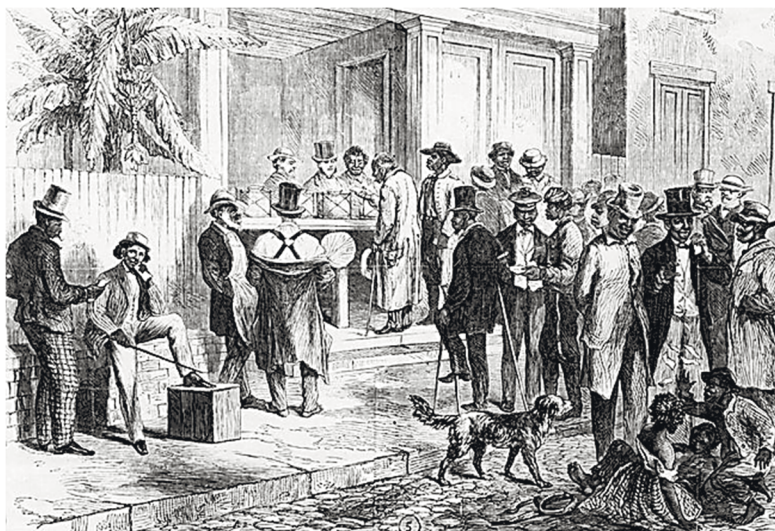

Рис. 5. Вольноотпущенники голосуют в Новом Орлеане, Луизиана, 1867 год (Otto Bettmann)

Иной раз доходило и до вовсе смешных случаев. Утром в день выборов в г. Афины въехали верхом люди «в ситцевых халатах свободного покроя». Пройдя через площадь с ее западной стороны, группа спустилась к месту стоянки лагеря солдат федеральных сил. В разговоре с командиром отряда, длившемся несколько минут, эти люди велели следить за порядком, а если он не сможет его обеспечить, то пусть обратится к ним – они помогут [Alabama Volume II, 1872, 723].

За время исследуемого периода также нельзя не упомянуть о крупных боях, которые привели к значительному количеству жертв.

Случившаяся 19 сентября 1868 года резня в г. Камилла (юго-западная часть штата Джорджия), где большинство населения составляли белые американцы, также связанная с избирательной борьбой, получила общенациональную известность. Причиной волнений стала отмена демократическим большинством Генеральной ассамблеи штата мандатов 33 республиканцев-афроамериканцев, избранных в нее. Вооруженные республиканцы (чернокожие и белые) численностью до 300 человек попытались организовать митинг перед зданием городского суда на центральной площади Камиллы. Шериф и местный «гражданский комитет» («комитет бдительности») запретили проведение демонстрации, которую вскоре обстреляли белые ополченцы. Активисты-республиканцы бежали из города и спрятались в окрестные болота. Всего было убито до 15 демонстрантов-афроамериканцев и ранено около 40 человек [Прилуцкий, 2024, 95].

Беспорядки в приходе Боссьер начались 27 сентября 1868 года, когда незнакомец из Арканзаса по имени Гибсон прибыл на плантацию Шейди-Гроув и вступил в спор с местными вольноотпущенниками. Дело закончилось тем, что незнакомец выстрелил в пожилого чернокожего, названного радикалом, но промахнулся. Затем вольноотпущенники связали его и приковали цепью к дереву, надеясь передать местным правоохранительным органам. На следующее утро за Гибсоном пришла группа белых, заявившая о желании передать его гражданским властям ближайшего города Бельвю. Вольноотпущенники подчинились, почти не надеясь на успешное судебное преследование, но радуясь избавлению от этого человека. После инцидента среди белого населения распространились слухи о восстании чернокожих, участники которого, как сообщается, «вопили и улюлюкали, как стая разъяренных демонов, радуясь перспективе пролить кровь белого человека». Вскоре после увода Гибсона толпа белых из более чем 40 человек прибыла в Шейди-Гроув и начала «беспорядочную резню цветного населения». Маршал США, посланный из близлежащего Шривпорта 30 сентября, не видел ни одного живого вольноотпущенника (кроме слуг), обнаружив только трупы на обочине дороги. Насилие продолжалось в таком же темпе в течение первой недели октября, после этого начало утихать. Однако в приходе не приветствовали тех, кто выражал республиканские настроения, и даже угрожали им смертью, если те останутся республиканцами. Согласно отчету Ли, за этот короткий период погибло 167 человек, на президентских выборах был отдан только один голос за республиканцев [Christensen, 2012, 73–74].

Наиболее значимым из кровавых событий стала резня в г. Опелусас в приходе Сент-Лэндри (рис. 6) в центральной части штата Луизиана, произошедшая 28 сентября. В ней приняли участие демократы – белые расисты, многие из которых принадлежали к секретному ордену «Рыцари белой камелии».

Возмущение сторонников превосходства белых вызвали ратификация новой конституции Луизианы (апрель) и принятие летом Четырнадцатой поправки к Конституции США, гарантировавших равенство прав всех граждан независимо от цвета кожи. Зачинщики хорошо подготовились: в конце лета появились сообщения, что в Сент-Лэндри на корабле из Нового Орлеана прибыли две партии оружия для сторонников Демократической партии [Ibid., 45]. В тот злополучный день белый школьный учитель и редактор республиканской газеты Эмерсон Бентли подвергся нападению и был избит тремя демократами прямо во время урока. Имея явное преимущество как в численности, так и в вооружении, расисты начали охотиться, захватывать и убивать чернокожих республиканцев и белых партийных лидеров. Белые толпы разрушили школу вольноотпущенников и редакцию *St. Landry Progress* и линчевали К.Э. Дюрана, соредактора Бентли, выставив его тело на всеобщее обозрение у аптеки в Опелусасе. Сбежавших чернокожих загнали в болота и расстреляли. Оценки числа жертв сильно разнятся. В отчете Ли подсчитано: погибло в общей сложности 223 человека. Солидарность белых и страх чернокожих заставили его полагаться на демократическую прессу в отношении некоторых из этих цифр, так как республиканские газеты в регионе отсутствовали. Генерал Хэтч, готовя отчет для Бюро вольноотпущенников, столкнулся с аналогичными трудностями при получении информации, сообщив только о 23 смертях – цифре, с которой, по-видимому, согласилось большинство демократически настроенных свидетелей. Число смертей, зафиксированных демократами, составило от 23 до 75, в то время как оценки республиканцев варьировались от 200 до 500. Даты различались, поскольку насилие было настолько распространенным явлением, что еще с марта появились данные о смертельных случаях. *Franklin Planter's Banner* сообщило о 100 погибших чернокожих, и с данной цифрой, по-видимому, согласились региональные демократические газеты. За это время в отчете Ли было подтверждено только две смерти белых, республиканца и демократа, а самая высокая оценка потерь среди белых демократов составляла четыре человека. Не было приведено никаких оценок числа погибших белых республиканцев, но Джон Амрейн (член Палаты представителей) дал показания комитету Палаты представителей: «Все лидеры республиканской партии, о которых я знал, кто не сбежал, были убиты». Судя по общему состоянию беззакония в регионе и той энергии, с которой демократы охотились на республиканцев, гибель 250 чернокожих отнюдь не является чем-то невероятным. Общее же число смертей с 28 сентября по 3 ноября, вероятно, составило 200–250 человек. В результате Республиканская партия в округе была фактически уничтожена. На президентских выборах не было зарегистрировано ни одного голоса за республиканцев, и сотрудники избирательной комиссии предположили, что любой, кто проголосовал бы не за демократов, был бы убит «в течение 24 часов» [Ibid., 61–62].

Рис. 6. Здание окружного суда Сент-Лэндри в Опелусасе, штат Луизиана, во время Гражданской войны в США. Гравюра с изображением эскиза. Приблизительно 1863 год

В октябре 1868 года произошли беспорядки в алабамском городе Хантсвилл (рис. 7). Согласно свидетельским показаниям, поводом к ним послужил массовый митинг Юнионистской лиги у здания суда. Примерно в 10 часов около 150 переодетых мужчин въехали на городскую площадь с юго-восточной стороны и окружили ее. За ними следовали многочисленные пешие люди без маскировки. У каждого из переодетых были приторочены к седлу двухствольное ружье или карабин и имелось по два морских револьвера. Один из них они держали в правой руке, когда обходили площадь. Все четверо ворот с высокой железной оградой оказались оцеплены. Когда колонна приблизилась к входу, у северных ворот началась стрельба: прозвучало от 70 до 100–120 пи-стоletных выстрелов. По приказу циклопа Клан выстроился в боевую линию и оставался в таком положении несколько минут, пока начавший стрельбу человек не был ранен в голову. Тогда он приказал прекратить огонь. Спустя еще несколько минут Клан выстроился в колонну и двинулся вперед. Сообщалось, что в четверти мили от места события на литейном железнодорожном заводе в резерве было 150 человек, на мосту Пинхук, что в полумиле, еще столько же. По разным оценкам, в ходе стрельбы было убито 7–8 человек. Судья был ранен в живот и умер через три дня. Для защиты населения были вызваны войска генерала Энгера. Им удалось арестовать четырех клансменов с масками в седельных сумках и при полном вооружении. Разоружив и забрав маскировку, их передали гражданским властям. Однако те отпустили арестованных. В итоге за случившееся никто не понес наказания [Alabama Volume I, II, III, 1872, 114–116, 432–433, 818–821, 834, 849, 654, 1165–1166].

Рис. 7. Иллюстрация с изображением двух членов Ку-Клукс-Клана в журнале Harper's Weekly, 19 декабря 1868 года. Маскировка была ранее захвачена в Хантсвилле, Алабама. Источник: Library of Congress, Washington, D.C. (LC-USZ62-119565)

Общий счет убийств афроамериканцев во всех южных штатах за 1868 год поражает масштабностью террора кланистского движения. Руководитель «Бюро вольноотпущенников» Говард 20 октября 1869 года сообщал, что с октября 1868 года по октябрь 1869 года в одной только Северной Каролине было зарегистрировано 100 тысяч актов террора, совершенных «вампирами». В первую очередь уничтожались самые развитые, сознательные и независимые представители негритянского населения; «негров ненавидели и боялись прямо пропорционально их интеллекту и способностям» [Иванов, Лисневский, 1981, 21].

Члены КKK убили более 150 афроамериканцев в округе Джексон, штат Флорида, а также сотни людей в других округах, включая Мэдисон, Алачуа, Колумбию и Гамильтон. В записях Бюро по делам вольноотпущенников Флориды подробно описываются избиения и убийства и их белых союзников. Среди историков Клана этот том документов также известен как «Свидетельство Клана» [Newton, 2001, 1–30].

Широкий размах террор принял и в Луизиане. По официальным данным, перед президентскими выборами клансмены (рис. 8) убили или изувечили 1887 человек. Однако сами члены комиссии Конгресса полагали, что если бы была установлена вся правда, то оказалось бы, что в штате против республиканцев совершено не менее четырех тысяч случаев насилия, в подавляющем большинстве выражающегося в убийствах [Лисневский, 1977,

103]. В кратком обзоре убийств, совершенных в округах Каддо и Боссье за сентябрь – октябрь, сообщается не менее чем о 100 убитых вольноотпущенниках. Установить имена погибших или провести расследование считалось невозможным. Любой, кто попытается это сделать, «разделит судьбу бунтующих негров» [Freedmen's Bureau Record's // Louisiana. 1868].

Вместе с тем огромное количество насилия осталось просто незафиксированным. Как видно из представленного 6 апреля 1872 года генерал-атторнеем США доклада, подготовленного на основании полных отчетов из 30 графств и частичных отчетов из 127 графств Техаса, число насильственных смертей здесь за время между окончанием Гражданской войны и июлем 1868 года составило 1035. Но, как он полагал, если бы отчеты были правильны и полны, количество убийств за указанный период, вероятно, достигло бы 2000. В июле 1870 года статс-секретарь Ньюкомб сообщил сенату штата, что между 23 мая 1868 года и 23 мая 1870 года в Техасе было совершено 905 убийств. Однако статс-секретарь предполагал, что на самом деле число равнялось 1500 [Лисневский, 1977, 94].

Рис. 8. Клансмен, вооруженный пистолетом.
Источник: A.W. Tourgee. The Invisible Empire

Каковы же итоги широкой практики террора? Первый Клан добился неоднозначных результатов в достижении своих целей. Историк Джордж К. Рейбл утверждает, что Клан потерпел политическое поражение и поэтому был отвергнут лидерами Демократической партии на Юге. Сила Клана осла-

бела отчасти из-за внутренних недостатков: отсутствия центральной организации и неспособности лидеров контролировать преступные элементы и садистов. В более фундаментальном смысле это произошло, потому что Клан не смог достичь своей главной цели – свержения республиканских правительств на Юге [Rable, 1984, 101, 110–111]. Однако если посмотреть на практический результат, то можно сделать вывод: кланистский террор достигал поставленных целей. Республиканцы недобирали голоса или вовсе теряли потенциальных избирателей среди афроамериканцев. Прибегая к убийствам и угрозам насилия, Клан серьезно ослабил политическое руководство чернокожих и вынудил некоторых людей уйти из политики. Клансменам удалось полностью разгромить, ликвидировать или загнать в подполье все местные отделения Юнионистской лиги в Теннесси, Кентукки, Миссисипи и Джорджии [Лисневский, 1977, 113]. С другой стороны, он вызвал резкую негативную реакцию, приведшую к принятию сначала законов об ополчении в отдельных южных штатах, а затем и федеральных антикланистских законов. По словам историка Эрика Фонера, применение законов было успешным с точки зрения «восстановления порядка, поднятия боевого духа южных республиканцев и предоставления чернокожим возможности пользоваться своими гражданскими правами» [Foner, 1988, 458].

Однако с обеими высказанными точками зрения нельзя согласиться в полной мере. Несмотря на широкий размах террора, реакция республиканских властей была недостаточной, чтобы разгромить расистское движение. Даже после принятия антикланистских законов Клан и кланистское движение продолжили свое существование. И даже после формального роспуска и дальнейшего разгрома на смену ему пришли иные расистские политические группировки, цели которых оставались прежними. Демократическая партия не отказалась от идеи свержения правительств Реконструкции на Юге. Она продолжала официально и неофициально помогать кланистскому движению, если оно нуждалось в юридической защите или материальной поддержке.

Таким образом, за время своего существования Ку-Клукс-Клан пережил несколько пиков активности. Первый был связан с выборами, прошедшими в 1868 году. По мнению некоторых исследователей, Первый Клан образца 1867–1869 годов был реальным выражением духа всеобщей неприязни, которую южане испытывали к навязанной им Севером политике Реконструкции, а всадники в масках и белых балахонах стали символами сопротивления Юга беззакониям, совершаемым чернокожими и саквояжниками, и, без сомнения, формой выражения протеста против проводимой политики.

Террор, производимый клансменами, привел к роспуску юнионистских лиг во многих округах южных штатов. Избранный президент Грант тем не менее проиграл в Джорджии и Луизиане, где насилие и запугивание чернокожих были наиболее заметными. В то же время реакцией на террор стало

принятие первого антикланистского законодательства в штатах. Сюда вошли законы об ополчении, а также законы, запрещающие ношение маскировки и переодевание в нее.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов Р.Ф., Лисневский Э.В. Ку-Клукс Клан. М.: Наука, 1981. 192 с.
- Лисневский Э.В. Кланистское движение в период Реконструкции Юга (1865–1877 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1977. 192 с.
- Прилуцкий В.В. Вооруженное политическое насилие на Юге США во время Президентской и Конгрессовской Реконструкции (1865–1870 гг.) // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 3 (10) / гл. ред. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. С. 91–99.
- Alexander T. Kukluxism in Tennessee, 1865–1869 // Tennessee Historical Quarterly. 1949. Vol. 8(3). P. 195–219.
- Bartoletti S. They Called Themselves the K.K.K.: The Birth of an American Terrorist Group. Houghton Mifflin Harcourt, 2014. 176 p.
- Bryant J. Ku Klux Klan in the Reconstruction Era. Georgia Southern University, 2020. URL: <https://www.georgiaencyclopedia.org/articles/history-archaeology/ku-klux-klan-in-the-reconstruction-era/> (дата обращения: 05.09.2025).
- Calhoun C. The Presidency of Ulysses S. Grant. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2017. 728 p.
- Christensen M. The 1868 St. Landry Massacre: Reconstruction's Deadliest Episode of Violence. University of Wisconsin – Milwaukee, 2012. 103 p.
- Conway A. The reconstruction of Georgia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1966. 264 p.
- Foner E. Reconstruction: America's Unfinished Revolution, 1863–1877. Perennial (Harper Collins), 1988. 690 p.
- Freedmen's Bureau Records: Affidavits Relating to Outrages Mar. 1866 – August 1868. URL: <https://freedmensbureau.com/tennessee/affidavits/schoolhouse.htm> (дата обращения: 20.09.2025).
- Freedmen's Bureau Records: Miscellaneous Records Relating to Murders and Other Criminal Offenses Committed in Texas 1865–1868. URL: <https://freedmensbureau.com/texas/joeceasley.htm> (дата обращения: 20.09.2025).
- Freedmen's Bureau Records: Miscellaneous Reports and Lists Relating to Murders and Outrages Mar. 1867 – Nov. 1868. URL: <https://freedmensbureau.com/louisiana/outrages/bossierandcaddo.htm> (дата обращения: 20.09.2025).
- Freedmen's Bureau Records: Register of Outrages Committed on Freedmen Jan. – Dec. 1868. URL: <https://freedmensbureau.com/virginia/registeroutrages4.htm> (дата обращения: 21.09.2025).
- Marion N., Oliver W. Killing Congress: Assassinations, Attempted Assassinations and Other Violence Against Members of Congress. Lexington Books, 2014. 282 p.
- Martinez J. Carpetbaggers, Cavalry, and the Ku Klux Klan: Exposing the Invisible Empire During Reconstruction. Rowman & Littlefield, 2007. 286 p.
- Newton M. The Invisible Empire: The Ku Klux Klan in Florida. University Press of Florida, 2001. 288 p.
- Newton M. White Robes and Burning Crosses: A History of the Ku Klux Klan from 1866. Jefferson, NC: McFarland, 2014. 316 p.
- Rable G. But There was No Peace: The Role of Violence in the Politics of Reconstruction (2007 ed.). University of Georgia Press, 1984. 272 p.
- Randel W. The Ku Klux Klan: A Century of Infamy. New York: Chilton Company, 1965. 300 p.

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Alabama Volume I. Washington: Government printing office, 1872. 640 p.

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Alabama Volume II. Washington: Government printing office, 1872. 675 p.

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Alabama Volume III. Washington: Government printing office, 1872. 603 p.

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Georgia Volume I. Washington: Government printing office, 1872. 591 p.

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Georgia Volume II. Washington: Government printing office, 1872. 626 p.

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Miscellaneous and Florida. Washington: Government printing office, 1872. 399 p.

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Mississippi Volume I. Washington: Government printing office, 1872. 609 p.

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. North Carolina. Washington: Government printing office, 1872. 592 p.

Trelease A. White terror: the Ku Klux Klan conspiracy and Southern Reconstruction. Louisiana State University Press, 1971. 557 p.

A.V. Kalashnikov

Postgraduate Student,

Chair of General History,

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Bryansk, Russia

The Bloody Year of 1868: the Klanster Movement's Terror in the Southern States on the Eve of the Presidential Elections

The article examines the ideological features and main activities of the First Ku Klux Klan in 1865–1868. The study is based on an examination of unpublished office records from regional state archives and little-known newspaper material. The main instrument of activity in this area to achieve the goal of returning power to the supporters of the Confederation for the Klan was practically unlimited terror. Among the main activities in this area, the author noted the restriction of black voting, attacks on representatives of unionist leagues, black militia, etc. For a visual demonstration, a set of available sources was used, including archival materials and the press of the Reconstruction era. As a conclusion, the author notes the high activity of the organization in the months preceding the presidential elections of 1868, which became the pretext for the victory of representatives of the Democratic Party in the reconstructed states. Given the scale of the tasks and limited financial resources, the author considers it necessary to evaluate the activities of the Ku Klux Klan as an organization supported by a significant part of the white population of the post-war South, which unleashed a low-intensity guerrilla conflict.

Keywords: *racism; terror; Ku Klux Klan; Confederacy; guerrilla warfare.*

REFERENCES

- Ivanov R.F., Lisnevsky E.V. *Ku Klux Klan [Ku-Kluks-Klan]*. Moscow: Nauka, 1981. 192 p. (in Russian).
- Lisnevsky E.V. The Klanist movement during the Reconstruction of the South (1865–1877) (1865–1877 gg.) [Klanistskoe dvizhenie v period Rekonstrukcii Yuga]. Rostov-na-Donu: Rostov State University, 1977. 192 p. (in Russian).
- Prilucky V.V. Armed political violence in the Southern United States during the Presidential and Congressional Reconstruction (1865–1870) [Voorujennoe politicheskoe nasilie na Yuge SSHa vo vremya Prezidentskoi i Kongressovskoi Rekonstrukcii (1865–1870 gg.)]. *American Studies in the Far East: Annual Bulletin*. Vol. 3 (10). Edited by Kuznecov D.V. Blagoveschensk: BGPU, 2024. Pp. 91–99 (in Russian).
- Alexander T. Kukuluxism in Tennessee, 1865–1869. *Tennessee Historical Quarterly*, 1949. Vol. 8 (3). Pp. 195–219 (in English).
- Bartoletti S. They Called Themselves the K.K.K.: The Birth of an American Terrorist Group. Houghton Mifflin Harcourt, 2014. 176 p. (in English).
- Bryant J. "Ku Klux Klan in the Reconstruction Era". Georgia Southern University, 2020. Available at: <https://www.georgiaencyclopedia.org/articles/history-archaeology/ku-klux-klan-in-the-reconstruction-era/> (accessed on September 5, 2025) (in English).
- Calhoun C. The Presidency of Ulysses S. Grant. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2017. 728 p. (in English).
- Christensen M. The 1868 St. Landry Massacre: Reconstruction's Deadliest Episode of Violence. University of Wisconsin. Milwaukee, 2012. 103 p. (in English).
- Conway A. The reconstruction of Georgia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1966. 264 p. (in English).
- Foner E. Reconstruction: America's Unfinished Revolution, 1863–1877. Perennial (HarperCollins), 1988. 690 p. (in English).
- Freedmen's Bureau Records: Affidavits Relating to Outrages Mar. 1866–August 1868. Available at: <https://freedmensbureau.com/tennessee/affidavits/schoolhouse.htm> (accessed on September 20, 2025) (in English).
- Freedmen's Bureau Records: Miscellaneous Records Relating to Murders and Other Criminal Offenses Committed in Texas 1865 – 1868. Available at: <https://freedmensbureau.com/texas/joeccasley.htm> (accessed on September 20, 2025) (in English).
- Freedmen's Bureau Records: Miscellaneous Reports and Lists Relating to Murders and Outrages Mar. 1867 – Nov. 1868 Available at: <https://freedmensbureau.com/louisiana/outrages/bossierandcaddo.htm> (accessed on September 20, 2025) (in English).
- Freedmen's Bureau Records: Register of Outrages Committed on Freedmen Jan. – Dec. 1868. Available at: <https://freedmensbureau.com/virginia/registeroutrages4.htm> (accessed on September 21, 2025). (in English).
- Marion N., Oliver W. Killing Congress: Assassinations, Attempted Assassinations and Other Violence Against Members of Congress. Lexington Books, 2014. 282 p. (in English).
- Martinez J. Carpetbaggers, Cavalry, and the Ku Klux Klan: Exposing the Invisible Empire During Reconstruction. Rowman & Littlefield, 2007. 286 p. (in English).
- Newton M. The Invisible Empire: The Ku Klux Klan in Florida. University Press of Florida, 2001. 288 p. (in English).
- Newton M. White Robes and Burning Crosses: A History of the Ku Klux Klan from 1866. Jefferson, NC: McFarland, 2014. 316 p. (in English).
- Rable G. But There was No Peace: The Role of Violence in the Politics of Reconstruction. University of Georgia Press, 2007. 272 p. (in English).
- Randel W. The Ku Klux Klan: A Century of Infamy. New York: Chilton Company, 1965. 300 p. (in English).

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Alabama Vol. I. Washington: Government printing office, 1872. 640 p. (in English).

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Alabama. Vol. II. Washington: Government printing office, 1872. 675 p. (in English).

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Alabama. Vol. III. Washington: Government printing office, 1872. 603 p. (in English).

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Georgia. Vol. I. Washington: Government printing office, 1872. 591 p. (in English).

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Georgia. Vol. II. Washington: Government printing office, 1872. 626 p. (in English).

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Miscellaneous and Florida. Washington: Government printing office, 1872. 399 p. (in English).

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. Mississippi. Vol. I. Washington: Government printing office, 1872. 609 p. (in English).

Testimony taken by the Joint Select Committee to inquire into Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States. North Carolina. Washington: Government printing office, 1872. 592 p. (in English).

Trelease A. White terror: the Ku Klux Klan conspiracy and Southern Reconstruction. Louisiana State University Press, 1971. 557 p. (in English).

Д.В. Цветков

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 94(100)

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-196-209

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ И БОЛГАРИЕЙ В 1908–1918 ГОДАХ

Ключевые слова: Австро-Венгрия; Болгария; Центральные державы; дипломатия; международные отношения.

После обретения независимости Болгарией политическим руководством страны был взят курс на национальное объединение всех болгар под скипетром Кобургской династии. Для реализации собственных внешнеполитических амбиций молодому государству нужен был сильный союзник, каковым Софийский двор видел Австро-Венгерскую империю. В свою очередь Вена рассматривала Болгарию как противовес набирающему силу Сербскому королевству. Сложная международная ситуация на Балканах в первой четверти XX века придавала отношениям двух государств противоречивый характер. С одной стороны, обе монархии рассчитывали на союз друг с другом, с другой – Австро-Венгрия стремилась использовать Болгарию в своих целях. В то же время последняя лавировала между интересами и противоречиями военно-политических блоков европейских держав – Антанты и Тройственного союза,

играла на противоречиях внутри Центральных сил. В итоге дипломатический и военный союз с монархией Габсбургов не позволил Болгарскому царству реализовать собственные национальные идеалы вследствие поражения обоих государств в Первой мировой войне.

Начало дипломатическим отношениям между Болгарией и Австро-Венгрией было положено еще в 1879 году, то есть в скором времени после освобождения этой маленькой восточноевропейской страны от Османской империи [Mantschewa, 2022]. Вена строила свои планы в отношении молодого государства, остававшегося формально вассальным Турции, с обязательными выплатами дани султану, преимущественными правами иностранцев на ее территории, но фактически независимого, с «христианским правительством и народной милицией» [Сборник договоров России с другими государствами, 1952]. Теперь новая страна занимала особое место во внешней политике монархии Габсбургов. Для того чтобы упрочить свое влияние на Балканах, союз с Софией представлялся Вене важным и необходимым [Дюлгерова, 1985, 34].

В то же время реальную свободу от османов получала только Северная Болгария, получившая статус княжества. Южная часть страны, именуемая «Восточной Румелией», оставалась широкой автономией на территории империи. Македония – территория с большинством болгарского населения – по-прежнему являлась обычной турецкой провинцией. Вена активно стремилась использовать вопрос всеболгарского объединения (создания «Целокупной» Болгарии) в своих внешнеполитических целях, прежде всего для укрепления экономического и политического влияния на Балканском полуострове [Лалков, 1983, 126]. Также не стоит забывать о противостоянии Вены и Санкт-Петербурга и стремлении Габсбургов объединить под своим скипетром славянские народы Восточной Европы.

С 1887 года болгарским князем становится Фердинанд I, представитель Эрнестинской линии древней саксонской династии Веттинов, потомок Орлеанских Бурбонов по материнской линии. Отечественная историография считает его «проавстрийским» [История Болгарии, 1954, 420], в более современных исследованиях болгарский правитель представлен как прагматичный политик, желающий процветания стране, которую возглавил, опираясь на силу Великих держав, в том числе Габсбургской монархии. При этом после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов австрийский капитал интенсивно внедрялся в экономику молодых балканских государств [Дюлгерова, 1985, 170]. Болгарское княжество, а впоследствии царство, представлялось политикам Вены довольно важным по своему стратегическому значению. В 1896–1897 годах болгарское правительство подписало торговые договоры с Австро-Венгрией, Россией, Германией, Францией, Италией, Великобританией, Голландией и Сербией [Кадиева, 2007, 37–39]. Страна ак-

тивно приобретает займы от европейских государств, что позитивно отражается на ее экономическом развитии. Быстрыми темпами происходят модернизация и европеизация Болгарии [Гришина, 2008, 150].

В то же время Австро-Венгрия не стремилась отторгнуть вассальное княжество от Константинополя. Вена была заинтересована в сохранении статус-кво на Балканах. Император Франц Иосиф I и его дипломаты отчетливо понимали, что национальные движения славянских народов Османской империи могут расшатать внутреннюю ситуацию в самой Австро-Венгрии. Тем более что в 1897 году, когда истек срок действия экономического соглашения между Австрией и Венгрией, последняя не стала его продлевать как раз из-за национальных противоречий, что погрузило империю в тяжелый кризис.

Чтобы сохранить территориальную целостность Турции, в 1897 году между Веной и Петербургом было подписано секретное соглашение, фактически представлявшее из себя дипломатическую переписку министров иностранных дел Российской империи графа М.Н. Муравьева и Австро-Венгрии Агенора Голуховского о поддержании статус-кво в делах Востока [Pribram, 1920, 184–198].

Однако события 1903 года, известные как Илинденско-Преображенское восстание населения Македонии и Одринской Фракии против власти Османской империи, и различная реакция на них Австро-Венгрии и России продемонстрировали правящим кругам Вены и Санкт-Петербурга необходимость изменения внешней политики на Балканах. Изначально империи стремились реформировать мятежный регион, для чего в сентябре 1903 года Франц Иосиф I и Николай II встретились в замке Мюрцштег близ Вены. Оба императора смогли выработать соглашение о дальнейших реформах в Македонии. Однако на практике «Мюрцштегские реформы» так и не были осуществлены [Лалков, 1997, 143]. С этого времени Россия видела Македонию независимой и нейтральной страной. После того как в Сербии в результате переворота в июне 1903 года к власти пришла династия Карагеоргиевичей, этот регион стал рассматриваться Белградом как сфера своего влияния. Габсбурги же, наоборот, поддерживали болгар в македонском вопросе, хотя до 1912 года открыто не заявляли об этом. Так или иначе, именно с 1903 года болгарское правительство начало отходить от политики лавирования между Россией и монархией Габсбургов и избрало прогерманскую и проавстрийскую внешнеполитическую ориентацию.

Как известно, в июле 1908 года в Османской империи произошла Младотурецкая революция – во главе государства встали националисты-младотурки. Практически сразу после захвата власти они провозгласили политику пантюркизма и панисламизма, чем вызвали сопротивление национальных окраин [Лалков, 1997, 204]. Обострились и давние противоречия с Болгарией, на которую все еще формально распространялась власть султана. Именно в этот период проявился дипломатический талант Фердинанда

I. Он не стал прямо нарушать положения Берлинского трактата 1878 года, а решил заручиться поддержкой великих держав, и прежде всего Австро-Венгрии, как государства, подписавшего Договор. Почти все лето 1908 года князь провел в столице двуединой монархии. Ему удалось официально поговорить с Францем Иосифом на официальном ужине. Они договорились, что Болгария сначала объявит независимость, а затем Австро-Венгрия аннексирует Боснию и Герцеговину. Таким образом, Фердинанд смог заручиться личной поддержкой императора и короля [Валева, 2003, 43].

5 октября 1908 года в древней болгарской столице Велико-Тырново министр-председатель Малинов торжественно зачитал манифест о независимости Болгарии и повышении ее статуса до царства. Фердинанд теперь объявлялся «царем болгар». Теперь страна становилась равноправным партнером в существующей на тот момент Венской системе международных отношений и повысила свой внешнеполитический статус до суверенного [Объявяване на независимостта, 1989, 107].

Однако Австро-Венгрия не торопилась с признанием этого официального акта. Первой независимость Болгарии признала как раз Россия – в апреле 1909 года в результате нового сближения между двумя странами. И только вслед за Россией это сделали Австро-Венгрия и другие страны. В отличие от Габсбургов, Петербург согласился урегулировать финансовые споры между молодым царством и старейшей империей Востока. Попытки Вены помешать налаживанию болгаро-российских связей, неустойчивых еще со времен кризиса 1885–1888 годов, ни к чему не привели [Валева, 2003, 49].

С началом в 1912 году Балканских войн, созданием Балканского союза под эгидой России, помимо Турции фактически направленного и против Австро-Венгрии, а также усилением потенциального противника Австро-Венгрии – Сербского королевства Вена остро нуждалась в союзнике. Таковым австрийским политикам по-прежнему представлялась Болгария. Между тем Франция, не желающая теперь чрезмерного влияния России, обрела себе неожиданного союзника в лице Австро-Венгрии, и, напротив, Германия изначально заняла антиавстрийскую позицию. Изначально объединенные армии молодых государств Балканского полуострова смогли разгромить турецкую армию. Однако разногласия между участниками Союза, и прежде всего между Болгарией и ее соседями, накопились до предела, чем и воспользовалась австро-венгерская дипломатия [Гусев, Котов, 2023, 376].

Основанием для решительных действий Вены были несправедливые, с точки зрения Болгарии, условия Лондонского мирного договора, по которому она не получала всех территорий, на которые претендовала. К тому же в этот период наметились отчетливые контуры противостояния между Болгарией и Сербией за влияние на Балканском полуострове.

Отечественные исследователи в своих трудах часто выражают пиетет Сербии, вспоминая культурную и этническую близость с русским народом, и, если говорить о начале XX века, указывают на оборонительный характер ее участия в Первой мировой войне. Болгария же, как союзница Германии в обеих мировых войнах, характеризуется очень негативно. Даже в современных работах можно обнаружить тезис о ней как о «предательнице дела славянства» [Никифоров, 2019, 369]. Однако стоит сказать, что после свержения условно проавстрийской династии Обреновичей и утверждения на престоле Карагеоргиевичей королевство заявляет о планах объединения южных славян под своим скипетром. Зарубежная и отечественная историческая наука уже доказала факт финансирования и снабжения оружием Белградом тайных обществ, борющихся против Австро-Венгерской империи [Вишняков, 2014, 8–13]. Как показали июньские события 1914 года, угроза для империи, исходившая от южного соседа, была более чем реальной.

Софийский двор, при котором продолжалось тлеющее противостояние русофобов и русофилов, после Балканских войн, которые Болгария де-факто проиграла, сделал ставку на Австро-Венгрию и Германию, пытаясь восстановить «историческую справедливость».

Можно сказать, габсбургская дипломатия играла на давних противоречиях и обидах между двумя славянскими народами. Ей необходимо было защититься, чтобы сохранить империю и обезопасить собственные южные границы. Но у политиков Вены и Берлина вряд ли бы что-то получилось, если бы эти противоречия не имели под собой серьезных оснований. Главным камнем преткновения являлся македонский вопрос, только теперь, после освобождения от османской власти, новыми противниками болгар стали сербы.

При этом Македонию нельзя назвать мононациональным регионом. Все-таки, помимо болгар, здесь проживал большой процент албанцев-мусульман, которые желали воссоединиться с «материковой» Албанией, в 1912 году получившей независимость. Местное болгарское население еще не испытывало гнета со стороны королевской администрации. Это произойдет позже – в межвоенный период, когда будет создана объединенная Югославия. Однако многие этнические болгары желали воссоединения с исторической родиной. София и Белград стремились сохранить эти земли за собой. Разрешить противоречия дипломатическим путем было практически невозможно. Немецкий дипломат Готлиб фон Ягов прямо говорил о неизбежности будущей войны между этими двумя славянскими монархиями. Россия же в данной ситуации показала себя как очень слабый арбитр [Гусев, Котов, 2023, 57].

Понимая глубину назревшего конфликта, дипломаты Вены и Берлина перешли к активным действиям. Уже в период обсуждения условий перемирия австрийцы подталкивали Софию не уступать Белграду. В процессе мирных переговоров в Лондоне обозначились основные территориальные претензии бывших союзников друг к другу. Российская дипломатия

пыталась склонить Болгарию к компромиссному соглашению со всеми заинтересованными сторонами, Австро-Венгрия и Германия стремились вовлечь страну в собственную сферу влияния. Лондонский мирный договор, подписанный в мае 1913 года, четко не определил статус Македонии и Фракии, сербы и греки отвергали претензии болгар на эти территории. Румыния получила Силистру и Добруджу, которая до этого времени обозначалась как «болгарская». Этот дипломатический акт не обезопасил Балканский полуостров от будущей войны [Валева, 2003, 52].

Однако сам Фердинанд и его приближенные категорически отвергали любые компромиссы по спорным вопросам. Напротив, в болгарской прессе началась кампания против уже бывших союзников. В антироссийских статьях консервативно-либеральных партий Болгарии прямо говорилось о союзе между Царством и Империей Габсбургов, интересы которых якобы «вполне совпадают» [Маринова, 2009]. Воинственные требования Софии активно поддерживались Веней и Берлином. Австрийские дипломаты предлагали Болгарии союзнические отношения с финансовой и военной помощью. Ими делались демагогические заявления о «сильной Болгарии», «владычице Балкан» и т.д. [Даскалов, 2005, 256]. В то же время Центральные державы искусно лавировали между бывшими союзниками по принципу «разделяй и властвуй». Они настраивали Бухарест, Афины и Белград против Софии, раздавали обещания Турции частично вернуть утраченные территории. Вряд ли Вильгельм II и Франц Иосиф I видели болгар равными союзниками. Балканские страны, не придя к согласию между собой, обвиняли друг друга в разжигании новой войны, нагнетании обстановки. Началась скрытая переброска войск к границам [Гусев, Котов, 2023, 112].

Российская дипломатия в лице министра иностранных дел Сазонова лишь горестно заявляла болгарам о «предательстве славянского дела» [Гусев, 2020, 153]. Здесь стоит сказать, что Балканские войны, с одной стороны, оживили идеи панславизма, с другой – их неоднозначные итоги подрывали веру в это самое «славянское дело» как у политиков, так и у простых обывателей в Восточной Европе. Начавшаяся в июне 1913 года Вторая Балканская война, или, как она именуется в болгарской историографии, «Междусоюзническая», то есть война государств бывшего Балканского союза и Османской империи против Болгарии, закончилась тяжелейшим поражением последней. Страна лишилась всех своих территориальных приобретений 1912–1913 годов, и, кроме того, Румыния, вступившая в войну на завершающей стадии, отторгала в свою пользу всю Южную Добруджу. Болгарский двор рассчитывал, что Центральные державы смогут отговорить Королевство от действий против него, но это был серьезный дипломатический просчет софийских политиков. Австро-Венгрия пыталась помочь своему балканскому союзнику и фактически начать войну с Сербией. Но Германия и Италия, ее партнеры по Тройственному союзу, не поддержали

устремления Вены, посчитав их несвоевременными [Anderson, Maloy, Hershey, 1918, 433].

Нельзя не отметить, что в начале XX столетия, вплоть до начала Мировой войны, дипломатия великих держав в принципе оказалась неспособной предотвращать крупные локальные конфликты. Один из них, на Балканах, вообще привел к одному из самых трагических событий прошлого столетия. Причины «дипломатических Цусим» различны. Если говорить о внешней политике Австро-Венгрии, то можно утверждать, что страна испытывала влияние усиливающейся еще с конца XIX века Германской империи. Ей все труднее становилось осуществлять независимую внешнеполитическую деятельность. Во многом это связано с более решительной внешней политикой Германии, милитаризацией практически всех сфер жизни этой страны, интенсивным экономическим развитием (германский капитал активно проникал и на рынок Австро-Венгрии).

Последним аккордом болгаро-австрийских дипломатических отношений явилась начавшаяся в 1914 году Первая мировая война. Изначально Болгарское царство придерживалось политики нейтралитета, занимая выжидательную позицию и внимательно наблюдая за ходом военных действий. В Софии понимали, что случившаяся мировая катастрофа – хороший шанс разрешить свои национальные проблемы, и прежде всего проблему объединения всех болгар под скипетром Фердинанда I. При этом Болгария имела территориальные претензии ко всем своим соседям. Нельзя сказать и о том, что страна слепо следовала курсом Центральных держав, являясь их сателлитом. Напротив, в отличие от той же монархии Габсбургов, благодаря военным победам на начальном этапе войны Болгарское царство обладало определенным суверенитетом как во внутренних, так и во внешнеполитических делах. Можно присоединиться к точке зрения британского историка А. Тейлора, который в одном из своих исследований, характеризуя роль министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Чернина на переговорах в Брест-Литовске, заметил: «Он обладал не большей свободой действий, чем болгарские делегаты, и меньшей, чем турецкие» [Тейлор, 2025, 339]. То есть к концу войны международные позиции двух стран могли быть почти равными.

Так как европейская дипломатия оказалась не в состоянии урегулировать болгарский вопрос, София окончательно сделала выбор в противостоянии двух мощных европейских блоков – Антанты и Тройственного союза. И выбор оказался в пользу тех, кто обещал разрешить многолетние национальные и территориальные противоречия, – Центральных держав. В этом союзе состояли Австро-Венгрия, Германская империя и Королевство Италия. Образованный в конце XIX века, он изначально был направлен против Франции, а после заключения русско-французских военно-экономических соглашений – и против освободительницы Болгарии России. Уже в период Июльского кризиса болгарская пресса выражала пиетет Габсбургам,

вновь заявляя об «общих интересах». На этапе 1914–1915 годов средства массовой информации Болгарии освещали ход боевых действий тенденциозно, в основном транслируя точку зрения Центральных держав. В очередной раз обострились споры русофобов и русофилов по поводу отношения к России. Как заявлял министр иностранных дел Двуетидной монархии Л. Берхтольд, «страх перед Россией и ненависть к Сербии – вот наши лучшие союзники в Болгарии» [Лалков, 1983, 210]. Венский двор не был уверен в твердости позиции Болгарии. Австрийские дипломаты понимали, что страна может примкнуть и к блоку Антанты, если союзники решатся удовлетворить болгарские территориальные претензии, прежде всего к Сербии. Но вследствие ошибок дипломатии, проблемы выбора союзников и других противоречий этого не произошло.

Австрийская дипломатия стремилась перетянуть Болгарию в свой лагерь, обещая взамен не только Македонию, но и северные территории Сербии. Причем после вступления Турции в войну на стороне Центральных держав союзники попытались если не привлечь Болгарию на свою сторону, то хотя бы заручиться ее дружественным нейтралитетом, обещая взамен восточную Фракию и давая неясные, общие и расплывчатые обещания в отношении Македонии. После военных неудач, высадки десанта в Дарданеллах, вступления Италии в войну дипломаты Центрального блока письменно подтвердили поддержку территориальных претензий Болгарии не только к Сербии, но и к Румынии с Грецией, если они вступят в войну на стороне Антанты. Османская империя также согласилась передать Царству все течение реки Марицы и важную стратегическую железную дорогу Свиленград – Дедеагач. 6 сентября 1915 года были подписаны союзный договор между Болгарией и Германией и военная конвенция с Австро-Венгрией. 14 октября 1915 года Болгария вступила в Мировую войну на стороне Центральных держав [Нотович, 1947, 238].

К началу зимы 1915 года Болгария смогла воплотить в жизнь свою национальную мечту. Сербская армия оказалась разгромлена, болгарские войска захватили всю Вардарскую Македонию, а в северной Сербии под эгидой болгарского верховного командования было создано генерал-губернаторство [Писарев, 1965, 28–39]. Теперь Фердинанд настаивал уже на корректировке границ и отторжении от Греции еще и Эгейской Македонии. Болгары воспрепятствовали установлению австро-венгерской военной администрации на некоторых захваченных сербских землях. Высказывались претензии на Албанию и Косово. Чтобы добиться желаемых территорий от Австро-Венгрии, царь заручился поддержкой Германии. Если в предвоенное время болгарская дипломатия лавировала между двумя европейскими военными блоками, то теперь, воюя на стороне Центральных держав, она осуществляла маневры уже между своими союзниками. Австро-Венгрия, потерпевшая тяжелые поражения на Восточном и Балканском фронтах, в условиях вступления в войну Италии и

начала боевых действий на австро-итальянской границе мало что могла противопоставить такой политике лавирования [Беляев, Жигунов, 1991, 124].

После оккупации греческих земель и разгрома Румынии болгарская армия вышла на границы болгарского национального идеала – Сан-Стефанского мира. Однако закрепить эти победы дипломатически было непросто, потому что Болгария сражалась не одна, а в союзе с двумя центральноевропейскими империями и именно от их побед зависели послевоенный передел мира и удовлетворение болгарских территориальных претензий и национальных идеалов. К 1917 году победа сил Четверного союза уже была не столь очевидна. В Германии и Австро-Венгрии наблюдалась усталость от войны, все больше обсуждалась идея заключения «справедливого мира», порой «без аннексий и контрибуций» [Thimme, 1919, 163].

Смерть императора и короля Франца Иосифа в ноябре 1916 года и восцарение его внучатого племянника Карла I позволили Софии за счет уступок Австро-Венгрии окончательно урегулировать вопрос о принадлежности Косово. Это было сделано с целью заручиться поддержкой монархии Габсбургов в споре с Германией и Османской империей за северную Добруджу. При этом австрийцы требовали некоторые территории в оккупированной Сербии на стыке болгарской и австрийской зон. Но по мирному договору с Румынией от 7 мая 1918 года Болгария приобрела только Южную Добруджу. Северная ее часть, как и некоторые другие территории Румынского королевства, переходила под совместное управление Центральных сил. На переговорах в Брест-Литовске в феврале – марте 1918 года болгарская делегация никак себя не проявила, по сути, от ее имени говорили немецкие дипломаты, впрочем, как и от имени империи Габсбургов [Потемкин, 1945, 357].

Перед концом войны болгарское правительство стремилось объединить усилия с Австро-Венгрией, чтобы «принудить Германию к заключению мира, или искать выход вопреки ей» [Малеев, 1921, 141]. Однако в таких условиях, когда Двуетидная монархия находилась на грани распада, будучи уже не полноценным союзником, а лишь сателлитом Германской империи, подобные внешнеполитические маневры были бесперспективными. В августе 1918 года министр иностранных дел Австро-Венгрии И. Буриан фон Райец предложил, говоря от имени всего Четверного союза, созвать мирную конференцию и прекратить войну посредством дипломатии. Правительство А. Малинова эти идеи поддержало, однако настаивало на воплощении своих национальных идеалов. Только поражение на Салоникском фронте заставило болгар отказаться от продолжения военных действий. Лебединой песней болгарской дипломатии было подписание 25 сентября 1918 года Протокола о передаче Царству в безусловное владение всей Добруджи, так как в этот же день страна направила делегацию для ведения мирных переговоров. 29 сентября 1918 года было подписано Салоникийское перемирие, положившее конец участию страны в Первой мировой

войне. Она также разорвала все дипломатические контакты с бывшими союзниками по Центральному блоку. 3 ноября 1918 года разваливающаяся Габсбургская монархия подписала перемирие с Антантой. 12 ноября 1918 года, после устранения императора Карла от управления рухнувшей империей, в Австрии была провозглашена республика. С этого времени окончательно прекращаются отношения между Болгарией и Австро-Венгрией и начинается новая глава в отношениях между двумя государствами Европы – Болгарией, Австрийской республикой – и новыми государствами, образованными после распада двуединой монархии.

Подводя итог, можно констатировать, что дипломатические отношения между Австро-Венгрией и Болгарией в рассматриваемый период были противоречивыми. С одной стороны, выгодное стратегическое положение Царства на Балканах заставляло Габсбургскую империю искать союза с ним. С другой – венский двор не рассматривал Софию в качестве равноправного партнера, а стремился использовать ее в качестве противника Сербии Карагеоргиевичей. Стремящаяся за счет этого союза завершить национальное объединение и претворить в жизнь мечту о границах по Сан-Стефанскому миру, Болгария в конечном итоге оказалась среди стран, проигравших Мировую войну, и лишилась территорий, которые еще в начале XX века рассматривались как исконно болгарские. В свою очередь, венской дипломатии удалось переманить Болгарию на свою сторону, и в кампании 1915 года Сербия, противник Габсбургов, была разгромлена. В будущем это обернулось поражением и распадом Австро-Венгрии вследствие общей военной катастрофы стран Четверного союза.

ЛИТЕРАТУРА

Балканская распря: распад Балканского союза и Межсоюзническая война 1913 года в зеркале русской прессы / сост. Н.С. Гусев, Б.С. Котов. СПб.: Нестор-История, 2023. 544 с.

Болгария в XX веке. Очерки политической истории / под ред. Е.Л. Валева. М.: Наука, 2003. 464 с.

Вишняков Я.В. «Черная рука» в сербской политике начала XX века // Военно-исторический журнал. 2014. № 10. С. 8–13.

Гришина Р.П. Человек на Балканах в конце XIX – начале XX веков. Лики модернизации в Болгарии (Бег трусой по пересеченной местности). М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 254 с.

Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. 518 с.

Даскалов Р. Българското общество, 1878–1939. Т. 1. София: Гутенберг, 2005. 470 с.

Документы XX века / Дипломатический словарь / гл. ред. А.Я. Вышинский и С.А. Лозовский. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948. URL: <https://doc20vek.ru/node/3499> (дата обращения: 15.03.2025).

Дюлгерова Н.А. Политика России и Австро-Венгрии в отношении Болгарии в конце XIX – начале XX вв. (1896–1903 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 215 с.

История Болгарии. В 2 т. Т. I / под ред. П.Н. Третьякова, С.А. Никитина, Л.Б. Валева. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1955. 576 с.

История дипломатии. Т. 2: Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). Гл. 15: Брестский мир / под ред. В.П. Потемкина. М.–Л.: ОГИЗ, 1945. С. 352–357.

Кадиева М.А. Политика России в отношении Болгарии в последней четверти XIX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 3. С. 37–39.

Лалков М. Балканската политика на Австро-Унгария. София, 1983. 420 с.

Лалков М. Мюрицкеската реформена програма 1903–1908 г. в: Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944. Т. 3. София, 1997. 306 с.

Малеев Л. Принос към истината за катастрофата на България. София, 1921. Т. I. 262 с.

Марков Г. Българското крушение 1913. София: Изд-во на Бълг. акад. на науките, 1991. 237 с.

Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. Т. Потеря союзниками Балканского полуострова. М.; Л., 1947. 747 с.

Обявяване на независимостта на България през 1908 г. / съст. и ред. кол.: Мито Исусов [и др.]; прев. на док.: Косьо Помянов, Манол Лазаров. София: Изд-во на Бълг. акад. на науките, 1989. 453 с.

Павлов П. България. Страна и люди: краткая история / пер. с болг. Н. Нанкиновой. София: Борова, 2009. 111 с.

Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе: сб. ст. / редкол.: В.И. Беляева (отв. ред.), Е.К. Жигунов. М.: ИСБ, 1991. 157 с.

Писарев Ю.А. Оккупация Сербии Австро-Венгрией и борьба сербского народа за свое освобождение в 1916–1918 гг. // Советское славяноведение. 1965. № 4. С. 28–39.

Първанов А. Македонският въпрос от освобождението 1878 до Балканската война 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос. София, 1993. Кн. I. 515 с.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамова, сост. И.В. Козьменко. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 464 с.

Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность): сб. статей / гл. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. 516 с.

Спортна библиотека / Аз знам всичко г. 1 / бр. 40 / 3 август 1914 г. 16 с. URL: https://sportnabiblioteka.bg/index.php?option=com_k2&view=item&id=144:az-znam-vsichko-spisanie (дата обращения: 04.04.2025).

Тейлор А. Габсбургская монархия. История Австрийской империи, Германского союза и Австро-Венгрии. 1809–1918. М.: Центрполиграф, 2025. 352 с.

Маринова Я. Вестник «Утро» (1911–1945) // novata-jurnalistika.blogspot.com. 29 март 2009. URL: https://novata-jurnalistika.blogspot.com/2009/03/blog-post_29.html (дата обращения: 18.03.2025).

АВПР. Pribram A. F. – The secret treaties of Austria – Hungary. 1879–1914. Vol. I. Harvard, 1920. P. 184–198.

Anderson Frank Maloy and Amos Shartle Hershey. Handbook for the Diplomatic History of Europe, Asia, and Africa 1870–1914. Washington D.C.: National Board for Historical Service, Government Printing Office, 1918. 494 p.

Mantschewa G. 75 Jahre seit der Wiederaufnahme der diplomatischen Beziehungen zwischen Bulgarien und Österreich. URL: <https://bnr.bg/de/post/101612047/75-jahre-seit-der-wiederaufnahme-der-diplomatischen-beziehungen-zwischen-bulgarien-und-osterreich> (дата обращения: 05.03.2025).

Thimme F. Bethmann Hollwegs Kriegsreden. Stuttgart u.a.: Deutsche Verlags-Anstalt, 1919. 352 с.

D.V. Tsvetkov

Applicant,

Smolensk State University

Smolensk, Russia

Diplomatic Relations between Austria-Hungary and Bulgaria in the Period 1908–1918

After Bulgaria gained independence, the country's political leadership set a course for the national unification of all Bulgarians under the scepter of the Coburg dynasty. To realize its own foreign policy ambitions, the young state needed a strong ally, which the Sofia court saw in the Austro-Hungarian Empire. In turn, Vienna viewed Bulgaria as a counterweight to the growing Serbian Kingdom. The complex international situation in the Balkans in the first quarter of the 20th century gave the relations between the two states a contradictory nature. On the one hand, both monarchies counted on an alliance with each other, on the other, Austria-Hungary sought to use Bulgaria for its own purposes. And at the same time, the latter maneuvered between the interests and contradictions between the two blocs of European powers – the Entente and the Triple Alliance, and played on the contradictions within the Central Powers. Ultimately, the diplomatic and military alliance with the Habsburg Monarchy did not allow the Bulgarian Kingdom to realize its own national ideals, due to the defeat of both states in World War I.

Keywords: *Austria-Hungary; Bulgaria; Central Powers; diplomacy; international relations.*

REFERENCES

Balkan strife: the collapse of the Balkan Union and the Inter-Allied War of 1913 in the mirror of the Russian press [Balkanskaya rasprya: raspad Balkanskogo soyuza i Mezhsyuznicheskaya vojna 1913 goda v zerkale russkoj pressy]. Compiled by Gusev N.S., Kotov B.S. Saint-Petersburg: Nestor-History, 2023. 544 p. (in Russian).

Bulgaria in the 20th century. Essays on political history [Bolgariya v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii]. Edited by Valeva E.L. Moscow: Nauka, 2003. 464 p. (in Russian).

Daskalov R. Bulgarian Society, 1878-1939 [Bulgarskoto obshchestvo, 1878-1939]. Vol. 1 Sofia: Gutenberg, 2005. 470 p. (in Bulgarian).

Documents of the 20th Century [Dokumenty XX veka]. Diplomatic Dictionary. Edited by Vyshinsky A.Ya. and Lozovsky S.A. Moscow: State Publishing House of Political lit., 1948. Available at: <https://doc20vek.ru/node/3499> (accessed on March 15, 2025) (in Russian).

Dyulgerova N.A. The policy of Russia and Austria-Hungary towards Bulgaria in the late 19th - early 20th centuries (1896–1903) [Politika Rossii i Avstro-Vengrii v otnoshenii Bolgarii v konce XIX - nachale XX vv. (1896–1903 gg.)]. *Dissertation ... Candidate of History*. Moscow, 1985. 215 p. (in Russian).

Grishina R.P. Man in the Balkans at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Faces of Modernization in Bulgaria (Jogging over Cross-Country) [Chelovek na Balkanah v konce XIX – nachale XX vekov. Liki modernizatsii v Bolgarii (Beg truscoj po peresechennoj mestnosti)]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2008. 254 p. (in Russian).

Gusev N.S. Bulgaria, Serbia and Russian Society during the Balkan Wars of 1912–1913 [Bolgariya, Serbiya i russkoe obshchestvo vo vremya Balkanskih vojn 1912–1913 gg.]. Moscow: Indrik, 2020. 518 p. (in Russian).

History of Bulgaria. In two volumes. Vol. I [Istoriya Bolgarii. V dvuh tomah. T. I]. Edited by Tretyakov P. N., Nikitin S. A., Valev L. B. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954–1955. 576 p. (in Russian).

History of diplomacy. Vol. 2. Diplomacy in modern times (1872–1919). Ch. 15. The Treaty of Brest-Litovsk. [Istoriya diplomatii. T. 2. Diplomatiya v novoe vremya (1872–1919 gg.). Gl. 15. Brezhskij mir]. Edited by Potemkin V.P. Moscow. Leningrad: OGIZ, 1945. Pp. 352–357 (in Russian).

Kadieva M.A. Russia's policy towards Bulgaria in the last quarter of the 19th century [Politika Rossii v otnoshenii Bolgarii v poslednej chetverti XIX veka]. *Universities News. North Caucasus Region. Social Sciences*. 2007. No. 3. Pp. 37–39 (in Russian).

Lalkov M. Balkan policy in Austria-Hungary [Balkanskata politika na Avstro-Ungariya]. Sofia, 1983. 420 p. (in Bulgarian).

Lalkov M. Mürzsteg reform program 1903–1908 [Myurshchegskata reformena programa 1903–1908]. *National liberation movement in Macedonian and Thracian Bulgaria 1878–1944* Vol. 3. Sofia: Macedonian Scientific Institute, 1997. 306 p. (in Bulgarian).

Maleev L. Bringing truth to disaster in Bulgaria [Prinos kum istinata za katastrofata na Bulgaria]. Sofia, 1921. Vol. I. 262 p. (in Bulgarian).

Mantschewa G. 75 years since the resumption of diplomatic relations between Bulgaria and Austria [75 Jahre seit der Wiederaufnahme der diplomatischen Beziehungen zwischen Bulgarien und Österreich]. Available at <https://bnr.bg/de/post/101612047/75-jahre-seit-der-wiederaufnahme-der-diplomatischen-beziehungen-zwischen-bulgarien-und-osterreich> (accessed on May 03, 2025) (in German).

Marinova Ya. Bulletin “Morning” (1911–1945) [Vestnik „Utro“]. *Novata-jurnalistika.blogspot.com*. March 29, 2009. Available at: https://novata-jurnalistika.blogspot.com/2009/03/blog-post_29.html (accessed on March 18, 2025) (in Russian).

Markov G. Bulgarskoto krushenie Bulgarian crash 1913 [Bulgarian crash 1913]. Sofia: Publishing house of Bulgarian Academy of Sciences, 1991. 237 p. (in Bulgarian).

Notovich F. I. Diplomatscheskaya borba v gody pervoj mirovoj vojny. T. I Poterya soyuznikami Balkanskogo poluostrova [Diplomatic struggle during the First World War. T. I. Loss of the Balkan Peninsula by the Allies]. Moscow; Leigrad, 1947, 747 p. (in Russian).

Obyavyavane na nezavisimostta na Bulgaria prez 1908 g [Declaration of Independence of Bulgaria by the President of 1908]. *Bulgarian Academy of Sciences. Institute of History*. Compiled and edited by: Mito Isusov et al.; Prev. on documents: Kosyo Pomyanov, Manol Lazarov. Sofia: Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences, 1989. 453 p. (in Bulgarian).

Parvanov A. Makedonskiyat vupros ot osvobozhdenieto 1878 do Balkanskata vojna 1912 g [Macedonian Issue from Liberation in 1878 to the Balkan War of 1912]. *Research on the Macedonian Issue*. Sofia: 1993. Book I. 515 p. (in Bulgarian).

Pavlov P. Bulgaria. Country and People: A Brief History [Bolgariya. Strana i lyudi: kratkaya istoriya]. Translated from Bulgarian by Nankinova Natalia. Sofia: Borina, 2009. 111 p. (in Russian).

The First World War and the Problems of Political Reorganization in Central and South-Eastern Europe [Pervaya mirovaya vojna i problemy politicheskogo pereustroystva v Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evrope]. *Collection of Articles*. USSR Academy of Sciences. Institute of Slavic and Balkan Studies. Editorial Board: Belyaeva V.I. (responsible editor), Zhigunov E.K.. Moscow: ISB, 1991. 157 p. (in Russian).

Pisarev Yu. A. Occupation of Serbia by Austria-Hungary and the Struggle of the Serbian People for Their Liberation in 1916–1918 [Okkupaciya Serbii Avstro-Vengriji i bor'ba serbskogo naroda za svoe osvobozhdenie v 1916–1918 gg.]. *Soviet Slavic studies*. 1965, No. 4. Pp. 28–39 (in Russian).

Collection of Treaties of Russia with Other States. 1856–1917 [Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami]. Edited by Adamov E.A. Compiled by Kozmenko I.V. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1952. 464 p. (in Russian).

Slavs and Russia: Russia, Bulgaria, the Balkans. Problems of War and Peace. 18th–21st Centuries (Myths and Reality) [Slavyane i Rossiya: Rossiya, Bolgariya, Balkany. Problemy vojny i mira. XVIII–XXI vv. (Mify i real'nost)]. *Collection of articles*. Edited by Nikiforov K.V. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2019. 516 p. (in Russian).

Taylor A. The Habsburg Monarchy. History of the Austrian Empire, the German Confederation, and Austria-Hungary. 1809–1918 [Gabsburgskaya monarhiya. Istoriya Avstrijskoj imperii, Germanskogo soyuza i Avstro-Vengrii. 1809–1918]. Moscow: Centerpoligraf, 2025. 352 p. (in Russian).

Vishnyakov Ya.V. "Black Hand" in Serbian politics of the early 20th century [«Chyornaya ruka» v serbskoj politike nachala XX veka]. *Military History Journal*, 2014. No. 10, Pp. 8–13 (in Russian).

Anderson Fr. M. and Hershey Am. Sh. Handbook for the Diplomatic History of Europe, Asia, and Africa 1870–1914. Washington D.C.: National Board for Historical Service, Government Printing Office, 1918. 494 p. (in English).

AVPR. Pribram A. F. The secret treaties of Austria - Hungary. 1879–1914. Vol. I. Harvard, 1920. Pp. 184–198 (in English).

Sports library /Az know everything [Sportna biblioteka / Az znam vsichko]. Vol. 1. Issue 40. August 3 1914, 16 p. Available at: https://sportnabiblioteka.bg/index.php?option=com_k2&view=item&id=144:az-znam-vsichko-spisanie (accessed on April 4, 2025) (in Bulgarian).

Thimme F. Bethmann Hollweg's war speeches [Bethmann Hollwegs Kriegsreden]. Stuttgart u.a.: Deutsche Verlags-Anstalt, 1919, 352 s. (in German).

В.И. Кривуть

*Белорусский институт правоведения –
Университет права и социально-информационных технологий
Минск, Республика Беларусь*

УДК 94 (438)

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-209-221

ПРОМЕТЕИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В. ВАКАРА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СОЮЗ»

Ключевые слова: *прометеизм; Междуморье; В. Вакар; польско-российские отношения; Рижский мирный договор; геополитика; публицистика.*

Статья посвящена изучению публицистической деятельности В. Вакара на страницах журнала «Союз» («Przymierze»), печатного органа польских прометеистов в 1920–1921 годах. Указывается на то, что доктрина прометеизма являлась важной частью общественно-политического дискурса и практической политики возрожденного польского государства. Ее целью было расчленение России и установление доминирования Польши в Восточной Европе. Владзимеж Вакар стал одним из активнейших разработчиков и пропагандистов данной концепции. В своих многочисленных публикациях он настаивал на необходимости создания под эгидой Польши тесного союза народов, заселяющих территории между Россией и Германией. По мнению польского публициста, частью этого союза, противостоящего российской и германской угрозе, должны были стать в том числе независимые белорусское

и украинское государства. В. Вакар подвергал резкой критике результаты Рижского мира, поскольку он фактически сорвал планы построения цепи буферных государств, отделяющих Россию от Польши. В статье отмечается откровенно антироссийская направленность публицистики В. Вакара, считавшего необходимым свести российскую государственность к этнографическим границам, что позволило бы Польше избавиться от одного из своих главных геополитических конкурентов на территории Восточной Европы. Именно этот элемент творчества польского публициста получил дальнейшее развитие в работах западных геополитиков. Подчеркивается, что изучение публицистики В. Вакара позволяет сформировать более полное представление о развитии прометеистской доктрины, которая продолжает использоваться и на современном этапе.

Прометеизм как идеология и направление внешней политики, получившие распространение в межвоенной Польше, ставил перед собой задачу разделения Советской России, а позднее СССР, по «национальным швам». Целью было свести территорию России к территории Московского царства XVI века и одновременно расширить сферу политического и экономического влияния Польши на востоке путем создания федерации в составе Финляндии, стран Прибалтики, Беларуси, Украины, Крымского и казачьего государств, Союза кавказских государств. Непосредственно Польше отводилась роль руководящего координатора в этой будущей федерации государств-лимитрофов [Симонова, 2002, 43].

Фактически прометеизм был тесно связан с геополитической доктриной Междуморья, истоки которой традиционно относят к периоду правления династии Ягеллонов, в начале XVI века объединившей под своей властью четыре государства: Польшу, Венгрию, Чехию и Великое княжество Литовское [Potulski, 2017, 85]. В связи с этим доктрину Междуморья часто отождествляют с так называемой Ягеллонской идеей. Территориально Междуморье должно было включать земли между Адриатическим, Балтийским и Черным морями. Созданный здесь под эгидой Польши союз государств должен был противостоять доминированию Германии и России. Прообразом такого союза, как считали польские геополитики, являлась Речь Посполитая. Еще в XIX веке идею возрождения РП и ее федерации с некоторыми народами Российской империи, а также с Чехией, Венгрией, Румынией и южными славянами выдвигал лидер правого крыла польской эмиграции князь А.Е. Чарторыйский [Dutka, 2017, 126].

В начале XX века в период борьбы за восстановление польской государственности геополитические идеи Междуморья и прометеизма приобрели актуальность в среде политиков-практиков. Это было связано с тем, что они считали геополитически невыгодным расположение Польши между двумя крупными противниками – Германией и Россией. Польша, по их мнению, самое сильное государство региона, должна играть ведущую роль среди небольших и слабых соседних народов, которые будут вынуждены

искать соглашения с Варшавой. Одним из горячих сторонников идей прометеизма считается Юзеф Пилсудский, в 1918 году ставший лидером возрожденной Польши. С его именем связаны разработка и попытки реализации федеративной концепции, предполагавшей создание под руководством Польши блока государств, возникших после распада Российской империи. Он считал, что благодаря этому возникнет барьер, ограждающий Европу от России и являющийся альтернативой российскому или германскому доминированию в Восточной и Центральной Европе [Dutka, 2017, 126]. Однако, как известно, Ю. Пилсудский не смог осуществить свой федеративный план в ходе советско-польской войны. Завершивший эту войну Рижский мирный договор 1921 года, как отмечает современная польская историография, «привел к краху концепции Междуморья» [Cieplucha, 2014, 46].

Тем не менее идеи прометеизма и Междуморья стали неотъемлемой частью польского общественно-политического дискурса. Во многом это оказалось возможно благодаря активной пропагандистской и публицистической деятельности ряда интеллектуалов, не всегда непосредственно связанных с лагерем Ю. Пилсудского. Одним из них являлся известный польский экономист, демограф, статистик, журналист и редактор Влодзимеж Вакар (1885–1933). Родившись в Тамбове, он лишь в 1903 году переехал в Варшаву, где вскоре примкнул к Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, одним из лидеров которой являлся Феликс Дзержинский. Но в дальнейшем, после трехмесячного ареста, В. Вакар отошел от контактов с левыми и сконцентрировался на научной и преподавательской работе, а также журналистской деятельности [Okulewicz, 2002, 209].

Именно эта деятельность позволила называть его одним из создателей концепции Междуморья и инициаторов прометеистского движения. Так, редактируя выходивший в оккупированной немцами Варшаве журнал «Польша» («Polska»), В. Вакар в 1917 году анонимно опубликовал на его страницах свою статью «Территориальные требования», которая являлась своеобразной политической интерпретацией его предыдущих научных исследований. За основу своих геополитических рассуждений он брал территорию былой Речи Посполитой, но считал, что ее возрождение в границах образца 1772 года невозможно из-за эволюции национального самосознания населения этих земель. Возрожденная Польша, по его мнению, должна была стать национальным государством, также признавалась необходимость создания независимых Украины, Литвы и Беларуси. В. Вакар предполагал, что Польша не будет граничить с Россией. В полном соответствии с прометеистской идеей между ними должны были оказаться Украина и Беларусь. Восточную польскую границу предлагалось провести по «восточным рубежам католицизма». Поэтому Польша должна была отказаться от православной Украины, расположенной к востоку от р. Збруч, от православной Волыни и центрального и восточного Полесья. Но вся Галиция с Львовом должна

была оказаться в составе Польши. Польско-белорусскую границу предлагалось провести так, чтобы включить в Польшу территории с большим процентом поляков и белорусов-католиков. Поэтому, согласно приложенной к статье географической карте, данная граница на северо-востоке доходила почти до самого Минска, оставляя на польской стороне большую часть Виленской и Гродненской губерний, в том числе католические районы вблизи Лиды, Ошмян, Гродно, Волковыска и Несвижа. Польско-литовскую границу В. Вакар предлагал установить по языковому критерию, что позволяло включить в состав Польши Виленщину и Вильно [Eberhardt, 2018, 22–24]. Следует отметить, что подобный вариант проведения границ, считавшийся В. Вакаром компромиссным, вряд ли мог быть принят в условиях тогдашней активизации национальных движений соседних с Польшей народов и мог привести только к обострению межнациональных отношений.

После восстановления независимости Польши в ноябре 1918 года В. Вакар по некоторым позициям сблизился со сторонниками Ю. Пилсудского и стал активным пропагандистом концепции Междуморья и идей прометеизма. Уже в 1919 году он выдвинул проект Союза освобожденных народов. Обосновывая необходимость создания такого объединения, В. Вакар заявлял, что Германия и Россия никогда не откажутся от своей агрессивной политики, поэтому Польша должна проводить самостоятельную внешнюю политику, важнейшей задачей которой станет объединение вокруг себя новых государств Центральной Европы. По его мнению, открытая и справедливая политика склонит недавно возникшие государства, от Латвии до Югославии, к объединению, создав между Германией и Россией «огромный союз освобожденных народов, который не даст им возможности осуществлять новые захваты» [Okulewicz, 2002, 212–213].

Территориальная программа, предложенная В. Вакаром, и концепция Союза освобожденных народов якобы должны были создать условия безопасного развития малых государств. В своих публикациях В. Вакар подчеркивал, что только существование сильной и независимой Польши гарантирует безопасность малых государств, но одновременно указывалось, что только сотрудничество польской дипломатии с политиками этих стран обеспечит польскому государству безопасное существование. Что касается конкретных направлений взаимодействия с соседними народами, то в отношении Украины предлагалось сконцентрироваться в первую очередь на установлении ее восточной границы. И уже после создания фактически «антироссийского буфера» необходимо было провести выборы в парламент, состоящий из представителей «бесспорно украинских земель», и с ним вести переговоры об условиях будущего польско-украинского союза. Был заметно откорректирован подход к Беларуси и Литве. Ошибкой польских политиков В. Вакар называл то, что они допустили возникновение независимой этнической Литвы. Чтобы выправить эту ошибку, следует стремиться к передаче

Литве «исторических» территорий, то есть Беларуси со всем бассейном верхнего Днепра. Возрожденная в такой форме «историческая Литва», с одной стороны, защитит северные рубежи Украины от России, с другой – будет способствовать восстановлению экономических связей с Латвией и Украиной [Okulewicz, 2002, 213–214].

В августе 1920 года в Варшаве вышел первый номер журнала «Союз» («Przymierze»), который, согласно подзаголовку, являлся «независимым журналом, посвященным делам освобождающихся наций». С января 1921 года журнал был объявлен органом Союза сближения освобожденных народов. Фактически это было первое прометеистское периодическое издание в тогдашней Польше, тесно связанное с лагерем Ю. Пилсудского. Формальное руководство изданием осуществлял Станислав Седлецкий. Но реальным создателем и редактором журнала очень часто называют В. Вакара [Kornat, 2012, 163].

Именно передовой статьей В. Вакара открывался первый номер «Союза». В ней было заявлено о том, что журнал «должен служить великой идее согласия и политического сближения так называемых “новых народов”. Это значит тех, которые во время мировой войны заявили о своем праве на свободное государственное существование и равный голос на международной арене. Тех, которые это право в силу трактатов или свершившихся фактов получили в результате войны полностью или частично, и тех, которые только еще стремятся получить и сражаются за него» [Wakar, 1920a, 1]. Автор указывал, что в условиях угрозы с запада и востока независимость «новых государств» влияет на независимость Польши и наоборот: «Ведь если оставить на карте вместо Польши даже не Россию или Пруссию, а только хотя бы пустое место, то уже ничего не останется от независимости Эстонии, Латвии, Литвы, Украины с одной стороны от нее и от независимости Чехии, Венгрии, Югославии с другой» [Wakar, 1920a, 2].

В следующей своей передовице В. Вакар подчеркивал, что восстановление независимости Польши произошло на фоне общеевропейской социальной демократизации и связанного с ней возникновения новых наций и их освободительных движений. Поэтому только «при условии превращения их в государственные организмы возможно наше политическое существование – то есть только переустройство европейской карты по национальному принципу может укрепить наш быт и должно в результате дать нам союзников в деле защиты этого переустройства» [Wakar, 1920b, 2].

Делался вывод, что Польша не имеет программы, которая может убедить «окраинные народы» в необходимости сотрудничества, из-за чего попытки создания федерации закончились фиаско. Причину поражения В. Вакар видел не в пассивности белорусов или украинцев, а в том, что Варшава желала силой навязать соседям свою концепцию. Он разочарованно признавал: «Осо-

бенно непростительной является наша окраинная политика, где мы могли провозглашать или не провозглашать благородные лозунги, но не должны были управлять без тени организованного местного представительства. Это сильно сказалось. Поскольку восточную политику мы проиграли из-за того, что несли на восток оккупацию вместо самоуправления» [Wakar, 1920b, 3].

Советско-польские мирные переговоры в Риге и их результаты В. Вакар также рассматривал с позиций прометеизма. Он утверждал, что в России оказались достаточно живучими центробежные тенденции, которые уже обеспечили существование Польши, Латвии, Грузии и могут его обеспечить Украине и Беларуси. Поэтому следовало, по мнению автора, поддержать на рижских переговорах установление украинской и белорусской независимости. На практике же в связи с этим предлагалось перенести территориальный спор с «линии Керзона» на несколько сот километров на восток и привлечь в этом споре на свою сторону белорусское и украинское общество. В идеале должны были возникнуть союзные Польше государства, выполняющие функции буфера по отношению к России [Wakar, 1920c, 4–5].

Наиболее полно свои прометеистские рекомендации относительно позиций польской делегации на мирных переговорах В. Вакар изложил в обширной статье «Мирные тезисы», опубликованной в «Союзе» 19 сентября 1920 года. Он считал, что поляки должны требовать только заключения прочного и окончательного мира. Большевики же, по его мнению, желают получить передышку и «из мира, заключенного на их условиях, смогут сделать зарево новой войны». Рижские переговоры представлялись автору как «поединок принципов» между демократией Запада и олигархией России, «между свободой и принуждением». И в Риге Польша обязана показать, что умеет не только сражаться, но и думать. Только так можно будет эффективно и окончательно завершить старинный польско-российский спор [Wakar, 1920d, 3].

При этом ни один из вопросов нельзя решать без участия заинтересованного населения, без согласования с ним. В связи с этим В. Вакар обращается к украинскому и белорусскому вопросам. По его мнению, без изучения государственной воли Беларуси и Украины заключить мир с Россией невозможно. Если с Украиной могут возникнуть определенные трудности, то в случае с Беларусью ситуация кажется весьма удобной. Там, судя по всему, государственную волю должна была продемонстрировать полонофильская Наивысшая Рада Белорусской Народной Республики, возникшая в 1919 году в результате раскола внутри белорусского национального движения. В. Вакар указывал, что Польша заинтересована «дать белорусской раде возможность провозглашения собственного правительства... на первом же клочке белорусской земли, которым мы обладаем или будем обладать, с последующим приглашением его к совместным переговорам о мире с большевиками» [Wakar, 1920d, 4].

При этом В. Вакар называет такой подход не созданием каких-либо «буферов», а использованием принципов демократии во внешней политике. Кроме того, «возникновение независимых белорусской и украинской республик является концом умиротворения Европы и гарантией от возвращения ее к состоянию насилия над народами, захватов, захватнических аппетитов и т.д. По той простой причине, что они встретили бы, исходя или с немецкой, или с российской стороны, мощную преграду в виде свободных народов» [Wakar, 1920d, 4].

Автор завершает свои геополитические рассуждения следующим выводом: «В прошлой войне рухнули все империализмы. И если Польша закрепит это на Беларуси и Украине, народы Европы выйдут из войны омоложенными моральными ценностями, и дальнейшие последствия этого не заставят себя долго ждать. Если же Польша, как уже, к сожалению, не раз было, не справится с поставленной ей задачей, то регенерация захватчиков и вообще предвоенной системы будет держать нас в постоянном вооружении и войнах... Помним, что играем на самых чувствительных струнах Украины и Беларуси, и бьем ими большевизм в его ахиллесову пятую» [Wakar, 1920d, 5].

На необходимости создания белорусского и украинского государств В. Вакар настаивал, не особо стесняясь в выборе слов и скатываясь к откровенно русофобской риторике, и в других своих публикациях, посвященных рижским переговорам. В ином случае, по его мнению, подписанный мир обречет Беларусь и Украину на «грабеж со стороны азиатских дикарей и жестокое подавление человеческих, гражданских и национальных прав». Кроме того, что важнее, он санкционирует «постоянное российское господство на нашей границе, нарушение которой произойдет по первому желанию, хоть и этой весной» [Wakar, 1920e, 5].

В еще одной из статей В. Вакар считал необходимым провести в отношении России «преображение европейской карты», которое уже было проведено в отношении Германии и Австрии. Такое «преображение» должно было свести Россию до ее «этнографических границ» и отделить ее от Германии «сплоченным валом новых народов». При достройке этого вала независимая Беларусь будет иметь принципиальное значение с точки зрения его расширения и защиты других народов. Независимая Украина окончательно замкнет данный вал в цепь и «завершит программу сведения России к естественным границам». Одновременно В. Вакар предупреждал о том, что не стоит рассчитывать на долгое ослабление Российского государства. Поэтому в отношении него следует проводить принципиальную политику, суть которой должна состоять в «недопущении возвращения российского империализма, – на основе независимости окраинных наций. И ее фактическое гарантирование с нашим участием должно быть исходным пунктом во всех наших переговорах с российскими правительствами» [Wakar, 1920f, 3–4].

Но, как известно, польская делегация, в составе которой преобладали политические противники Ю. Пилсудского, отказалась от идеи создания «буферных» государств и стала на путь реализации инкорпорационной концепции, предполагавшей фактический раздел белорусской и украинской территорий. Это вызвало резкую критику со стороны В. Вакара, назвавшего соглашение в Риге предоставлением врагу «всех возможностей для победного реванша». Главным фактором, который обречет Польшу на несчастья, он посчитал общую границу с Россией, проведенную за счет украинцев и белорусов. Избежать этой опасности можно было бы путем создания независимой Беларуси и независимой Украины, что навсегда освободило бы Польшу от «российского антагонизма», который был бы направлен исключительно против этих новых государств [Wakar, 1920g, 3]. Естественно, новые советские государства, создание которых было закреплено на переговорах в Риге, ни в коем случае не рассматривались В. Вакаром в качестве независимых. По его мнению, на этот статус могли претендовать только союзные Польше государства.

Во время дискуссий вокруг рижских переговоров В. Вакар постоянно обращался к особенностям геополитической ситуации Польши: «Польское географическое положение является беспримерным, тем особо отличающимся от румынского, латвийского и любого иного, что наша территория была втиснута в клещи двух специфических государственных организаций, которые направили главное свое усилие на захват и нивелирование чуждых им национальных тел». И для противостояния «хищным гигантам», как автор называет Россию и Германию, Польша должна окружить себя «венцом свободных наций». Заключив с ними оборонительное соглашение, она не только сможет защитить свою независимость, но и склонит самих захватчиков ступить на путь мира. В. Вакар выражает сожаление по поводу того, что осуществление этой «исторической роли Польши» оказалось слишком сложным для польской политики [Wakar, 1920h, 1].

Чтобы хоть как-то компенсировать провальные результаты рижских переговоров, он призывал дополнить готовящийся мирный договор: «Он уже признает независимость Беларуси. За этим должно идти определение ее восточных границ – или согласно установленной линии, или немного далее на восток... Затем отвод российских войск за эти границы. Наконец, то же самое невмешательство России в дело установления польско-белорусских отношений, какое задекларировано в польско-литовском вопросе. Наконец, должно быть выдвинуто или получить наше признание правительство этих территорий, с которым мы могли бы заключить предварительное соглашение». По мнению В. Вакара, такая программа должна удовлетворить как сторонников инкорпорации, так и приверженцев полной самостоятельности Беларуси [Wakar, 1920h, 4].

Впрочем, в реалиях рубежа 1920–1921 годов данные рассуждения и предложения геополитика-прометеиста выглядели откровенно утопическими и никоим образом не могли быть реализованы.

Тем не менее В. Вакар продолжил активную пропаганду прометеистской концепции. Даже в начале 1921 года, когда в Риге уже были достигнуты принципиальные польско-советские договоренности, он в очередной раз повторял мысль о том, что для народов, заселяющих территории между Германией и Россией и подвергающихся давлению с их стороны, единственным шансом на спасение является тесная политическая и экономическая кооперация [Wakar, 1921a, 4].

Одновременно особый упор делался на российскую угрозу. Утверждалось, что характер Российского государства принципиально не изменился после отрыва от него Польши, Бессарабии, Финляндии и прибалтийских республик. Подчеркивалось, что в любой момент Россия может «снова воевать с нами за “объединение” Беларуси и Украины под скипетром новых царей или с Латвией за “доступ к портам”». В качестве единственного способа избежать данной опасности предлагался уже традиционный «прометеистский» рецепт – превращение России в «этнографическое государство» (что на практике означало сведение ее территории к давним границам XVI века) [Wakar, 1921a, 5].

В еще одной из своих публикаций В. Вакар доказывал, что это позволит «удушить большевизм в этнографических границах России». Кроме того, у польского прометеиста начала 1920-х годов неоднократно появляется идея, которая в дальнейшем, уже десятилетия спустя, приобрела актуальность в трудах современных западных геополитиков. Он утверждал, что «ключ к преобразению отношений на востоке... находится, прежде всего, на Украине, поскольку именно ее принадлежность или непринадлежность к российскому государству окончательно определяет его внутренний и внешний характер» [Wakar, 1921b, 2–3]. Во многом это перекликается с известным тезисом, изложенным в уже ставшей хрестоматийной «Великой шахматной доске» З. Бжезинского.

В целом смирившись с результатами Рижского мира, в результате которого в состав Польши вошли западно-белорусские и западно-украинские земли, В. Вакар указывал на необходимость разработки и проведения соответствующей политики на этих территориях. По его мнению, задачей политики должно было стать привлечение «глубоких симпатий» местного населения к польской государственности. В связи с этим он решительно выступал с осуждением планов польской колонизации аннексированных окраин. По его словам, «перенесение в нынешние времена на сто тысяч квадратных километров этнографического пространства является вредной фантазмагорией, жертвовать ради которой дружбой местного населения, не говоря уже о неслыханных

расходах, будет абсурдом и ошибкой, а также тяжелым по последствиям отступничеством от всех традиций Речи Посполитой, которая завоевывает чужие сердца, а не чужую землю» [Wakar, 1921c, 4–5]. Однако, как показали дальнейшие события, польские власти не собирались прислушиваться к подобным рекомендациям прометеистов, взяв жесткий курс на открытую полонизацию Западной Беларуси и Западной Украины.

Также необходимо упомянуть о том, что на страницах «Союза» В. Вакар предпринял попытку дать научное обоснование необходимости проведения Польшей прометеистской политики. Прежде всего он указывал на то, что в Европе со времен Средневековья существовали два типа организации государства. В первом господствовал «общественно-автохтонный элемент», во втором – «надобщественный-захватнический». К первому типу автор относил польскую государственность и страны Запада, ко второму – Россию, Пруссию и Австрию. Пограничье всех трех последних государств было полосой постоянного напряжения. Именно эти страны подготовили всеобщую милитаризацию и вызвали мировую войну [Wakar, 1921d, 1–2]. Польша в результате своего исключительного географического положения между захватническими государствами оказалась под далеко идущим давлением, которое является достаточным объяснением ее сложной внутренней и внешней истории. В. Вакар утверждал, что «национальный инстинкт самосохранения» издавна подводил поляков к поискам «совместной обороны от захватнических государств», то есть к унии или федерации. В прошлом неудача этих поисков, во многом объяснявшаяся низким уровнем политического и национального самосознания поляков и соседних народов, привела к катастрофе польской государственности [Wakar, 1921d, 3].

В XIX веке, по словам В. Вакара, «социальное освобождение народных масс дало им политическое и национальное самосознание». Возникли новые «национальные организмы», испытывающие естественное стремление «облечься в государственную форму», что в большинстве случаев было достигнуто по результатам мировой войны. Тем самым «вал народов, который до последнего времени был представлен только одной, политически забитой Польшей, стал живым пределом, состоящим из независимых государств». Это будет способствовать решению задач по самообороне Польши [Wakar, 1921d, 3–4].

Впрочем, вскоре В. Вакар лишился возможности и дальше развивать свои прометеистские идеи на страницах «Союза», поскольку уже в конце 1921 года по финансовым причинам издание журнала было прекращено. Кроме того, в связи с неблагоприятным развитием международной и внутренней ситуации прометеизм постепенно терял актуальность. Сам же В. Вакар в тот период сконцентрировал свои интересы на других сферах общественно-политической жизни [Okulewicz, 2002, 216].

Таким образом, анализируя публицистическую деятельность В. Вакара на страницах журнала «Союз» в 1929–1921 годах, следует признать, что он внес значительный вклад в разработку и пропаганду идей прометеизма, который на тот момент являлся важной частью общественно-политического дискурса и политической практики возрожденного польского государства. При этом свою заинтересованность прометеистской проблематикой В. Вакар проявлял еще накануне восстановления польской государственности, чем во многом можно объяснить его последующее сближение с лагерем Ю. Пилсудского и активное сотрудничество со сторонниками федеративной концепции, объединившимися вокруг журнала «Союз». Основной идеей, проповедуемой публицистом, стал тезис о том, что для народов, заселяющих территории между Германией и Россией и подвергающихся давлению с их стороны, единственным шансом на спасение является тесная политическая и экономическая кооперация под эгидой Польши. Именно этой позицией объясняется острая критика В. Вакаром Рижского мирного договора, фактически похоронившего федеративные планы Ю. Пилсудского. С данной идеей была связана и упорная поддержка создания независимых украинского и белорусского государств, которые должны были стать буферами между Польшей и Россией. Важным элементом публицистики В. Вакара являлась откровенно русофобская направленность, выразившаяся в постоянных обличениях «российского империализма» и призывах «удушить его в этнографических границах». Реализация антироссийских постулатов должна была в идеале ликвидировать одного из важнейших геополитических конкурентов Польши в восточноевропейском регионе. Следует отметить, что многие антироссийские мотивы, присутствовавшие в публикациях фактического редактора «Союза», надолго пережили автора и даже сейчас активно используются в трудах западных геополитиков. Серьезным вкладом в развитие прометеизма стала его попытка дать своеобразное геополитическое и научно-историческое обоснование данной концепции. В заключение необходимо отметить, что изучение публицистического творчества В. Вакара позволяет сформировать комплексное и объективное представление о развитии прометеистской доктрины, которая после определенной модернизации была взята на вооружение правящими кругами современной Польши.

ЛИТЕРАТУРА

- Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 43–67.
- Cieplucha P. Prometeizm i koncepcja Miedzymorza w praktyce polityczno-prawnej oraz dyplomacji II RP // Studia prawno-ekonomiczne. 2014. T. XCIII. S. 39–55.
- Dutka J. Wpływ realizacji geopolitycznej koncepcji Międzymorza na bezpieczeństwo militarne Polski i Europy Wschodniej w XXI wieku // Przegląd Geopolityczny. 2016. T. 16. S. 120–137.
- Eberhardt P. Granice polityczne Polski i jej sąsiadów w XX wieku. Kraków: Polskie Towarzystwo Geopolityczne, 2018. 371 s.

- Kornat M. U źródeł idei prometejskiej. Związek Zbliżenia Narodów Odrodzonych (1921–1923) // Nowy Prometeusz. 2012. № 2. S. 161–181.
- Okulewicz P. Koncepcja «międzymorza» w ujęciu Włodzimierza Wakara // Mazowieckie Studia Humanistyczne. 2002. № 2. S. 209–219.
- Potulski J. Podstawowe polskie kody geopolityczne – Polska jako Międzymorze // Gdańskie Studia Międzynarodowe. 2017. № 1–2. S. 80–96.
- Wakar W. Przymierze // Przymierze. 1920a. № 1. S. 1–3.
- Wakar W. Nauka klęski // Przymierze. 1920b. № 2. S. 1–3.
- Wakar W. Dyskusje pokojowe // Przymierze. 1920c. № 4. S. 3–5.
- Wakar W. Tezy pokojowe // Przymierze. 1920d. № 6. S. 1–5.
- Wakar W. Z czym idziemy? // Przymierze. 1920e. № 8. S. 1–5.
- Wakar W. Widmo reakcji // Przymierze. 1920f. № 9. S. 1–4.
- Wakar W. Miałeś chłopie złoty róg // Przymierze. 1920g. № 11. S. 1–5.
- Wakar W. Nakaz chwili // Przymierze. 1920h. № 14. S. 1–4.
- Wakar W. Reasumpcje // Przymierze. 1921a. № 1. S. 2–5.
- Wakar W. Zwycięstwo // Przymierze. 1921b. № 5. S. 1–3.
- Wakar W. Kolonizacja Kresów // Przymierze. 1921c. № 22–23. S. 3–5.
- Wakar W. Przesłanki naszej doktryny // Przymierze. 1921d. № 30–31. S. 1–4.

V.I. Krivut

*PhD in History, Doctor, Professor,
Chair of Political Science and International Political Processes,
Belarusian Institute of Law –
University of Law and Social Information Technologies
Minsk, The Republic of Belarus*

Prometheist Journalism by W. Wakar on the Pages of the Magazine «Covenant»

The article is devoted to the study of the journalistic activities of W. Wakar on the pages of the magazine «Covenant» («Przymierze»), the printed organ of Polish Prometheists in 1920–1921. During this period, Prometheism was an important part of the socio-political discourse and practical policy of the revived Polish state. The goal of this geopolitical doctrine was to dismember Russia and establish Polish dominance in Eastern Europe. Włodimierz Wakar became one of the most active developers and promoters of this concept. In his numerous publications, he insisted on the need to create, under the auspices of Poland, a close union of peoples inhabiting the territories between Russia and Germany. According to the Polish publicist, the independent Belarusian and Ukrainian states should have become part of this alliance, countering the Russian and German threat. W. Wakar sharply criticized the results of the Riga Peace Treaty, since it actually thwarted plans to build a chain of buffer states separating Russia from Poland. The article notes the openly anti-Russian orientation of W. Wakar's journalism, who considered it necessary to «reduce» Russian statehood to ethnographic borders, which would allow Poland to get rid of one of its main geopolitical competitors in Eastern Europe. It is this element of the Polish publicist's

creativity that was further developed in the works of Western geopoliticians. Studying the work of W. Wakar will provide an opportunity to more fully and comprehensively present the development of the Prometheist doctrine, which continues to be used by modern Polish elites.

Keywords: *Prometheism; Intermarium; W. Wakar; Polish-Russian relations; Riga Peace Treaty; geopolitics; journalism.*

REFERENCES

Simonova T.M. "Prometheism" in Polish foreign policy. 1919 – 1924 [«Prometeizm» во внешней политике Польши. 1919 – 1924]. *Modern and contemporary history*, 2002. No. 4. Pp. 43–67 (in Russian).

Cieplucha P. Prometheism and the concept of the Intermarium in political and legal practice and diplomacy of the Second Polish Republic [Prometeizm i koncepcja Międzymorza w praktyce polityczno-prawnej oraz dyplomacji II RP]. *Studia prawno-ekonomiczne*, 2014. Vol. XCIII. Pp. 39–55 (in Polish).

Dutka J. The impact of the implementation of the geopolitical concept of Intermarium on the military security of Poland and Eastern Europe in the 21st century [Wpływ realizacji geopolitycznej koncepcji Międzymorza na bezpieczeństwo militarne Polski i Europy Wschodniej w XXI wieku]. *Przegląd Geopolityczny*, 2016. Vol. 16. Pp. 120–137 (in Polish).

Eberhardt P. Political borders of Poland and its neighbors in the 20th century [Granice polityczne Polski i jej sąsiadów w XX wieku]. Kraków: Polskie Towarzystwo Geopolityczne, 2018. 371 p. (in Polish).

Kornat M. At the sources of the Promethean idea. Union for the Rapprochement of Reborn Nations (1921–1923) [U źródeł idei prometejskiej. Związek Zbliżenia Narodów Odrodzonych (1921–1923)]. *Nowy Prometeusz*, 2012. No. 2. Pp. 161–181 (in Polish).

Okulewicz P. The concept of the «intermarium» as presented by Włodzimierz Wakar [Koncepcja «międzymorza» w ujęciu Włodzimierza Wakara]. *Mazowieckie Studia Humanistyczne*, 2002. No. 2. Pp. 209–219 (in Polish).

Potulski J. Basic Polish geopolitical codes - Poland as Intermarium [Podstawowe polskie kody geopolityczne – Polska jako Międzymorze]. *Gdańskie Studia Międzynarodowe*, 2017. No. 1–2. Pp. 80–96 (in Polish).

Wakar W. Covenant [Przymierze]. *Przymierze*, 1920. No. 1. Pp. 1–3 (in Polish).

Wakar W. The science of failure [Nauka klęski]. *Przymierze*, 1920. No. 2. Pp. 1–3 (in Polish).

Wakar W. Peace discussions [Dyskusje pokojowe]. *Przymierze*, 1920. No. 4. Pp. 3–5 (in Polish).

Wakar W. Peace theses [Tezy pokojowe]. *Przymierze*, 1920. No. 6. Pp. 1–5 (in Polish).

Wakar W. What are we going with? [Z czym idziemy?]. *Przymierze*, 1920. No. 8. Pp. 1–5 (in Polish).

Wakar W. Ghost reaction [Widmo reakcji]. *Przymierze*, 1920. No. 9. Pp. 1–4 (in Polish).

Wakar W. You had a golden horn, boy [Miałeś chłopie złoty róg]. *Przymierze*, 1920. No. 11. Pp. 1–5 (in Polish).

Wakar W. The order of the moment [Nakaz chwili]. *Przymierze*, 1920. No. 14. Pp. 1–4 (in Polish).

Wakar W. Resumes [Reasumpcje]. *Przymierze*, 1921. No. 1. Pp. 2–5 (in Polish).

Wakar W. Victory [Zwycięstwo]. *Przymierze*, 1921. No. 5. Pp. 1–3 (in Polish).

Wakar W. Colonization of the Borderlands [Kolonizacja Kresów]. *Przymierze*, 1921. No. 22–23. Pp. 3–5 (in Polish).

Wakar W. The premises of our doctrine [Przesłanki naszej doktryny]. *Przymierze*, 1921. No. 30–31. Pp. 1–4 (in Polish).

И.Л. Бабич

*Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Россия*

Т.Л. Бабич

*Институт микробиологии им. С.Н. Виноградского
ФИЦ Биотехнологии РАН
Москва, Россия*

В.В. Кузьмин

Москва, Россия

УДК 9.908

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-222-233

**ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ КУПЕЧЕСТВО В ПЕРИОД НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-е ГОДЫ
(на примере семьи Карасевых)¹**

Ключевые слова: купечество; крестьянство; Российская империя; СССР; НЭП; Смоленская область; Ельня.

В статье с опорой на материалы Государственного архива Смоленской области и документы семейного архива Кузьминых, а также интервью, взятые в 2024 году у потомков родственников Савватия Иосифовича Карасева, рассмотрены обстоятельства жизни крестьянина, который стал купцом и продолжил торговлю в 1920-е годы, в период новой экономической политики (НЭП). Савватий Карасев начал торговлю в Ельне в 1901 году. Он имел магазин с мануфактурными, галантерейными и меховыми товарами, привозимыми из Польши. Введение в стране НЭП позволило Карасеву остаться в 1920-е годы в торговом бизнесе, но приспособившись к новым условиям. Так, Савватий сразу же добровольно подарил принадлежащий ему каменный дом советским властям; поменял собственника своего бизнеса, поставив во главе сына, а затем и дочь. Семьи Савватия и старшего сына в течение 1920-х годов вынуждены были ухудшать свои жилищные условия. В 1925 году всю семью (за исключением маленьких детей) лишили избирательных прав. В конце 1920-х годов мероприятия НЭП сворачиваются, и большая семья Карасевых принимает решение об отъезде. 2 декабря 1930 года со всеми детьми она переезжает в Московскую область. Бывший купец II гильдии Савватий Иосифович Карасев работал сторожем в разных учреждениях. Сменой места жительства с утратой документов и изменением вида деятельности он спас семью от репрессий. Многие его

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

родные остались крестьянствовать в деревне. На примере истории конкретной семьи можно представить, каким образом можно было избежать репрессий: переменой места жительства и потерей документов. Новые документы выдавались советскими органами власти в 1930-х годах, по устной информации заявителя. В результате дети купца Савватия Карасева практически не пострадали в советское время и смогли благодаря своим способностям благополучно построить собственную карьеру.

В середине XIX века крестьянская семья Карасевых проживала на землях статской советницы помещицы Елизаветы Александровны Делло в деревне Безменово Морозовской волости Вяземского уезда Смоленской губернии [ГАСО, ф. 48, оп. 1, д. 2626, ч. 3]. Один из мужчин семьи Карасевых – Савватий – в конце XIX века уехал из родной деревни и организовал «дело» в одном из городов Смоленской области – Ельне.

В предлагаемой статье с опорой на разнообразные материалы Государственного архива Смоленской области (метрические книги, промысловые лицензии дореволюционного периода, списки домохозяйств, списки тех, кто был лишен избирательного права в 1925 году, тех, кто имел недвижимость и выплачивал налоги, разрешения торговли и др.) и документы семейного архива Кузьминых (потомков С.И. Карасева), а также на основе интервью, взятых у родственников Савватия Карасева в 2024 году, представлены обстоятельства жизни конкретного крестьянина, который стал купцом, а в 1920-е годы, в период новой экономической политики (НЭП), попытался продолжить свой бизнес.

На примере истории отдельной семьи можно представить основные обстоятельства жизни купечества в первое советское десятилетие. На эту тему имеются исследования, посвященные судьбам купеческих семей разных регионов России, главным образом Сибири [Демчик, 1998, 233–236; Катионов, 2024, 65–72; Скубневский, 2017, 88–93; Кротт, 2015, 71–75]. Авторы показывают, что определенной части дореволюционных предпринимателей в Сибири удавалось адаптироваться к новым условиям Советской России. В нашем случае представлен процесс адаптации в одной из западных губерний России, граничащей с центральным столичным регионом, – Смоленской.

Период конца XIX – начала XX века ознаменовался значительным ростом купеческого бизнеса практически во всех уголках Российской империи. Не обошел этот процесс и Смоленскую губернию. Ельня как один из городов губернии в то время активно развивалась. В начале XX века в городе проживало около 5 тыс. человек. К этому времени по сравнению с концом XIX века количество активных людей, которые приобретали «промысловые свидетельства» (лицензии для ведения дела), увеличилось с 400 до 800 человек.

Прадед Савватия, Никанор Гаврилов (1794 г. р.), имел большую семью в Безменово. Отец Никанора, Гавриил Макаров (1762–1832), жил в соседнем

селении Воскресенское, которое принадлежало капитану Ивану Данилову, получившему деревню в 1815 году, когда умер его отец – генерал Семен Озеров. Среди детей Никанора был сын Иван (1821 г. р.), который, в свою очередь, тоже имел семью: дочь Стефаниду, сыновей Иродиона, Ивана, Митрофана и Иосифа. Иосиф (1845 г. р.) вместе со своей женой Ефимией Ефимовой имел 13 детей. Семья была уважаемой. Как свидетельствуют метрические книги, супруги часто были восприемниками при совершении обряда крещения детей местных крестьян, а, как правило, крестными приглашали достойных и почитаемых в деревне людей. В семье Иосифа и Ефимии шестеро малышей умерли в детском возрасте (Антоний, Николай, Ксения, Феврония, Христина и Параскева) [ГАСО, ф. 48, оп. 2, д. 1372, ч. 4, 860 об., 861]. В то время детская смертность в деревнях была колоссальной. Выжили и выросли сыновья Гавриил (1867), Савватий (1874), Никанор (1877) и Иоанн, дочери Елизавета (1869), Ефросинья (1886) и Елена (1889) [ГАСО, ф. 48, оп. 2, д. 1516, 692 об., 693; д. 1948, ч. 4, 938; д. 1907, ч. 4, 734; оп. 3, д. 8, ч. 4]. Родившийся в этой семье мальчик, будущий купец Савватий, повзрослев, оказался энергичным и предприимчивым. Он один из большой семьи решил переехать в г. Ельню, где открыл вначале лавку, а затем и магазин. Упоминание о Савватии Иосифовиче Карасеве мы находим в книге И.А. Шипова о Ельне [Шипов, 2021].

Савватий родился 21 сентября (по старому стилю) 1874 года [ГАСО, ф. 48, оп. 2, д. 1406, ч. 4]. Его собственная семья тоже будет многодетной – 12 человек, из них две дочери (Афанасия, 1896 г. р., и Анна) умерли совсем маленькими, а два сына, Симеон и Сергей, в возрасте четырех и пяти лет. Остальные дети – сыновья Дмитрий (1894), Архип (1898), Иван (1902), Виталий (1907), дочери Александра (1905), Татьяна (1909), Нина (28 декабря 1912 года, крестили 6 января 1913 года), Клавдия (1921) [ГАСО, ф. 48, оп. 3, д. 26, ч. 3, 860; оп. 4, д. 7, ч. 4, 461; д. 614, 201 об., 202].

История бизнеса. Начав свое дело в Ельне, Савватий Иосифович сохранял статус крестьянина деревни Безменово. В архивных документах он числился безземельным. Это значит, что свою землю в деревне он продал или отдал родственникам.

С 1901 года крестным почти всех детей Карасевых был мещанин соседнего города Дорогобужа Кирик (Кирилл) Алексеевич Бородин. Он жил в Ельне, занимался мануфактурной торговлей. Видимо, именно он и пригласил Савватия в город. Где и когда они познакомились? Неизвестно. Восприемниками при крещении у детей Савватия были его сестры Ефросинья и Елена, а также Анна Романенкова, которая была из семьи ельнинских купцов и сама занималась торговлей.

23 января 1901 года (по старому стилю) у Карасевых родилась дочь Анна. Исходя из записи в метрической книге, мы можем отметить следующие факты. Во-первых, девочка родилась в семье Савватия Осиповича (Иосифовича) Карасева и Надежды Силаевой. Таким образом, Савватий

в 1901 году уже имел фамилию Карасев. В это время у его родственников из деревни Безменово еще не было фамилий. Они использовали имя их отца и назывались Иосифовы. Так раньше было и у Савватия, позже имя отца стало отчеством. Видимо, он получил фамилию как работник торговли. Известно, что в 1907 году фамилия Карасевы появилась и у безменовских родственников Савватия, в частности у сестры Елены (в этот год она стала крестной у сына Савватия) и впоследствии у племянника Савватия – Сергея. Во-вторых, из данной метрики ясно, что в 1901 году Савватий Карасев уже жил в Ельне. В-третьих, можно предположить, что мещанин Кирик Бородин, который стал крестным у младенца Анны, помогал Савватию утвердиться в Ельне. Известно, что Кирик Бородин, занимаясь торговлей, в 1905 году получил статус купца в Ельне. В это время часто он бывал восприемником у ельнинских детей купцов, мещан, крестьян, которых крестили в двух церквях города – в Соборной и Воскресенской.

В 1902 году Савватий Карасев купил в Ельне промысловое свидетельство II разряда (стоимостью 65 руб.), которое позволяло ему торговать в 1903 году [ГАСО, ф. 437, оп. 1, д. 27, 403]. Наличие свидетельства II разряда в то время приравнивалось к статусу купца II гильдии. Можно было претендовать на включение в купеческое сословие. Но Савватий Карасев этого не сделал и оставался в крестьянском сословии. Почему? Промысловые свидетельства выдавало Ельнинское городское управление. Всего в списке 1903 года было около 400 ельнинских купцов и мещан, которые получали право на торговлю. В этом списке есть брат и сестра Иван и Анна Романенковы – крестные детей Савватия Иосифовича Карасева.

Думается, Савватий Карасев руководствовался «Положением о государственном промысловом налоге» от 8 июня 1898 года, которое разрешало заниматься коммерцией без получения гильдейских (купеческих) свидетельств. Можно было оставаться в своем сословии и заниматься торговлей. И Карасев воспользовался этим правом, а может быть, именно Положение и послужило мотивацией переехать из деревни в город и заняться торговлей.

В Российской империи в то время выдавались промысловые свидетельства пяти разрядов: самый высокий уровень – свидетельство I разряда, самый низкий – V. Таким образом, свидетельство II разряда, которое получил Савватий Карасев, – это средний бизнес. Савватий Карасев и в последующие годы сохранял свой крестьянский статус и постоянно оплачивал промысловое свидетельство II разряда (в нашем распоряжении есть архивные документы на 1911 и 1913 годы). Такое свидетельство в 1913 году стоило 50 руб. [ГАСО, ф. 437, оп. 1, д. 74, 64].

Заметим, что у крестных детей Савватия – Анны, Ивана – и их отца Матвея Романенковых была бакалейная торговля. Матвей имел промысловое свидетельство II разряда за 50 руб., а Анна – III за 10 руб. У главного крест-

ного детей Карасева, Кирика Алексеевича Бородина, было промысловое свидетельство II разряда на мануфактурную торговлю. К 1913 году в Ельне в два раза выросло количество торговцев. На этот год было подано 800 заявлений на получение свидетельств. Там же есть заявление крестьянки Агафьи Яковлевны Ленкиной, у которой Савватий впоследствии купит каменный дом в 12-м квартале Ельни.

Жизнь Карасевых в Ельне начиналась, видимо, в арендованном доме. В списке налогоплательщиков (налог на недвижимость) за 1903 год нет фамилии Карасева, значит, в это время он не платил налог на дом [ГАСО, ф. 905, оп. 1, д. 1]. А вот в списке плательщиков государственного квартирного налога по г. Ельне за 1909 год у Савватия Иосифовича Карасева уже обозначен собственный дом на ул. Старой Дорогобужской. Следовательно, к этому времени он уже приобрел собственный дом – простой деревянный сруб. В то время примерно 260 человек в Ельне имели собственные дома. Свои дома были и у Романенковых. Однако благодетель Савватия Кирик (Кирилл) Алексеевич Бородин арендовал жилье в доме Н.И. Почечуева в центре Ельни, на Базарной площади [ГАСО, ф. 905, оп. 1, д. 2, 9 об., 10]. Таким образом, можно предположить, что торговое дело Савватия Карасева шло хорошо. К 1917 году у него уже было два дома. Первый – купленный давно за 400 руб. деревянный дом в 5-м квартале на ул. Старой Дорогобужской. За него Савватий платил налог 3,60 руб. в год. Второй дом располагался в 12-м квартале на ул. Екатерининской (ныне Первомайская). Его стоимость составляла 2500 руб., а налог за год – 31,66 руб. Ныне дом не сохранился, но известно, что он был каменным, размером 20 на 14 м [ГАСО, ф. Р.-464, оп. 1, д. 198, 4, 7 об.]. Дом был куплен у крестьянки Ленкиной. Видимо, торговля Савватия расширялась, он разбогател и смог купить уже каменный дом. Ко времени начала революции Карасев стал успешным и обеспеченным торговцем. Он имел магазин, в котором торговал мануфактурными, галантерейными и меховыми товарами [ГАСО, ф. 437, оп. 1, д. 71, 145, 145 об.]. По семейным преданиям, товары Савватий привозил из Польши. Его старшие дети: Дмитрий, Иван, Архип, Татьяна, Александра и Виталий – учились в гимназиях Ельни [ГАСО, ф. Р.-1394, оп. 1, д. 5, 1, 1 об., 3].

Советский период истории семьи Карасевых. Установление советской власти на территории бывшей Российской империи, в том числе и в Смоленской области, постепенно изменило жизнь Карасевых, тем не менее вплоть до конца 1920-х годов они сохраняли надежду приспособиться к новым условиям. Отчасти это стало возможным, когда в стране был введен НЭП – новая экономическая политика, которая проводилась в Советской России и СССР с 1921 по 1928 год. В этот период была вновь разрешена частная торговля.

Однако вначале Савватий Карасев испугался открыто торговать. И через своих знакомых получил липовый документ, согласно которому в

1916–1917 годах он работал почтальоном в г. Дорогобуже [САК]. Предположительно, этот документ Савватию помог достать Кирик Бородин, который был родом из Дорогобужа.

В 1919 году у Савватия сохранялись оба дома: деревянный в 5-м квартале (на Старой Дорогобужской) и каменный в 12-м квартале (на Первомайской) [ГАСО, ф. Р.-464, оп. 1, д. 219, 14, 32]. Но вскоре каменный дом пришлось отдать государству. По семейным преданиям, Савватий сделал это добровольно, что и позволило ему остаться в 1920-е годы в торговом бизнесе. В 1923 году семья Савватия в количестве девяти человек (супруга и семеро детей) жила в деревянном доме на ул. Первомайской № 105 (стоил 50 руб. золотом). Семья имела огород (100 сажень), на котором выращивала картошку. В этот период Савватий имел еще второй деревянный дом на улице Советской № 245 (стоил 100 руб. золотом). Видимо, в этом доме Савватий держал свой единственный магазин [ГАСО, ф. Р-3434, оп. 1, д. 2, 10, 10 об., 11]. Торговля Карасевых продолжалась.

В начале 1924 года Савватий указывал, что он имел патент III разряда, который позволял ему торговать молочной и бакалейной продукцией. На следующий год Савватий отдал магазин своему старшему сыну Дмитрию и начал работать у него приказчиком.

В 1925 году семья Савватия Карасева в количестве восьми человек (супруга и шестеро детей) проживала в деревянном доме № 32 на ул. Первомайской. Неясно, семья переехала в другой дом или власти поменяли нумерацию домов. Семья имела корову и свинью. В семье работали два человека: Савватий – приказчиком в магазине сына Дмитрия (получал 180 руб.) и сын Иван (20 лет) – служащим [ГАСО, ф. 464, оп. 1, д. 42]. Иван служил в Рабочем кооперативе, потом в Обществе потребителей и был оттуда мобилизован в Красную армию. Потом из-за болезни Иван был демобилизован и смог вернуться домой в Ельню [ГАСО, ф. 464, оп. 2, д. 42].

В 1925 году сын Савватия Дмитрий проживал в собственном деревянном доме на ул. Советской, № 42. Видимо, это второй дом, который ранее принадлежал Савватию, однако номер дома опять-таки изменился. Там же был и магазин. Отметим, что в это время свои дома были и у благодетелей Савватия – Романенковых и К.А. Бородина.

Дмитрий до революции находился на военной службе. В период введения НЭПа именно он стал главой магазина Савватия Карасева. Судя по архивным документам, Савватий передал свой магазин Дмитрию лишь в 1925 году, однако по другим документам уже в 1921 году сам числился лишь ответственным приказчиком [САК]. Означает ли это, что магазин был передан сыну в 1921 году, или нет? Неясно. Сделано это было для того, чтобы история дела Савватия Карасева в дореволюционное время была забыта. А Дмитрий в тор-

говле был человеком новым. Таким образом, он стал советским торговым работником. Дмитрий вел торговлю III разряда (значит, более мелкую, чем была у Савватия до революции).

В 1927 году сын Савватия Дмитрий сменил место жительства, переехав на Стародорогобужскую улицу, № 28. Имел магазин, который торговал галантерей и бакалеей (как указано в архивном деле, с 1923 года). Товары Карасевы получали по железной дороге. В магазине работало три «ненаемных работника» (родственники Дмитрия – Савватий, дочь Александра, сын Дмитрий). В доме было две комнаты и склад [ГАСО, ф. 464, оп. 2, д. 42].

В 1928 году Дмитрий проживал отдельно со своей семьей, женой и ребенком, но уже в не своем доме, а в арендованной квартире на ул. Красноармейская, № 28 [ГАСО, ф. 464, оп. 2, д. 42]. Таким образом, семьям Савватия и Дмитрия в 1920-е годы приходилось не раз менять место жительства.

Первая беда в дом Карасевых пришла в 1925 году. Кроме маленьких детей (Архипа, Виталия, Татьяны, Нины и Клавдии), все взрослые члены семьи Карасевых – Савватий, его жена, старшие дети Иван, Александра, Дмитрий и его жена София – были лишены избирательных прав [ГАСО, ф. Р.-13, оп. 6, д. 25, 285 об., 601, 603, 604]. До этого решения советских властей старшая дочь Александра надеялась начать свою торговлю. Она (вместе с отцом) приобрела патент на личное заготовительное предприятие I разряда, но после лишения прав в 1925 году ей пришлось работать приказчиком в магазине старшего брата Дмитрия. 1 сентября 1927 года магазин был передан младшей сестре Александре, которая жила с отцом [ГАСО, ф. 464, оп. 2, д. 42].

В семейном архиве Кузьминых сохранилась любопытная переписка Дмитрия Савватьевича с налоговыми органами. В 1925 году налоговая служба назначила Карасевым повышенный налог. Он оспаривал эту сумму, однако сотрудники налоговой ответили, что они якобы монополисты в районе и работают у них только члены их семьи [САК].

Сын Савватия Дмитрий, который считался владельцем магазина, подал жалобу [ГАСО, ф. 464, оп. 2, д. 42] от владельца торгового предприятия III разряда г. Ельни от 26 февраля 1927 года в Ельнинский уфинотдел. Уфинотдел и налоговый инспектор отказали Карасеву на следующем основании: «Торговля Карасева имеет устойчивый круг городского покупателя и опытный состав обслуживающих торговлю лиц». Магазин имел доходы. В следующем, 1928 году Дмитрий вновь подал жалобу на большой подоходный налог, просил его уменьшить [ГАСО, ф. 464, оп. 1, д. 98], но власти вновь ему отказали.

Одновременно с торговлей оба старших сына Савватия – Дмитрий и Иван – вошли в Добровольное пожарное сообщество в качестве пожарных-топорников: Дмитрий – с 1918 года во втором отделении, Иван – с 1921 года в первом отделении. Начальником у братьев был один из их крестных – Иван Романенков. На 1925 год в Ельне было всего 179 пожарных, включая

25 охранников и 15 музыкантов, в 1926 году – 166 человек. Карасевы оставались в обществе и в последующие годы. В 1926 году проводилась конференция по пожарному делу. Среди делегатов был Виталий Карасев – младший брат Ивана и Дмитрия, который тоже вступил в пожарное общество [ГАСО, ф. Р.-375, оп. 1, д. 279, 178; ф. Р.-375, оп. 1, д. 309, 22].

Маленькие дети Карасевых продолжали учиться в Ельне. В 1919–1920 годах в 1-й Ельнинской советской школе учились дочери Татьяна и Александра; в 3-й Ельнинской советской школе – сын Виталий [ГАСО, ф.-437, оп. 1, д. 11, 144, 149, 150 об.]. Взрослые в это время получали советские документы.

Московская область. В 1929 году началось сворачивание НЭПа, а в 1931 году он был прекращен юридически. 2 декабря 1930 года большая семья Карасевых со всеми детьми переехала в Московскую область, в Лесной городок, который находился около ст. Катуар (по Киевской железной дороге). Лесной городок был образован в начале XX века как дачное место. По семейной легенде, отъезд семьи из Ельни был внезапным: Савватию грозил арест. Карасевы не успели продать дом, тем не менее они уехали с «капиталом». Прожили Карасевы в Лесном городке примерно до 1940–1941 годов. В семейном архиве Кузьминых хранится справка, данная Савватию Карасеву, что в 1933 году он действительно проживал в Лесном городке [САК].

Бывший купец II гильдии Савватий Иосифович Карасев работал сторожем в разных учреждениях: в Союзкинохронике (1934–1936), Райпищеторге Кировского района (1936–1938), автобазе НКФ РСФСР (1938), швейно-обувном комбинате (1938), в художественном центре «Палитра», где прослужил вплоть до эвакуации в 1941 году [САК]. Его предпринимательская хватка помогла придумать хитрый ход. При побеге из Ельни Савватий заявил, что потерял документы и восстановил их на основании данного в газете объявления об утере. В полученных в Лесном городке новых документах было написано, что он рабочий, никакого хозяйства не имел и не был лишен избирательных прав. Это была «ложь во спасение». Причем Савватий изменил год своего рождения с 1874 на 1871 год, видимо, для того, чтобы раньше начать получать пенсию. В 1931 году в СССР был принят новый Закон о пенсиях, по которому мужчины имели право уходить на пенсию в 60 лет. После изменения года рождения Савватию в 1931 году «исполнилось» 60, и он получил право на пенсию.

После Лесного городка еще до войны семья Карасевых переехала в пос. Ухтомский Люберецкого района Московской области. Это произошло примерно в 1940 году. Во время войны основная часть семьи эвакуировалась в Пензенскую область. Вернулась семья в пос. Ухтомский до 1943 года. В 1943 году жена Савватия Надежда умерла и была похоронена на Старом люберецком кладбище. Впоследствии там же, неподалеку, был похоронен и Савватий, а также их дочери Татьяна и Александра (и ее дети – Валентина

и Надежда), сыновья Иван и Архип. Сам Савватий Иосифович Карасев умер в 1945 году.

Семья Карасевых была большой, крепкой и дружной. Несмотря на то что жена Савватия Надежда Силаевна была неграмотная, она давала мудрые советы. Отца и мать дети уважали и почитали [САК].

После смерти Савватия главным в семье стал старший сын Дмитрий. Хотя все его братья и сестры уже имели свои семьи, он принимал решения в важных делах, касающихся каждого члена семьи. Устраивались семейные советы по всем жизненным поводам, касающимся братьев и сестер.

Когда Савватий Карасев умер, члены семьи знали, что у него в саду был спрятан капитал, который ему удалось вывезти из Ельни (золотые царские червонцы, золото), но никто не знал, где именно. Искали долго и со временем нашли.

Отметим, что трудная жизнь сделала Савватия Карасева «мистификатором»: на его могильном памятнике не совпадает не только год его рождения, но даже месяц и число. Согласно метрической книге, Савватий родился 21 сентября 1874 года по старому стилю. А на памятнике написано «21 октября 1871 года».

Микроистория (история одной семьи на протяжении XIX–XX веков) может помочь проследить общие тенденции. С одной стороны, семьи коснулись все испытания, выпавшие на долю страны: экономический взлет в дореволюционной России, НЭП, репрессии. С другой – семье удалось выстоять. Сложилась дополнительные специфические обстоятельства. Дети, внуки, правнуки купца Савватия Карасева сумели встроиться в советскую и постсоветскую жизнь, найти применение своим способностям.

Годы НЭПа вынуждали семью приспосабливаться: во-первых, Савватий сразу же добровольно подарил принадлежащий ему каменный дом советским властям; во-вторых, поменял собственника бизнеса, поставив во главе своего сына, а затем и дочь; в-третьих, семьям Савватия и старшего сына, который к этому времени жил отдельно, приходилось менять свои жилищные условия в худшую сторону в течение 1920-х годов.

Исследование позволило представить возможности одного мужчины из большой крестьянской семьи изменить свою жизнь, в то время как остальные оставались крестьянствовать в деревне. На примере истории конкретной семьи можно представить, каким образом человек мог избежать репрессий: перемены места жительства и потерей документов. Новые документы выдавались советскими органами власти в 1930-х годах по устной информации заявителя. В результате дети купца Савватия Карасева практически не пострадали в советское время и смогли благодаря своим способностям благополучно строить собственную карьеру. Значит, «репрессивная машина» работала со сбоями, специфически: можно было и не попасть в ее жернова.

До революции «социальный лифт» успешно функционировал, позволяя обычным крестьянам подняться и создать собственное дело. В советский период семье купца из крестьян пришлось сложно, тем не менее он сумел передать своим потомкам стремление трудиться, чтить традиции и помнить своих предков.

ЛИТЕРАТУРА

ГАСО – Государственный архив Смоленской области. Ф. 1394. Оп. 1. Д. 5. Списки учеников Ельнинской мужской гимназии. 1917 г.

ГАСО. Ф. 437. Оп. 1. Д. 27. Прошения купцов и мещан о выдаче и обмене свидетельств о билетах права торговли. 1902 г.

ГАСО. Ф. 437. Оп. 1. Д. 74. Заявления о выборных промысловых свидетельствах на 1913 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2626. Ч. 3. Метрические книги. Вяземский уезд. 1845 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 1372. Ч. 3. Метрические книги. Вяземский уезд. 1873 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 1516. Метрические книги. Вяземский уезд. 1877 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 1907. Метрические книги. Вяземский уезд. 1886 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 26. Метрические книги. Вяземский уезд. 1894 г.

ГАСО. Ф. Р.-375. Оп. 1. Д. 309. Постановления и циркуляры ВЦИК и СНК, Главного и губернского Управления Коммунального хозяйства. Списки членов пожарных дружин. 1926 г.

ГАСО. Ф. Р.-464. Оп. 1. Д. 41. Дело № 79 плательщика подоходного прогрессивного налога Карасева Савватия Иосифовича. 1923 г.

ГАСО. Ф. Р.-464. Оп. 1. Д. 98. Дело № 121 Ельнинской уездной налоговой комиссии по жалобе гражданина г. Ельни Карасева Дмитрия Савватьевича по обложению подоходного налога за 1927–1928 гг.

ГАСО. Ф. Р.-464. Оп. 1. Д. 198. Ведомость недвижимого имущества по городу Ельня. 1917 г.

ГАСО. Ф. Р.-464. Оп. 1. Д. 219. Книга регистрации взимания городских земских сборов с недвижимого имущества города Ельни за 1919 г.

ГАСО. Ф. Р.-464. Оп. 2. Д. 42. Ельнинская уездная налоговая комиссия. Дело по жалобе гражданина г. Ельни Д.С. Карасева по обложению управнительным сбором. 1927 г.

ГАСО. Ф. Р.-3434. Оп. 1. Д. 2. Торговый реестр № 3 частных лиц ведущих оптовые заготовки. 1924 г.

ГАСО. Ф. Р.-375. Оп. 1. Д. 279. Постановления и циркуляры ВЦИК и СНК, Главного и губернского Управления Коммунального хозяйства. Списки членов пожарных дружин. 1925 г.

ГАСО. Ф. 437. Оп. 1. Д. 11. Список школ города Ельни. 1919–1920 гг.

ГАСО. Ф. 437. Оп. 1. Д. 71. Наряд расходных документов Ельнинской городской управы за март 1911 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 1406, ч. 4. Метрические книги. Вяземский уезд. 1874 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 1948, ч. 4. Метрические книги. Вяземский уезд. 1887 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8, ч. 4. Метрические книги. Вяземский уезд. 1889 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 4. Д. 614. Метрические книги. Вяземский уезд. 1905 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 4. Д. 7. Метрические книги. Вяземский уезд. 1898 г.

ГАСО. Ф. 905. Оп. 1. Д. 1. Список налогоплательщиков государственного квартирного налога на Ельне за 1903 г.

ГАСО. Ф. 905. Оп. 1. Д. 2. Список налогоплательщиков государственного квартирного налога на Ельне за 1909 г.

ГАСО. Ф. Р.-13. Оп. 6. Д. 25. Протокол и выписки из заседаний Смоленской губернии и волостных уездных избирательных комиссий. 1925–1926 гг.

Демчик Е.В. Предприниматели Сибири периода НЭПа: купцы или нэпманы? // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998. С. 233–236.

Катионов О.Н., Лягаев В.В. Последние надежды: адаптация бывшего купечества в советском обществе в 1920-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2024. Т. 46. С. 65–72.

Кротт И.И. Социальная мобильность сельских предпринимателей в период революции и Гражданской войны (1917–1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 71–75.

САК – Семейный архив Кузьминых.

Скубневский В.А. «Бывшие». Купечество Барнаула после 1916 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 88–93.

Шипов И.А. Ельня. Очерки истории уездного города. М.: Квадрига, 2021. 424 с.

I.L. Babich

*PhD in History, Doctor, Chief Researcher,
Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

T.L. Babich

*PhD (Biology), Senior Researcher,
Research Centre of Biotechnology,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

V.V. Kuzmin

*Entrepreneur
Moscow, Russia*

Pre-revolutionary Merchants in the Period of the New Economic Policy in the 1920s (on the Example of the Karasev Family)

The aim of this article is to study the life of a peasant Savvaty Karasev who became a merchant in 1901, in the 1920s, during the New Economic Policy (NEP). Case study of history is based on the materials of the State Archive of the Smolensk Region and documents from family archives, as well as on interviews conducted with the descendants of Savvaty Karasev by relatives in 2024. Savvaty Karasev had shop in which he sold manufactured goods, haberdashery and fur goods, which imported from Poland. The introduction of the NEP (New Economic Policy) in the country allowed to Karasev to remain in the trading business in the 1920s. The years of the NEP forced the family to adapt: firstly, before 1923 Savvaty voluntarily presented his stone house to the Soviet authorities, secondly, he changed the owner of his business, putting his son and then his daughter in charge, thirdly, the families of Savvaty and the eldest son, who had a family and lived separately, had to constantly changed their living conditions during the 1920s. In 1925, the entire family (except for small children) was deprived of voting rights. In 1929, the NEP began to be curtailed, and in 1931 it was legally terminated. On December 2, 1930, the large Karasev family with

all the children moved to the Moscow region. Former merchant Savvaty Karasev worked as a guard in various institutions in 1930.

Firstly, from a large peasant family, only one man decided to change his life, and the rest remained to peasant in the village. Secondly, during the years of repression in the USSR, it was possible to «save» oneself by changing one's place of residence and losing one's documents. New documents were issued by Soviet authorities in the 1930s based on the applicant's oral information. Thirdly, the children of the merchant Savvaty Karasev suffered virtually no harm during the Soviet era and were able to make careers thanks to their abilities.

Keywords: *merchants; peasants; Russian Empire; USSR; NEP; Smolensk region; Yelnya.*

REFERENCES

Demchik E.V. Siberian Entrepreneurs during the NEP Period: Merchants or Nepmen? [Predprinimateli Sibiri perioda NEPa: kuptsy ili nepmany?]. *Current Issues in the History of Siberia*. Barnaul, 1998. Pp. 233–236 (in Russian).

State Archives of the Smolensk Region [Gosudarstvennyy arkhiv Smolenskoj oblasti]. (in Russian).

Kationov O.N., Lyagaev V.V. Last Hopes: Adaptation of the Former Merchants in Soviet Society in the 1920s [Posledniye nadezhdy: adaptatsiya byvshego kupechestva v sovetskom obshchestve v 1920-ye gg]. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*, 2024. Vol. 46. Pp. 65–72 (in Russian).

Krott I.I. Social Mobility of Rural Entrepreneurs during the Revolution and Civil War (1917-1920s) [Sotsial'naya mobil'nost' sel'skikh predprinimateley v period revo-lyutsii i Grazhdanskoy voyny (1917-1920-ye gg.)]. *Humanities in Siberia*, 2015. Vol. 22. No. 4. Pp. 71–75 (in Russian).

Kuzmin family archive [Semeynyy arkhiv Kuz'minykh] (in Russian).

Shipov I.A. Yelnya. Essays on the history of a district town [Ocherki istorii uyezdnogo goroda]. Moscow: Quadriga, 2021. 424 p. (in Russian).

Skubnevsky V.A. «Byvshiye». Kupechestvo Barnaula posle 1916 g. ["Former." Barnaul Merchants after 1916]. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 2017. No. 48. Pp. 88–93 (in Russian).

А.В. Крошкин

*Тверской государственный университет
Тверь, Россия*

УДК 93/94

DOI 10.35785/2072-9464-2026-73-1-234-247

**БЕЖЕЦКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИИ
В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ 1808–1814 ГОДОВ**

Ключевые слова: *Тверская епархия; Бежецк; Бежецкое духовное уездное училище; Бежецкое духовное приходское училище; Комиссия духовных училищ.*

В статье рассматривается процесс преобразования Бежецкого духовного училища в ходе реформы духовного образования 1808–1814 годов. Исследование проведено на документах фондов Бежецкого духовного училища и Тверской духовной консистории (Государственный архив Тверской области, ГАТО). В ходе реформы Бежецкое духовное училище было разделено на два отдельных учебных заведения – уездное и приходское, сменило учебную программу, получило финансовую поддержку от государства.

Основной проблемой переходного периода стало регулирование численности учащихся и их возрастных категорий. Стремление соответствовать новым требованиям в начале реформы привело к значительному росту численности учеников Бежецких приходского и уездного училищ. Неуспешные и великовозрастные оставались в учебных заведениях, вследствие чего средний возраст учеников не соответствовал новой норме. После пика в начале реформы наблюдается тенденция к снижению численности обучающихся, что связано с отчислением великовозрастных и неуспешных. В результате к 1814 году средний возраст учащихся уже соответствовал норме.

Шестилетний период преобразований Бежецкого духовного училища в соответствии с правилами новых уставов показывает, как в динамике проходил процесс адаптации системы духовного образования на нижнем уровне иерархии. При некоторой задержке исполнения распоряжений «сверху» начальство новых уездного и приходского училищ демонстрировало необходимую гибкость и четко следовало плану реформы. Несмотря на финансовые трудности, реформированные учебные заведения Бежецка открыли перед детьми духовенства Тверской епархии новые и более широкие перспективы получения образования.

Традиционно представителям духовного сословия вменялась обязанность просвещения народа. Максималистское выражение этой идеи сформулировал Петр I, который воспринимал духовенство как класс государственных чиновников, призванных к нравственному воспитанию народа [Милюков,

1916, 158]. Сложившаяся в ходе петровских преобразований сеть духовных школ не отвечала потребностям времени. Уровень образованности священнослужителей, окончивших школы, оставался низким, что вызывало беспокойство как светской, так и церковной власти. Среди прочих причин «отставания» фигурировала слабая подготовка в духовных школах либо их дефицит в отдельных регионах Российской империи. Более того, по мнению некоторых исследователей, направленность образования в действующих духовных школах всех уровней отличалась неопределенностью [Карташев, 1992, 548]. Во многом это объяснялось абсолютной зависимостью православных духовных школ от епархиальных архиереев и слабым контролем со стороны Св. Синода [Посохова, 2016, 59]. Реформаторам начала XIX века было очевидно, что совершенствование системы духовного образования должно стать частью процесса глобальных преобразований, начатых в период правления императора Александра I. Автор реформы духовного образования 1808–1814 годов М.М. Сперанский усматривал прямую зависимость качества духовного образования от статуса духовенства [Кондаков, 2003, 169]. Важно, что реформирование началось с «нижней ступени» – духовных училищ, разделенных к тому времени на уездные и приходские.

В данной статье рассматривается процесс преобразования духовных училищ и их включения в обновленную систему духовного образования на примере Бежецкого духовного училища Тверской епархии. В историографии тема в такой формулировке не нашла отражения, однако общие направления реформы освещены в трудах П.В. Знаменского, Ф.Н. Белявского, Б.В. Титлинова, В.И. Колосова [Знаменский, 1881; Белявский, 1907; Титлинов, 1908; Колосов, 1889]. Исторический контекст, сопутствующий преобразованиям, фрагментарно, но емко представлен в трудах А.В. Карташева, П.Н. Милюкова, Л.Ю. Посоховой [Карташев, 1992; Милюков, 1916; Посохова, 2016].

Исследование проведено на документах, отложившихся в фондах Государственного архива Тверской области (далее – ГАТО). Наиболее важные из них – делопроизводственные материалы из фондов Бежецкого уездного духовного училища [ГАТО, ф. 835] и Тверской духовной консистории [ГАТО, ф. 160]: деловая переписка, приходо-расходные книги, ведомости об учениках Бежецкого духовного училища, конспекты пройденных предметов и т.д. Полученные данные отрывочны: полностью отсутствуют документы за 1809, 1812 годы, за 1813 год сохранилось лишь одно дело.

К исследованию привлекались нормативно-правовые акты и уставные документы: текст реформы содержится в именном указе императора Александра I № 23 122 от 26 июня 1808 года [Полное собрание 1, т. 30, № 23 122], основные правила, регламентирующие деятельность приходских и уездных духовных училищ, отражены в уставах, принятых в 1814 году [Полное собрание 1, т. 32, № 25 675, 25 676].

Ко времени проведения реформы в Тверской епархии действовала Тверская семинария, основанная в 1739 году, и четыре училища в уездных центрах: Кашине, Торжке, Осташкове и Бежецке. В 1808 году в этих училищах обучалось 768 человек, что значительно больше, чем в любой другой епархии [Титлинов, 1908, 6] (в следующей за ней Новгородской в училищах обучалось 593 человек [Там же]).

Бежецкое духовное училище основано во второй половине 70-х годов XVIII века [Знаменский, 1881, 524]. По официальным документам, в 1806 году в нем числилось 150 учеников [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 20, 2–8]. Курс обучения был традиционным для духовных училищ и повторял программу низших классов Тверской духовной семинарии: он начинался с класса чистописания на русском и латинском языках, в 1806 году в нем обучалось 68 детей (табл. 1). Далее следовал класс информатории, где продолжали изучение латыни 18 человек. После окончания информатории учащиеся переходили в низший грамматический класс или инфиму, здесь 31 человек получал знания латинской грамматики до синтаксиса. Завершался курс училища высшим грамматическим классом – 33 человека. По окончании училища дети духовенства, как правило, поступали в семинарию, в 1806 году из 26 выпускников 24 были отправлены учиться в Тверь [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 20, 9]. Одним из показателей эффективности обучения является сохранение численности учащихся на протяжении всего учебного курса. Ведомость 1806 года по Бежецкому училищу показывает колоссальный разрыв в 52% между количеством учеников первого и последнего классов. Даже если принять во внимание, что набор в училище отличался год от года, а некоторых учеников оставляли в одном классе по причине малолетства или болезни, такое значительное сокращение являлось показателем низкой эффективности образовательного учреждения.

Таблица 1

Средний возраст учащихся в Бежецких духовных училищах Тверской епархии в 1806–1814 годах

Год	Училище	Класс	Количество учащихся	Возраст учащихся	Средний возраст
1806	Бежецкое духовное училище (до реформы)	Чистописания	68	9–15	11,78
		Информатории	18	10–19	13,4
		Низший грам.	31	11–16	13,74
		Высший грам.	33	12–19	15,03
	Итого количество учащихся		150		
	Русская школа при Бежецком духовном училище	Первый	15	13–21	15,47
		Второй	15	15–23	18,93
	Итого количество учащихся		30		

1810	Приходское училище	Первый	192	6–16	8,95
		Второй	45	10–18	13,78
	Уездное училище	Низший	31	9–20	13
		Высший	21	10–22	16,62
	Итого количество учащихся		289		
1814	Приходское училище	Первый	79	6–8	7,05
		Второй	86	7–13	9,03
	Уездное училище	Низший	51	10–15	12,39
		Высший	62	10–18	13,95
	Итого количество учащихся		278		

Обыкновенной практикой становилось продолжение обучения неуспешных учеников свыше обозначенных сроков. Одной из причин низкой успеваемости был сложный курс латыни, не освоившим которого закрывалась дорога в духовный чин. Так, в высшем грамматическом классе засиделся 19-летний юноша, который пересек порог училища еще в 1798 году. Для доучивания малоуспешных в 1803 году Синод издал указ о заведении при семинариях и училищах специальных Русских школ. В их программе отсутствовала латынь, выпускники могли претендовать на причетнические, а в исключительных случаях – на священнические места [Полное собрание 1, т. 27, № 20 670].

В 1806 году Русская школа при Бежецком духовном училище состояла из двух классов. В первом обучались 15 человек (табл. 1), поступивших из инфимы [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 20, 13–14]. Учеников второго класса было столько же, часть из них перевели из высшего грамматического класса, другие взяты из родительских домов. Средний возраст (около 19 лет) учеников второго класса Русской школы значительно превышал средний возраст выпускников Бежецкого училища (табл. 1). При этом успеваемость оставалась низкой: в обоих классах Русской школы ни один ученик не получил отметку «хорошо» [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 20, 12–13].

Во всех духовных училищах остро стоял финансовый вопрос. Штатные оклады, увеличенные в 1798 году по епархиям до 4000 руб., выделялись только на содержание Тверской семинарии [Колосов, 1889, 244]. Низшие духовные школы довольствовались местными средствами.

Перемены начались после 26 июня 1808 года, когда получил высочайшее утверждение доклад «Об усовершенствовании духовных училищ; о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание Духовенства», представленный членами Комитета духовных училищ [Полное собрание, т. 30, № 23 122]. Доклад вносил существенные изменения в статус духовных учебных заведений. Отныне в управлении ду-

ховными школами вводилась строгая административная иерархия, заимствовавшая логику светских учебных заведений [Титлинов, 1908, 32]. Высшим органом, ответственным за образование, назначалась Комиссия духовных училищ. Период ее работы Ф.Н. Белявский, член Учебного комитета при Св. Синоде, называл «лучшим временем в истории духовной школы» [Белявский, 1907, 40]. Комиссии вменялся контроль за деятельностью четырех академий, которые становились во главе четырех учебных округов. Тверская епархия вошла в состав Санкт-Петербургского академического округа. Тверская семинария, во главе которой стояло училищное (семинарское) правление, подчинялась столичной академии. В обязанности правления входил надзор за уездными училищами во главе с ректором. В свою очередь в обязанности ректора уездного училища входил контроль над приходскими училищами. По новым правилам предполагалось разделение прежних духовных училищ на два: уездное и приходское. Целью приходских училищ была подготовка учеников к поступлению в уездные, которые, в свою очередь, должны были готовить к семинарии. Кроме того, на низших училищах лежала задача распространения единого и доступного образования: «*Училища уездныя... дадут родителям лучшие способы и с меньшим иждивением наставлять детей в познаниях... Училища приходския в самые села и деревни распространят отрасли единообразного и методического учения*» [Полное собрание 1, т. 30, № 23 122]. В каждой епархии полагалось открыть до 10 уездных училищ и до 30 приходских, однако авторы реформы считали эти цифры приблизительными и на них не настаивали [ГАТО, ф. 160, оп. 1.78, д. 29 679, 1 об.]. На практике училищ было основано гораздо меньше [Знаменский, 1878, 14].

В этом же докладе рассматривался вопрос финансирования духовных учебных заведений с назначением штатных окладов на каждую духовную школу. Величина оклада определялась разрядом епархии. Тверская епархия относилась ко второму разряду, на уездные училища отводилось 1200 руб. в год, на приходские – 475 руб. [Полное собрание 1, т. 30, № 23 122].

Реформа предписывала принимать в приходское училище всех детей духовенства с шести лет, освобождались от этой обязанности только юные певчие архиерейских хоров. Ни доклад 1808 года, ни проекты уставов 1810, 1811 годов, ни уставы 1814 года не предполагали возможности обучения в системе духовных школ иносословных. Сложившаяся со второй половины 10-х годов XIX века практика приема светских лиц в духовные школы явно демонстрирует исключительность такого положения [Титлинов, 1908, 251]. Их зачисляли в школы с разрешения епархиального архиерея и только при наличии свободных мест. В период действия уставов 1814 года количество иносословных учеников в духовных школах всегда было низким. Вместо аттестатов им выдавали особые свидетельства, закрывавшие дорогу к занятию священно- и церковнослужительских мест. Таким образом, обучение

светских лиц в духовных школах можно воспринимать как исключительное явление, не соответствующее главной цели духовного учения: «образовать благочестивых и просвещенных служителей слова Божия» [Полное собрание 1, т. 32, № 25 676].

Возглавлять приходское училище вменялось смотрителю благочиния. Курс, разделенный на два класса, длился два года и включал обучение чтению и письму на русском языке, основам арифметики, церковному нотному пению, основам российской грамматики и сокращенному катехизису. В учебном плане полностью отсутствовали иностранные языки, что сближало училище с Русской школой.

Греческий и латынь появлялись в курсе уездного училища, куда предписывалось поступать ученику после приходского. Управлял учебным заведением ректор. Обучение длилось четыре года, в программу входили российская и славянская грамматика, арифметика, церковное нотное пение, основы греческого и латинского, история, география, расширенный катехизис и церковный устав. Далее успешные выпускники переводились в семинарию. Важно, что вводился предельный срок пребывания в училищах: для приходского – три года, уездного – шесть лет. «Безуспешным» ученикам предлагались церковно-служительские места [Полное собрание 1, 30, № 23 122].

Авторы реформы осознавали, что реализовать ее сразу по всей стране невозможно. Новые правила предстояло сначала проверить на практике, для чего был выделен шестилетний период с 1808 по 1814 год. За это время предполагалось установить новый порядок только на территории Санкт-Петербургского округа. На основании доклада 1808 года были написаны проекты уставов 1810, 1811 годов, которым были подчинены все учебные заведения округа, в том числе и бежецкие духовные училища.

В сентябре 1808 года Св. Синод затребовал у тверского архиерея Мефодия (Смирнова) сведения о количестве приходских и уездных училищ, необходимых епархии. На основании данных о численности детей духовенства и расстоянии между приходами требовалось найти оптимальные места расположения училищ, а также указать способ содержания зданий (казенный или наемный).

Эта задача была поручена тверской консистории, которая предписала духовным правлениям давать более детальную оценку положения по каждому из уездов [ГАТО, ф. 160, оп. 1.78, д. 29 679, 1–2]. В конце октября 1808 года бежецкое духовное правление отправило в духовную консисторию рапорт и ведомости об открытии приходских и уездных училищ с предложением открыть в Бежецком уезде сразу два приходских: в Бежецке и с. Рамешке [ГАТО, ф. 160, оп. 1.78, д. 29 680, 2–3]. В Бежецке преобразовали уже существующее и расположили в том же здании «в верхнем покое». Кроме того, в ведомости перечисляются приходы, приписанные к училищу,

с указанием расстояния до учебного заведения. Из 76 приходов 10 находились в уездном центре, остальные – на территории уезда. Максимальное расстояние до училища – 65 верст. Училище в с. Рамешке так и не было открыто [Колосов, 1889, 276–277].

Сведения о Бежецком духовном уездном училище встречаются в «покорнейшем доношении», которое консистория направила епархиальному архиерею в декабре 1808 года, с предложением учредить Бежецкое уездное училище и разместить его в том же здании, где находилось прежнее училище [ГАТО, ф. 160, оп. 1.78, д. 29 679, 7–8].

Оба училища открылись 20 октября 1809 года. Эта дата указана в ведомости об учениках уездного училища за январь 1810 года [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 52, 2е]. Анализ ведомостей за 1810–1814 годы позволяет оценить динамику изменений состава учащихся.

В 1810 году в первом классе приходского училища числились 192 человека (табл. 1), во втором – 45. Ведомость отражает стремление училищного начальства придерживаться новых правил. Дети духовенства зачислялись с шести лет, в первом классе их было 40 [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 77, 4–16 об.]. При этом в училище по-прежнему находилось много воспитанников, поступивших до 1809 года, что объясняет высокий средний возраст учащихся – до 14 лет (табл. 1).

По ведомости уездного училища, в низшем классе в 1810 году обучались 31 человек (табл. 1). Вопреки «Начертанию правил» 1808 года, определившему возраст в 8–9 лет, средний возраст учеников составлял 13 лет. Еще сильнее несоответствие планам авторов реформы проявилось в высшем классе, в котором средний возраст 21 обучающегося составлял около 17 лет (табл. 1) вместо необходимых 10–11.

Попытка решить вопрос с великовозрастными и безуспешными учениками была предпринята в мае 1810 года. Из второго класса приходского училища 8 человек были переведены на причетнические места. Достигших 15 лет исключали по причине «высокого возраста» [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 79, 1–1 об.]. Та же тенденция характерна и для уездного училища. По данным ведомости, в 1811 году из низшего класса Бежецкого уездного училища были «отпущены» в епархиальное ведомство 23 человека [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 112, 9 об.–17]. Ревизия 1811 года подтвердила проблемы с успеваемостью: среди всех уездных училищ Тверской епархии в Бежецком наблюдался самый низкий процент успешных учеников – 23 (табл. 2). Вопрос о причинах такого незавидного положения станет предметом дальнейшего исследования.

Таблица 2

Успеваемость учащихся духовных уездных училищ Тверской епархии в 1811 году

Училища	Успешные учащиеся	Неуспешные учащиеся	% УСПЕШНЫХ
Тверское	106	43	71,14
Новоторжское	27	47	36,49
Бежецкое	24	81	22,86
Красно-Холмское	27	31	46,55
Кашинское	72	78	48
Вышневолоцкое	41	17	70,69
Осташковское	45	30	60
Ржевское	43	41	51,19
Старицкое	39	19	67,24
ИТОГО	424	387	52,28

В августе 1814 года Александр I подписал уставы приходских и уездных духовных училищ. Одним из существенных нововведений было повышение возраста учеников, поступающих в приходское училище, с шести до семи-восьми лет [Полное собрание 1, т. 32, №25 676]. Эти требования должны были учитываться и в Бежецке.

Тем не менее новые уставы не сразу приняли к сведению. Сохранилась переписка ректора Бежецкого уездного училища А. Иоаннова с Бежецким духовным правлением и смотрителем приходского училища о необходимости зачисления в училище детей с шести лет [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 151, 1–7]. По данным ведомости Бежецкого приходского училища за октябрь 1814 года, в первом классе числились 79 человек с шести до восьми лет (табл. 1). Средний возраст учеников стал постепенно снижаться по сравнению с 1810 годом и составлял семь лет, что соответствовало уставу. При этом шестилетние учащиеся оставались в первом классе в количестве 25 человек [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 129, 1 об.–14]. Во втором классе обучались 86 человек, средний возраст – девять лет (табл. 1) – совпадал с требованиями устава.

В низшем классе уездного училища уставы предусматривали обучение с 8 до 13 лет. В октябре 1814 года класс посещал 51 воспитанник, средний возраст – около 12 лет (табл. 1) соответствовал уставу. В высшем классе уездного училища обучались 62 человека. Средний возраст около 14 лет (табл. 1), по уставу – 10–15. Однако при наличии возможности продлить срок обучения на два года учащиеся могли быть и старше.

Анализ ведомостей бежецких духовных училищ 1810, 1814 годов демонстрирует процесс адаптации училищного начальства к правилам новых

уставов. Желание соответствовать требованиям в начале реформы привело к значительному росту численности учащихся. Только в первом классе училось 192 человека, что больше, чем во всем Бежецком училище до реформы [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 77, 7 об.–16 об.]. Принимая в обязательном порядке шестилетних, начальство не спешило отчислять неуспевающих, благодаря чему средний возраст учеников не соответствовал заложенным в уставе показателям. После пика в начале реформы наблюдается тенденция к уменьшению численности, что связано с отчислением великовозрастных и неуспешных. Вместе с этим снизился и средний возраст учащихся, который в 1814 году уже соответствовал норме.

Сохранялась тенденция к снижению численности учеников на протяжении всего курса приходского и уездного училищ, но в 1814 году разница между первым и последним классами составила 21%, что значительно ниже показателей Бежецкого училища до реформы – 52%.

Учебная программа в училищах требовала обновления. О соответствии реального курса плану можно судить по конспектам пройденных учебных предметов. В 1810 году в уездном училище преподавались все предметы, указанные в «Начертании правил» 1808 года, в том числе гражданская история [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 79, 5–5 об.]. Отметим, что этот предмет будет исключен из курса уездных училищ в 1814 году. Конспект учебных предметов приходских училищ за 1814 год имеет одно отличие от устава [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 133, 15]. В Бежецком духовном приходском училище преподавали Священную историю, изучение которой предполагалось лишь в высшем классе уездного училища.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о новом училищном руководстве. Согласно пункту 44 «Начертания правил» 1808 года, утвержденному уставом 1814 года, должность ректора мог исполнять протоиерей соборной церкви [Полное собрание 1, т. 30, № 23 122]. Ректором Бежецкого уездного училища был назначен протоиерей Воскресенского собора Андрей Иоаннов [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 77, 2]. Во главе приходского училища «Начертание правил» видит только смотрителя благочиния. В Бежецке эти обязанности исполнял священник Николаевской церкви Петр Иоаннов, который с 1809 года возглавил приходское училище [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 77, 17 об.]. В дальнейшем должность смотрителя приходского училища открывалась и другим лицам, но в 1814 году появилось правило: в случае, если уездное и приходское училища находятся в одном городе, должность смотрителя последнего упраздняется с передачей его обязанностей ректору и инспектору уездного училища [Полное собрание 1, т. 32, № 25 675]. Тем не менее в рапорте 1814 года Петр Иоаннов все еще упоминается как смотритель приходского училища [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 149, 1 об.].

Доклад «О усовершенствовании духовных училищ» 1808 года предполагал, что основные распоряжения будут поступать от Комиссии духовных училищ в

правление академий, оттуда правлениям семинарий соответствующего округа, а те, в свою очередь, ректорам духовных уездных училищ. В обязанности последних входил надзор за деятельностью приходских училищ.

В 1810 году Комиссия духовных училищ направила проект уставов сразу в Тверское семинарское правление, которое в свою очередь разослало экземпляры в уездные училища. Далее уже ректор Бежецкого духовного уездного училища направил документы смотрителю приходского училища [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 47, 2]. Вероятно, отсутствие академического правления в этой последовательности объясняется тем, что оно еще не было заведено в Санкт-Петербургской духовной академии. Однако уже через год именно академическое правление уведомило правление Тверской семинарии о необходимости вернуть прежние проекты уставов, чтобы заменить их новыми. Далее это предписание направлялось ректору Бежецкого уездного училища, а от него – смотрителю приходского [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 85, 1–2 об.]. Таким образом, можно констатировать появление уже к 1811 году административной иерархии духовных учебных заведений и включение в нее бежецких уездного и приходского училищ.

Реформа духовного образования начала XIX века принесла училищам финансовую стабильность. На их содержание из казны выделялись штатные оклады. Впервые они были назначены в 1809 году. По данным приходно-расходной книги, в 1814 году на Бежецкое уездное училище было выделено 1600 руб. [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 136, 1], что значительно больше указанных в «Начертании правил» 1808 года (1200 руб.). Учитывая, что за предыдущий год на балансе училища остались 212 руб. 57 коп., можно предположить, что учебному заведению хватало финансовых средств. Однако Б.В. Титлинов связывает остаток на балансе с привычкой к экономии «во что бы то ни стало», которая поощрялась в Петербурге [Титлинов, 1908, 358]. Важно отметить, что эти деньги не расходовались на содержание учеников. Финансовое положение приходского училища за указанный период в документах не отражено.

Комитет духовных училищ в «Начертании правил» 1808 года не решил вопрос финансового обеспечения бедных учеников духовных училищ, оставив его на рассмотрение одноименной комиссии. Специфика духовных учебных заведений, в отличие от светских, заключалась в необходимости материально обеспечивать учеников, многие из которых просто не смогли бы учиться за счет родителей или родственников. Доклад, регламентирующий способы содержания бursы, обязательные для училищ, был высочайше утвержден 18 марта 1810 года [Полное собрание 1, т. 31, № 24 159]. Помимо уже традиционных способов поддержки с помощью пожертвований от монастырей и зачисления учеников на церковнослужительские места, вводился новый – исключительное право Церкви продавать листы с разрешительной молитвой и венчики для усопших.

Доклад устанавливал фиксированную сумму постоянного денежного пособия ученикам: на бурсака, получавшего полное содержание, отводилось 40 руб. в год, 20 – на полубурсака, пользовавшегося частичным довольствием [Там же]. В 1812 году доход от продажи венчиков в Тверской епархии составил 3381 руб., что, по мнению Б.В. Титлинова, было весьма существенно [Титлинов, 1908, 345].

Но одна венчиковая сумма не могла обеспечить обучение всем бедным ученикам, и вскоре Комиссия духовных училищ выделила дополнительные пособия на каждую епархию. В 1812 году Тверская епархия получила 8000 руб., больше, чем Новгородская (5000 руб.) и Санкт-Петербургская (4000 руб.) [Титлинов, 1908, 346].

В 1814 году на учащихся Бежецкого духовного уездного училища семинарское правление выделило 870 руб., к которым прибавилось 75 руб. пожертвований из Троицкого Калязинского монастыря и 45 руб. остатка с прошлого года [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 138, 1]. Структура приходно-расходной книги не позволяет однозначно сказать, достаточной ли была сумма (не менее 21 из 113 учеников нуждались в пособиях), но ее израсходовали полностью [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 138, 1, 7 об.]. Документ демонстрирует однообразный рацион бурсаков – блюда, приготовленные в основном из ржаной муки, капуста, овсяной и гречневой круп. Скучное меню дополняли соленая говядина, сметки (мелкая рыба), молоко и масло. На калачи, считавшиеся лакомством, училище выделило за год 1 руб. 70 коп. [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 138, 2–5].

Проблема недостатка средств на обеспечение бедных учеников ощущалась остро. В августе 1814 года Тверское семинарское правление по поручению Комиссии духовных училищ направило в Бежецкие духовные училища предписание о запрете приема детей на бурсачное и полубурсачное содержание до особого распоряжения [ГАТО, ф. 835, оп. 1, д. 157, 1].

Итог шести лет преобразований Бежецкого духовного училища в соответствии с основными правилами новых уставов показывает, как в динамике проходил процесс адаптации системы духовного образования на нижнем уровне. При некоторой задержке исполнения распоряжений «сверху» начальство новых уездного и приходского училищ демонстрировало необходимую гибкость и четко следовало плану реформы. Несмотря на финансовые трудности, реформированные учебные заведения в Бежецке открыли перед детьми духовенства Тверской епархии новые, более широкие перспективы получения образования.

ЛИТЕРАТУРА

Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. Ч. 1: Краткий очерк прошлого средней духовной школы. СПб.: Синодальная типография, 1907. 230 с.

ГАТО – Государственный архив Тверской области. Ф. 160. Оп. 1.78. Д. 29 679.

ГАТО. Ф. 160. Оп. 1.78. Д. 29 680.

ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 20.

ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 47.

- ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 52.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 77.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 79.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 85.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 112.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 128.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 129.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 130.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 133.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 136.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 138.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 149.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 151.
ГАТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 157.

Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань: Тип. Императорского университета, 1881. 807 с.

Знаменский П.В. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I. Казань: Тип. Императорского университета, 1878. 43 с.

Карташев А.В. Очерки истории русской церкви. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1992. 569 с.

Колосов В.И. История Тверской духовной семинарии: ко дню 150-летнего юбилея семинарии / сост. преподаватель В. Колосов. Тверь: Тип. Губ. правления, 1889. 464 с.

Кондаков Ю.Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2003. 360 с.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2: Церковь и школа (вера, творчество, образование). 5-е изд. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1916. 399 + XVIII с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1851. Собр. 1. Т. 27. 1196 с.; Т. 30. 1408 с.; Т. 31. 941 с.; Т. 32. 1135 с.

Посохова Л.Ю. Православные коллегиумы на пересечении культур и традиций эпох (конец XVII – начало XIX в.). М.: РОССПЭН, 2016. 550 с.

Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1: Время Комиссии духовных училищ. Вильна: Тип. «Русский почин», 1908. 384 с.

A.V. Kroshkin

*Postgraduate student,
Chair of Russian History,
Tver State University
Tver, Russia*

Bezhetsk Theological School of the Tver Diocese under the Reform of 1808–1814

This article examines the transformation of the Bezhetsk Theological School during the theological education reform of 1808–1814. The study is based on documents from the collections of the Bezhetsk Theological School and the Tver Theological Consistory (State Archives of the Tver Region, SATR). During the reform, the Bezhetsk Theological School was divided into two separate educational institutions – a district and a parish school–changed its curriculum, and received financial support from the state.

The main challenge of the transition period was regulating the number of students and their age categories. The desire to meet new requirements at the beginning of the reform led to a significant increase in the number of students at the Bezhetsk parish and district schools. Unsuccessful and older students were retained in educational institutions, resulting in the average age of students falling short of the new norm. After a peak at the beginning of the reform, a downward trend was observed due to the expulsion of older and unsuccessful students. As a result, by 1814, the average age of students had already met the norm.

The six-year period of transformation of the Bezhetsk Theological School in accordance with the new charters demonstrates the dynamic process of adapting the theological education system at the lower levels of the hierarchy. Despite some delays in implementing orders from above, the administration of the new district and parish schools demonstrated the necessary flexibility and strictly followed the reform plan. Despite financial difficulties, the reformed educational institutions of Bezhetsk opened new and broader educational prospects for the children of the clergy of the Tver Diocese.

Keywords: *Tver diocese; Bezhetsk; Bezhetsk district theological school; Bezhetsk parish theological school; Commission of theological schools.*

REFERENCES

Belyavsky F.N. On the Reform of the Theological School. Part 1: A Brief Essay on the Past of the Secondary Theological School [O reforme dukhovnoy shkoly. CH. 1: Kratkiy proshlogo sredney dukhovnoy shkoly]. Saint-Petersburg: Synodal Printing House, 1907. 230 p. (in Russian).

State Archives of the Tver Region (SATR) [Gosudarstvennyy arkhiv Tverskoy oblasti]. File 160. Inventory 1.78. Case 29679 (in Russian).

SATR. File 160. Inventory 1.78. Case 29680 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 20 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 47 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 52 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 77 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 79 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 85 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 112 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 128 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 129 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 130 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 133 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 136 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 138 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 149 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 151 (in Russian).

SATR. File 835. Inventory 1. Case 157 (in Russian).

Znamensky P.V. Theological Schools in Russia before the Reform of 1808 [Dukhovnyye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda]. Kazan: Printing House of the Imperial University, 1881. 807 p. (in Russian).

Znamensky P.V. Basic Principles of the Theological and Educational Reform during the Reign of Emperor Alexander I [Osnovnyye nachala dukhovno-uchilishchnoy reformy v tsarstvovaniye imperatora Aleksandra I]. Kazan: Printing House of the Imperial University, 1878. 43 p. (in Russian).

Kartashev A.V. Essays on the History of the Russian Church. Vol. 2 [Ocherki istorii russkoy tserkvi. T. 2]. Moscow: TERRA, 1992. 569 p. (in Russian).

Kolosov V.I. History of the Tver Theological Seminary: on the Day of the Seminary's 150th Anniversary [Istoriya Tverskoy dukhovnoy seminarii: ko dnyu 150-letnego yubileya seminarii]. Compiled by lecturer Vladimir Kolosov. Tver: Printing House of the Provincial Administration, 1889. 464 p. (in Russian).

Kondakov Yu.E. The State and the Orthodox Church in Russia: The Evolution of Relations in the First Half of the 19th Century [Gosudarstvo i pravoslavnaya tserkov' v Rossii: evolyutsiya otnosheniy v pervoy polovine XIX veka]. Saint-Petersburg: Russian National Library, 2003. 360 p. (in Russian).

Milyukov, P.N. Essays on the History of Russian Culture. Part 2: Church and School (Faith, Creativity, Education) [Ocherki po istorii russkoy kul'tury. CH. 2: tserkov' i shkola (vera, tvorchestvo, obrazovaniye)]. Th 5th edition. Saint-Petersburg: Printing House of the Main Administration of the appenages, 1916. 399 + 18 p. (in Russian).

The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI) [Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoi imperii]. Saint-Petersburg, 1830–1851. Collection 1. Vol. 27. 1196 p.; Vol. 30. 1408 p.; Vol. 31. 941 p.; Vol. 32. 1135 p. (in Russian).

Posokhova L.Yu. Orthodox Collegiums at the Intersection of Cultures and Traditions of Eras (late 17th – early 19th centuries) [Pravoslavnyye kollegiumy na peresechenii kul'tur i traditsiy epokh (konets XVII – nachalo XIX v.)]. Moscow: ROSSPEN, 2016. 550 p. (in Russian).

Titlinov B.V. Theological School in Russia in the 19th Century. Part 1: The Time of the Commission of Theological Schools [Dukhovnaya shkola v Rossii v XIX stoletii. Vyp. 1: Vremya Komissii dukhovnykh uchilishch]. Vilnius: Russian Initiative, 1908. 384. (in Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ

Л.И. Ивонина

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

ДЛЯ МИРА И ПРОЦВЕТАНИЯ:

**11-я Международная интегративная исследовательская конференция
по вопросам управления в обществе, бизнесе и окружающей среде:
Управление в цифровую эпоху для мира и процветания
(20–21 декабря 2025 года, Кумилла, Бангладеш)**

Как известно, Бангладеш относится к наименее развитым государствам мира (НРС), однако сегодня она демонстрирует настолько стабильно высокие темпы роста ВВП, что на 2026 год запланирован его переход в категорию развивающихся стран. Этому способствуют процессы индустриализации и развитие образования, и поэтому не случайно в Бангладеш регулярно проводятся спонсируемые правительством конференции международного уровня, одна из которых будет охарактеризована в данной статье.

Международная интегративная исследовательская конференция по вопросам управления в обществе, бизнесе и окружающей среде проводилась 20–21 декабря 2025 года уже 11-й раз, но на сей раз с участием ключевого докладчика из России. Организаторами конференции стали Сеть интегративных исследований; Центр административных исследований и инноваций Университета Дакки; Глобальная сеть помощи (GAIN), Мельбурн, Австралия; Департамент общественной администрации Стэмфордского университета в Бангладеш; Академия аграрных исследований (BARD), Кумилла, Бангладеш; Азиатская конференция народонаселения и развития (ACPD), Пекин, Китай; Университет Темпере, Финляндия. Конференция проводилась в комфортном для жизни кампусе Академии аграрных исследований (BARD), на территории которого располагались обширный парк, небольшое озеро, цветники, кафе, аудитории и конференц-залы, прекрасно технически оснащенные, общежития для студентов и дома для преподавателей, а также здание для гостей с просторными номерами. Комфортная и эффективная работа конференции была обеспечена.

Фактически форум начался уже 19 декабря, когда его участники прибыли из Дакки в Кумиллу (примерно в 100 км от столицы) и разместились в кампусе. На приеме с 18 до 19 часов вечера собравшихся тепло приветствовали

организаторы форума, а затем состоялся исследовательский коллоквиум, на котором выступили доктор Шариф Аз-Забер, ассоциированный профессор Университета Султана Кабуса (Оман), президент сети инноваций в области управления и администрирования (GAIN International, Мельбурн) и заместитель председателя ближневосточного отделения Принципов ответственного управления и образования ООН (UN PRME), и доктор Резаул Ислам, директор Центра обеспечения качества образования (IQAC) Университета Дакки и профессор кафедры общественного здравоохранения Университета Дакки (Бангладеш). Доктор Шариф представил доклад «За пределами методов: смелость и необходимость исследования в философии», в котором подчеркнул особую роль философской рефлексии в ходе практического применения исследовательских подходов. Выступление доктора Резаула Ислама было посвящено актуальной теме гуманного использования цифровых технологий и управления ими в условиях трансформации современного мира.

Конференция состояла из ключевых сессий, где выступали основные докладчики, и параллельных мастер-классов. После инаугурационной сессии, где участников приветствовали организаторы и специально приглашенные гости конференции, начала свою работу первая ключевая сессия. Профессор Института демографических исследований Пекинского университета, вице-президент Китайской ассоциации демографических исследований (CRA) доктор Шаочун Чао посвятил свой интересное выступление возможностям и проблемам использования больших языковых моделей в образовании и исследованиях. Профессор бухгалтерского учета на факультете бизнеса Университета Нью-Брюнсвика-Сент-Джон (Канада) Мостак М. Хуссейн представил доклад «Перспективы и вызовы академической свободы в XXI веке: находится ли она на грани краха или возрождения?» За образец им был взят американский пример. Докладчик констатировал, что высшее образование имеет свои недостатки и неудачи, но университетские лидеры озабочены тем, что федеральное правительство старается искоренить академическую свободу, краеугольный камень американской системы образования.

На второй ключевой сессии рассматривались проблемы управления, климата и устойчивого развития. Профессор Джин Кванг СО (Университет Гачон, Южная Корея) ознакомил слушателей с управлением с применением опыта «Саемауль Ундон» для достижения глобального мира. Реализацию программы развития сельских районов Южной Кореи («Саемауль Ундон» – Движение за новые деревни) начал в 1970 году президент Пак Чон Хи. Эта программа основывалась на общественных проектах предоставления ресурсов жителям деревень для строительства инфраструктуры, на взаимопомощи, самодостаточности и сотрудничестве для модернизации экономики и повышения уровня жизни в сельской местности. Она стала символом модели быстрой индустриализации и развития Кореи, и теперь ее опыт используется во всем мире. Множество вопросов вследствие своей актуальности

вызвал доклад профессора Камрула Хоссейна, директора Северного института экологического права и права меньшинств ((NIEM), Арктический центр Лапландского университета, Финляндия), «Глобальный климатический кризис и планетарная взаимозависимость: ответственность в построении нашего общего будущего». Профессор подчеркнул, что глобальная климатическая зависимость должна стать одной из главных основ международного сотрудничества для достижения безопасного будущего в планетарном масштабе.

На вечерней третьей ключевой сессии, полностью посвященной цифровым технологиям, выступали три докладчика. В фокусе доклада профессора Ани Хейккинен (факультет образования и культуры, Университет Тампере, Финляндия) были проблемы влияния цифровизации образования и управления на социальный метаболизм. Немалый интерес вызвало выступление доктора С.М. Абдула Куддуса, профессора Университета прикладных наук Западной Норвегии ((WNUAS), Норвегия), «Профессия против государства: Подрыв доверия и профессионализма в полиции Бангладеш в результате использования цифровых технологий (2009–2024)». Доктор Куддус обратил внимание на то, что, если политические режимы не воздержатся от использования полиции в своих интересах, это может привести как к подрыву доверия и профессионализма, так и к росту коррупции и злоупотребления властью. Генерал-майор Мохаммад Хабиб Улла, посол Министерства иностранных дел (Правительство Народной Республики Бангладеш), поставил перед участниками конференции вопрос о применении искусственного интеллекта в управлении циклонами как будущего управления стихийными бедствиями.

Утренняя ключевая сессия 21 декабря началась с доклада профессора Людмилы Ивоной (кафедра истории и права, Смоленский государственный университет, Россия) «Иконография мирных конгрессов во время формирования Вестфальской системы». Среди участников конференции профессор Ивоина являлась единственным историком, но ее доклад обращал внимание на проблему восприятия мира с момента создания международной системы. Ивоина отметила, что европейский конгресс был тщательно подготовленным триумфом мира на континенте, широко освещавшимся в прессе и прославлявшимся в публичных торжествах, живописи, изобразительном искусстве, выпуске памятных медалей, поэзии и даже моде. Перформативный характер и иконография мира внесли значительный вклад в цивилизационное наследие Европы. Выступление профессора Мохаммада Майнула Ислама (кафедра демографических наук, Университет Дакки) затронуло актуальные для Бангладеш проблемы демографии, связанные с эффективностью экономических и социальных трансформаций в стране. Все выступления на ключевых сессиях сопровождались качественными репрезентациями, дискуссиями и обсуждениями.

Наряду с ключевыми сессиями в различных аудиториях кампуса проходили параллельные мастер-классы, на которых были представлены многочисленные доклады, уровень которых, пожалуй, не уступал выступлениям на ключевых сессиях. В основном они были посвящены целому ряду проблем политического, социального, экономического и духовного развития Бангладеш. Но не только. Имели место выступления, основывающиеся на методе сравнительного анализа, например, «Бюрократическая реформа и сопротивление в Южной Азии: сравнительное исследование Бангладеш, Индии, Пакистана и Сингапура» (Сифат-Э-Аман, Танха Абина, Титли Саркар Уорти, Токи Тамид), «Преодоление разрыва между законом и практикой: сравнительное исследование политики предоставления отпуска по беременности и родам в швейной промышленности Бангладеш, Китая и Вьетнама» (Файджун Нахар Шапла, Санзена Йеасмин, Сумайя Чоудхури), «Ключевые выводы из представлений граждан о стратегических планах развития городов Сиднея и Вены: продольное сравнительное исследование» (доктор Хандакар Аль Фарид Уддин, профессор Вернер Плешбергер).

Не был обойден пристальным вниманием и актуальный для региона гендерный аспект. Среди докладов этой тематики можно выделить следующие: «Влияние студенток на успеваемость и расширение прав и возможностей в отдельных университетах Бангладеш» (Пуспита Шарма, Ширин Султана), «Рассуждения о красоте, компромисс с благополучием: социологическое исследование восприятия девушками-подростками стандартов красоты в социальных сетях» (Таджнур Бхуиан, д-р Таухид Хоссейн Хан), «Женщины в бизнесе и домашнем хозяйстве: преодоление барьеров, завоевание признания и балансирование двойных ролей в Бангладеш» (Джаннатул Фатеха Надия, Субайта Сайха Сухи, Санджай Кришно Бисвас). Так же, как и на ключевых сессиях, в ходе мастер-классов звучали доклады на темы, значимые для всего мира: «Управление, ориентированное на граждан, и посредническая роль СМИ: пути к участию, подотчетности и инклюзивности» (доктор Мд. Абдур Разак), «Цифровая революция на рабочем месте: библиометрические данные о гибридной работе и интеграции технологий» (Шамаэла Табассум, Мохаммад Аммар Ахсан), «Искусственный интеллект для прозрачного управления: использование машинного обучения для выявления коррупции и обеспечения подотчетности» (Назмус Сакиб Сами, Джаннатул Фердоус, Кази Вариса Табассум, доктор Мортуза Ахмед), «Восприятие потребителями инвестиционных приложений и их внедрение: выводы из поведенческой экономики и экосистемы финансовых технологий» (Осама Хан, доктор Анвар Ахмад, Мохаммад Аммар Ахсан), «Влияние изменения климата на сельскохозяйственное производство и продовольственную безопасность» (Мохаммад Салех Махмуд). Одну из ключевых сессий и последовавший за ней мастер-класс посетили представители посольства России в Бангладеш.

После обеда 21 декабря для всех желающих была организована экскурсия в буддистский комплекс и мемориал павшим во Второй мировой войне в г. Кумилле.

Вечером того же дня состоялась заключительная сессия конференции, на которой выступили с речами профессор доктор Мохаммад Майнул Ислам, кафедра демографических наук, Университет Дакки, Профессор д-р Ака Фировз Ахмад, кафедра государственного управления, Университет Дакки, организатор 11-й конференции INSEARCH, профессор Сяочунь Цяо, Институт исследований народонаселения, Пекинский университет, Китай; Председатель Азиатской конференции по народонаселению и развитию, доктор Шариф Ас-Сабер, председатель GAIN International, Университет Султана Кабуса, Оман; заместитель председателя UN PRME (Принципы ответственного управления образованием), ближневосточное отделение, доктор Ниаз Ахмед Хан, вице-канцлер Университета Дакки, Бангладеш, Саиф Уддин Ахмед, генеральный директор Бангладешской академии сельского развития (BARD) Кумилла, Бангладеш. Уважаемые ученые и организаторы выразили искреннюю признательность и благодарность участникам за их значимый вклад в проведение 11-й Международной конференции в Бангладеш. Особенностью конференции стало то, что на заключительной сессии были отмечены наградами лучшие выступления молодых ученых. Форум завершился интересной культурной программой, при этом песни и стихи весьма профессионально исполняли некоторые организаторы, участники конференции и студенты.

В заключение следует подчеркнуть, что основные доклады и мастер-классы являлись интеллектуально стимулирующими, заставляющими задуматься и весьма информативными. Взаимный диалог, несомненно, будет поощрять будущие исследования, инновации и сотрудничество между различными научными дисциплинами и регионами. 11-я Международная интегративная исследовательская конференция в Бангладеш стала запоминающимся и плодотворным академическим событием. Информация о ней, выступления организаторов и тезисы докладов участников опубликованы¹.

¹ Governance in Digital Era for Peace and Prosperity. 11th International Integrative Research Conference on Governance in Society, Business and Environment. December 20–21, 2025. Dhaka, 2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабич Ирина Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва). E-mail: babi7chi@yandex.ru.

Бабич Тамара Леонидовна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института микробиологии им. С.Н. Виноградского, ФИЦ Биотехнологии РАН (г. Москва). E-mail: microb101@yandex.ru.

Владимиров Олег Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: vladi-oleg@yandex.ru.

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Калашников Алексей Валерьевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. E-mail: alekseykalashnikov2000@gmail.com.

Капырина Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, декан филологического факультета Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна, Московская область). E-mail: tatiana-ka2008@yandex.ru.

Кривуть Виталий Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и международных политических процессов Белорусского института правоповедения – Университета права и социально-информационных технологий (Минск, Республика Беларусь). E-mail: krivut@mail.ru.

Крошкин Александр Владимирович – аспирант кафедры отечественной истории Тверского государственного университета. E-mail: sanykr1994@gmail.com.

Кузьмин Виктор Владимирович – предприниматель (г. Москва). E-mail: victor.kuzmin@rambler.ru.

Ли Сяобай – соискатель кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: li.syaobay@mail.ru.

Лучкина Екатерина Владимировна – ассистент кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: luchkina.01@mail.ru.

Молнар Ангелика – доктор филологии, доцент Института славистики Дебреценского университета (Венгрия). E-mail: mandzsi@gmail.com.

Прохоров Георгий Сергеевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна, Московская область). E-mail: hoshea.prokhorov@gmail.com.

Растарасова Екатерина Константиновна – аспирант кафедры германской филологии Донецкого государственного университета. E-mail: k.rastarasova@mail.ru.

Рябенков Илья Владимирович – аспирант кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: iryabenkov@mail.com.

Сибирцева Вера Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков и профессиональной коммуникации факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород). E-mail: vsibirtseva@hse.ru.

Скоропанова Ирина Степановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: victor.khalipov@gmail.com.

Усанова Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: Flos-costus@yandex.ru.

Цветков Дмитрий Владимирович – соискатель Смоленского государственного университета. E-mail: tsvetkov_dmitry1997@mail.ru.

Чихачева Дарья Владимировна – преподаватель Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: dchikhacheva@hse.ru.

Шерина Дарья Олеговна – аспирант кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: daryatupkalo@yandex.ru.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander Borisovich Kamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Т.Г. Попова

Татьяна Георгиевна Попова – Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник сферы образования РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) факультета иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)
Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

T.G. Popova

Tatiana Georgijevna Popova – Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of RF, Doctor of Philology, Professor, Professor of the English Department as the Second Language at the Faculty of Foreign Languages, Military University named after Prince Alexander Nevsky, Russian MoD

O.Y. Pokhalenkov

Oleg Yevgenyevich Pokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailovich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)

L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2023 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета»**.

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс – **ПН182**

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Смоленский государственный университет

Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157

E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Выходит 4 раза в год
2026, № 1(73)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *И.А. Казилина, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 13. 04. 2025. Формат 70x100¹/₁₆.
Усл. п. л. 21,25 Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная